Элизабета ЛЕВИН

ЧАСЫ ФЕНИКСА

Иерусалим
2013

Элизабета ЛЕВИН
ЧАСЫ ФЕНИКСА

Редактор О. Бэйс
Серийное оформление Б. Брайнин
Верстка А. Песков
Технический редактор О. Лайн
Корректор Р. Бескина

Издательство «Млечный Путь»,
7/2, Ротшильд, Кфар-Саба,
No. 306278326, 06.08.2007
© «Млечный Путь»
© Элизабета Левин
Все права защищены
ISBN 978-965-7546-41-3

Юрию Эдельштейну посвящается

От автора – Обращение к читателю: Метаморфозы времени и времена метаморфоз

Часы человечества, тикая,
Стрелкой моей мысли двигайте!
Велимир Хлебников

Поэт – это биение пульса в висках поколений.
Октавио Пас

Как часто мы встречаемся с привычными фразами:

* «Времена тогда были другие»;
* «То был Золотой (или Серебряный) век поэзии»;
* «Они жили в Эпоху Великих Географических Открытий»;
* «Настало время больших перемен»;
* «Они публиковались в короткое время оттепели»;
* «Пришли времена заката, упадка и распада».

А что мы при этом имеем в виду? Действительно ли мы думаем, что ВРЕМЯ в буквальном смысле этого слова было ДРУГИМ, и что время само по себе может претерпевать метаморфозы? Историки, искусствоведы и ученые не перестают поражаться:

* почему порой бывают периоды спада или «сонные» столетия, не вносящие никаких новшеств?

* почему их сменяют периоды ускорения и резкого перелома, когда в считанные десятилетия происходит такой прогресс, какого в иные времена хватило бы на века?

В самом ли деле, есть ли разные времена в истории мировой культуры? Существуют ли особые времена великих поэтов, и есть ли времена мореплавателей? И если да, то как их измеряют?

Известный русский историк Л. Н. Гумилев как-то сказал: «Что такое время – не знает никто, однако измерять его люди научились». Конечно, начиная со времен Эпохи Великих Географических Открытий, люди научились измерять время и предсказывать по часам наступление дня и ночи по всей территории Земного шара. Современные календари, основанные на циклах движения Солнца и Луны, позволяют определять время наступления зимы и лета в разных точках планеты. Но у нас нет часов, которые бы указывали на наступление «дня» и «ночи» в процессе развития культуры. Нет и календарей, предсказывающих наступление «весны» или «осени» человечества. Более того, мы даже не знаем, существует ли возможность изобрести такие часы и календари, и на принципе каких космических процессов и явлений могли бы они основываться?

Эта книга рождалась по мере того, как на протяжении трех лет я, занимаясь поиском ответов на все эти вопросы, исследовала связи между мировой историей, поэзией, циклами движения отдаленных планет и годами рождения конкретных людей. Главы этой книги последовательно рассказывают о том, как возникло это исследование, как один вопрос вел к другому, и как каждый последующий ответ порождал новый вопрос.

Тех, кто любит читать книги как детективные романы, от начала и до конца не зная развязки, я приглашаю ощутить себя соучастником и со-творцом этого исследования.

Тех, кто предпочитает сначала ознакомиться с основными выводами и лишь потом решать, стоит ли читать всю книгу, я приглашаю заглянуть сначала в Заключение.

А тем, кому хотелось бы сначала конкретнее узнать, о чем эта книга и кому она адресована, отвечаю:

Эта книга об истории для тех, кто не интересовался историей, потому что не видел в ней закономерностей. Эта книга об истории и для тех, кто любит историю. И тех и других она приглашает взглянуть на историю мировой культуры как на сплетение человеческих судеб, и представить ее себе как целостный организм, развивающийся по определенной схеме и претерпевающий циклические метаморфозы в узловых точках времени.

Эта книга для тех, кто никогда не любил поэзию, потому что считал ее пустой игрой слов. Эта книга и для тех, кто любит стихи. И тем и другим она приоткроет тайны ритмов и рифм времени, показав, что уровень развития поэзии может стать объективной мерой развития общества.

Эта книга для тех, кто никогда не принимал астрологию, потому что считал ее методы псевдонаучными. И эта книга для тех, кто изучает астрологию. И те и другие получат возможность по-иному взглянуть на космические закономерности, на мировое время, на природный циферблат селестиальных (т. е. небесных) часов, на год рождения каждого из нас и на роль длительных циклов в развитии Земных культур.

Эта книга также для тех, кто до сих пор не дружил с точными науками, так как считал их сухими и бездушными. И эта книга для тех, кто ценит точные науки, потому что видит в них объективный метод изучения мира. И тем и другим она позволит навести мосты между физиками и лириками и отыскать ту точку встречи, где стираются грани между поэзией и естествознанием.

В двух словах, это книга о жизни, о времени, о механизмах связи времен; о роли времени в жизни человека и о роли человека в формировании времен. К тому же, она о селестиальных часах и о поэзии как об организующей силе

общества; о метаморфозах времени и о временах метаморфоз – тех цикличных периодах, названных мною часами Феникса, когда люди становятся свидетелями «раскола времен», и когда само время как будто подходит к концу, преображается и рождается в новом ритме.

Для меня годы работы над книгой стали увлекательнейшим периодом путешествий во времени и в пространстве. Эти странствия начались в стенах рабочего кабинета, где я с головой окунулась в изучение исторических книг и антологий мировой поэзии. Эти странствия продолжились тем, что привели меня на берег Атлантического океана, где я вслушивалась в прибой и искала ответы на вопрос, что мог чувствовать один из главных героев этой книги, Энрике Мореплаватель, когда он часами сидел на скалистом мысе самой западной точки Европы. Эти странствия не кончаются для меня и после завершения работы над книгой: они манят развивать тему и дальше.

Всем читателям – вне зависимости от того, что привлекает их в книге и в какой последовательности произойдет ознакомление с ней – желаю увлекательного, содержательного и радостного странствия по ее страницам.

Всего самого доброго!
Д-р Элизабета Левин
Хайфа, 2013

Часть первая

А БЫЛО ЛИ ЯВЛЕНИЕ? ИЛИ «КАК СЧИТАЮТ ПОЭТОВ?»

Страницы века громче
Отдельных правд и кривд.
Мы этой книги кормчей
Живой курсивный шрифт.
Борис Пастернак (1890-1960)

Времени бег круговой отмерит десять столетий, –
Души тогда к Летейским[1] *волнам божество призывает,*
Чтобы, забыв обо всем, они вернулись под своды
Светлого неба и вновь захотели в тело вселиться.
Вергилий (70-19 гг. до н. э.)[2]

1. Две великие четверки, «эпохи кризисов» и «сверканье звезды, лобзающей звезду»

Я не ищу больного знанья
Зачем, откуда я иду;
Я знаю, было там сверканье
Звезды, лобзающей звезду.
Н. Гумилев (1886-1921)

Эта тема родилась, когда хайфский композитор Юрий Эдельштейн обратил мое внимание на серию высказываний лау-

[1] Лета – река забвения в греческой и римской мифологии.
[2] Перевод С. Ошерова.

реата Нобелевской премии Иосифа Бродского (1940-1996) об одном странном явлении в поэзии. В стихотворении «Вид с холма», написанном в 1992 году, поэт объявил, что ровно сто лет тому произошло значительное событие, в результате которого возникла «веха»:

Иосиф Бродский

Что-то случилось сто
лет назад, и появилась веха.
Веха успеха. В принципе, вы – никто.
Вы, в лучшем случае, пища эха.

Настолько значительна была, по его мнению, эта веха, что по сравнению с ней все последующие успехи (включая и его собственные) – это «ничто», в лучшем случае «пища эха». Если сам Бродский виделся себе лишь отголоском некоего эпохального явления, то в чем же суть самого этого события? В беседах с известным литературным критиком Петром Вайлем Бродский подробно осветил этот вопрос, пояснив, что «вехой» стало появление в российской литературе четверки великих поэтов, которые по масштабам своим могли быть приравнены только к величайшим римским поэтам античности, чьи произведения выдержали экзамен двух тысячелетий истории:

«Дело в том, что, по моему убеждению, всякий более или менее приличный человек нашей профессии, стихотворец, рано или поздно начинает отождествлять себя с одним из четырех римских поэтов. Это, в общем, естественно, поскольку эти четыре господина – Вергилий, Гораций, Овидий и четвертый ... нет, скорее Проперций, а не Катулл – они дают картину четырех известных темпераментов. Если хотите, у нас в начале XX века было то же: их тоже довольно легко раз-

делять, эту великую четверку – Мандельштама, Пастернака, Цветаеву и Ахматову» [3].

Анна Ахматова

Осип Мандельштам

Борис Пастернак

Марина Цветаева

И поэт продолжил свои размышления:

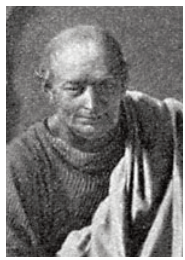
«Это забавно, но за всем этим стоит довольно серьезная вещь. В эпохи кризисов природа или там провидение, если угодно, приводит в мир трех или четырех поэтов, на которых как бы налагается провиденциальная обязанность говорить за всех, кто в эти времена говорить не может. И для населения было бы разумно взять всех четырех и разобрать – кто мой»[4].

Разглядев в словах Бродского отголосок «переклички» великих поэтов прошлого и настоящего, Юрий Эдельштейн предположил, что в этих фразах кроется ключ к разгадке некоей сокровенной истины. Но в чем была магия этих рассуждений? И что именно произошло сто лет тому назад? Казалось бы, что периоды творчества Ахматовой, Мандельштама, Пастернака и Цветаевой растянулись на протяжении нескольких десятков лет. Например, первая книга Мандельштама «Камень» вышла в 1913 году, а Нобелевская премия

[3] П. Вайль// Послесловие к И. Бродский. «Пересеченная местность». Путешествия с комментариями. - М.: Независимая газета. 1995, с.180-181.

[4] Ibid.

Вергилий

Гораций

Катулл

Овидий

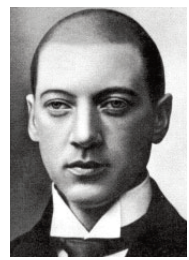
Пастернаку была присуждена в 1958 году. Так к чему же относятся таинственные строчки «Что-то случилось сто лет назад»?

В поисках ответа я обратилась к методу, предложенному мною в книге «Селестиальные близнецы»[5] и рассматривающему судьбы людей в свете фактора времени их рождения, названного мною тета-фактором. Многолетние исследования привели меня к выводу, что врожденные потенциалы жизненных возможностей у селестиальных близнецов отличаются большим сходством, чем у всех прочих людей. Иными словами, вполне возможно, что в тета-факторе (во времени рождения) заложена важная информация о характеристике самого времени, и о возможностях, кроющихся в нем. В свете этого я решила проверить высказывания Бродского, сравнив даты рождения четверки этих поэтов. Поразительно, но оказалось, что все четверо пришли в мир в очень короткий интервал времени – а именно, за сто лет до написания стихов Бродского (Ахматова – 23 июня 1889, Пастернак – 10 февраля 1890, Мандельштам – 15 января 1891, и Цветаева – 8 октября 1892).

[5] Э. Левин. «Селестиальные близнецы», - М.: Амрита-Русь, 2006.

Селестиальные (от латинского слова celestial – «небесный») близнецы - это люди, родившиеся одновременно, в один день одного года.

Более того, оказалось, что этим годам, так же как и годам рождения четырех величайших римских поэтов, сопутствовало редкое астрономическое явление: две самые отдаленные от Земли планеты – Нептун и Плутон[6] – находились в соединении, то есть наблюдались в том же районе небосвода. Угловое расстояние между ними не превышало 10 градусов, и порой одна планета как бы затмевала собой другую. Образно говоря, рожденье всех этих поэтов возвещалось явлением, которое можно охарактеризовать как «сверканье звезды, лобзающей звезду». Знаменательно, что эта метафора принадлежит мужу Анны Ахматовой, поэту Николаю Гумилеву, именем которого часто дополняют список российской «четверки» Бродского, подобно тому, как именем Катулла дополняют четверку их римских предшественников.

Николай Гумилев

Поразительно, что не ведая о периодическом явлении соединения Нептуна-Плутона, имеющем место раз в 493 года, Бродский каким-то шестым чувством предугадал соизмеримость двух, казалось бы, несвязанных процессов: согласованности круговращения этих небесных светил и всплесков поэтического вдохновения. Вглядываясь в поэтические образы Бродского, можно заметить, что поэт ретроспективно пытался воссоздать распавшуюся временную цепь исторического развития мировой поэзии. Приведенные им «вехи», отмеченные на пути мировой поэзии годами рождения наи-

[6] В последнее время некоторые астрономы относят Плутон к карликовым планетам, но это не меняет того факта, что Плутон - десятое по величине небесное тело, обращающееся вокруг Солнца. В астрологии применяется несколько иная классификация, чем в астрономии, так что нынешние разногласия в мире астрономов не могут повлиять на выводы данного исследования.

более значительных поэтов, соответствовали поворотным событиям, как в поэзии, так и в мировой истории. Они совпадали как с хронологическими вехами (падение Римской Республики и Российской Империи, сопровождаемое кровопролитными гражданскими войнами), так и с циклическим явлением соединения Нептуна-Плутона. Учитывая, что современная мировая хронология основана на сопоставлении больших астрономических циклов с историческими земными событиями, такие поэтические «вехи» Бродского являются своеобразной базой для создания системы счета времени. К тому же, так как речь идет о связи между историческими эпохами, разделяемыми почти двумя тысячами лет, такая связь времен позволяет создать новый астрономически-поэтический календарь и переосмыслить закономерности исторических процессов. Перспектива соизмеримости времени и поэзии чарует еще и тем, что связывает между собой видимой закономерностью эти два едва ли не самых таинственных, волнующих и фундаментальных понятия в нашей жизни.

Но насколько эта перспектива выглядит многообещающей, настолько же она выглядит проблематичной. О какой соизмеримости может идти речь, когда сами понятия времени и поэзии воспринимаются каждым из нас по-разному? Замечу, что на сегодняшний день отношение ко времени выгодно отличается от отношения к поэзии тем, что время, оставаясь с научной точки зрения фундаментальным понятием, которое невозможно полностью понять через физику, тем не менее, состоит из отрезков, поддающихся точному измерению. Поэзия еще менее понятна, так как до сих пор никто не только не определил однозначно, что такое «великая поэзия», но и не попытался сосчитать «великих поэтов» или измерить величину их таланта. Казалось бы, что при отсутствии общепринятых определений, дальнейшие попытки подтвердить догадки Бродского должны были оставаться бесплодными. Но тут я еще раз вспомнила слова сына Анны Ахматовой и

Николая Гумилева, историка Льва Гумилева, писавшего: «Что такое время – не знает никто, однако измерять его люди научились». А что если попытаться измерять хотя бы некоторые параметры проявления поэтического творчества?

Если такой способ найдется, то можно будет проверить догадки Бродского об особых временах в поэзии. И если он не ошибался, то следующим шагом станет проверка вопроса, можно ли в свете принципов современной хронологии построить календарь «поэтических времен года», основанный на цикличности соединения Нептуна-Плутона. И если да, то как такой календарь повлияет на понимание роли времени и поэзии в развитии мировой культуры?

2. Об определениях поэтов и поэзии

Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты
Закон звезды и формула цветка.

Марина Цветаева (1892-1941)

...Поэтовы затменья
Не предугаданы календарем.

Марина Цветаева (1892-1941)

Вопрос, «а было ли вообще некое важное явление?», возникающий при чтении высказываний Бродского, не такой тривиальный, как это кажется. На каком основании мы должны согласиться с Бродским, что Ахматова, Мандельштам, Пастернак и Цветаева – это действительно «великая четверка»? А может быть, это его субъективный взгляд, и другие критики назовут великой четверкой, например, Есенина, Маяковского, Хлебникова и Блока или Бедного, Лебедева-Кумача, Долматовского и Исаковского? Кроме того, понятия «истин-

ной поэзии» менялись в разные эпохи, оставаясь созвучными времени: на смену поэтам-метафизикам приходили поэты-натуралисты и поэты-романтики; классицизм сменялся модернизмом и футуризмом; вместо поэтов-мыслителей приходило поколение поэтов-песенников.

И еще, согласно другому лауреату нобелевской премии, Томасу Стернзу Элиоту (1888-1965):

> В усилиях связать воедино день и ночь.
> Весьма вероятно стихотворение может выйти
> И у юноши: но стихотворение еще не поэзия –
> Такова жизнь[7].

В стихотворении «О поэзии военного времени» Элиот писал, что поэзия – это абстрактная «концепция личного опыта максимальной интенсивности». Перекликаясь с Бродским, он намекал, что лишь в переломные исторические моменты, такие как войны, этот личный опыт может достичь максимальной интенсивности, и тогда могут появляться воистину великие поэты. Но неужели мы должны соглашаться в определении поэзии и поэтов с Бродским или с Элиотом лишь потому, что им была вручена Нобелевская премия? Неужели только гениальным поэтам дано рассмотреть в разрозненных фактах некую взаимосвязанность и скрытое провидение? И должны ли простые смертные принимать на веру их суждения? А может быть, существуют более точные и наглядные способы проверить, было ли нечто необычное в одновременном появлении названных Бродским поэтов, и была ли на самом деле некая связь между этим явлением и астрономическими циклами?

С точки зрения математической статистики можно сказать, что Бродский попытался связать определенные явления и

[7] «О поэзии военного времени». Перевод В. Топорова.

процессы общественной жизни («эпохи кризисов») с их предполагаемой количественной стороной (по крайней мере, тройкой или четверкой великих поэтов, пришедших выразить нужды и чаяния современников). Отвлекаясь от поэтических образов и сравнений, он пытался обрисовать общественное явление как единство его качественной и количественной сторон, вторгшись, таким образом, в сферу математического определения меры общественных явлений. Расширяя и углубляя эту попытку Бродского, можно поставить конкретную статистическую задачу: проверить, существует ли связь между числом великих поэтов, рождавшихся в России на протяжении нескольких столетий, и конкретным соединением Нептуна-Плутона в XIX веке, ознаменовавшим эпоху грядущих больших перемен. Задача выглядит исполнимой при условии, что удастся определить, что такое «великие поэты» и понять, как их пересчитать.

Итак, что такое «поэт»? Для начала обратимся за справкой к электронной энциклопедии. В «Википедии» написано:

«В ряде культур, знающих различие между поэзией и прозой, поэт рассматривается как творец, наделенный высоким статусом: он обладает особым поэтическим даром, этот дар носит сверхъестественный характер, и проч. К таким культурам относится и традиционная европейская.

В связи с этим особым культурным статусом слово “поэт” в таких культурах, по-видимому, часто носит более оценочный, нежели терминологический характер: иными словами, про плохого или слабого поэта часто говорят, что он “не поэт” вовсе, тогда как для признания кого-либо поэтом недостаточно одного факта создания или даже публикации стихов».

Как видно, это определение не столько помогает посчитать поэтов, сколько еще больше запутывает: оказывается, что не всякий, кто публикует стихи – это поэт, и что «истинный» поэт может стихов и не издавать вовсе. С подобной про-

блемой мне уже довелось столкнуться ранее, при сборе данных для «Селестиальных близнецов». Уже тогда ярко проявилась разница между определениями, вкладываемыми в понятие «поэт» различными поэтическими школами и критиками. Так, например, в понимании таких видных поэтов как Максимилиан Волошин и Оскар Милош, поэзия носила мистическую, историческую и философскую окраску. В своем программном стихе «Подмастерье» Волошин писал, что основная задача поэта – это наречь имя всем предметам и явлениям, постичь душу слова, став «освободителем божественных имен». Как бы перекликаясь с ним, Милош приводил свое определение божественной поэзии в «Песне Познаний»: «Поэты Бога озирали мир архетипов и описывали его благоговейно посредством точных и ясных терминов языка познания».

В противовес им, по мнению одного из величайших поэтов «потерянного поколения», Харта Крейна, истинный поэт должен быть движим сумасшествием, а его поэзия становится состоявшейся лишь тогда, когда она оказывает непосредственное «влияние на воображение», пробуждая в читателе те же чувства, которые взволновали поэта.

Испанского поэта Антонио Мачадо как слова, так и чувства волновали в значительно меньшей степени. В его понимании:

Душа поэта
Повернута к таинству.
Только поэт может видеть то,
Что лежит в заоблачных глубинах
Души,
Скрытой в магическом солнце.

Вторя ему, французский поэт-сюрреалист Поль Элюар написал более четкое, но не менее туманное определение:

«Поэт – это человек, наделенный особым умением видеть галлюцинации; тот, кто сознательно умеет установить связь между наиболее непохожими объектами».

Их советский коллега Николай Асеев в свою очередь писал, что искусству стать истинным поэтом обучить нельзя: по его мнению, для этого нужно просто родиться «поэтом, а не виршеплетом»[8]. В тон ему, вдова Осипа Мандельштам, Н. Я. Мандельштам, описывала в «Воспоминаниях» творческий процесс рождения настоящего стиха:

«Весь процесс сочинения состоит в направленном улавливании и проявлении уже существующих и неизвестно откуда транслирующихся гармонического и смыслового единства, постепенно выливающихся в слова»[9].

В этих высказываниях много таинственного, они волнуют воображение и порождают сонм ощущений, но ни одно из них не помогает четко определить и сосчитать поэтов.

Раз уж у поэтов искать ясности в этом вопросе не приходится, то может, стоит обратиться за помощью к литературным критикам? Ведь именно в их обязанности входит определять, кто истинный поэт, а кто лишь мастер рифмованных слов. Но и на этом пути меня постигло очередное разочарование и поджидала новая мистерия. В то время как Н. Я. Мандельштам признавалась, что «Даже великие поэты не знали, как назвать отличительную черту поэзии»[10], литературовед Бенедикт Сарнов определял поэтов такими словами:

«Поэт – пророк высших сил. Его душа неподвластна земным владыкам, потому что она находится в номенклатуре непосредственно у Господа Бога. Поэт может забыть об этом, он может поддаться лести, подкупу или уступить грубой силе, –

[8] Н. Асеев. Зачем и кому нужна поэзия. – М.: 1961, с. 46.

[9] Н. Я. Мандельштам. Воспоминания.

[10] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с. 273.

все равно из этого ничего не выйдет. Он не может сам, по собственному усмотрению, располагать своим поэтическим (пророческим) даром, потому что этот дар – не его собственность, он принадлежит не ему»[11].

Сарнов привел еще один важный критерий, как отличить на практике великого поэта от рядового стихотворца или от рядового жителя Земли:

«Поэт – а великий поэт тем более, – отличается от нас, простых смертных, помимо всего прочего еще и тем, что слом эпох он чувствует спинным мозгом».

Читая этот анализ Сарнова, я, подобно психологу К. Г. Юнгу, искренне позавидовала поэтам и литераторам. Рамки их поэтического языка настолько широки, а допустимые краски символов и метафор столь ярки, что у них не возникает та мучительная необходимость предельной лаконичности, которая в конечном итоге должна свестись в одну точку абстрактного числа в таблице и вылиться в одну линию конкретного графика.

3. Немного статистики

Я думал, что заниматься числами над бездной полезно,
Невольно числа я слагал,
Как бы возвращаясь ко дням творенья....
Велимир Хлебников (1885-1922)

Одним из основных преимуществ математики является ее умение отвлечься в процессе постановки задачи от несущественных для ее решения подробностей и оперировать абстрактными обобщенными понятиями. Одним из основных

[11] Б. Сарнов. Сталин и писатели. Книга первая. - М.: «ЭКСМО», 2008, с 434.

преимуществ статистики является ее способность отвлечься как от конкретных личностей, так и от общей совокупности изучаемых объектов, сфокусировавшись лишь на их части, а именно на репрезентативной выборке. Прочитав все возвышенные определения поэтов в целом и великих поэтов в частности, и поняв, что дальнейшее углубление в тайны этих понятий не приблизит к решению поставленной задачи, я решила воспользоваться обоими этими преимуществами статистики. Всех поэтов не найти и не счесть, и сколько есть литераторов и критиков, столько найдется определений поэтичности. Но этот плюрализм вовсе не обязан помешать тому, чтобы подмеченное Бродским явление действительно существовало, и чтобы оно могло быть обнаружено и измерено. Ведь даже сам Бродский критиковал желание «сузить выбор» и ратовал за то, чтобы каждый читатель находил себе поэта по душе, называя назначение лишь «одного великого поэта» «полным бредом»[12]. Итак, если не обсуждать кандидатуру каждого потенциального «поэта» и не охотиться за всеми когда-либо жившими поэтами (в конце концов, в душе каждый из нас либо поэт, либо был им в молодости), то что же остается?

И тут на помощь приходит статистическая выборка. Вкратце можно отметить, что выборка – это некоторая часть объектов изучаемой группы, отобранная с целью получения информации обо всей представляемой ею совокупности. Как объем выборки, так и входящие в нее представители конкретной совокупности изучаемых объектов могут варьироваться, но при этом главным и необходимым условием для изучения всей группы является репрезентативность выборки, то есть условие, позволяющее распространить выводы, сделанные для выборочной группы, на всю совокупность. В

[12] Петр Вайль// И. Бродский. «Пересеченная местность. Путешествия с комментариями». – М.: Независимая газета. 1995, с. 181.

нашем случае из этого следует, что если, действительно, рождение плеяды поэтов было характерной частью большего явления общественной жизни, то оно должно не только проявиться в многочисленных выборках, но и оставаться заметным, какие бы различные репрезентативные выборки не были использованы.

В последнее десятилетие появился новый, необычайно мощный и относительно надежный источник информации – в 2001 году зародился проект электронной Википедии – многоязычной общедоступной универсальной энциклопедии. Википедия создается и ежедневно обновляется коллективным трудом добровольных авторов, использующих стандартную технологию составления статей. По объему и охвату сведений Википедии не было равных за всю историю человечества. Так как ее статьи создаются коллективным трудом добровольцев со всего мира, и так как все статьи могут быть изменены и отредактированы любым человеком, имеющим доступ к Интернету, то Википедии удается в максимальной степени придерживаться принципа «нейтральной точки зрения». Все ее читатели могут следить за тем, чтобы публикуемый материал излагался объективно и полно, не выражая предвзятого отношения авторов к излагаемой теме. В целях нынешнего исследования такая организация энциклопедии служит залогом того, что списки опубликованных в ней поэтов должны отражать все существующие на сегодняшний день определения поэтов, вне зависимости от различий суждений, вкусов и взглядов. Более того, составление Википедии на разных языках позволяет сравнить межкультурные различия, и проверить, является ли явление универсальным или только «кажущимся» одной языковой группе, но несущественным в глазах представителей иноязычных групп.

Применительно к конкретной проверке вопроса «а было ли вообще некое важное явление, связанное с четверкой поэ-

тов Бродского?», статистическая задача сводится к тому, чтобы составить таблицы зависимости числа знаменитых поэтов от времени их рождения (тета-фактора) и проверить, происходило ли что-то необычное в конце XIX века, в период соединения Нептуна-Плутона. Позднее будет приведена более подробная астрономическая справка о движении двух этих небесных тел, а пока достаточно знать, что их «точная космическая встреча» наблюдалось в 1891 и 1892 годах. Так как речь идет не об абстрактных точках, а о гигантских небесных телах, то период соединения Нептуна-Плутона, определяемый как промежуток времени, при котором угловое расстояние между этими планетами не превышало 10°, длился около 15 лет, с 1885 по 1899 год. Этот 15- летний интервал соединения составляет менее 4% от общей 493-летней продолжительности цикла, и по сравнению с полным циклом он может считаться достаточно коротким промежутком времени. А если так, то для решения задачи необходимо собрать данные о годах рождения (тета-факторе) знаменитых поэтов и составить таблицы числа поэтов в зависимости от тета-фактора, разбив при этом шкалу тета-фактора на 15-летние интервалы времени рождения.

4. Первые выборки и явление «поэзии Серебряного века»

Появление крупного поэта всегда
сопровождается подъемом поэзии
и появлением многих хороших поэтов.
Н. Я. Мандельштам (1899-1980)

Прежде чем приступить к сбору информации из Википедии, я считала важным опереться на академический источник, составленный специалистами. Первая выборка была взята из биографического справочника в серии «Краткие биографи-

ческие словари»[13], включавшего имена 306 наиболее известных российских писателей и поэтов, из которых 152 были причислены к поэтам. Оказалось, что все эти поэты родились между 1703 (Тредиаковский) и 1943 (Соколов) годами. В мою задачу входило проверить распределение числа рождаемости поэтов по годам. В результате все данные были сведены в таблицу, характеризующую период от 1690 до 1945 гг. и разделенную на 17 равных интервалов, по 15 лет каждый. Как видно из Таблицы 1 (Выборка 1), распределение поэтов ока-

Таблица 1

Русские поэты в биографическом справочнике и в Википедиях

Год рождения	Выборка 1 Справочник	Выборка 2 Российская википедия	Выборка 3 Испанская википедия	Выборка 4 Итальянская википедия	Выборка 5 Английская википедия	Выборка 6 Французская википедия
1930-1944	13	32	3	5	26	4
1915-1929	23	44	0	0	24	0
1900-1914	20	51	1	5	28	4
1885-1899	25	100	11	10	37	12
1870-1884	14	42	3	4	12	6
1855-1869	9	22	1	5	11	2
1840-1854	1	10	0	0	1	0
1825-1839	3	10	0	0	3	0
1810-1824	12	22	3	3	14	3
1795-1809	14	25	5	4	18	7
1780-1794	6	11	1	0	5	3
1765-1779	2	14	0	2	2	0
1750-1764	2	11	0	0	1	2
1735-1749	3	10	1	0	1	1
1720-1734	1	6	0	0	2	0
1705-1719	3	3	0	0	3	1
1690-1704	1	1	0	0	1	0

залось неравномерным, и самый большой скачок произошел между 1885 и 1899 гг., когда число рождаемости поэтов увеличилось чуть ли не в два раза по сравнению с предыдущим периодом. Это увеличение невозможно объяснить, например, только ростом грамотности, так как у поколения, рожденного между 1930 и 1945 гг., количество поэтов вновь уменьшилось в два раза, возвращаясь к уровню 1870-х годов.

[13] «Русские писатели и поэты». Составитель С. И. Хозиева, «Рипол классик», Москва, 2000.

Следующим этапом исследования было сравнение этой выборки с данными Википедий. В российской Википедии русские поэты, рожденные до 1945 г., представлены в четырех списках, разделенным по временным периодам: «Русские поэты XVIII века», «Русские поэты XIX века», «Русские поэты Серебряного века» и «Русские советские поэты». Всего в этих списках содержалось на момент сбора данных (все данные собирались в июне-июле 2008 г.) 414 поэтов, родившихся, начиная с 1703 (Тредиаковский) и кончая 1942 (Фаликов) годами. Данные поэтов, не содержавшие год рождения, в счет не принимались, а имена, повторяющиеся в нескольких списках, учитывались только один раз. Объединенный список из Википедии (Выборка 2) оказался почти в три раза длиннее, чем предыдущий. Однако качественно картина распределения поэтов по годам их рождения не изменилась, хотя острота явного пика 1885-1899 гг. подчеркнута в нем еще четче. Ни много, ни мало, как четверть всех видных поэтов, творивших с начала зарождения российской поэзии и родившихся с разбросом в 255 лет, родились именно в том коротком 15-летнем интервале, что и четверка великих поэтов, отмеченных Бродским!

После русской Википедии я обратилась к Википедиям, написанным на наиболее распространенных языках мира. Выборка 3 – это список видных российских поэтов в испанской Википедии, Выборка 4 – в итальянской, Выборка 5 – в английской, и Выборка 6 – во французской. Выборка на немецком языке отсутствует, так как в списках на немецком языке поэты и писатели не разделены, и поэтому она не соответствовала требованиям исследования.

Как мы видим, количество поэтов в Википедиях меняется (от 38 в итальянской до 217 в английской), но при этом остается неизменным явление пика 1895-1899 годов. То есть можно сказать с уверенностью, что вне зависимости от особых предпочтений тех или иных языковых групп (кто-то вы-

брал вместо Пастернака Веру Инбер, а кому-то больше импонирует Есенин, чем Хлебников), суть не меняется, и характер распределения сохраняется.

Более того, в глазах литературоведов этот период оказался настолько важным, что с ним было связано уникальное понятие: «Поэзия серебряного века». Серебряный век – это термин, традиционно относящийся российскими филологами к первым двум декадам XX века. Хотя установить его точные хронологические рамки невозможно, но большинство исследователей относят начало этого периода к 1890-м годам, а конец – либо к расстрелу Гумилева в 1921 г., либо к самоубийству Маяковского в 1930 году. Так или иначе, не вызывает сомнения, что это был исключительно творческий период в истории российской поэзии, в котором расцвели многочисленные поэтические движения, наиболее известными из которых стали российский символизм, акмеизм, футуризм, конструктивизм и мистический анархизм. Глядя на явление Серебряного века, литературоведы поражались: почему развитие культуры идет неравномерно? Они отмечали, что иногда бывают «сонные» столетия, не вносящие никаких новшеств, а иногда их сменяют периоды ускорения, когда происходит резкий перелом, и в считанные десятилетия наблюдается такой всплеск развития, какого в иные времена хватило бы на века. В итоге у специалистов возник и остался неразрешенным вопрос, что такое «дух времени» и «Почему вдруг гении и таланты рождаются в таком количестве и с такой интенсивностью, как будто пытаются заложить основы для будущих поколений?»[14]

Для того, чтобы проверить верность этих наблюдений, а также для того, чтобы сопоставить их с высказываниями

[14] Ольга Наумова. «Серебряный век. Лекарство от бездуховности».

Бродского, я вновь обратилась к Википедии. Во вводной статье к списку поэтов Серебряного века написано:

«Хронологические рамки Серебряного века русской культуры не могут быть установлены с полной точностью. Начало этого периода следует отнести к началу 1890-х гг. – между манифестами Николая Минского (1856-1937) ‘При свете совести’ (1890) и Дмитрия Мережковского (1865-1941) ‘О причинах упадка современной русской литературы’ (1893) и появлением первых выпусков подготовленного Валерием Брюсовым (1873-1924) поэтического альманаха ‘Русские символисты’ (1894). Завершение Серебряного века – вторая половина 1920-х гг., угасание независимой от Советского государства литературной жизни и последние всплески такой жизни – появление книг Софьи Парнок (1885-1933) ‘Вполголоса’ (1928) и Михаила Кузмина (?-1936) ‘Форель разбивает лед’ (1929); можно рассматривать как рубеж и самоубийство Маяковского (1930). Судьба и творчество многих поэтов полностью укладываются в этот период».

В списке поэтов Серебряного века собрано 139 имен. Все они (Выборка 7) родились в промежуток между 1855 и 1899 гг. Но их распределение по годам рождения неравномерно:

Таблица 2.
Поэты Серебряного века по периодам.

Год рождения	Выборка 7 Число поэтов
1855 -1869	18
1870 -1884	39
1885-1899	82
1900-1914	0

Как мы видим, основной всплеск рождаемости – почти в два раза больше, чем за предшествующие 30 лет – произо-

шел в 1885-1899 годах. Удивительно также, что почти все родившиеся в это период прославились очень молодыми: так же как и в случае Мандельштама, издавшего «Камень» в 22 года, зенит их творчества и славы приходился на 20-30 летний возраст. А если так, и если период Серебряного века длился до 1930 года, то почему в списке не значится ни одного поэта, родившегося, скажем, в 1900-1905 годах? Ведь теоретически, у них было достаточно времени примкнуть к кругам поэтов Серебряного века? Но оказывается, что они уже принадлежали к новому поколению, и их творчество было созвучно иному ритму и иным временам.

Рассматривая более детально список поэтов Серебряного века, можно заметить, что и распределение поэтов по годам рождения внутри интервала 1885-1889 гг. тоже неравномерно:

Таблица 3.
Поэты Серебряного века по годам.

Год рождения	Выборка 7 Число поэтов
1885	6
1886	9
1887	5
1888	4
1889	7
1890	7
1891	11
1892	8
1893	4
1894	6
1895	6
1896	3
1897	2
1898	0
1899	4

Из Таблицы 3 следует, что основной всплеск происходил именно между 1889-1892 гг., в точности за 100 лет до написания Бродским «Вида с холма»! И именно в эти годы соединения Нептуна-Плутона родилась четверка поэтов (Ахматова, Пастренак, Мандельштам и Цветаева), указанных Бродским в комментариях к этому стиху. Обращает на себя внимание и то совпадение, что именно в эти годы Минский и Мережковский опубликовали свои первые манифесты, а Брюсов – свой первый альманах.

Забегая немного вперед, хочу отметить важность этого совпадения в свете концепции Юнга и Паули, определяющей синхроничность как такое значительное совпадение, при котором внутренние переживания человека в точности совпадают с событиями, происходящими во внешнем мире (например, мы подумали о ком-то, и в тот же момент он позвонил). В более широком смысле, синхроничность по Юнгу определяется как одновременность двух или более причинно не связанных между собой событий, имеющих одинаковое или сходное значение или проявление. По всей видимости, рассмотренные нами совпадения в поэзии тоже относятся к категории синхроничности. Ведь, казалось бы, что не должно было быть никакой причинной связи между годами выпуска первых манифестов, определявших дух будущей поэзии, и годами рождения поэтов, способных воплотить новые идеи в жизнь. И какую причинную связь можно предположить между двумя этими событиями и соединением Нептуна-Плутона? Но так как дальнейший текст содержит много примеров такого рода синхроничности, то уже сейчас предположим возможность того, что она отнюдь не случайна.

В результате сравнения Википедий на разных языках возник новый вопрос: а не была ли аномалия Серебряного века частью универсального явления не только в российской, а и в мировой поэзии?

5. Серебряный век и поэты лауреаты Нобелевской премии

И лики, лунный с солнечным, теряя
Свою цезуру[15], сливались воедино…
Эудженио Монтале (1896-1981)[16]

Мы были настолько оторваны от мира, что не отдавали себе отчета, насколько сходны процессы, проходящие в разных странах, но в разной форме.
Н. Я. Мандельштам (1899-1980)[17]

Как и в случае с российскими поэтами, сбор данных о мировой поэзии начался с анализа мнения специалистов. Наиболее компетентным источником данных о великих поэтах современности является список поэтов, ставших лауреатами Нобелевской премии по литературе. Несмотря на многочисленные претензии к решениям нобелевского комитета, ясно, что поэты-лауреаты сумели заслужить всемирное признание и донести свои идеи до читателей всей планеты.

Нужно отметить, что хотя эта премия вручается за достижения в мировой литературе, ее лауреатами становились не только литераторы, но также философы и математики (Бертран Рассел) и даже политики (Уинстон Черчилль), не имевшие непосредственного отношения к поэзии. Для составления таблицы поэтов-лауреатов я воспользовалась биографическими данными нобелевского комитета[18], вклю-

[15] Цезура - постоянный словораздел в стихе, пауза в музыке.

[16] Перевод Л. Мартынова.

[17] Н .Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с. 112.

[18] источник http://n-t.proc.ru/nl/lt/

чив в Выборку 8 (Таблица 4) имена только тех лауреатов, которые по данным этого источника когда-либо публиковали стихи.

Таблица 4.
Лауреаты Нобелевской премии.

Год рождения	Выборка 8 Число поэтов
1930-1944	4
1915-1929	2
1900-1914	10
1885-1899	14
1870-1884	4
1855-1869	8
1840-1854	1
1825-1839	5

В дополнение к явному пику рождаемости поэтов-лауреатов, приходящемуся на 1885-1899 гг., Выборка 8 вносит новую информацию. Оказывается, что это единственный 15-летний период в истории вручения Нобелевской премии, когда она была присуждена поэтам, пишущим на всех наиболее распространенных европейских языках:

* английском – Томас Стернз Элиот (1888-1965);

* русском – Борис Пастернак (1890-1960);

* итальянском – Эудженио Монтале (1896-1981);

* испанском – Висенте Алейксандре (1898-1984), Мигель Анхель Астуриас (1899-1974) и Габриэла Мистраль (1889-1957);

* немецком – Нелли Закс (1891-1970);

* французском – Сен Жон Перс (1887-1975) и Франсуа Мориак (1885-1970).

Шмуэль Агнон

Нелли Закс

Габриэла Мистраль

Томас Элиот

К тому же в этот период не обошла премия и поэтов, пишущих на языках небольших народов: шведском – Пер Лагерквист (1891-1974) и сербском – Иво Андрич (1892-1975). Символично и то, что Шмуэль Йосеф Агнон (1887-1970) и Георгос Сеферис (1900-1971) – литераторы, рожденные в начале и в конце этого периода, – стали первыми лауреатами премии, пишущими на иврите (современном еврейском) и демотике (современном греческом) языках.

Символично и то, что как в творчестве Агнона, так и в поэзии Сефериса ярко проявилась историческая периодичность: мифы и предания глубокой древности и античного мира вдруг ожили и слились с современностью, приобретя оттенок самобытности и модернизма. Хотя Сеферис, рожденный в марте 1900 г., формально относился к началу следующего 15-летнего периода, но фактически он родился в месяц, когда угловое расстояние между Плутоном и Нептуном не превышало 10° (точное расстояние – 9.7°). Иными словами, он все еще родился в период соединения Нептуна-Плутона. Говоря словами его стихов, он родился «в час, когда день завершен, а другой еще медлит начаться/ в час, когда время пресеклось»[19].

[19] «Костры на Ивана Купалу», перевод И. Ковалевой - А. Нестерова.

Не принимая в расчет Сефериса (как родившегося в 1900 г.) и Агнона (хотя начало его повести «Во цвете лет» написано белыми стихами, он больше известен как прозаик), Нобелевская премия в период 1885-1899 гг. была вручена группе поэтов, представляющей, по меньшей мере, восемь различных языков. Такой представительной группы языков мира не было ни в одном другом периоде вручения этой премии. Но, несмотря на то, что эти поэты говорили на разных языках, оказывается, что все они писали об одном и том же. В отличие от широкого спектра определений «поэта», приведенного в прошлой главе, эта группа смотрела на мир иными глазами – глазами людей, видевших «затмение» и ослепленных им. Интересно, что метафоры «наступающей тьмы», «затмения» или соединения двух солнц, символизирующих слияние Жизни и Смерти, проходят красной линией через творчество как российских поэтов Серебряного века, так и поэтов-лауреатов Нобелевской премии. Это наводит на мысль, что их творчество имело общий корень, и что речь идет о людях, увидавших внутренним взором одинаковое космическое явление, а потом пытавшихся передать его посредством ограниченных возможностей созвучий и ритмов земных языков. После этого видения никто из них уже не был в состоянии говорить ни о чем другом, не упоминая главного для них; а главным для них было лишь одно: таинственный вопрос метаморфозы жизни и смерти, отраженный в затмении двух светил.

6. Затмения и метаморфозы Жизни и Смерти в поэзии поэтов поколения соединения Нептуна-Плутона

– Тише, – сказал я душе, – пусть тьма снизойдет
на тебя.
Это будет Господня тьма. – Как в театре
Гаснет свет перед сменою декораций,
Гул за кулисами, тьма наступает на тьму....
Томас Стернз Элиот (1888-1965)[20]

Прежде чем привести наиболее характерные метафоры для поэтов поколения 1885-1899 гг., еще раз напомню, что их рождение было ознаменовано соединением Нептуна-Плутона. С точки зрения астрономии, такое соединение двух светил связано с явлением «звездного затмения». Издревле, во многих культурах затмения считались предвестниками несчастий и катастроф. В мифологии затмение символизируют борьбу высших сил, одна из которых хочет погасить свет, а другая – сохранить его. Принято считать, что в старину люди страшились солнечных и лунных затмений, так как они наблюдались редко и представляли собой непривычные, а потому и пугающие явления природы. Глядя на поэзию Серебряного века, невольно задаешься вопросом: «А не видели ли поэты неким внутренним зрением или ясновидением то самое «затмение Нептуна-Плутона», наблюдаемое на небосводе в момент их рождения? Некоторых это явление приводило в ужас и предвещало конец света; других оно приводило в восторг и обещало начало новой жизни; но и тех и других оно заставляло задумываться о таинствах Вселенной и о самом главном – о Жизни и Смерти. Похоже, что сама

[20] Томас Стернз Элиот «Молчащее слово», перевод А. Сергеева.

эпоха подводила поэтов этого поколения к видению поэзии, как неразрывного сплетения таинств, связанных с концом уходящего цикла и с ожиданием наступления грядущего цикла. Этот дух эпохи был сформулирован Н. Я. Мандельштам в ее определении поэзии как «подготовки к смерти»[21], а поэтической деятельности как попытки поэта отыскать «разгадку жизни своей»[22].

Этот же дух эпохи отразился в поэзии чилийской поэтессы, лауреата Нобелевской премии, Габриэлы Мистраль. Поразительно, с какой яркостью проступает символизм «соединения двух светил» в ее стихотворении «Два ангела». В начале стиха Мистраль говорит о двух ангелах, диаметрально противоположных по своему характеру, которые постоянно сопровождали ее, стоя у нее за плечами;

Один трепещет крылами,
другой недвижно витает.
Один приходит с дарами,
другой дары отбирает.

Поэтесса пыталась угадать, который из ангелов останется с нею, а какому суждено покинуть ее и «кануть в былое»? Какой из них «опалит ее», а какой «осыплет золою»? Следует ли ей подчиниться одному из них, или ждать того дивного мгновенья, когда они:

Лишь раз друг с другом в союзе
забыли разлад старинный,

[21] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с. 268

[22] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с. 264.

и жизнь завязала узел,
со смертью неразделимый[23].

Этот «неразделимый узел жизни и смерти» появляется и в поэзии Мандельштама (1891-1938):

Может быть, это точка безумия.
Может быть, это совесть твоя:
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия.

Эта связка между двумя началами приобрела зловещий характер еще с юношеской поры Мандельштама, когда в стихах 1916 г. отчетливо проявилась символика двух солнц и наступающего затмения («черное солнце»):

Эта ночь непоправима,
А у вас еще светло.
У ворот Ерусалима
Солнце черное взошло.

Солнце желтое страшнее.
Баю, баюшки, баю,
В светлом храме иудеи
Хоронили мать мою.
....
И над матерью звенели
Голоса израильтян.
– Я проснулся в колыбели
Черным солнцем осиян.

[23] Перевод Н. Ванханен.

Поясняя смысл этого «черного солнца», вдова поэта Н. Я. Мандельштам привела еще одну его строчку: «Это солнце ночное хоронит возбужденная играми чернь…», говоря, что эту метафору поэт связывал с периодами смены исторических времен: «В периоды, когда кончается эпоха, солнце становится черным»[24].

Позднее, в «Стихах о неизвестном солдате» (1937), Мандельштам с поразительной точностью указал даты соединения двух светил и описал ужас, обуявший его сверстников, родившихся именно на самом пике затмения. Еще бы, ведь от затмения к затмению проходит половина тысячелетия, а как мы увидим впоследствии, опыт столетий показал, что «концы» и «начала» таких больших циклов зачастую сопряжены с эпохальными катаклизмами:

...Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:

Я рожден в девяносто четвертом,
Я рожден в девяносто втором...

И в кулак зажимая истертый
Год рожденья – с гурьбой и гуртом,
Я шепчу обескровленным ртом:

Я рожден в ночь с второго на третье[25]
Января в девяносто одном
Ненадежном году – и столетья
Окружают меня огнем.

[24] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с. 97.

[25] По старому стилю.

Много писалось о том, как мороз проходит по коже, когда читаешь эти строки Мандельштама о судьбах того рокового поколения 1891 г., на плечи которых легли революции, гражданские войны, голодомор, две мировых войны и Катастрофа мирового еврейства. Но только ли Мандельштам обращался к таким сильным метафорам? В статье Марины Борщевской «Прощание и встреча», посвященной памяти лауреата Нобелевской премии Нелли Закс, мы читаем:

«Нелли Закс родилась в том же 'девяносто одном ненадежном году', что и Осип Мандельштам. И это обстоятельство есть некий шифр одной почти невыразимой темы. Последние стихи Мандельштама, такие не похожие на Мандельштама, и, по существу, первые стихи Нелли Закс, сделавшие ее тем, что она есть, написаны почти в одно время – с разницей в 7-10 лет, – разделены языком, пространством, судьбой и самим свойством дарований, и их неожиданные совпадения – даже в буквальном видении того, что невозможно увидеть телесными глазами, – есть какая-то глубокая правда о едином океане бытия и о едином океане поэзии»[26].

«Нет еще любви между планетами, – говорится в одном из стихотворений Нелли Закс, – но тайное согласие трепещет уже...» О чем она говорила? О чем говорил весь ее сборник стихов «Звездное затмение»? Да все о том же: о том же, что и фильм «Георгос Сеферис, поэт в земле Затмения»[27] и о том, что писала Марина Цветаева (1892-1941) в своих мистических словах: «Я – лунатик /Двух темных лун». Об этом же пытался сказать Пастернак в его единственной и роковой телефонной беседе со Сталиным, когда Сталин неожиданно по-

[26] М. Борщевская «Прощание и встреча» // в журнале «Новый Мир» 1994, №9.

[27] Кипр, режиссер Андреас Пантзис, 2007.

звонил ему домой и попросил оценить поэтический талант Мандельштама, находящегося в то время под следствием:

«– Почему мы все говорим о Мандельштаме и Мандельштаме, я так давно хотел с вами поговорить.

– О чем?

– О жизни и смерти.

Сталин повесил трубку»[28].

Разговор со Сталиным на эту главную, и единственно волновавшую Пастернака тему, так никогда и не состоялся; да и Нобелевской речи Пастернаку не довелось произнести. Зато его мысли озвучил другой Нобелевский лауреат того же времени рождения, югославский поэт и писатель, Иво Андрич[29]. В своей Нобелевской речи он коснулся роли писателя в истории человечества: «Все истории с самых ранних времен – это, по существу, одна история о смысле человеческой жизни». Вопрос, на который стремятся ответить все истинные писатели, подчеркнул далее в своей речи Андрич, – это вопрос о том, «что значит быть живым в тот или иной период истории, что значит быть человеком».

Андричу важно было понять не только, что такое «быть человеком», но и то, какой ценой допустимо выживать в разных исторических условиях. Над этой проблемой бились такие растерзанные временем, обстоятельствами и сомнениями души поэтов Серебряного века, как Мандельштам, Пастернак, Гумилев, Цветаева, Маяковский (1893-1930) и Эренбург (1891-1967). За них и вместе с ними высказал вслух пугающие мысли гватемальский лауреат Нобелевской премии, Мигуэль Астуриас: «Наши романы кажутся европейцам лишенными логики и здравого смысла. Однако они страшны

[28] Б. Сарнов. Сталин и писатели. Книга первая. - М.: "ЭКСМО», 2008, с.239-361.

[29] Иво Андрич родился 9 или 10 октября 1892 г., то есть он селестиальный близнец Цветаевой.

вовсе не потому, что мы хотим испугать читателя. Они страшны потому, что с нами происходят страшные вещи». А подробнее об этом страхе жить на срезе времен мы можем прочитать в стихах «Квартет» лауреата Нобелевской премии, Томаса Элиота. Вся его поэзия пронизана трепетным отношением к небесным циклам и звездным ритмам: «Пульсация артерии/ И лимфы обращение/ Расчислены круженьем звезд...»

Но вместе с тем, сам поэт относил себя к особой точке, к узловой точке схождения «концов и начал»: «В моем начале мой конец», – писал Элиот, пришедший во время пугающих перемен:

..... Ветер.
Время между концом и началом.
Извержение отлетающих душ
В блеклый воздух; они, закоснелые в спячке,
Попали на ветер....

Это время затмения и возрождения: «Время и колокол хоронят день,/ На солнце надвигаются туча и тень». В душу заползает холодящий страх: а закончится ли когда-нибудь этот мрак и «Повернется ли к нам подсолнух»? Но все страхи становятся преходящими в сравнении с ритмом, открывшимся внутреннему взору поэта:

Слова, как и музыка, движутся
Лишь во времени; но то, что не выше жизни,
Не выше смерти. Слова, отзвучав, достигают
Молчания. Только формой и ритмом
Слова, как и музыка, достигают
Недвижности древней китайской вазы,
Круговращения вечной подвижности.
Не только недвижности скрипки во время

Звучащей ноты, но совмещенья
Начала с предшествующим концом,
Которые сосуществуют
До начала и после конца.

И так же, как у Мандельштама и у Мистраль, у Элиота в конце концов все связывается в единый узел соединения, являющийся залогом жизни, так как в конце концов: «И хорошо все разрешится, и/ Сделается,/ Когда языки огня/ Сплетутся в пламенный узел,/ Где огонь и роза – одно»[30].

В 1885-1899 гг. в небесах зазвучала нота слияния начал и концов. Был задан некий аккорд в музыке высших сфер. На этот звук слетелась в мир целая плеяда особых ценителей гармоний и затмений. Как будто в ожидании метеоритного дождя, слетались они наблюдать это редчайшее явление, а потом не могли разобраться, почему, чем и как обожжены их души и ослеплены глаза. Об этом явлении и об этой «перекличке» можно писать тома сравнительного анализа, но пока мне хотелось бы подытожить написанное дивными строфами поэта Серебряного века Николая Гумилева, названными «Credo» и написанными им в 1905 г.:

Я не ищу больного знанья
Зачем, откуда я иду;
Я знаю, было там сверканье
Звезды, лобзающей звезду,
…
И жарким сердцем веря чуду,
Поняв воздушный небосклон,
В каких пределах я ни буду,
На все наброшу я свой сон.

[30] Переводы А. Сергеева.

Всегда живой, всегда могучий,
Влюбленный в чары красоты.
И вспыхнет радуга созвучий
Над царством вечной пустоты.

В момент написания этих программных строчек автору было всего лишь 19 лет. Но он ВИДЕЛ «сверканье Звезды, лобзающей звезду». Он ЧУВСТВОВАЛ, что родился во время, когда нужно было выбирать, на что обратить свой взор: на грядущее затмение или на последующее перерождение. В этих стихах Гумилева сплелись в единый венок темы поэзии, времени и затмений. Это возвращает нас к тому, что, уделяя внимание поэзии и статистике, мы до сих обходили стороной вопрос о роли затмений в хронологии.

7. Циклы, затмения и хронология, а также стихи и стихии

Я отдохну тысячелетья три,
Затем опять вернусь на эту землю…
Константин Липскеров (1889-1954)

Небесную машину я представляю себе не как
Божественное (живое) существо, но как часы...
Иоганн Кеплер (1571-1630)

То, что по сей день поэзия не имеет единого определения, мы уже видели. Казалось бы, что в хронологии наука должна была бы избежать подобного плюрализма и прийти к согласию об использовании единого календаря. Но пока этого еще не произошло. Как пишет известный хронолог И. А. Климишин:

«Не удалось преодолеть и реликты, образно говоря, древнего хронологического столпотворения, когда каждый род,

каждое племя и каждый демос имел свой – первоначально вовсе примитивный – календарь. Не всегда еще достижимо ретроспективное воссоздание распавшейся временной цепи и совмещение хронографических «зарубок» и «засечек» в историческом бытии многих народов, издревле заселивших Землю. Поныне, например, еще не удалось с точностью перевести временные вехи некоторых событий из жизни Юлия Цезаря в даты самим же им введенного юлианского календаря. Это и позволило известному американскому ученому, специалисту в области хронологии Э. Бикерману некогда изречь весьма парадоксальный – но не без основания к тому – афоризм: «Календарь – это такая вещь, которую не в силах объяснить ни логика, ни астрономия...»[31].

Неужели до сих пор верны едкие слова Грибоедова в «Горе от ума», что «Все врут календари»? Для того чтобы глубже разобраться в этом вопросе, определим для начала, что такое календарь, для чего он нужен, и какими бывают календари.

С доисторических времен у людей возникла потребность в «хранителях времени». Основным стимулом в создании первых календарей было осознание необходимости соразмерять свою жизнь с периодическим изменением условий в окружающем мире: с регулярной сменой дня и ночи и с циклическим чередованием времен года. Чем более развитым становилось общество, тем острее в нем ощущалась потребность в координации различных сфер общественной жизни. Расхождение между системами отсчета времени разных народностей вносило много неудобств. На этом фоне уже со времен глубокой древности обозначилась принципиальная разница между двумя основными подходами к составлению календаря, отраженными в древнегреческом языке двумя разными словами: eniautos и etos. Обратимся за справкой к Бикерману:

[31] И. Климишин. «Заметки о нашем календаре».

«Eniautos (годичный цикл сезонов) мог продолжаться от любого момента солнечного года до момента его повторения. Греческие календари, основанные на солнечном годе, могли начинаться и под знаком Овна, и под знаком Рака и т. п. Etos (гражданский год) был условной временной единицей. Новолуние было одним из самых важных греческих празднеств, в то время как Новый год или "новое новолуние" не имели никакого значения»[32].

Иными словами, в то время как годичный цикл сезонов был связан с движением небесных тел, гражданский год устанавливался произвольно и являлся, по словам Бикермана, условной хронологической единицей. Гражданские годы бывали разными в зависимости от определенных практических целей, которым служили: например, финансовый, учебный или религиозный год. Как начальные точки отсчета таких относительных годов, так и их продолжительность была переменной. Наиболее распространенной разновидностью условного хронологического летосчисления была система гражданских годов, отсчитываемых с момента вступления в должность того или иного правителя или должностного лица (царя, архонта, консула, императора, трибуна). Промежутки времени, ограниченные сроком службы соответствующих должностных лиц, называются эпонимическими[33] годами, а их продолжительность зависит от времени правления конкретного человека. Например, если должностное лицо, по которому был обозначен год, служило лишь шесть месяцев, то и гражданский год становился шестимесячным.

Сегодня слово «год» кажется привычным и само собой разумеющимся понятием. Мы отмечаем день рождения раз в

[32] Э. Бикерман, Хронология древнего мира, Ближний Восток и античность. - М.: «Наука», 1975, с. 58.

[33] Эпонимами в хронологии именуются должностные лица, именами которых назывался год.

году, не вспоминая о том, что в Древней Греции праздновали дни рождения каждый месяц. Нам редко приходится задумываться над тем, является ли продолжительность года постоянной величиной или она колеблется от народа к народу, от века к веку. Но оказывается, что переменные «хронологические», т. е. условные года создали массу сложностей в истории. Как отмечал Бикерман:

«Чтобы получить возможность использовать годы правления как единицы хронологии – а для этого они должны быть однородными, – летописцам приходилось соотносить их с нормализованным годом».

Как показывал далее Бикерман, при таком пересчете на «нормализованные годы» те или иные сроки, указанные в документах античности, могут существенно изменяться. Так как в документах древнего Ближнего Востока, Греции и Рима преобладает датировка по эпонимическим годам, то чаще всего хронология тех времен остается относительной, «ибо тогда имена 'плавают' во времени»[34]. Основным способом восстановления последовательности мирового времени, к которому обращается современная хронология, является поиск «синхронизмов» – совпадений относительных годов с «абсолютной» хронологией затмений, поддающейся астрономическим расчетам:

«Так, вся серия эпонимов из г. Ашшура с 893 по 666 г. до н. э. датируется по абсолютной хронологии благодаря упоминанию о солнечном затмении 15 июня 763 г. до н. э., в год правления одного из этих эпонимов»[35].

Очевидно, этот недостаток «относительной» хронологии, основанной только на определении интервалов между исто-

[34] Э. Бикерман, Хронология древнего мира, Ближний Восток и античность. - М.: «Наука», 1975, с. 62.

[35] E. J. Bickerman. Chronology of the Ancient World. London. Thames and Hudson, 1980, p.67.

рическими событиями в жизни общества, понимали многие хранители времени глубокой древности, когда они искали способы «абсолютного» отсчета времени. По свидетельству одного из виднейших специалистов по истории древних цивилизаций, Е. М. Штаерман, осознание взаимосвязи цикличности движения небесных тел с повторяемыми сезонными переменами на Земле привело вавилонских жрецов к расширению и к обобщению понятия года:

«Собственно говоря, уже само введение понятия года как фиксированного цикла, измеряемого с помощью периодических возвращений Солнца к одной и той же звезде или, позднее, к точке весеннего равноденствия у одних народов, зимнего солнцестояния у других, было попыткой приведения накопленных наблюдений в систему, позволяющую более серьезно применить методы вычислительной математики.

Понятие года как цикла, периода обращения, применялось не только для описания движения Солнца, но и планет. Каждая планета имела свой «год» (лунным «годом» был месяц), что привело жрецов-астрономов к понятию великого года – общего кратного всех планетарных лет»[36].

Образно говоря, звездное небо стало природными «селестиальными часами», в которых плоскость эклиптики служила циферблатом, а каждая из семи известных в древности планет служила «стрелкой». Каждая такая «стрелка» двигалась в своем темпе, но время от времени некоторые из них встречались, как встречаются в положении двенадцатого часа минутная и часовая стрелки механических часов. Тогда на небе наблюдались периодические «соединения» или «затмения» соответствующих планет, которые в свою очередь порождали дополнительные периодические процессы. По воззрениям древних, «возврат» каждой планеты в начальное положение

[36] Е. М. Штаерман «Манилий и его время» // Марк Манилий, Астрономика, Изда-тво МГУ, 1993.

знаменовал начало нового «года», связанного с ней. Крайне редко, раз в десятки тысяч лет, все планеты одновременно должны были вернуться в свое изначальное положение, и это время служило началом нового «великого года».

На протяжении нескольких тысяч лет, такие астрономические «часы» и календари, основанные на периодичности движения видимых небесных светил, служат человечеству главной системой счисления больших отрезков времени. В различные времена разные народы использовали для составления таких календарей цикличность движения различных небесных тел: Солнца – в солнечных календарях, Луны – в лунных календарях, одновременно Солнца и Луны – в лунно-солнечных календарях, гелиатических восходов[37] – в звездных календарях. В частности, в Древнем Египте для поддержания правильного счета дней в календаре использовали яркую звезду Сириус, именуемую египтянами Сотис. В Древнем Вавилоне особая роль при составлении календарей отводилась периодичности соединений («конъюнкций») планет в одной точке небосвода. Видный исследователь истории хронологии в древнем мире Б. А. Тураев писал:

«Вавилонские наблюдения касались конъюнкций планет, расстояний Луны и планет от звезд, гелиакических восходов и закатов, времен солнечных и лунных затмений. <…> К древнему времени вавилонской астрономии восходит и представление о соединении планет с созвездиями и Луной, как о лунных станциях»[38].

[37] Гелиатический восход – первый восход небесного светила (звезды или планеты) непосредственно перед восходом солнца после некоторого периода невидимости («восход в лучах утренней зари»).

[38] Мартынов А. С. «Система мер и времен в древних странах Ближнего Востока». «Наука и Техника» (Харьков), № 6 (13), июнь 2007, с. 12-17.

Основная проблема при составлении таких календарей заключается в необходимости найти такие циклы восхода и захода созвездий и положения в них Солнца и Луны, которые бы не только соизмерялись по времени с земными процессами, но и подолгу бы сохраняли синхроничность со сроками сельскохозяйственных работ.

Например, еще великий поэт средневековья Данте обращал внимание хранителей времени на необходимость коррекции в календарях, так как полагал, что пренебрежение малейшим расхождением между лунными и солнечными циклами приведет к тому что «… январь возьмет весна посредством сотой, (ими) небреженной...»[39]. Как выяснилось, он был прав, и для того, чтобы январские холода наступали зимой, а апрельская оттепель начиналась весной, впоследствии юлианский календарь был заменен на григорианский.

Раз мы уже упомянули январь, то вспомним, что и празднование Нового года в январе – это сравнительно недавняя традиция. Как писал Бикерман:

«Только при Цезаре под влиянием астрологии праздник Нового года приобрел самостоятельное значение временной отметки начала года и, таким образом, положил начало нашему гражданскому году и нашим новогодним праздникам»[40].

Но почему Бикерман приписывал коренную реформу календаря, послужившую началом современной хронологии, не астрономии, а астрологии? Описка ли это? Нет. Хотя до сих пор речь шла об «астрономических» подходах или об астрономии, но исторически «астрономии» во времена Юлия

[39] Данте Алигьери. Божественная комедия. - М.: ГИХЛ, 1961, с. 599.

[40] Э. Бикерман, Хронология древнего мира, Ближний Восток и античность. - М.: «Наука», 1975, с. 58.

Цезаря еще не существовало, а ее функции выполняла астрология. Как отмечает британский историк Питер Маршалл, древние греки именовали астрономов словом «астрологос», и вплоть до XVII века «слова астрология (изучение звезд) и астрономия (закон звезд) оставались синонимами»[41]. То есть основные успехи в развитии естествознания и математики античности были достигнуты астрологами. Штаерман добавляла к этому, что астрологов древнего Рима именовали также «математиками», а разделение науки о звездном небе на астрологию и астрономию долго оставалось условным:

«Условно можно сказать, что астрология (астрон – звезда, логос – слово, закон, порядок) изучала взаимодействие земного и небесного, соотнося расположение светил с событиями в жизни природы, города, позднее – отдельных людей. Астрономия (астрон – звезда, номос – закон) изучала собственно небо: фазы Луны, движение планет, годовое смещение Солнца на небесной сфере и т. д. и старалась объяснить, почему именно так выглядят и движутся светила, каково физическое место Земли во Вселенной»[42].

В дальнейшем мы еще вернемся к вопросу о различиях между астрономией и астрологией, когда ознакомимся с высказывания Фрэнсиса Бэкона (1561-1626). Тогда же будет представлен его идеал «здоровой астрологии», а пока отмечу, что одним из отцов астрономии считается Иоганн Кеплер (1571-1630), который в наши дни служит образцом гармоничного сочетания современного астронома с прототипом астролога будущего.

Исторически сложилось так, что первой выделилась в отдельную науку та область астрологии, которую принято на-

[41] P. Marshall, «World astrology», London, MacMillan, 2004, p. xxxiii.

[42] Е. М. Штаерман/ «Манилий и его время» // Марк Манилий, Астрономика, Изда-тво МГУ, 1993.

зывать «астрономией» и которая занимается определением взаимного положения небесных тел и изучением законов их движения. Позднее стала выделяться в самостоятельную науку астрономическая хронология – та область астрологии, которая занимается установлением соответствия между положением небесных тел и историческими событиями на Земле.

По мере развития хронологии возникала потребность в формировании новых научных подходов к проблемам определения и измерения времени. В частности, как отмечал Бикерман в своем классическом труде «Хронология древнего мира», исторические события запечатлеваются и воспроизводятся не изолированно друг от друга, а в связи друг с другом. Так как природа причинно-следственных отношений в каждой такой цепочке последовательных событий различна, то и промежутки времени между ними отличны друг от друга. В этом плане, общепринятое сегодня в науке «механическое» произвольное деление времени на однородные единицы измерения плохо сочетается с требованием хронологии соразмерять время с историческими процессами или с природными и аграрными циклами, такими как сезонные миграции птиц и рыб. Бикерман писал:

«Единицы измерения времени повторяются снова и снова и всегда одинаковы: один день похож на другой. Только события – рождение и смерть, хороший или плохой урожай – выделяют единицы времени, делая их неодинаковыми по значению и, таким образом, запоминающимися. В силу этого, хронография – метод установления отрезков времени между событиями, а также между событиями и настоящим временем – отличается от календарного летосчисления, основанного на стандартных единицах измерения времени»[43].

[43] E. J. Bickerman. Chronology of the Ancient World. London . Thames and Hudson, 1980, p.62.

Для измерения времени люди не только нуждаются в наборе стандартных усредненных отрезков времени различной длительности, но им к тому же важно, чтобы эти единицы времени соответствовали земным ритмам жизни. Вследствие этого «единицы времени» далеко не всегда и не везде были равными, а длительность часа зависела от времени года и от широты. Вплоть до средневековья дневные часы, получавшиеся разделением светлого времени суток на 12 равных долей, были длиннее летом, чем зимой, и отличались от ночных часов, получавшихся разделением темного времени суток на 12 равных долей. Все последующие попытки нормализовать единицы времени не увенчались успехом: по сей день год произвольным образом делится на 12 неравномерных месяцев, и раз в четыре года приходится изменять даже количество дней в году. Происходит это, потому что «год» (период обращения Земли вокруг Солнца, равный ~365,25 дням) не содержит ни целого числа «месяцев» (период обращения Луны вокруг Земли, колеблющийся в разных системах от 27,2 до 29,6 суток), ни целого числа «суток» (период обращения Земли вокруг своей оси). К тому же, сами месяцы тоже не могут исчисляться в целых сутках, и любая попытка введения стандартных суток или месяцев неизбежно приводит к накоплению значительных отклонений и сдвигов в годах.

Не менее важной проблемой в хронологии является вопрос, как выбирать исходные точки отсчета времени? Должны ли и они совпадать с природными часами? Что важнее для установления начальной точки отсчета – природные явления, исторические события, рождение человека или зарождение идеи? История перепробовала разные варианты – отсчет дней начинался то с заходом, то с восходом Солнца, то в полдень, а то и в полночь. Началом летосчисления у евреев считается «Сотворение мира», датируемое 3761 г. до нашей эры. Римляне вели летосчисление от основания Рима[44], а современный

метод отсчета времени от предполагаемого рождества Христова, впервые предложенный в 525 г. римским аббатом Дионисием Малым, распространился в странах Западной Европы позднее, начиная с VIII-IX века. И лишь в 1627 г. летоисчисление было дополнено методом обратного отсчета времени от предполагаемого рождества Христова. Эту систему записи впервые ввел Дионисий Петавиус – французский католический богослов и поэт, ставший одним из отцов современной хронологии. Согласно Бикерману, его метод, известный как «годы до нашей эры», стал общепринятой нормой, начиная с конца XVIII века[45].

Говоря о многочисленных сложностях и преградах, встающих перед историками и хронологами, Бикерман не предлагал сдаваться, а наоборот, подбадривал новые поколения исследователей: «И тем не менее пусть мы и не знаем до сих пор ответов, мы рискуем их никогда не получить, если перестанем формулировать вопросы. <…> Или, как говорил Сенека: «Прошлые поколения оставили нам не столько готовые решения вопросов, сколько самые вопросы»[46].

Тема вопросов, оставленных нам прошлыми поколениями, наводит на размышления о необходимости выделения в отдельную науку той области астрологии, которая занимается поиском взаимосвязи между астрономическими единицами времени и хронологией мировой культуры. О создании такой науки мечтал, например, один из пионеров современной психологии, Карл Густав Юнг. В частности, он писал: «Осмелюсь сказать, что однажды мы обнаружим в астроло-

[44] Приходится на 753 г. до н. э. по Варрону, а по Катону на 751 г.

[45] E. J. Bickerman. Chronology of the Ancient World. London. Thames and Hudson, 1980, p.32.

[46] Э. Бикерман. «Евреи в эпоху эллинизма». - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Gesharim, 2000, с.365.

гии множество знаний, интуитивно спроецированных на небеса». В понимании Юнга, «астрология представляет собой сумму всех психологических знаний античности»[47], а в его отношении к хронологии прослеживается универсальное стремление человека понять ход времени для того, чтобы выяснить закономерности всемирного исторического процесса и уяснить для себя смысл бытия. Этот подход Юнга совпадал с хронологическими традициями Древнего Востока, отличавшимися глубоким идейно-философским и религиозным содержанием. Как отмечает хронолог Мартынов:

«Особенностью цивилизаций Востока было то, что счисление времени у них было тесно связано с религией, вследствие чего, измеряя ход жизненного процесса, восточные люди пытались уяснить не столько числовое, сколько идейно-философское его понимание»[48].

Отношение ко времени как к важнейшему фактору, который предъявляет определенные требования к жизни, проходит красной линией через творчество поэтов и философов древности и до новейшего времени. Об этом писал царь Соломон в стихах Экклезиаста: «Всему (свое) время, и (свой) срок всякой вещи под небесами…». И далее он развивал эту идею, подчеркивая, как важно помнить об этом, так как сами по себе времена бывают разными:

«Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадаются в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них» (Эккл. 9:12).

Идея циклической смены времен, согласно которой демиурги добра (Оромаз-Ахурамазда) и зла (Ариман) поочередно

[47] P. Marshall, «World astrology», London, MacMillan, 2004, p. 348.

[48] А. С. Мартынов. «Система мер и времен в древних странах Ближнего Востока». «Наука и Техника» (Харьков), № 6 (13), июнь 2007, с. 12-17.

сменяют друг друга каждые 3000 лет, лежала в основе учение Зороастризма. Сравнивая взгляды хранителей времени Древнего Египта и Персии, Мартынов отмечал в них частое упоминание идеи существования 3000-летнего цикла, к концу которого отживший уклад отмирает, чтобы трансформироваться, возродиться в новом обличье и повториться в новом цикле. По его мнению, это «наводит на мысль, что системы измерения времени на Востоке (не только в числовом, но и в философском понимании) имеют какой-то один общий корень, идущий, несомненно, от первобытной эпохи»[49].

В новейшие времена о важности сопоставления хода истории с человеческой жизнью и о необходимости осознания 3000-летнего периода времени, как путеводителя в личной жизни каждого человека, писал Гете: «Кто не видит вещим оком глуби трех тысячелетий,/ Тот в невежестве глубоком день за днем живет на свете».

Как видно из этого краткого обзора, современная хронология построена на идеях синхроничности исторических и астрономических циклов, и в частности, она зачастую использует в качестве «вех», отличающих один отрезок времени от другого, одновременность рождения выдающихся личностей и соединений светил на небосводе. Исторические примеры использования таких совпадений приводятся, например, в исследовании И. Климишина «Заметки о нашем календаре»:

«Как говорил, в частности, раввин Абарванела (XV век), “наиболее важные перемены в подлунном мире предзнаменуются соединениями Юпитера и Сатурна”. Пророк Моисей, по его словам, “родился три года спустя после такого соединения в созвездии Рыб”».

Впоследствии совпадение соединения Юпитера и Сатурна в Рыбах с рождением Иисуса Христа послужило вехой для Кеплера в создании исправленного календаря:

[49] Ibid.

«Одно из соединений Юпитера и Сатурна как раз в созвездии Рыб наблюдалось в 747 году от основания Рима, то есть в 7 году до н. э. Расстояние между ними в это время составляло около полуградуса, что равно диаметру Луны. В следующем году к этим планетам присоединился и Марс. Именно исходя из расчетов расположения упомянутых планет один из основоположников новой астрономии Иоганн Кеплер (1571-1630 гг.) относил событие Рождества Христова к 748 году от основания Рима, то есть к моменту времени за два года до кончины царя Ирода. Полагая иную точку зрения абсолютно ошибочной и совершенно условной, творец законов движения планет свой труд 'Новая астрономия' датировал так: 'Anno aerae Dionisianae 1609' – 'Года эры Дионисиевой 1609'»[50].

Китайские и корейские ученые древности тоже придавали большое значение соединению небесных светил в момент рождения человека, и в их хрониках сохранились записи, согласно которым весной 5 года до н. э. в точке неба недалеко от созвездия Козерога вспыхнула Новая звезда, которая была видна на протяжении 70 дней. По астрологическим представлениям того времени это было «вехой», предвещавшей изменения в жизни и рождение великого царя. Последующие христианские историки связали эти наблюдения с рождением Христа. В этой связи напомним, что об использовании времени рождения людей в качестве хронологических «вех» писал и Геродот, ссылаясь на то, что по персидским и вавилонским традициям важнейшим праздником признается день рождения каждого человека.

В заключение этого обзора хочу добавить, что, по Климишину, в идеале хронология будущего должна позволить человеку узреть «связь времен» и обрести себя в «незыблемом

[50] И. Климишин. «Заметки о нашем календаре».

и неумолимом потоке мгновений, дней и лет». Под таким кредо ученого подпишется большинство поэтов и астрологов.

В этой главе мы видим, как древняя астрология, тысячелетиями очищаясь от элементов суеверия и ошибочных взглядов, постепенно вкрапляла свои открытия в современную историю и хронологию. Так как в нынешнем исследовании предпринимается попытка построить хронологию, основанную на взаимосвязи времен, поэзии и соединения светил, то хотелось бы рассмотреть, как астрологические взгляды могли бы обогатить наше понимание поэзии.

Как отмечалось ранее, в среде литературоведов остается спорным вопрос о выборе величайших поэтов Серебряного века, так как иногда предлагают добавить к именам великой четверки имя пятого поэта, Николая Гумилева. Для разрешения разногласий подойдем к этому вопросу астрологическим методом и напомним, что, сравнивая поэтов Серебряного века с римскими поэтами Золотого века, Бродский искал представителей всех четырех темпераментов. Эти четыре темперамента Гиппократа – холерики, флегматики, сангвиники и меланхолики – соответствуют в астрологии четырем стихиям: Огню, Воде, Воздуху и Земле. Со времен Эмпедокла к Огню относятся созвездия Овна, Льва и Стрельца; к Воде – Рака, Скорпиона и Рыб; к Воздуху – Близнецов, Весов и Водолея; к Земле – Тельца, Девы и Козерога[51].

Мандельштам родился в Козероге и символизировал Землю. Пастернак родился в Водолее и представлял в этой четверке Воздух. Ахматова родилась в Раке и выражала чаяния Воды. Но с Цветаевой (Весы) выходила заминка – почему второй раз появлялся Воздух? И где же была стихия Огня? Огонь быстро сгорел, не оставив следа? Но если мы примем

[51] P. Marshall, «World astrology», London, MacMillan, 2004, p. 237.

во внимание союз Ахматовой и Гумилева, родившегося в Овне, то все станет на свои места. Пока жив был Гумилев, все четыре астрологических стихии (параллельные четырем темпераментам) имели своих посланников в российской литературе. Исчез Огонь, и закончилась целая эпоха.

В пользу такого анализа говорит также и то, что термин «акмеизм» был введен Гумилевым. В пользу этой гипотезы свидетельствуют слова Н. Я. Мандельштам о том, что после Гумилева у Мандельштама «уже не было настоящего друга»[52], а также ее замечание:

«Три поэта – Ахматова, Гумилев и Мандельштам – до последнего дня называли себя акмеистами. Я всегда спрашивала, что объединяло трех совершенно разных поэтов с разным пониманием поэзии и почему была так крепка их связь, что ни один не отрекся от юношеского союза, длившегося один короткий миг. Мандельштам отшучивался, Ахматова же – особенно в старости – постоянно говорила об акмеизме, но на мой вопрос ответить не могла: связь трех поэтов казалась ей чем-то само собой разумеющимся»[53].

Гумилев родился в Овне – наиболее интуитивном огненном знаке. Как мы уже видели, в 19 лет в стихотворении «Credo» он описал «затмение» небесных светил, и тогда же в «Песне Заратустры» он предложил обращать свой взор не на грядущее затмение, а на последующее перерождение: «Горе, не знающим света!/ Горе, обнявшим печаль!»

В личной жизни Гумилев зачастую предпочитал «обнимать печаль», но идущим за ним он дал совет разгадавшего таинство циклов и видящего далекое будущее. Он сумел одним из первых в своем поколении выразить эти мысли

[52] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с. 320.

[53] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с. 38.

вслух и наполнить их оптимизмом нескончаемого потока жизни. Похоже, что в те времена невозможно было выразить смысл происходящего глубже, чем в этих строчках Гумилева. Может быть, именно поэтому часто конец Серебряного века связывается с расстрелом Гумилева.

Хочется надеяться, что пример такого интегрального подхода к поэзии, совмещающего элементы хронологического, астрономического и астрологического анализа, приведет к дальнейшим исследованиям в этой области. А сейчас настало время вернуться к сути самого явления. Рекордное число присуждения Нобелевской премии поэтам, родившимся в период 1885-1899 гг., свидетельствует о том, что значительные поэты появились не только в России, а по всей Земле и на всех языках. Чтобы глубже понять масштабы этого явления, обратимся вновь к спискам поэтов в Википедии.

8. Поэты Серебряного века и их англоязычные сверстники

Если где-то происходит Армагеддон,
значит, кто-то там должен быть.
Руперт Брук (1887 - 1915)

К началу XX века сложилось впечатление, что русский язык достиг такой степени зрелости, что по словам литературного критика А. Урбана: «... в ту пору кто только не усвоил искусство стихосложения!» Слагали стихи почти все, но значительных поэтов Серебряного века отличало не только и не столько прекрасное владение формой и ритмом, сколько их пророческий дар и максимальный накал страстей. Задолго до начала первой мировой войны эти молодые люди, почти подростки, описывали мир, как будто он находился в катастрофическом напряжении в предчувствии приближающейся войны. Возьмем, к примеру, стихи «Валкирия», написанные в 1908 г. Бенедиктом Лившицем (1887-1938):

Я простерт на земле... я хочу утонуть в тишине...
Я молю у зловещей судьбы хоть на час перемирия...
Но уже надо мной, на обрызганном кровью коне,
Пролетает Валкирия, –

И окрепшие пальцы сжимают меча рукоять,
И воинственным выкликом вновь размыкаются челюсти,
И кровавые реки текут пред глазами опять
В неисчерпанной прелести...

Эти строчки, предрекающие бурю, написаны, когда поэту шел 21-ый год. До войны оставалось долгих шесть лет, но Лившиц отчетливо видел как мифологические Валкирии, девы-воительницы и жрицы Одина уже отбирали предназначенных к гибели воинов и на волшебных летающих конях уносили их души в небесный чертог Одина – Валгаллу. Но только ли предчувствием будущей войны были продиктованы эти строки? И с кем должны были бороться будущие воины? Неожиданный ответ на этот вопрос дал Пастернак:

Мне по душе строптивый норов
Артиста в силе. Он отвык
От фраз и прячется от взоров
И собственных стыдится книг...
Но кто ж он? На какой арене
Стяжал он лавры, бросаясь в бой?
С кем протекли его боренья?
С самим собой. С самим собой.

По мнению Пастернака, Армагеддон в том поколении происходил прежде всего во внутреннем мире его представителей. Этот ответ согласуется с тем наблюдением, что два американских литератора, родившихся в период соединения Нептуна-Плутона – Эрнест Хемингуэй (1899-1961) и его се-

лестиальный близнец и «самый значительный поэт потерянного поколения» Харт Крейн (1899-1932) – начали писать об убийствах и самоубийствах с юношеских лет, задолго до первой мировой войны. Как Крейн, так и Хемингуэй, подобно Маяковскому, Цветаевой, и Есенину, проиграли бой «в боренье с самим собой» и покончили жизнь самоубийством.

В российской литературе много говорится о личной трагедии большинства поэтов Серебряного века. Расстрел Гумилева; ссылки, аресты и гибель Мандельштама и Лившица; голодная смерть Хлебникова. В английской литературе не менее важную роль играет судьба поэтов «потерянного поколения».

Есть несколько версий о возникновении этого термина. В английской Википедии предпочтение отдается буквальному смыслу этих слов. Во время первой мировой войны 37452 британских офицера были убиты на Западном фронте, из них 2438 были убиты, ранены или пропали без вести уже в первый день (1 июля 1916 г.) в битве на Сомме. Многие фронтовые офицеры были добровольцами, студентами Оксфорда и Кембриджа, успевшими к тому времени прославиться как серьезные поэты. Отсюда и возникло понятие «потерянного поколения», выражавшее горечь невозместимой утраты. Опишем судьбы хотя бы нескольких из них.

Руперт Брук

Хильда Дулитл

Эзра Паунд

Исаак Розенберг

Исаак Розенберг (1890-1918), один из наиболее значительных британских поэтов первой мировой войны, был всего лишь на месяц старше Осипа Мандельштама. Он родился в рабочей семье еврейских эмигрантов из России. Хотя Исаак жил и учился в одном из самых бедных районов Лондона, уже в 14 лет он подавал большие надежды как поэт. Его ранние стихи «Бог» и «Моисей», поражали своей зрелостью и выдавали в нем предвестника Томаса Элиота. Несмотря на хроническое заболевание бронхов, Розенберг добровольцем пошел на фронт в 1915 г. Его гибель в 1918 году была подобна смерти другого британского поэта «потерянного поколения», Руперта Брука (1887-1915), пророчески писавшего: «Там своенравный солнца диск/ На склоне дня сорвется вниз»[54].

Подобно Гумилеву (1886-1921), Брук был романтиком, наделенным уникальным обаянием и ранимой душой. Как и Гумилев, в 1914 г. Брук мечтал лишь об одном: прославиться в качестве поэта-воина. Он добровольно пошел на фронт и трагически погиб в апреле 1915 года. Подобно Гумилеву, он, рожденный в Огне (в знаке Льва), с момента рождения ВИДЕЛ – видел «сверканье звезды, лобзающей звезду». Его стихотворение «Веселая компания» передает особое восприятие звезд и той переклички, которую они ведут между собой: «... всю ночь я слушал тонкий комариный зов звезды к звезде, потускневшей на небосклоне»[55].

Списки англоязычных поэтов-воинов очень длинны. Такие поэты как Уилфред Оуэн (1893-1918), Чарльз Гамильтон Сорли (1895-1915), Эдмунд Бланден (1896-1974), Зигфрид Сассун (1886-1967), Герберт Рид (1893-1968), Роберт Никольс (1893-1944), Джулиан Гринфелл (1888-1915) и Роберт Грейвз (1895-1985) сумели из реальности ужаса и про-

[54] Перевод А. Рытова.

[55] «The Jolly Company»

клятий создать высокую поэзию. Характерной для того поколения была и судьба Айвора Герни (1890-1937)[56], прославившегося в 14 лет. Как и Розенберга, его освободили от армии по состоянию здоровья, но и он пошел на фронт добровольцем. После ранения его демобилизовали, но душевные раны поэта залечить не удалось. В 1922 г. он был госпитализирован в психиатрической больнице, в которой провел весь остаток жизни, до смерти в 1937 г.

Война во многом способствовала тому, что вокруг поэтов-воинов создался ореол славы, а их творчество оценивалось потомками в свете не столько их таланта, сколько их личной трагедии, вызванной сломом времен. Тем не менее, все без исключения, даже самые молодые поэты военного времени, успели прославиться и предвидеть свою судьбу задолго до войны. Это явление пока не объяснено, и остается лишь вспомнить парадоксальные строчки Мандельштама:

Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружилися листы,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Развивая дальше эту мысль, Н. Я. Мандельштам поясняла: «События внешней жизни подстрекали внутреннюю жизнь, но не являлись ее причиной. Внутренняя жизнь, пожалуй, в большей степени определяет внешние события, чем наоборот»[57].

Если отвлечься от тяжелых ассоциаций, связанных с «потерянным поколением», и вернуться к довоенным временам,

[56] Ivor Gurney

[57] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с.152.

то можно заметить, что и в Англии был свой всплеск поэзии, подобный Серебряному веку, а именно – появление поэтов-«георгианцев». Пытаясь оценить число «георгианцев», публиковавшихся до начала 1930-х годов, английская Википедия приводит слова сэра Генри Ньюболта, полагавшего, что в тот период только в одной Британии одновременно печатались больше тысячи значительных поэтов. Авторы статьи называют такое число «неимоверным», подчеркивая невозможность упомянуть всех и каждого. Чем был вызван такой небывалый всплеск поэзии? И когда точно началась волна подъема?

Одним из первых вестников этого подъема стало движение имажистов, основанное Эзрой Паундом (1885-1972). По словам профессора Сегала, новаторская роль Паунда в английской поэзии во многом была параллельна экспериментальному творчеству российского будетлянина Велимира Хлебникова, родившегося всего лишь через 9 дней после Паунда. Аналогичные параллели между английской и русской поэзией проводились, также известным переводчиком В. Топоровым, приравнявшим Хлебникова к Паунду, а Маяковского к Элиоту. По его словам, в обеих парах поэты пришли в поэзию практически одновременно; в их жизни «одновременно обозначился экзистенциальный кризис», а их поэзию роднят совпадающие темы и мотивы[58].

Из поэтов первой волны имажистов, кроме Паунда, вошел в историю также его ровесник Фрэнсис Флинт (1885-1960). Когда к 1910 г. первый клуб поэтов имажистов распался, на смену ему пришла вторая волна имажистов, собравшаяся вокруг Паунда и его друзей – американской поэтессы Хильды Дулитл (1886-1961), а также ее супруга, английского поэта,

[58] В. Топоров. «Томас Стернз Элиот», Элиот Т. С. Полые люди. Издательский Дом «Кристалл», 2000. Б-ка мировой лит. Малая серия.

Ричарда Олдингтона (1892-1962). К группе Паунда примкнули также Джон Гулд Флетчер (1886-1950) и Дэвид Герберт Лоуренс (1885-1930), прославившийся впоследствии как автор романа «Любовник леди Чаттерлей», но начинавший свою карьеру как поэт.

Поэтичность мышления стала неотъемлемой чертой уроженцев соединения Нептуна-Плутона. Например, об отце жанра фэнтези, Дж. Р. Р. Толкине (1892-1973), писали: «Он с детства умел находить поэзию в самом звучании слов»[59]. Более того, как и в поэзии Серебряного века, темы мрака, затмения, Жизни и Смерти являлись основными мотивами трилогии Толкина «Властелин колец», ставшей одной из самых известных и популярных книг XX века. Нетрудно заметить, как стихи Толкина перекликаются со стихами Лившица:

Тень покрывает великие земли
Крыльями мрака от края до края.
Тьма у могил… Содрогается замок…
Близится время подняться умершим[60].

И, как это характерно для соединения Нептуна-Плутона, в творчестве Толкина начала и концы свивались в неразрывный узел, и потому в стихах главного героя трилогии, Фродо, говорится о неминуемом конце царства тьмы и о возрождении царства света:

Зола обернется огнем опять,
В сумерках луч сверкнет,

[59] Х. Карпентер. Джон Р. Р. Толкин. Биография. Эксмо-пресс, 2002, с. 207.

[60] Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец. С-Петербург. Азбука-клссика. 2009, пер. Н. Григорьевой, В. Грушецкого, с. 819.

Клинком вернется на рукоять,
Корону Король обретет![61]

В этих стихах, так же как и в сюжете борьбы Фродо со своими подсознательными порывами, Толкину удается поднять накал повествования до уровня древних мифов о Фениксе, способном возрождаться из пепла. Так, для того, чтобы избежать торжества Тьмы и победить Мордор, страну Бездушия и Зла, Фродо должен был не только проявить героизм в борьбе с внешними силами, но и пройти через самую сложную стадию «боренья с самим собой», со своими неконтролируемыми порывами. Только выбросив последнее кольцо Власти в огонь жерла вулкана, Фродо смог бы избавиться от его чар. Только выполнив это условие и очистившись от своей собственной жажды Власти, Фродо сумел спасти мир от тьмы. И о чудо! В тот же момент пришло спасение: Жизнь в мире возродилась, а спустившиеся с небес орлы на своих могучих крыльях вынесли Фродо со склонов извергающегося вулкана.

В наши дни дети всего мира растут на сказках Толкина о хоббитах и о Властелине Колец. Подобно мифам древности, этот роман отличается многоплановостью трактовок, и подобно любым сказкам, он позволяет читателям расширить круг своих ассоциаций. В силу универсальной значимости этой трилогии, я уделила ей особое внимание, в надежде на то, что образность ее языка позволит читателям вплотную приблизиться к тематике Поэта и Власти, обсуждаемой в дальнейшем тексте.

До сих пор наше внимание сосредотачивалось главным образом на общности судеб и тем, характерных для поколения поэтов соединения Нептуна-Плутона в Англии и России. А что говорит по этому поводу статистика?

[61] Там же, с. 405.

В силу того, что не все видные англоязычные поэты начала XX века относились к каким-либо течениям, их имена в английской Википедии разбросаны по разным спискам мистических, классических, романтических и натуралистических школ. Как уже говорилось, всех не перечислить и не учесть. Но так как высказывания Бродского относились лишь к поэтам мирового значения, и так как при исследовании русских поэтов обнаружилась корреляция между списками поэтов из Википедий на пяти языках, то и при исследовании англоязычных поэтов я предпочла заменить данные английской Википедии на более короткие списки из Википедий, написанных на других языках. Выборки 9-12 включают англоязычных поэтов в списках российской, испанской, итальянской и французской Википедий соответственно.

Таблица 5.
Англоязычные поэты.

Год рождения	Выборка 9 Русская википедия	Выборка 10 Испанская википедия	Выборка 11 Итальянская википедия	Выборка 12 Французская википедия
1930-1944	5	12	4	26
1915-1929	4	14	6	23
1900-1914	3	16	6	20
1885-1899	8	21	12	21
1870-1884	3	13	5	14
1855-1869	2	4	5	5
1840-1854	7	7	4	10
1825-1839	6	8	2	6
1810-1824	5	6	7	8
1795-1809	5	11	4	11
1780-1794	5	7	4	8
1765-1779	4	8	4	9
1750-1764	3	6	2	5
1735-1749	1	0	3	1
1720-1734	3	5	5	7
1705-1719	3	1	1	2
1690-1704	1	0	1	1

В дополнение, были также проанализированы выборки тех течений в поэзии, о которых я говорила, сравнивая зарождение модернизма в России и Англии. Выборка 13 взята из российской Википедии. В ней фигурируют 26 имен ведущих русских поэтов-футуристов, из которых 21 поэт родился между 1885 и 1895 гг. Выборка 14 перечисляет наиболее известных англоязычных поэтов имажистов. В нее вошло 18 имен, из которых 11 относятся к годам рождения между 1885 и 1894.

Таблица 6.
Русские футуристы и английские имажисты.

Год рождения	Выборка 13 Русские футуристы	Выборка 14 Английские имажисты
1900-1914	0	0
1885-1899	21	11
1870-1884	5	6
1855-1869	0	1

До 1863 и после 1895 года не упоминается ни одного имажиста или футуриста. Чем объясняется, что верхняя граница периода рождения поэтов-имажистов четко очерчена годами точного соединения Нептуна-Плутона? Может, ответ был интуитивно разгадан американским поэтом Чарлзом Резникоффым (1894-1976), начинавшим свой творческий путь как имажист:

И если есть План,
то, может быть, это тоже отмечено в Плане:
поезд в метро, проходя стрелку,
скрежещет колесами,
и свет в нем на мгновение гаснет,
чтобы тотчас зажечься снова[62].

[62] «На рассвете», перевод Д. Кузьмина.

9. Немецкие поэты поколения соединения Нептуна-Плутона

Свет был уже ртом, который молчал,
только аура выдавала еще Б-га души.
Нелли Закс (1891-1970)[63]

Болью окаменел порог.
Георг Тракль (1887-1914)

Параллельно российскому Серебряному веку в немецкой поэзии возник ряд модернистских течений, среди которых наиболее известными стали дадаизм и экспрессионизм. Их взлет был стремительным, а расцвет недолговечным, но за короткие две декады своего существования они успели поразить воображение новым миром красок и образов и оказать значительное влияние на мировое искусство.

Ханс Арп

Якоб Ван Годдис

Бертольд Брехт*

Георг Тракль

Поэты-экспрессионисты остро ощущали характерные черты эпохи: предчувствие неизбежных изменений, гибели

[63] Перевод В. Микушевича.

* фото Брехта: Bundesarchiv, Bild 183-W0409-300 / Kolbe, Jörg / CC-BY-SA

старого мира, и рождения нового. Многие из них, как и их российские ровесники, обладали пророческим даром. Так, например, еще в 1911 г. Якоб ван Годдис (1887-1942) напечатал прославивший его стих «Конец века», в котором он предугадал, в частности, и свою будущую трагическую судьбу жертвы нацизма. Тем не менее, как и поэты Серебряного века России, Якоб ван Годдис верил, что все ужасы его века – это прелюдия к новой заре, и эта его вера выражена в «Утренней заре»:

Заря могучая нам свет несет
В озябших, толстых пальцах боязливо.[64]

К представителям экспрессионизма в поэзии относят, например, крупнейшего австрийского поэта Георга Тракля (1887-1914) и таких видных немецких поэтов как Георг Гейм (1887-1912), Готфрид Бенн (1886-1956) и Иоганнес Бехер (1891-1958), писавших в своих ранних стихах о будущих исторических потрясениях и мировых войнах, как о состоявшихся уже событиях.

К ярким представителям немецких поэтов-дадаистов относятся Ханс Арп (1886-1966) и Хуго Балл (1886-1927). Как и у их английских сверстников, у многих немецких поэтов этого периода жизнь была коротка. Многих послали на фронт; многим не суждено было вернуться с войны, часть из них [как Тракль и Тухольский (1890-1935)] покончили жизнь самоубийством. Российскому читателю атмосфера того времени донесена Ремарком (1898-1972) и Бертольдом Брехтом (1898-1956). Царство Тьмы и Мордора, о котором писал Толкин, было для Брехта не фантастической сказкой, а ежедневной реальностью:

[64] Перевод Ф. Сологуба.

У зла сегодня уверенный шаг.
Угнетатели устраиваются на тысячи лет.
Насилие заверяет:
все останется так, как есть.
Не слышно ни одного голоса,
кроме голоса правящих...

Немецкие поэты, рожденные в соединении Нептуна-Плутона, жили с ощущением особой «разомкнутости времен», требующей от них не приспособления к новым обстоятельствам, а переопределения фундаментальных понятий Жизни и Смерти. В то время, как Элиот и Мандельштам писали о судьбоносных узловых точках слияния начал и концов, немецкий философ Мартин Хайдеггер (1889-1976), утверждал не более и не менее, что:

«Старую онтологию[65] (и вытекающие из нее категориальные структуры) необходимо создать совершенно заново»[66].

В молодости Хайдеггер, отличавшийся редкой поэтичностью своего языка, вел лекции от лица самой смерти и рассматривал человеческое бытие как Бытие-к-Смерти. Как бы перекликаясь с Элиотом, Хайдеггер писал: «В кончине концентрируется высшая скрытность бытия. Кончина уже опережает смертных»[67]. Однако, в противовес идеалам Толкина или Пастернака, Хайдеггер не вступил в боренье с самим собой. В отличие от Фродо, он не повел борьбу с жаждой

[65] Онтология - раздел философии, в котором рассматриваются всеобщие основы, принципы бытия.

[66] Мартин Хайдеггер, Переписка, 1920-1963 / Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс; перевод с нем. И. Михайлова. — М.: Ad Marginem, 2001, с. 73.

[67] Мартин Хайдеггер. Язык. С.-Петербург 1991. Перевод Б. Маркова.

Власти в себе самом, а опьяненный ее силой, вступил в ряды НСДАП и подавил в себе голос совести Поэта. Для него, как и для Тракля, «Болью онемел порог» Нового Времени. По свидетельству друга его молодости, Карла Ясперса, ему через этот порог в себе так и не удалось переступить[68].

Позднее то изменение основных понятий бытия, за которое ратовал Хайдеггер в 20-х годах, было предложено в стихах Нелли Закс:

Народы Земли,
о если бы никто не
подразумевал смерть, говоря
«жизнь»,
если бы никто не
подразумевал кровь, говоря
«колыбель».[69]

Хотелось бы надеяться, что этот призыв Нелли Закс будет услышан, и что к следующему узловому моменту истории человечество придет с новым пониманием взаимоотношений Бытия и Времени, Поэта и Власти.

А мы пока подведем итоги статистики. В Таблице 7 сведены результаты обработки Выборок 15-19 списков немецких поэтов из английской, испанской, итальянской, русской и французской Википедий соответственно.

Несмотря на некоторые расхождения между списками (в английской Википедии отдается предпочтение поэтам современности, а в русской Википедии более популярны поэты начала XVIII века), пик 1895-1899 гг. четко прослеживается во всех этих данных без исключения.

[68] Мартин Хайдеггер, Переписка, 1920-1963 / Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс; перевод. с нем. И. Михайлова. — М.: Ad Marginem, 2001.

[69] Перевод В. Микушевича.

Таблица 7.
Немецкие поэты.

Год рождения	Выборка 15 Английская википедия	Выборка 16 Испанская википедия	Выборка 17 Итальянская википедия	Выборка 18 Русская википедия	Выборка 19 Французская википедия
1930-1944	10	0	2	3	1
1915-1929	15	2	4	7	7
1900-1914	5	1	0	2	2
1885-1899	15	9	9	11	12
1870-1884	5	3	4	7	7
1855-1869	3	4	5	3	5
1840-1854	2	1	0	8	2
1825-1839	1	2	3	5	2
1810-1824	4	2	2	17	7
1795-1809	4	6	5	13	9
1780-1794	4	5	0	9	7
1765-1779	4	4	6	11	7
1750-1764	3	0	2	4	8
1735-1749	2	5	2	7	7
1720-1734	2	2	7	8	9
1705-1719	0	0	4	2	6
1690-1704	1	0	1	2	1

10. Испанская, французская и итальянская поэзия

Непонятная путаница
закоптившихся звезд
расставляет сети моим
почти увядшим иллюзиям.
Федерико Гарсия Лорка (1898-1936)[70]

В этой главе приведем краткий обзор испанской, французской и итальянской поэзии. Выборка 20 – итальянская поэзия в английской Википедии, Выборка 21 – испанская поэзия в английской Википедии, Выборка 22 – французские поэты в русской Википедии, Выборка 23 – испанские поэты в русской

[70] Перевод А. Эйснера.

Википедии, Выборка 24 – французские поэты в английской Википедии.

Таблица 8.

Итальянские, испанские и французские поэты.

Год рождения	Выборка 20 Итальянский в английской википедии	Выборка 21 Испанский в английской википедии	Выборка 22 Французский в русской википедии	Выборка 23 Испанский в русской википедии	Выборка 24 Французский в английской википедии
1930-1944	1	13	4	1	1
1915-1929	4	17	8	2	0
1900-1914	3	25	11	7	10
1885-1899	5	25	19	7	10
1870-1884	4	11	15	3	6
1855-1869	2	8	13	2	4
1840-1854	1	4	10	0	4
1825-1839	1	5	3	2	1
1810-1824	1	2	10	4	1
1795-1809	2	0	4	2	2
1780-1794	3	0	4	0	1
1765-1779	2	0	1	1	0
1750-1764	1	0	6	4	1
1735-1749	0	0	1	0	0
1720-1734	1	0	0	0	0
1705-1719	0	0	3	0	0
1690-1704	1	0	1	0	1

Бретон

Гарсиа Лорка

Монтале

Параллельное рассмотрение творчества и биографий испанских, французских и итальянских поэтов поколения соединения Нептуна-Плутона поражает тем, что такие яркие авторы как Лорка, Гильен и Алейксандре (Испания); Элюар и Бретон (Франция), Монтале и Унгаретти (Италия) вызвали качественные изменения каждый в своей литературе. Вряд ли можно приписать случайному стечению обстоятельств то, что параллельно Серебряному веку в России, в Европе сформировались группы французского сюрреализма, итальянского герметизма и испанского «поколения Лорки-Гильена».

У большинства этих поэтов были трагические судьбы, и все они, говоря словами Джузеппе Унгаретти (1888-1970), чувствовали себя, как будто они свидетели кораблекрушения, когда все их окружение «было перевернуто, раздавлено, растерзано временем»[71]. Во всех этих движениях современники О. Мандельштама и Т. С. Элиота не только приняли вызов времени, чтобы поднять поэзию на новую ступень развития, но и, подобно Толкину, стали творцами новых жанров, нового языка и новой мифологии. Эту особенность поэзии того

[71] Carmelo Sambugar – Doretta Ermini «Pagine di letteratura italiana ed europea. Profilo storico ed antologia 3 dal Romanticismo al Neoavanguardia» La Nuova Italia copyright 1994 Editrice, Scandicci (Firenze) c. 898

времени особо выделил Бродский. В статье, посвященной лауреату Нобелевской премии Эудженио Монтале, он ярко описал, как на базе новых понятий и языка «возникает частная мифология, которая постепенно приобретает все черты, присущие любой мифологии, включая сюрреалистические видения, метаморфозы и т. п.»[72].

Не углубляясь далее в анализ итальянской поэзии тех лет, зададимся пока более простым вопросом, сформулированным Монтале и характерным для поэзии его поколения:

Стойте, а как же предвестие
важного поворота?
Не говорило ли что-то
о новой в жизни главе?[73]

Поиском ответа на этот вопрос о приметах и предвестиях новой главы в жизни человечества, занималось и целое поколение поэтов, рожденных в соединение Нептуна-Плутона в Испании. Российскому читателю хорошо известно имя Лорки – одного из наиболее популярных и любимых поэтов Испании, убитого в начале Гражданской войны и ставшего символом сопротивления фашизму. Менее известен тот факт, что Лорка, известный также как драматург, музыкант и художник, был душой группы интеллектуалов, именуемой «поколением 27 года». Эту плеяду «блестящего поэтического созвездия»[74], заявившую о себе серией публичных лекций, приуроченных к 300-летию со дня смерти испанского поэта Луиса де Гонгоры (1561-1627), называют также «поколением

[72] И. Бродский. «В тени Данте». Пер. с англ. Е. Касаткиной. «Иностранная литература» 1996, №12.

[73] Перевод Е. Солоновича.

[74] По меткой характеристике известной переводчицы с испанского, Н. Ванханен.

диктатуры», «поколением республики» или «поколением Лорки-Гильена». Кроме Лорки, в нее входили лауреат Нобелевской премии Висенте Алейксандре (1898-1984) и филолог Дамасо Алонсо (1898-1990); испанские поэты Хосе Бергамин (1895-1983), Хорхе Гильен (1893-1984), Херардо Диего (1896-1987) и Педро Салинас (1891-1951); чилийский поэт Висенте Уидобро (1893-1948) и один из основателей авангардизма в аргентинской поэзии – Хорхе Луис Борхес (1899-1986).

Жизненная драма Лорки перекликается у российского читателя с трагедией многих поэтов Серебряного века, а его расстрел в 1936 г. ассоциируется с жертвами репрессий 1937 г. Как выясняется, параллельные жизни могли иметь место при разных режимах и в разных странах. Да и мистически возвышенный трагизм поэзии Лорки настолько напоминает российских акмеистов, что благодаря этому в России он еще более популярен, чем в родной Испании. Как и его сверстникам, на долю Лорки выпало (по его словам) «видеть жизнь, видеть смерть, видеть синтез вселенной», видеть как «встречаясь в пространстве, сливаются вместе они»[75]. В поэзии Лорки чарует особенное богатство образов звездного мира. Вслушиваясь в «звездный шелест», поэт ощущал в сердце своем «неясную дрожь созвездий». Подобно Бруку в его «Веселой компании», Лорка в «Эстампе неба» сочувствовал одиночеству звезд, мечтая их сблизить и «сосватать»: «Звезды ни с кем не помолвлены./ Ни с кем!/ А такие красивые!/ Они ждут поклонника,/ чтоб он их отвез/ в их Венецию, идеально счастливую»[76].

Подобно Элиоту, Мандельштаму или Мистраль, Лорка и Гильен видели в звездах глашатаев начал и концов, Жизни и Смерти, а свет и мрак сливались в их поэзии «рассвета» во-

[75] «Это пролог», перевод О. Савича.

[76] Перевод О. Савича.

едино – в символ туго стянутого узла времен. Интересно, что в стихотворении «Конец страстной субботы» Гильен как бы дополнял метафору «черного солнца» Мандельштама обратной ей формулой «сияющего мрака»: «Божий свет нам подал знак:/ Погляди – сияет мрак!»[77].

Подобно героям мифов Толкина, Лорке чудилось, что в душе его живут «древние тени, гул прошлых страданий» и скрываются «увядшие зори, и синие звезды». Подобно Фродо из «Властелина Колец», ему было мало разбудить «спящую зарю», ему самому хотелось стать творцом будущего. Для тех, кто призван созидать будущий мир, не может быть более подходящего времени, чем смена эпох, а в восприятии Лорки окружающий его мир был как «Звезда голубая – заводь времен, завязь эпох».

«Завязь эпох»... Только ли поэтическая метафора? Два центральные фигуры «поколения Лорки-Гильена», сам Лорка и Висенте Алейксандре, родились в 1898 году. Казалось бы естественным назвать их группу «поколением 1898», но это название история присвоила иной категории поэтов. «Поколением 98 года» или «поколением Катастрофы» названа группа испанских авторов, отразивших в своем творчестве глубокий социальный и моральный кризис, вызванный крахом колониальной империи 1898 г., последовавшим за поражением в войне с США и потерей Испанией Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппинских островов. К «поколению 1898» относятся, например, Антонио Мачадо (1875-1939) и Хуан Рамон Хименес (1881-1958).

Заметим очередную синхроничность: Лорка родился в 1898 году, в том самом году, когда стечения обстоятельств связали воедино несколько узловых точек в истории Испании, в истории мира, в истории мировой культуры и в карте звездного неба. Какая именно из этих узловых точек предве-

[77] Перевод Н. Ванханен.

щала «новую в жизни главу»? Был ли это крах империи? Или публикация художественного кредо «поколения 98 года»? Было ли это соединение Нептуна-Плутона или рождение нового поколения поэтов в этот период? Или же все это сплетение совпадений диктовалось самим временем?

Хотя циклы Нептуна-Плутона будут подробно рассматриваться позднее, важно обратить внимание на периоды соединения Нептуна-Плутона, как на возможную «завязь эпох». В этом смысле символичным является то, что предыдущий период соединения Нептуна-Плутона наблюдался за 500 лет до дня рождения Лорки, в 1398/1399 гг., и именно тогда родился инициатор создания колониальных империй, легендарный португальский инфант Энрике Мореплаватель (1394-1460), которого в Англии называют также принцем Генри Мореплавателем. Этот пионер «Эпохи Великих Географических Открытий» открыл новую главу в жизни человечества, внеся наибольший вклад в культуру мореплавания и освоения новых земель. В главе о Португалии будет рассмотрено подробнее, как личная инициатива Энрике Мореплавателя заложила фундамент колониальной политики всей Европы, и почему поражение Испании в 1898 г. символизировало конец 500-летней эпохи колониализма. А пока отметим еще раз, что 1898 год был годом встречи «концов и начал»: концом идеи колониализма и рождением «поколения Лорки-Гильена».

Расстрел Лорки, подобно расстрелу Гумилева, возвращает нас к теме Поэта и Власти, как к одной из центральных тем поколения соединения Нептуна-Плутона. Эта тема прозвучала, пожалуй, с особенной силой в поэзии Франции, и впервые она привлекла мое внимание задолго до нынешнего исследования, а именно при написании главы «Король и поэт»[78], посвященной двум селестиальным близнецам: бри-

[78] Э. Левин. Селестиальные близнецы. Амрита-Русь, 2006. «Король и поэт». с. 404-444.

танскому королю Георгу VI (1895-1952) и одному из основателей сюрреализма, французскому поэту Полю Элюару (1895-1952). Поль Элюар и Георг VI были наделены редкой способностью вдохновлять людей и вести их за собой посредством живого слова.

Короля символически называли «пастухом» своего народа; о поэте Элюаре говорили, что он «нянчит звезды», и обоих любили за их доброту. Но сейчас речь идет не о личных качествах этих селестиальных близнецов, и даже не о поразительном сходстве их судеб, а об их исторической роли в свете циклов мировой истории. Для того, чтобы глубже прочувствовать эту роль, обратимся к поэтическим словам их ровесницы Нелли Закс: «Кому же, как не нам, говорить от имени немых!» Оказывается, что Георг VI, подобно Элюару и четверке поэтов, упомянутых Бродским, понимал свою миссию так, как видела ее Закс: выражать мысли и чаяния тех, кому не дано искусство слова. В то время как Элюар, певший о свободе Франции и всего человечества, стал предводителем поэтов-сюрриалистов, король Георг VI стал ярким «трубадуром свободы» среди императоров. Этот король не только бесстрашно повел за собой народ на борьбу с фашизмом, но и вошел в историю как «последний колониальный император». Родившись через 501 год после Энрике Мореплавателя, Георг VI завершил отживший колониальный цикл в мировой истории и начал новый цикл демократизации и глобализации.

В свою очередь, Поль Элюар не считался «только» поэтом. Его имя неразрывно связано с мировым движением сюрреализма, зародившегося сразу после первой мировой войны. Костяк движения составляла «великолепная семерка» французских поэтов: Поль Элюар, Андре Бретон (1896-1966), Филипп Супо (1897-1990), Луи Арагон (1897-1982), Бенжамен Пере (1899-1959), Тристан Тцара (1896-1963) и Робер Деснос (1900-1945). Большинство сюрреалистов были бывшими фронтовиками, и их целью было изменение общественного

сознания, приведшего к первой мировой войне. Сюрреалисты полагали, что творческая энергия исходит из сферы подсознания (символизируемого в астрологии Нептуном), и верили в возможность трансформации мира при помощи этой энергии (трансформация в астрологии символизируется Плутоном). Они заявляли, что сюрреализм – это метод постижения тайн бытия и изменения окружающего мира, позволяющий подняться над болью поражений и утрат. В многочисленных манифестах и декларациях сюрреализм, просуществовавший в период между двумя мировыми войнами, подобно Лорке, ставил своей целью не столько описать действительность, сколько преобразовать и создать ее. Во многом это движение больше напоминало политическую партию, чем цех поэтов или художников. У сюрреалистов были свои лидеры и последователи, публикации и выставки. В период расцвета сюрреализма на его выставке 1938 г. было представлено 14 стран.

Как писал Деснос, они «жили в суровый век», и поэтому символика темы Поэта и Власти занимала в жизни французских поэтов поколения 1891 г., не меньшее место, чем у их российских или испанских собратьев. После шока первой мировой войны жизнь уготовила им еще более страшное испытание – вторую мировую войну. Но поэты-сюрреалисты Франции приняли и этот вызов, бесстрашно вступив в ряды Сопротивления. Десносу это стоило жизни. В 1944 г. он был схвачен гестапо и депортирован в Германию. Деснос прошел через концлагеря, проявив необычайное мужество и оказывая помощь другим заключенным. В 1945 г. он умер в Терезинштадте. Но несмотря на трагизм его судьбы, в поэзии Десноса звучит все то же характерное для рожденных в 1891/1892 гг., признание особой важности разлома времен:

Из глубины ночной, во мраке леденящем
Свидетельствуем мы: прекрасен дня расцвет.

Мы жить не в будущем хотим, а в настоящем
И потому не спим, чтоб не проспать рассвет[79].

В заключение этой главы вернусь к статье Бродского, посвященной Монтале. Говоря об исключительном качестве его поэтического дара, Бродский поражался редкому таланту синтеза, создающего впечатление, будто «мысль охватывает угол в 360 градусов». Такое же стремление к синтезу в поэзии характерно и для ровесников Монтале в других странах. Вряд ли стоит этому удивляться, если прислушаться к Бродскому: «В конечном счете поэзия сама по себе – перевод; или, говоря иначе, поэзия – одна из сторон души, выраженная языком[80]. И если души наделены редкими качествами синтеза, то их поэзия преломит в себе подобные идеалы…»

11. Поэты «небольших языков» и поэзия эсперанто

И стало ясно мне без слов,
что рухнет до утра
тот мост, что время возвело
меж завтра и вчера.
Рахель (1890-1931)[81]

Такого неба еще не помнят, наверно, люди,
С такого неба грядущей веры струится пламя,
Народ мятется, бичуют тело, кричат о чуде
И ту минуту переживают потом веками.
Юлиан Тувим (1894- 1953)[82]

[79] «Завтра», перевод Н. Сухачева.

[80] И. Бродский «В тени Данте». Пер. с англ. Е. Касаткиной. «Иностранная литература» 1996, №12.

[81] Перевод А. Тарна.

[82] Перевод А. Гелескула.

Результаты Выборок 25-28, относящихся к спискам украинских, польских, грузинских и ивритских поэтов в английской Википедии, представлены в Таблице 9:

Таблица 9.
Поэты «небольших языков» в английской Википедии.

Год рождения	Выборка 25 Украинский	Выборка 26 Польский	Выборка 27 Грузинский	Выборка 28 Иврит
1930-1944	2	2	6	14
1915-1929	7	0	9	9
1900-1914	4	2	7	8
1885-1899	9	4	10	14
1870-1884	2	0	4	5
1855-1869	1	1	4	5
1840-1854	2	0	2	3
1825-1839	1	0	1	3
1810-1824	4	1	4	1
1795-1809	2	0	4	3
1780-1794	0	0	2	4
1765-1779	0	0	1	0
1750-1764	1	0	1	0
1735-1749	1	0	2	0
1720-1734	0	1	1	1
1705-1719	0	0	0	0
1690-1704	1	0	1	0

Вновь поражает не только всплеск рождения максимального числа поэтов в 1885-1899 годах, но еще и характерные для того периода особенности сочетания таланта с драматичностью судеб. Напомним несколько узловых моментов, скрывающихся за абстрактными числами этой строки в Таблице 9. Так, в украинской поэзии речь идет не о «потерянном», а о «расстрелянном» поколении; о трагедии «ВАПЛИТА» и об уничтожении Сталиным всего цвета украинской интеллигенции, приведших к самоубийству Миколы Хвыльового (1893-1933). Говоря о поэтах этого поколения, нельзя обойти молчанием расстрел мастера сонетов, переводчика античной поэзии и украинского «неоклассика»

Николая (Мыколы) Зерова (1890-1937). Незабываема и драма жизни и смерти таких ярких поэтов Грузии, как Галактиона Табидзе (1891-1959) и Паоло Яшвили (1894-1937), доведенных властями до самоубийства. Подобно им, был доведен до самоубийства один из основателей польской авангардистской поэтической группы «Скамандр», Ян Лехонь (1899-1956). Это лишь малая часть того, что необходимо упомянуть о поэтах того поколения. Но, пожалуй, самое главное то, что эти поэты ВИДЕЛИ, как в их подсознании преломлялось соединение Нептуна-Плутона.

Николай Зеров

Галактион Табидзе

Юлиан Тувим

Залман Шазар

Какие только звездные метафоры не украшают перекличку поэтов этого поколения, пытающихся описать космическое явление, сопутствующее их рождению! В их стихах настойчиво повторяется тема борьбы с тьмой и ожидание «великого рассвета». У Табидзе к тому же возникает особое опасение: упасть в «космическую лужу» или погибнуть в борьбе между звездными титанами. Апофеоз видения картины этого звездного затмения достигается, пожалуй, Табидзе в стихотворении «Эфемера»:

Я безумными глазами наблюдаю состязанье
Лучезарного азарта эфемеры нелюдской.
В стуке дробном, дробном, дробном мир угроблен

преогромный
Ничего не слышно, кроме – кроме грома на века.
Мчатся кони, кони, кони на Вселенном ипподроме,
Мчатся синие фантомы по разомкнутым кругам...[83]

Что это: сюрреализм или описание космических реалий? «Гром на века», – и в самом деле, такое соединение планет бывает лишь раз в пять веков, а «разомкнутые круги» напоминают об иллюзорной природе этого соединения. Ведь это только нам, жителям Земли, кажется, будто планеты сталкиваются в своем стремлении «угробить мир». На самом деле, на этом Вселенном Ипподроме все орбиты разделены, так как они наклонены под разными углами к эклиптике. И отсюда, это не катаклизм, а лишь фантом его, в то время как истинные «кони» продолжают свой бег, не останавливаясь ни на миг. Чтобы избавиться от этой минутной иллюзии «мрака», Табидзе мечтал сам превратиться в луч света:

Да будет свет! Соединим
перед восходом сотни рук,
И только вспыхнет светлый нимб –
Его лучами станем вдруг![84]

Создается впечатление, что в тот период количество метафор превысило возможности имеющихся слов, а количество поэтов возросло настолько, что им стало тесно в рамках существовавших языков. С одной стороны, это привело поэтов, рожденных в 1885-1899, к поискам неологизмов и авангардистских экспериментов. С другой стороны, это способствовало появлению «украинского ренессанса» в

[83] Перевод Е. Квитницкой.
[84] 1910 г. Перевод Ю. Рязанцева.

УССР, возрождению древнееврейского и греческого языков на их исторических землях, внедрению африканских традиций в «гарлемском ренессансе» в США, расцвету польской, шведской, болгарской, грузинской, сербо-хорватской и белорусской поэзии. Многочисленные переводы порождали необходимость создания единого мирового языка, и на этом фоне возникло уникальное явление – рождение поэзии на эсперанто.

Примечательно, что из девяти наиболее известных поэтов-эсперантистов, родившихся до 1945 г., четверо родились в 1891 году[85]. Приведу отрывки из популярного стихотворения «Шантеклер» Николая Хохлова (1891-1953):

Привет тебе, вестник рассвета, привет тебе, ранняя птица!
Без времени звонко запел ты, ведь небо еще не лучится;
В предутренних снах утопая, селенье еще отдыхает,
И сумрак прохладные росы по лону лугов расстилает.

И лишь два товарища ночью, стоим на посту мы, на страже.
Кричишь ты, а я сочиняю те сказки, что сердце подскажет.
Никто тебя, верно, не слышит, никто не поймет, что пишу я,
Никто даже взгляда не бросит на песню, что льется, тоскуя.
…
Кричи же, о галл златоперый! Ночное дежурство кончая,
Приход долгожданного утра Петух и Поэт возвещают!
И слушайте все, у кого есть и уши, и чувства живые,
Как, новый рассвет ожидая, приветствуем мы, часовые[86].

[85] Один из них, венгерский эсперантист Дьюла Багги родился 13 января 1891 и был всего лишь на два дня старше Осипа Мандельштама. Как и Мандельштам, писать он начал рано и уже в 1911 г. был признанным поэтом. Воевал во время первой мировой войны, а затем попал в русский плен.

[86] Перевод А. Тонти и Б. Торнадо.

Читая Хохлова, нет сомнения, что он, так же как Мандельштам и Гумилев, Элиот и Мистраль, Галактион Табидзе и Юлиан Тувим, Пастернак и Хлебников – ВИДЕЛ. Эти поэты видели то, что жившие рядом с ними современники, родившиеся в другие годы, рассмотреть еще не могли. Начало грядущих перемен человечества. Они слышали зов, и у них не хватало слов описать его на земном языке. Настолько не хватало, что они обращались к новым языкам: Хохлов пришел к эсперанто, а Хлебников – к языку «зауми». Но и Хлебникова мы можем понять сегодня без перевода:

И я свирел в свою свирель,
И мир хотел в свою хотель.
Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток.
Я свирел в свою свирель, выполняя мира рок.

Будетляне, футуристы, акмеисты, эсперантисты, сюрреалисты, экспрессионисты, дадаисты, анархисты, объективисты, поэты-мистики и поэты-пророки – нет, в одну четверку великих, пожалуй, уместить их нельзя.

И действительно, на примере возрожденной поэзии иврита, можно увидеть, что не только Бродский заметил особое явление, произошедшее в 1891/1892 гг. Оказывается, что об этом писал и Алекс Тарн – переводчик на русский язык Рахели, символа своего времени и одной из наиболее популярных поэтесс современного иврита. В послесловии к переводам стихов Рахели, Тарн ставил ее в один ряд с российскими ровесниками, объясняя появление всей этой плеяды невиданным расколом времен, в котором они очутились в силу своего времени рождения в конце XIX века. Поражаясь неимоверному контрасту между детскими их годами и той «безжалостной мясорубкой», в которую они угодили в пору юношества, Тарн писал:

«Думаю, что именно этому несоразмерно дикому размаху между ожиданиями и реальностью мы обязаны появлением великой четверки русской поэзии в составе Анны Ахматовой (род. 1889), Бориса Пастернака (род. 1890), Осипа Мандельштама (род. 1891) и Марины Цветаевой (род. 1892). Столетья и в самом деле окружали их огнем. Они буквальным образом попали из огня да в полымя: из небесного огня прекраснодушных надежд в адское пламя преисподней. Но в созвездии Великой четверки есть еще одна, пятая звезда, крепко связанная зримыми историческими и эстетическими нитями со своими соседями. Это – замечательная поэтесса Рахель (Рая Блувштейн), появившаяся на свет в Саратове в 1890 году и волею судеб составившая счастье не русской, но ивритской поэзии».

Рахель писала, что родилась «на заре благовестного дня». Вместе с другим известным поэтом того поколения Залманом Шазаром (1889-1974), ставшим впоследствии президентом Израиля, Рахель «будила зарю» (после ее смерти Шазар называл Рахель «пастухом рассвета»). Эти молодые люди строили новую жизнь в кибуцах, воспевали рождение нового человека и приветствовали рассвет нового общества. Позади они бесповоротно оставили ту страну, в которой родились, тот язык, на котором говорили в детстве, и все то, чему учила их история в рассеянии.

Казалось бы, что жизнь могла быть намного более благосклонной к Рахели, чем к ее дальнему кузену Осипу Мандельштаму. Ее не травили как Пастернака, Цветаеву и Ахматову, но и она не избежала пастернаковского «боренья с самой собой». Оказывается, что и Рахель, как и четверку российских поэтов, догнал их общий век:

«Как и они, Рахель была раздавлена веком-волкодавом, выброшена за обочину, где только и позволено было дышать таким аутсайдерам. Дышать до поры до времени – пока волкодав не переведет на них свои налитые кровью буркала»[87].

[87] А. Тарн

Волкодавом для Рахель стал туберкулез легких, которым она заразилась в годы первой мировой войны, когда временно оказалась в России и ухаживала за осиротевшими детьми. Рахель умерла от этой болезни века, когда ей шел сорок первый год.

Как и у ее сверстников, наследие Рахель несоизмеримо с тем кратким периодом, который она провела на Земле. Как отмечает ее биограф, Ури Мильштейн, трудно переоценить то огромное влияние, которое поэзия Рахель оказала на формирование идеалов кибуцного и рабочего движения в Израиле. В этой связи рассмотрим один очень необычный миф, связанный с именами Рахели и Шазара – миф о «братстве эха».

Это событие произошло в 1910 г. во время экскурсии в горах Галилеи, когда Рахель еще была здорова и полна сил. Шазар на всю жизнь запомнил несказанное очарование того момента, когда юная Рахель в ослепительно белом платье грациозно взбежала на гору, и, сияя от радости, завела торжественную песнь на иврите. Шазар писал в своем дневнике: «И мы слышали каждый звук так, как будто он раздавался вблизи от нас, и не только звуки песни слышали мы, а еще и сопровождавший их мощный отклик эха, когда вся вселенная, со всех краев света ответила ей»[88].

Шазар назвал это чудесное событие поэтическими словами «И откликнулось эхо» и посвятил ему стихи, написанные в 1911 году: «Возрадовались горы и долины / наполнились песнью рощи / раздается эхо отовсюду / ликует все вокруг».

Память о том чуде не стиралась в душе Шазара, и по прошествии многих лет он вновь с трепетом вспоминал то восторженное состояние, в которое привел его отклик эха:

[88] Ури Мильштейн // «Стихи Рахель. Секрет их волшебства» (на иврите). 1993, с. 375.

«И насколько же я был радостно поражен, когда по прошествии 17 лет узнал, что и Рахель все еще хранит в памяти своей воспоминания того дивного чуда “И откликнулось эхо”, и что она с благодарностью описывает тот:

чистый мощный отклик эха,
…горное эхо сейчас подле нас.
Я запомню навсегда».

Действительно, Рахель тоже относилась с благоговением к тому моменту, когда, по ее словам, они вслушивались «в эхо, доносившее отзвуки древнего Божьего Слова». Она неоднократно возвращалась к этой теме в своих статьях и описала это событие в двух стихотворениях, посвященных Залману. Первый стих назывался «Эхо» (1925), а второй – «Братство эха» (1927):

Братство эха живет меж нами,
тьмы минувших годов сильней.
Еще теплится в сердце пламя
тех наивных и чистых дней.
…
В чуждом, воющем, злом бедламе
как прошел он среди огней?
Отчего это братство – с нами,
тьмы минувших годов сильней?[89]

По словам Мильштейна, Рахель не думала, что жившее в ней эхо превратится затем в эпос, но, учитывая ту яркость и глубину эмоций, которое оно вызвало в душах двух больших поэтов того времени, биограф непроизвольно восклицал:

[89] Перевод А. Тарна.

«Стоит ли удивляться, что после своей смерти Рахель оставила легенду, ставшую ‘тьмы минувших годов сильней?’»

Сравнивая эффект этого прекрасного мифа со стихами Бродского «Вид с холма», по-новому относишься к тем строчкам, в которых поэт как бы извиняется за то, что он и его поколение служат всего лишь «пищей эха». Скорее всего, Бродский не был знаком с мифом «братства эха», и ему вряд ли было известно о том, что Рахель принадлежала к тому же поколению титанов, что и его великая четверка. Но будучи ярким представителем «молодой смены» – «поколения преемников и сыновей» – он дружил с Ахматовой и мог быть свидетелем отголосков того эха Вселенной, откликнувшегося на предрассветные песни поколения, родившегося на срезе времен.

И пусть Рахель отделяли от ее российских сверстников границы и язык, на котором они слагали стихи. И пусть у каждого из них были свои личные боли и беды, судьбы и проблемы. Но их объединяло стремление подняться над плоскостью земного бытия, открыть иное измерение и вознестись туда, где все сливается воедино, как в лобзании их звезд. Говоря словами Бенедикта Лившица (1887-1937):

Я знаю: в мировом провале,
Где управляет устный меч,
Мои стихи существовали
Не как моя – как Божья речь.

Теперь они в земных наречьях
Заточены, и силюсь я
Воспоминанием извлечь их
Из бездны инобытия.

Бенедикт Лившиц

Пою с травой и с ветром вою,
Одним желанием греша:

Найти хоть звук, где с мировою
Душой слита моя душа.

12. Связь времен, или как считают поэтов времен Древнего Рима?

Мы говорим, когда нам плохо,
Что, видно, такова эпоха,
Но говорим словами теми,
Что нам продиктовало время.
И. Эренбург (1891-1964)

Тема окончания уходящей эпохи и начала кардинально иных времен роднит поэзию поколения 1891-1892 гг. со знаменитыми стихами Вергилия из Четвертой Эклоги:

Снова великий веков рождается ныне порядок.
Дева приходит опять, приходит Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
Мальчика лишь охрани, рожденного, с коим железный
Кончится век, золотой же возникнет для целого мира[90].

Это сходство мироощущения соответствует предположению Бродского о связи времен поэтов Серебряного века и поэтов Древнего Рима. Но действительно ли мы имеем дело с цикличным процессом? Реально ли провести анализ числа поэтов, рожденных в соединении Нептуна-Плутона в первом веке до нашей эры? Кто и как определяет точные сроки этого соединения и его продолжительность? И о какой точности в датах рождения поэтов, родившихся 2000 лет назад, можно говорить?

[90] Перевод С. Шервинского.

В общих чертах можно сказать, что сведения о поэтах Древнего Рима скудны, отрывочны и зачастую противоречивы. В те дни биографов, как правило, не волновали судьбы поэтов. На протяжении многих веков интерес вызывали жизнеописания императоров, консулов и полководцев, а факты из жизни философов и поэтов не занимали почти никого. Современным историкам и литературоведам зачастую приходится восстанавливать судьбы поэтов по фрагментам из их уцелевших произведений и по случайным записям из трудов их современников.

Очевидно также, что 2000 лет тому никто не мог вести наблюдения за движением Нептуна и Плутона, так как не было телескопов, позволяющих увидеть эти планеты, открытые в недавнем прошлом. В силу этого, взаимное расположение планет оценивается в соответствии с законами Кеплера, определяющими скорости их движения. Для этого используются компьютерные программы, написанные с учетом точных данных орбит рассматриваемых планет. Впоследствии будет приведена подробная астрономическая справка о сроках и о продолжительности соединения Нептуна-Плутона, а пока ограничимся тем, что во времена Древнего Рима оно происходило в первом веке до нашей эры.

Как уже указывалось, современная датировка рождения исторических личностей проводится историками и хронологами, устанавливающими соответствие между нынешним отсчетом времени и древними системами летосчисления. Мы еще не раз коснемся сложностей, возникающих при таких пересчетах, а пока, отметим, например, что как раз в первом веке до н. э. была проведена реформа Юлия Цезаря, заменившего древний римский календарь из десяти месяцев на Юлианский календарь. Хотя в новом календаре, принятом в 45 г. до н. э., уже было 12 месяцев, датировка лет продолжалась вестись по годам правления консулов. Летоисчисление претерпело очередное кардинальное изменение, когда в 16 г.

до н. э. стали вести отсчет от предполагаемого года основания Рима (753 до н. э.). С одной стороны, эти реформы усложнили пересчеты дат, но с другой стороны, они же вызывали рост интереса к хронологии и обеспечили большую достоверность дошедшей до нас датировки.

Учитывая скудность исторического материала и спорность хронологических оценок, ясно, что не стоит ожидать наличия достаточного количества достоверных статистических данных о годах рождения великих поэтов древности. Тем не менее, история сама по себе создает проверенные временем выборки, сравнение которых давно уже привело к выявлению пика рождаемости великих поэтов в первом веке до нашей эры. Это явление вошло в историю мировой культуры как «эпоха Августа»[91] или «золотой век», в литературе которого всецело господствовала поэзия. Именно такое заключение истории навело Бродского на мысль провести параллели между этим периодом и Серебряным веком в России, а меня – сопоставить с этими вехами параллельные им астрономические явления.

Август

Несомненно, было бы нереальным подходить к анализу дат рождения поэтов Древнего Рима с теми же мерками, что и к поэтам Серебряного века. Но является ли эта преграда достаточным поводом для полного отказа от попытки провести такой анализ? На память приходят выводы одного из величайших философов XX в. Карла Поппера:

«В физических измерениях, например, мы всегда стремимся установить пределы возможной ошибки. Точность вовсе не в том, чтобы свести ошибку к нулю, и не в том, чтобы заявить, что ее вообще нет. Точность, скорее, состоит

[91] По имени императора Августа , он же Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 г. до н. э- 14 г.).

в том, чтобы явно признать существование возможной ошибки в определенных пределах»[92].

В дальнейшем будут дополнительно обсуждены как допуски погрешностей в исторических данных, так и судьба и творчество Вергилия, чья дата рождения известна с большой степенью достоверности и в точности соответствует расчетам соединения Нептуна-Плутона.

Но, прежде всего, хотелось бы сравнить общий настрой поэзии Золотого века с поэзией поколения соединения Нептуна-Плутона XIX века. Принимая во внимание, что для поэтов Древнего Рима естественным языком было обращение к мифологическим образам, попробуем обратиться к мифологическому типу мышления и мы.

В современном мире большое внимание исследованию языка мифов было уделено К. Г. Юнгом, введшим понятие архетипов. Под архетипами Юнг подразумевал первичные схемы образов, воспроизводимые бессознательно, а потому выявляющиеся в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства, в снах и в фантазиях. Идеи Юнга оказали значительное влияние на поэтов и писателей XIX века. Лауреат Нобелевской премии по литературе Томас Манн писал, что: «в типичном всегда есть очень много мифического, мифического в том смысле, что типичное, как и всякий миф, – это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы»[93].

[92] К. Поппер, «Открытое общество и его враги». Т. 2: Международный фонд «КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА», Москва, 1992, с. 26.

[93] Томас Манн. Собрание сочинений, т. 9, М., 1960, с. 175.

В свете этих идей, говоря о соединении Нептуна-Плутона, отметим, что названия этих планет были заимствованы из древней мифологии. Естественно ожидать, что мифический тип мышления, сопоставляющий действительность с «вневременной» или с «издревле заданной формулой», тем самым приписывает планетам Нептуну и Плутону те же характеристики, которые ранее относились к мифическим божествам. А конкретнее, имя Нептуна – бога морей, океанов, вод и всего, что течет – связано с эфемерными тонкими мирами: с подсознанием и с интуицией; с мифами и с идеалами; с верованиями и с идеями. Имя Плутона – бога царства мертвых, подземного царства – символизирует процессы трансформации, связанные со смертью и последующим возрождением в новом обличье. Следуя этой логике, сочетание мифологических характеристик Нептуна и Плутона во время их соединения могло бы проявляться как трансформация или метаморфоза идей, идеалов или архетипов.

Знаменательно, что в поэзии сюрреализма, созданной поколением соединения Нептуна-Плутона, действительно наблюдалось стремление преобразить мир (символизируемое Плутоном) путем погружения в подсознание (символизируемое Нептуном). В обобщенном смысле, то же стремление преобразить мир (Плутон) символизирует Власть, а погружение в подсознание связано с поиском истоков вдохновения (Нептун) и символизирует в сюрреализме Поэта. Иными словами, применение мифологического подхода наводит на мысль о том, что соединение Нептуна-Плутона, выражающееся в совмещении основных характеристик этих планет – метаморфоз и идеалов, трансформации и вдохновения, Власти и Поэзии – ярко проявилось в сознании основателей сюрреализма, рожденных в период активизации этого аспекта. А если так, то проявлялись ли подобные темы и 2000 лет тому, и если да, то как?

Ответ мы находим в одном из самых значительных произведений Древнего Рима, в поэме Овидия «Метаморфозы». Эта работа приобрела неоценимое значение как уникальный по своему охвату сборник древнегреческих и римских мифов. Слово «метаморфозы» значит «превращения», и в пятнадцати книгах этой поэмы Овидий собрал и изложил около двухсот мифов о превращениях. Последовательно странствуя во времени и пересказывая мифы, Овидий не только донес до читателей массу сведений о превращениях героев в реки, в горы, в животных, в растения и в созвездия, но и сумел, переплетая и сравнивая темы разных мифов, воссоздать историю метаморфоз самих мифов. Согласно Овидию, начиная с сотворения мира, история Земли подчиняется циклическим законам метаморфоз времени:

Что же? Не видите ль вы, как год сменяет четыре
Времени, как чередом подражает он возрастам нашим?

Народы и царства рождаются и умирают, ибо и они подвластны течению времени:

С течением времени так же, –
Мы наблюдаем, – одни становятся сильны народы,
Время другим – упадать.

Тело человека подчиняется законам времени, и людей «золотого», «серебряного», «медного» и «железного» века ожидают разные по своей природе испытания:

Также и наши тела постоянно, не зная покоя,
Преобращаются.

Разделяя учение Пифагора о переселении душ, Овидий полагал, что вечной душе предстоит пройти весь круг пере-

воплощений, диктуемый временем. Подобно поэтам Серебряного века, пришедшим через 2000 лет после него, основной темой Овидия был вопрос слияния Жизни и Смерти. В «Метаморфозах» он пытался изменить мышление современников и примирить их с мыслью, что точки Смерти и Жизни сливаются в единый узел:

Ваши тела – их сожжет ли костер или время гниеньем
Их уничтожит – уже не узнают страданий, поверьте!
Души одни не умрут; но вечно, оставив обитель
Прежнюю, в новых домах жить будут, приняты снова.

И как бы перекликаясь с Томасом Элиотом, писавшем, «В моем конце мое начало», Овидий восклицал:

Не погибает ничто – поверьте! – в великой вселенной.
Разнообразится все, обновляет свой вид; народиться –
Значит начать быть иным, чем в жизни былой; умереть же –
Быть, чем был, перестать; ибо все переносится в мире
Вечно туда и сюда: но сумма всего – постоянна[94].

Как мы видим, беглый взгляд на поэзию Древнего Рима находит в ней параллели с поэзией Серебряного века. Но это и неудивительно, так как не только Бродский, но и многие другие исследователи давно подметили значительные параллели между двумя этими эпохами.

Подходит к концу первая часть книги, ставившая своей целью проверить, «а было ли явление периодичности всплесков в мировой поэзии?» Статистика рождаемости поэтов в различных поколениях показала, что их число менялось в различные времена неравномерно, и их пики наблюдались в

[94] Перевод С. В. Шервинского.

периоды соединения Нептуна-Плутона. Сравнение мировоззрения и основных тем, волновавших поэтов, родившихся в период соединения Нептуна-Плутона, тоже свидетельствовало в пользу существования «связи времен». И все же признание существования явления еще не позволяло однозначно связать его с астрономическими циклами. Сами собой напрашивались многочисленные вопросы:

1. Существуют ли дополнительные исторические свидетельства в пользу 493-летней периодичности?

2. Отмечены ли были какими-либо всплесками развития культуры все предыдущие периоды соединения Нептуна-Плутона?

3. Прослеживается ли связь между истинными историческими процессами и взглядами астрологии на их возможную интерпретацию?

4. С какого времени следует вести отсчет исторических циклов – от свершения тех или иных исторических событий или от времени рождения людей, ответственных за эти события?

5. В дополнение к вопросам, рассматривающим каждый 493-летний цикл как целостный период времени, хотелось бы выяснить, какова структура этого цикла. Иными словами, существует ли характерная схема (узор) чередования более коротких отрезков времени (или «фаз») внутри каждого отдельно взятого цикла?

6. Позволяют ли выявленные закономерности согласованного движения Нептуна-Плутона создать модель «мировых часов», пригодных для определения времени в истории цивилизаций?

7. Возвращаясь к теме поэзии, послужившей первым толчком к этому исследованию, заключительный вопрос относится к месту поэта и поэзии в распорядке исторического дня культур и народов.

Рассматривая этот список вопросов, я поняла, что конец первой части исследования вновь привел меня к началу пути. О поиске ответов на все эти вопросы пойдет речь в следующих частях книги.

Часть вторая

ОТ ВЕРГИЛИЯ ДО БРОДСКОГО. ЦИКЛЫ НЕПТУНА-ПЛУТОНА (ГОДЫ ФЕНИКСА) И ПЕРИОДИЧНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Смерть земли? Или трудные роды?
Я летел, и горел, и сгорел.
Но я счастлив, что жил в эти годы, -
Какой высокий удел!

И. Эренбург (1891-1967)

Я – то, что есть время. А то, что есть время,
выступает как определенное место в развитии.
Если я это знаю, то знаю требования времени.

Карл Ясперс (1883-1969)[95]

1. Вещая птица Феникс и космический календарь

Забудут! Вот чем удивили.
Меня забывали сто раз.
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла, и слепла,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В тумане восстать голубом.

А. Ахматова (1889-1966)

[95] Карл Ясперс. «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с. 303.

Истоки идеи 500-летней цикличности уходят корнями в глубокую древность, кочуя из культуры в культуру и переходя из одного языка в другой едва ли не с момента изобретения письменности. Так, согласно египетской легенде, записанной древнегреческим историком Геродотом (~484 - ~ 426 гг. до н. э.), волшебная птица Феникс умирает один раз в 500 лет, сжигая себя на жертвенном огне, чтобы тут же начать новый жизненный цикл, возродившись из пепла.

Со времен «отца истории» Геродота прошло уже около 2500 лет, но и по сей день легенда о Фениксе – универсальном символе воскресения и бессмертия – остается одним из самых загадочных мифов Древнего Египта. Для современных историков эти мифы к тому же служат подтверждением важной календарной или даже космической роли, издревле приписываемой Фениксу. Так, известный египтолог Р. Т. Кларк писал:

«Вообразите жердь, торчащую из вод Аббиса. На ней сидит серый Феникс, предвестник грядущего. Он раскрывает клюв и разрывает тишину первобытной ночи призывом к жизни и началу хода событий, ‘определяя, что должно быть, а что не должно’. <…> В каком-то смысле, когда Феникс издает свой крик, он устанавливает все [календарные] циклы, так что именно он определяет все деления времени, и потому его храм в Гелиополе стал центром определения календарных дат»[96].

Согласно Кларку, птица Феникс (именуемая также Бен, Бену или Бенну) прилетала из отдаленной волшебной страны, находящейся за пределами Земли, доставляя людям жизнетворную эссенцию «Нике». В Древнем Египте эту страну называли «островом огня», местом вечного света за

[96] Robert Thomas Rundle Clark, «Myth and Symbol in Ancient Egypt», 1960.

пределами мира, где были рождены боги, где они возрождаются к жизни и откуда они посылаются в мир. В задачи Феникса входило также провозглашение начала нового цикла, и он служил «связующим звеном» между людьми и звездами.

Образу Феникса попеременно приписывалась то лунная, то солнечная символика. С одной стороны, перед тем как восстать из пепла Феникс остается мертвым три дня, что связывает его с новолунием. С другой стороны, процесс умирания Феникса ассоциируется также с лунным затмением. В противовес этой символике, со времен древних греков Феникс универсально воспринимался как солнечный символ, и по этой традиции его связывали с образом восходящего солнца, символом обновленной – через огненную смерть – жизни. Эта двойственность, совмещающая как лунную, так и солнечную символику, еще ярче проявлялась в китайской мифологии, где вещую птицу называли «Фэнхуань» (или «Фэн-Хуан») и верили в то, что она гармонично воплощает в себе инь и ян. В китайской мифологии появление Феникса символизирует свадьбу, слияние и нераздельное содружество – не только для супружеской четы, но и для вселенской гармонии инь-ян в мире двойственности.

Такие описания жизненного цикла Феникса, включающие последовательную цепочку метаморфоз – окончания предыдущего цикла; превращения Феникса в пепел; «слияния» или «свадьбы» женского и мужского начал, приводящую к возрождению вещей птицы; и, наконец, провозглашения судеб на грядущие 500 лет – параллельны ранее описанной нами символике «звездного затмения», связанного с соединением Нептуна-Плутона, происходящего раз в 493 года.

В легендах о Фениксе поражает универсальность их символизма. Подобная птица существовала практически во всех мифологиях древних народов:

* В Персии – это вещая бессмертная птица «симург», гнездящаяся в ветвях Древа Познания.

* В Аравии – это «анка», созданная по мусульманской мифологии Аллахом.

* В Индии – это райская птица «Гаруда», дитя небес и получеловек.

* У иудеев – Аврушина или птица «хол», проживавшая в райском саду и упоминаемая в книге Иова в Библии.

* В турецкой традиции – Керкес.

* У древних славян – «жар-птица».

* В скандинавской мифологии – ворон Йель.

В период Римской империи птица Феникс была символом незыблемости Рима. Христианский писатель Лактанций (~250-~ 325 гг.) посвятил ей поэму «Птица Феникс»[97], в которой сравнил ее с Иисусом Христом, воскресающим после казни. Впоследствии в христианстве Феникс стал символом воскрешения Христа и триумфа вечной жизни над смертью.

У суфиев Симург олицетворял триумф единения всего сущего, а в средневековой алхимии Феникс символизировал философский камень и соответствовал завершающей стадии его получения – Великого Делания (Opus Magnum). Идея Феникса поражала воображение таких великих писателей и поэтов разных эпох и народов, как Овидий, Данте, Фирдоуси, Шекспир и Мильтон. У поэтов поколения 1891 г. идея Феникса достигла апогея, и они, подобно Ахматовой, ассоциировали себя самих с Фениксом. Так, Марина Цветаева восклицала:

Птица-Феникс – я только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю – и горю до тла!
И да будет вам ночь – светла!

[97] «De Ave Phoentice».

Н. Я. Мандельштам в тон ей свидетельствовала: «Мандельштама кто-то – может, это была я – сравнил с птицей-Фениксом. Она сгорает в огне, а наутро оказывается, что она снова жива и поет. Во всех смыслах он был Фениксом: пройдя через кризис, он воскресал и снова говорил, причем голос его приобретал новую силу»[98]. И она продолжала: «В маленьком стихотворении, появляющемся в связи с переводом четырех сонетов Петрарки, сказано:

Тысячу раз на дню, себе на диво,
Я должен умереть на самом деле
И воскресаю так же сверхобычно.

Не обошла вниманием миф о Фениксе и «Тайная Доктрина» Е. П. Блаватской, видевшая как в Гаруде, так и в Фениксе «эмблему циклов и периодичного времени».

Как уже упоминалось, еще древние египтяне связывали Феникса с рождением нового периода в жизни общества и с космическими циклами, которым следует картина звездного неба. Геродот говорил о 500-летнем цикле. У иудеев принято считать, что Феникс упоминается в книге Иова (29,18) так: «Я умру в своем гнезде и умножу дни, как «хол» (Феникс)». Согласно иудейскому преданию («Агаде»), Феникс, в отличие от всех остальных тварей, не вкусил плода от дерева познания добра и зла, которым в раю кормила всех птиц и зверей Ева. Поэтому Феникс – единственное существо на Земле, живущее вечно, умирая и возрождаясь к новой жизни с периодичностью в 500 или в 1000 лет. Согласно РаШИ[99],

[98] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с. 267.

[99] Акроним словосочетания «Рабейну Шломо Ицхаки» – «наш учитель Шломо сын Ицхака».

слышему крупнейшим средневековым комментатором Талмуда и Библии, считалось, что Феникс возрождается к жизни каждые 1000 лет. В дополнение к этим наиболее распространенным версиям периодичности в 500 или в 1000 лет, в поздних египетских легендах о птице Феникс периодичность ее прилета иногда определяется в 1461 год.

Природа происхождения этого последнего цикла связана с потребностью древних египтян добиться синхронизации их календарного года, как с истинным солнечным календарем, так и с сезонными явлениями (например, разливом Нила), регулярно происходившими в соответствии с появлением на горизонте звезды Сириус (Сотис). Так как год у египтян состоял из 365 дней, то он был короче истинного солнечного года на четверть дня, и это расхождение постоянно сдвигало сезонное начало их Нового года. Такое несоответствие календаря приводило к тому, что каждые четыре года сезонные явления опережали календарь на одни сутки, и только раз в 1461 год (365x4+1) новогодний праздник совпадал с утренним восходом Сириуса. В результате этой периодичности, 1461 год у египтян соответствует «Году Бытия» или «Великому году Сотиса» – величайшему циклу египетского календаря. По легенде египтян, в такой год слеза Изиды падала к истокам Нила и вызывала его разлив, олицетворяя вечное движение жизни и цикличное ее возвращение к своим истокам.

Из этого обзора легенд о Фениксе видно, что человечеству издревле было присуще размышлять в терминах 500-летних (или кратным им) циклов развития, и что уже в древнеегипетской мифологии периодичность в жизни Феникса однозначно связывалась с цикличностью взаимного положения звезд. Не имея возможности точно объяснить происхождение 500-летней цикличности, более поздние авторы либо оперировали тысячелетием, либо переходили даже к полутора тысячам лет, связывая этот цикл со звездным календарем по Сириусу.

В довершение этой главы проведем еще одну параллель в духе психологической астрологии. С одной стороны, в психологии со времен Юнга Феникс считается «символом человеческого возрождения». Параллельно ему, в астрологии роль символов смерти, трансформации и возрождения приписывается Плутону и его Зодиакальному знаку, Скорпиону. В астрологии считается, что именно перед Плутоном поставлена задача обучить душу человека «стать орлом, безумно близко подлетающим к палящему Солнцу, чтобы из пепла восстать, как священная птица Феникс – высшая исправленная ступень Скорпиона». В этой символике миф о Фениксе может трансформироваться и возродиться в новом обличье: соединение Нептуна-Плутона на небесах символизирует время полной трансформации (умирания и возрождения в духе Феникса-Плутона) нашего мира коллективного подсознания и чувств (символизируемого Нептуном).

2. О зарождении астрономии

Божественной силой стиха
заставить спуститься на землю звезды.
Марк Манилий (р. 1-ый в. до н. э.)

Каждому из семи вопросов, сформулированных в конце первой части, можно посвятить не одну пространную книгу, но в данном исследовании важно было удержаться от соблазна углубляться в бесконечные джунгли захватывающих исторических примеров, гипотез, объяснений и теорий. Приходилось также постоянно напоминать себе, что хотя астрономии и астрологии известны десятки, а то и сотни важных циклов различной продолжительности (например, 84-летний, 165-летний и 248-летний периоды обращения вокруг Солнца Урана, Нептуна и Плутона соответственно), моей целью было сосредоточиться на одном единственном цикле Нептуна-Плу-

тона. Для того чтобы лучше понять природу этого важного цикла, приведем краткую астрономическую справку.

Напомним, что помимо Земли, в состав Солнечной системы входят восемь планет: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и Плутон. Все они вращаются вокруг Солнца, и их орбиты близки к геометрической плоскости, называемой эклиптикой и соответствующей видимому годичному пути Солнца. По историческому соглашению, вся эклиптика разделена на 12, равных по величине, 30-градусных секторов, каждый из которых называется именем относящегося к нему созвездия, или знака Зодиака. Эти знаки, известные с незапамятных времен, не изменялись на протяжении последних двух тысяч лет. Последовательность знаков, свойства и принцип цикличности их проявления в делах земных красочно запечатлены в одном из самых ранних сохранившихся астрономических текстов[100] – в поэме «Астрономика» древнеримского поэта и астролога Марка Манилия (или Маркуса Манилиуса), впервые переведенной на русский язык в 1993 г. Е. М. Штаерман:

«Во главе созвездий летит златорунный Овен; обернувшись, он смотрит на Тельца, встающего задом наперёд, наклонив голову и шею. Телец зовёт за собой Близнецов, за ними следует Рак, за Раком – Лев, за Львом – Дева. Затем Весы, равняющие день с ночью, ведут огненное созвездие Скорпиона; за его хвостом человек с телом лошади вечно целит стрелой в крылатую тварь. За ним следует Козерог, гибкий и стройный. За ним Водолей изливает из чаши реку, и весело плывут Рыбы. За ними, замыкая круг, следует Овен».

Упоминая Манилия, хотелось бы на его примере провести дополнительные параллели между римскими поэтами Золотого века и поколением, рожденным через 2000 лет после

[100] P. Marshall, «World astrology», London, MacMillan, 2004, p. 262.

них, в период соединения Нептуна-Плутона 1891-1892 годов. Вряд ли можно назвать случайным то, что, анализируя творчество Манилия, Штаерман характеризует его как «человека своего времени»: эпохи правления Августа и времени создания Лукрецием поэмы «О природе вещей», Вергилием поэмы «Георгики», Овидием поэм «Фасты» и «Метаморфозы»[101]. О годах жизни Манилия известно лишь то, что его «Астрономика», написанная стихами и состоящая из пяти книг, датируется первой декадой новой эры, и это говорит о том, что он был ровесником Овидия и, подобно поэтам Серебряного века, жил на рубеже смены эр. С одной стороны, подобно тому как «Метаморфозы» Овидия и «Энеида» Вергилия стали для грядущих поколений стихотворной энциклопедией мифов античности, «Астрономика» Манилия донесла до нас основы астрологических методов и традиций глубокой древности. С другой стороны, характерно и то, что все эти поэмы ставили своей целью не увековеченье старых воззрений, а провозглашение новых. Так, по мнению Маршалла, именно Манилий стал одним из основателей современной западной астрологии. И подобно тому как «Энеида» Вергилия стала на долгие века наиболее читаемым произведением римской поэзии и философии, так и «Астрономика» Манилия не прекращала привлекать к себе внимание ведущих астрологов мира. По мнению самого Манилия, залогом такого долголетия должно было стать соединение в его творчестве трех факторов: поэтической силы ритмов и метафор; глубокого познания истории и верного выбора времени написания поэмы. Мечтая «Божественной силой стиха заставить спуститься на землю звезды», Манилий родился в то время, когда небо было особенно благосклонно «к жаждущему познать его тайны и воспеть в стихах его достоинства». Приняв на себя «нелег-

[101] Е. М. Штаерман «Манилий и его время» // Марк Манилий, Астрономика, Изда-тво МГУ, 1993.

кий труд» впервые изложить в стихах историю и методы астрологии, Манилий молился о том, чтобы небеса позволили ему воспеть это знание в «ритме, подсказанном Фебом»:

«На двух алтарях возжигаю огонь, в двух храмах приношу молитвы, одержимый двойной страстью – к стиху и к теме. Подчиню строгим законам поэзии мой рассказ об огромных пространствах вращающихся небес – вряд ли можно описать их свойства в прозе»[102].

Как показала история, молитвы Манилия были услышаны, и его стихи выдержали испытание временем. Об этом свидетельствует и тот факт, что основные астрологические понятия, такие как знаки Зодиака, планеты, аспекты, стихии и дома представляются и поныне так, как их описал Манилий. Сделав это небольшое отступление, продолжим знакомиться с историей астрономии в той последовательности, как она была изложена в «Астрономике».

Говоря о доисторических временах, когда законы цикличности звездного неба еще оставались скрытыми от человечества, Манилий ужасался тому «бессмысленному существованию», наполненному постоянными страхами, на которое были обречены люди:

«До этого люди жили в невежестве; бессмысленно взирали они на небеса, не понимая создания природы. Ошеломленно смотрели люди на новый свет в небе, оплакивали его исчезновение и радовались возвращению».

Жизнь изменилась тогда, когда люди прозрели и «темной ночью время определяли по знакомым звездам, по виду неба узнавали часы». Время шло, а с ним множились знания жрецов Древнего мира:

«За долгие века упорным трудом они нашли способ сопоставить свой знак каждому периоду времени; как складывается жизнь у родившихся в тот или иной день, какому закону

[102] Марк Манилий, Астрономика, Изда-тво МГУ, 1993.

судьбы подчинен тот или иной час, сколь велики различия в судьбах, определяемые быстротечным моментом».

Параллельно с накоплением наблюдений возникала потребность в развитии математического аппарата, так как старые познания не соответствовали растущему уровню развития общества. Вслушиваясь в мифы прошлого, новые поколения открывали, что «в этих песнях нет ничего, кроме сказок о небе, украшенном землей, которая от него зависит».

Со временем каждый знак зодиака стал символизировать соответствующий ему набор человеческих характеристик, а каждой планете стали приписывать соответствующие ей силы, движущие людскими побуждениями. В Древней Греции знакам Зодиака стали приписываться дополнительные качества, система которых построена на учениях Пифагора. Постепенно взгляды пифагорейцев вытесняли представления архаичного мира. Знаки Зодиака стали разделяться по признакам мужских и женских свойств; по стихиям огня, воды, воздуха и земли; по переменным, фиксированным и кардинальным качествам. Этот исторический процесс поднятия астрономии на новую ступень развития происходил медленно и требовал усилий многих поколений мыслителей. В результате разум человеческий понял, «почему тучи сотрясаются от громов, почему зимний снег мягче летнего града, почему извергаются вулканы и дрожит земная твердь, почему идут дожди и что движет ветрами». Тогда он «освободил душу от суеверного страха, вырвав грозу у Юпитера и отдав гром ветрам, а молнию тучам». Когда разум дал многому истинное объяснение, «он рискнул подняться за границу воздуха, искать знаний в небе, постичь его целиком. Он дал форму и названия созвездиям, узнал, какими путями, согласно строгим законам, происходит их движение и как, по воле мирового божества, они влияют на изменчивость судеб».

Прервем на миг историческое повествование Манилия и рассмотрим в общих чертах, как устанавливаются соответ-

ствия между характеристикой времени и положением звезд на небе в современной астрологии. Для этого опишем ключевые характеристики[103] знаков Зодиака в Таблице 10 (стр. 114), а в Таблице 11 (стр. 115) приведем данные о периодичности движеия[104] 10 основных небесных тел, именуемых в астрологии «планетами». В Таблице 11 также приведены традиционные взгляды на значение планет в астрологии[105].

В свете этих таблиц соединение Нептуна-Плутона в Близнецах символизирует, в частности, возникновение движущей силы, побуждающей людей, рожденных в такое время, совершенствовать «утонченность» (Нептун) мышления (Близнецы) и трансформировать (Плутон) средства связи и массовой информации (Близнецы).

И вновь вернемся к Манилию. По мере усложнения задач, которые ставила перед собой астрология, усложнялись и математические модели. Поэтому в «Астрономике» особое внимание уделено геометрическим аспектам (углам) между небесными телами или определенными точками эклиптики. Объясняя теорию аспектов, Манилий описывал, как через две точки на окружности эклиптики проводятся отрезки, соединяющие эти точки с центром Земли (центром окружности эклиптики). Угол, образуемый этими отрезками, называется аспектом. Среди аспектов наиболее изученными стали те, которые образуются между точками эклиптики, служащими вершинами правильных многоугольников: квадрата, треугольника или шестиугольника. Эти аспекты, получившие соответственные названия «квадрата» (90º), «трина» (или «тригона») (120º) и «секстиля» (60º), характеризуют степень совместимости тех движущих сил, которые в свою очередь,

[103] P. Marshall, «World astrology», London, MacMillan, 2004, p. xxix.

[104] Сидерический (звездный) год; период обращения Земли вокруг Солнца относительно неподвижных звезд.

[105] P. Marshall, «World astrology», London, MacMillan, 2004, p. xxix.

Таблица 10.
Знаки Зодиака. Характеристики знаков Зодиака.

	Знак Зодиака	Стихия	Значение (по П. Маршаллу)	Ключевые слова (по И. Хикки)
I	Овен	Огонь	Инициировать	Я существую
II	Телец	Земля	Поддерживать	Я обладаю
III	Близнецы	Воздух	Передавать, информировать	Я думаю
IV	Рак	Вода	Содержать	Я чувствую
V	Лев	Огонь	Проявлять, демонстрировать	Я хочу
VI	Дева	Земля	Анализировать	Я анализирую
VII	Весы	Воздух	Относиться	Я отношусь.
VIII	Скорпион	Вода	Досконально исследовать	Я творю, я преображаю
IX	Стрелец	Огонь	Расширять	Я воспринимаю
X	Козерог	Земля	Строить	Я использую
XI	Водолей	Воздух	Обновлять	Я знаю
XII	Рыбы	Вода	Сливаться	Я верю

Таблица 11. Планеты. Характеристики планет.

Планета	Сидерический "год"	Каким знаком Зодиака управляет	Значение (по И Хикки и по П. Маршаллу)
Солнце	365,2564 земных суток	Лев	Цель, созидание, эго, отцовство
Луна	27,3216610 земных суток	Рак	Податливость, эмоции восприимчивость, материнство
Меркурий	87,969 земных суток	Близнецы и Дева	Интеллект, логика мышление, коммуникация
Венера	224,7 земных суток	Телец и Весы	Оценки, симпатии, эстетика. взаимоотношения, любовь
Марс	1,8808 земных лет	Овен	Активность, деятельность, стремления, энергичность
Юпитер	11,86 земных лет	Стрелец	Расширение, образование, благотворительность
Сатурн	29,46 земных лет	Козерог	Испытания, дисциплина, закон, порядок, ограничения.
Уран	84,323 земных лет	Водолей	Прогресс, оригинальность, непредсказуемость, революционность
Нептун	164,79 земных лет	Рыбы	Утонченность, духовность, вдохновение, мечты, идеалы, вера
Плутон	248,09 земных лет	Скорпион	Рождение и смерть, трансформация, метаморфозы

характеризуются соединяемыми этими аспектами точками Зодиака.

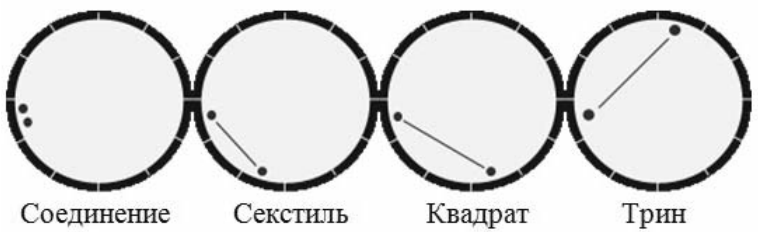

Рис. 1.

Трин, к примеру, считался гармоничным аспектом, обещающим легкость и естественность взаимодействия тех сил и принципов, которые символизируют соединяемые им планеты, а квадрат сопровождался несовместимостью, порождающей при попытке взаимодействия конфликты и кризисные ситуации.

Для того, чтобы яснее себе представить понятие аспектов, обратимся еще раз к понятию солнечного года. Так как за один год Солнце возвращается в изначальную точку, и так как вся окружность эклиптики равна 360º, то за время каждого из четырех времен года Солнце смещается в среднем на 90º, то есть образует аспект квадрата с предыдущей точкой смены времен года. Наблюдая за изменениями, происходящими в природе по мере удаления Солнца от точки весеннего равноденствия, древние ученые и поэты сравнивали их как с суточным циклом смены дня и ночи, так и с жизненными циклами людей. Согласно Манилию:

«Дуга, идущая от восхода к вершине, определяет первые годы после рождения. Та, что спускается с верхней точки к закату, властвует над отрочеством и юностью. Зрелые годы с их перипетиями лежат на дуге, идущей от заката к дну мира. Дуга, служащая дорогой к восходу, по которой медленно, как

бы через силу совершается подъем, ведает старостью, поздними годами, исходом жизни».

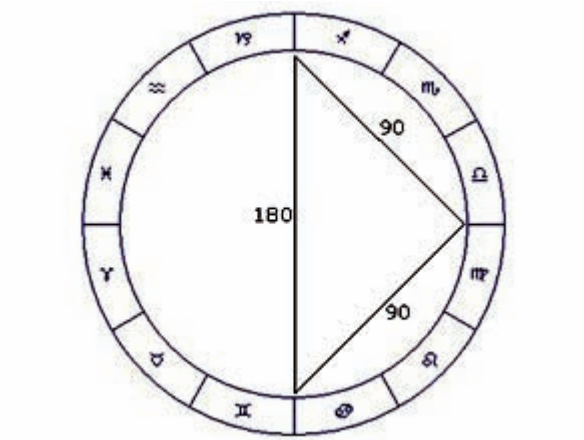

Рис. 2.

Аналогичный принцип уподобления смены времен года возрастным переменам в жизни человека описан Овидием в «Метаморфозах». По его словам, в момент весеннего равноденствия, в нулевой точке отсчета, год лишь начинается: «Маленький он, сосунок, младенческим летам подобен». Постепенно отдаляясь от точки начала года, Солнце приближается к 90º с ней и образует аспект «растущего» квадрата. И вот уже:

В лето потом переходит весна, в могучую пору;
Сильным стал юношей год, – мощнее нет времени года,
Нет плодовитей его, бурнее в году не бывает.

Еще на 90º сдвинется Солнце, и вот уже удалилось оно на 180º от начальной точки, то есть, образует с ней аспект «оппозиции». А это, по Овидию, пора осени:

Осень наступит затем, отложившая юную пылкость,
Зрелая, кроткая; год – не юноша, но и не старец–
Станет умерен, – меж тем виски сединою кропятся.

Продолжит Солнце свой путь и сдвинется еще на 90º, и вот оно отдалится на 270º от начала года и образует аспект «убывающего» квадрата, постепенно приближаясь к завершению старого года и к началу нового:

После старуха зима приближается шагом дрожащим,
Вовсе волос лишена иль с седыми уже волосами...

Так как Овидий и Манилий разделяли идеи Пифагора о цикличном переселении душ, то у них точки начал и концов сплетались в один узел. Или как писал Томас Элиот: «Что мы считаем началом, часто – конец,/ А дойти до конца означает начать сначала». Тут хотелось бы еще раз напомнить, что такой узел сплетения Жизни и Смерти мы уже не раз встречали в поэзии поколения соединения Нептуна-Плутона 1891-1892 гг. Подобно тому, как Бродский находил параллели между четверками российских поэтов Серебряного века и римской четверкой Золотого века, можно провести параллели между Элиотом и Манилием. Крылатые строки Элиота «в моем начале – конец» уже прозвучали за 2000 лет до него в «Астрономике»: «В момент нашего рождения мы начинаем умирать, и наш конец зависит от нашего начала»[106].

В завершение темы углов между планетами, приведем в Таблице 12 основные («мажорные») аспекты и их традиционные характеристики[107].

Постепенно изучение связей между знаками Зодиака, планетами и временами года привело к зарождению «хозяй-

[106] P. Marshall, «World astrology», London, MacMillan, 2004, p. 263.
[107] P. Marshall, «World astrology», London, MacMillan, 2004, p. xxix.

Таблица 12. Мажорные аспекты.

Аспект	Угол	Характер аспекта	Значение (по П. Маршаллу)
Соединение	0°	Зависит от планет	Усиление, отождествление
Секстиль	60°	Гармоничный	Умеренно благоприятный, творческий
Квадрат	90°	Напряженный	Неблагоприятный, ведет к борьбе
Трин	120°	Гармоничный	Очень благоприятный, ведет к взаимодействию
Оппозиция	180°	Напряженный	Ведет к противостоянию и воздвигает препятствия

ственной астрономии» – одной из древнейших наук на земле. Вместе с ней пришло понимание, что с течением времени из-за явления прецессии утренний восход той или иной звезды переставал совпадать с началом сбора урожая. Усложнялась математика, вводились дополнительные понятия, а мир оказывался сложнее, чем предполагали ученые древности. Говоря о постижении научного метода астрономии, Манилий сравнивал процесс познавания языка звезд с обучением стихосложению:

«Начинающим учебу малышам показывают, как выглядят буквы, объясняют их названия и употребление, затем, соединяя их, строят слоги, по слогам начинается чтение слов, объясняются суть понятий и правила грамматики и законы стихосложения, и вот песнь родится и крепнет, набирает собственную силу, а ранее познанное играет в ней свою роль. Если составляющие основу начальные элементы усвоены плохо, порядок вещей исказится, слишком поспешно преподанное учителем утечет в пустоту».

Оставаясь первопроходцем и новатором, Манилий осознавал, что его труды недоступны боль-

шинству окружающих. Его миссия отличалась от задач других поэтов:

«Я буду петь о небе для неба, чтобы звезды удивились и Вселенная ликовала под песнь своего поэта, и для тех очень немногих, кто достоин познать священное движение светил».

Манилий пел о звездах и для звезд, и его песня кочевала из века в век, пока, наконец, дошла до тех творцов современной астрономии и астрологии, кто был достоин познать священное движение светил.

А мы, ознакомившись с азами поэтического языка звезд, перейдем к описанию основ астрономии аспектов Нептуна-Плутона.

3. Астрономия циклов Нептуна-Плутона и «год Феникса»

Как в этой двухголосой фуге
Он сам ни бесконечно мал,
Он верит в знанье друг о друге
Предельно крайних двух начал.
Б. Пастернак (1891-1960)

Геометрия траекторий планетарных орбит, изменения угловой скорости движения планет вокруг Солнца и времена периодов их вращения вокруг Солнца подчиняются законам Кеплера. В частности, чем дальше от Солнца находится планета, тем больше времени занимает ее полный оборот при движении по орбите и тем дольше, соответственно, длится «год» на этой планете. Так, Земля завершает один оборот вокруг Солнца за год, равный по григорианскому календарю 365,2425 дням. Для сравнения, «год» Юпитера близок к 12 земным годам. Издревле год Юпитера считался очень важным циклом, удобным для исторической и хронологической датировки, так как Юпитер проходит примерно один знак Зодиака за год.

В то время как полный оборот Нептуна вокруг Солнца завершается приблизительно за 165 лет, Плутону для полного оборота требуется около 248 лет. Чтобы осознать длительность этих циклов, отметим, что со времени открытия Нептуна и Плутона (в 1846 и в 1930 гг. соответственно) Нептун еще не закончил полный оборот вокруг Солнца, а Плутон не завершил и половины одного оборота.

В то время как орбита Нептуна наиболее близка к окружности, орбита Плутона является наиболее вытянутой по сравнению со всеми остальными планетами Солнечной системы[108]. Согласно второму закону Кеплера, чем дальше от Солнца уводит планету ее эллиптическая орбита, тем медленнее становится движение этой планеты вокруг Солнца; чем ближе подходит орбита планеты к Солнцу – тем скорость убыстряется. Так как орбита Нептуна очень близка к круговой, то скорость обращения Нептуна вокруг Солнца остается практически равномерной, и он пребывает в каждом знаке Зодиака (т. е. проходит угловое расстояние в 30°) приблизительно за 13,5 лет. В отличие от Нептуна, скорость движения Плутона по эклиптике постоянно меняется, имея в перигелии – ближайшей к Солнце точке орбиты – почти в три раза большую линейную скорость, чем в афелии – наиболее удаленной точке орбиты. Точнее говоря, если в секторе близком к афелию – а именно, в созвездии Тельца – пребывание Плутона в одном знаке длится около 36 лет, то в секторе перигелия, в созвездиях Скорпиона или Стрельца, он проходит то же самое угловое расстояние в 30° за 12 лет.

Сопоставление орбит Нептуна и Плутона показывает, что временами они пересекаются, и в районе перигелия Плутон на короткое время входит внутрь орбиты Нептуна, подходя ближе к Солнцу, чем Нептун. Так, например, в период с 1979 по 1999 год Плутон был фактически восьмой, а не девятой

[108] Эксцентриситет орбиты Плутона: e = 0,244.

по отдаленности планетой (см. рис. 3). В силу того, что орбита Плутона имеет большой наклон (17°) к плоскости эклиптики, видимое пересечение орбит Нептуна и Плутона иллюзорно, и в действительности эти планеты обращаются вокруг Солнца в разных плоскостях.

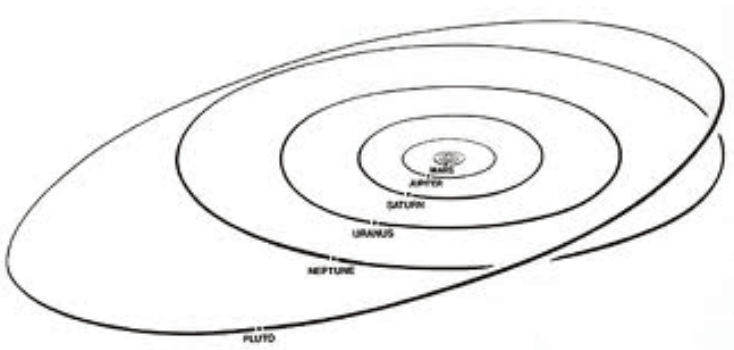

Рис. 3. Пересечение орбит Нептуна и Плутона.

Так как период обращения Нептуна составляет около двух третьих от периода вращения Плутона, то на каждые два полных цикла вращения Плутона приходятся три цикла Нептуна. В результате такого соответствия соединения Нептуна-Плутона повторяются циклично: дважды в миллениум.

В целях применения в хронологии, было бы удобно разбить 493-летний период между двумя последовательными соединениями Нептуна-Плутона на более короткие отрезки времени. Зачастую в хронологии такие разделения производятся произвольно: примером тому может послужить историческое разделение года на 12 месяцев или суток на 24 часа. Как мы уже видели, такое деление, «непривязанное» к природным «селестиальным часам», приводит к «плавающим» календарям и требует регулярного внесения календарных поправок (например, введения високосного года).

Более того, вопрос о том, правомерно ли делить весь цикл на равные по продолжительности короткие интервалы, тоже далеко не очевиден. Об этом писал еще Манилий:

«Но длина дней и ночей не всегда одинакова, как и изменения ее изменений: они сами меняются, сохраняя, однако, принцип».

Несмотря на невозможность деления года на усредненные стандартные месяцы, понимание принципов годичной цикличности движения Солнца по отношению к неподвижным звездам позволяют планировать жизнь по приблизительным календарям. И вновь обратимся к метафорам Манилия. Понимая, что физический мир, окружающий нас, отличен от математических абстракций, он отмечал, что не все поддается измерению с одинаковой точностью. Говоря о положении созвездий, по которым определяется земное время, он напоминал:

«Не думай, однако, что все небесные фигуры четко очерчены, все их части равно ярко сияют и ни одна не отсутствует. Если бы все детали звездных картин горели одинаковым светом, мир не вынес бы такого пожара. Природа убрала из огненных фигур то, что было бы для нее непосильным грузом; достаточно, что она дала формы созвездий и отметила их определенными звездами, подсказывающими взгляду нужные очертания. Середину рисунка или края можно домыслить».

По этой логике, при выборе циклов, пригодных служить селестиальными часами, важны два условия: чтобы у них были четко «очерченные края», и чтобы «середину» каждого цикла можно было «домыслить» по заданной схеме.

Оказывается, что цикл вращений Нептуна-Плутона может служить удобным циферблатом природных селестиальных часов. Изучения движения системы Нептуна-Плутона показывают, что совершая сложный космический

танец, то приближаясь друг к другу, то отдаляясь один от другого, Плутон и Нептун вращаются вокруг Солнца в резонансе, следуя сложному, но слаженному циклу, напоминающему цикл «обобщенного года». В этом цикле не только соединения Нептуна-Плутона повторяются регулярно, раз в «году» (назовем его «годом Феникса»), но и вслед за каждым соединением повторяется очередная серия той же последовательности чередования аспектов Нептуна-Плутона. Подобно тому, как аспекты квадратов, образуемых Солнцем с точкой весеннего равноденствия, разбивают «солнечный год» на четыре времени года, мажорные аспекты Нептуна-Плутона разбивают год Феникса на 8 неравных между собой фаз, соответствующих последовательной смене соединения, растущего секстиля (60°), растущего квадрата (90°), растущего трина (120°), оппозиции (180°), убывающего трина (240°), убывающего квадрата (270°), убывающего секстиля (300°), и наконец, нового соединения (360°), совпадающего с очередной нулевой точкой отсчета. Таким образом, можно сказать, что каждое последующее соединение Нептуна-Плутона служит отправной (узловой) точкой отсчета для нового года Феникса, длящегося в среднем 493 года.

Так как период обращения Нептуна лишь приблизительно равен двум третьим от периода вращения Плутона, то каждая последующая встреча между двумя планетами никогда не происходит на том же градусе эклиптики, что и предыдущая. Расчеты показывают, что сдвиг между двумя последующими соединениями Нептуна-Плутона (в начале каждого нового года Феникса) соответствует ~5°-7° эклиптики. Вдобавок, скольжение точки соединения Нептуна-Плутона по эклиптике тоже циклично, подчиняясь «мегациклу» с периодичностью в 29600 лет.

4. Продолжительность периода активизации соединения Нептуна-Плутона или «час Феникса»

Полвстречи, встречи миг, украдкой брошен взгляд
Набор невнятных фраз, все так…
И снова всплыло все, вскипает все опять,
Осколки счастья, боль и страх.

Рахель (1890-1931)[109]

В хронологических исследованиях не только важно знать, что между последующими соединениями Нептуна-Плутона проходит в среднем 493 года, но и определить продолжительность каждой такой звездной «встречи».

Так как речь идет о небесных телах, а не об абстрактных математических точках, и так как скорость движения отдаленных планет мала, а их орбиты видятся с Земли «блуждающими», то каждое такое соединение наблюдается по несколько лет. Определим период активизации аспекта соединения как отрезок времени, при котором угловое расстояние между двумя планетами не превышает 10°. Аналогично, определим период активизации любого мажорного аспекта между двумя планетами, как отрезок времени, при котором разница действительного углового расстояния между этими планетами и величиной конкретного мажорного аспекта не превышает 10°.

Из-за большой вытянутости орбиты Плутона, его скорость обращения вокруг Солнца различна в разных знаках Зодиака, и в соответствии с этим, время активизации соединения Нептуна-Плутона (назовем его для краткости «час Феникса») изменяется от цикла к циклу, в зависимости от того, в каком знаке происходит конкретное соединение. Рассмотрим подробно два крайних случая.

[109] Перевод С. Левина.

В тех циклах, когда год Феникса начинается в отдаленном секторе орбиты Плутона, в котором Плутон движется медленно (Овен, Телец, Близнецы), Нептун отдаляется от него быстро, и час Феникса длится около 15-30 лет. В конкретном случае последнего года Феникса, наступившего в 1891-1892 годах (в точности), час Феникса приближался к 15 годам, от 1885 до 1899 года.

Если же год Феникса начинается в наиболее приближенном к Земле секторе орбиты Плутона, в котором скорости Нептуна и Плутона практически совпадают (от Льва до Скорпиона), то час Феникса может длиться порядка 80-100 лет.

Так как за последние 6000 лет час Феникса наступал только в отдаленной части орбиты Плутона (от Овна до Близнецов), то его длительность не превышала 4% от 493-летнего года Феникса. К тому же, так как последний час Феникса наступил 120 лет назад, то при нынешней продолжительности жизни никому из живущих сегодня, ни внукам и даже ни их правнукам не довелось и не удастся стать свидетелями такого соединения.

5. Неповторимость каждого года Феникса и специфика исторических и астрологических исследований

Время само утекает всегда в постоянном движенье,
Уподобляясь реке; ни реке, ни летучему часу
Остановиться нельзя. Как волна на волну набегает,
Гонит волну пред собой, нагоняема сзади волною, –
Так же бегут и часы, вослед возникая друг другу,
Новые вечно, затем что бывшее раньше пропало,
Сущего не было, – все обновляются вечно мгновенья.

Овидий (43/45 г. до н. э. -17/18 г.)[110]

[110] Ovid. Met., XV, 179-185. Пер. С. Шервинского.

В общепринятой сегодня датировке время обозначается тремя числами, соответствующими трем циклам различной протяженности. Дни связаны с суточным вращением Земли вокруг своей оси, месяцы – с обращением Луны вокруг Земли, а годы – с обращением Земли вокруг Солнца. Любая такая дата содержит в себе элементы «относительной» или условной хронологии, так как в ней точки начала отсчета дней, месяцев и годов приняты произвольно, по условным соглашениям, которые неоднократно менялись на протяжении истории, да и сегодня остаются различными у представителей разных стран или вероисповеданий. Такое положение вещей привело ко многим спорам в хронологической датировке древнего мира. Как уже упоминалось ранее, чтобы подтвердить или уточнить хронологию исторических документов, историки прибегают к помощи астрономов, а точнее, к их умению рассчитать даты затмений и сближений планет друг с другом или со звездами, происходивших в античную и средневековую эпоху. Хотя астрономы давно уже занимаются сопоставлением таких расчетов с историческими хрониками, проблема датировки усложняется тем, что не все дошедшие до нас записи о затмениях достоверны, и к тому же нет никаких астрономических записей, сделанных ранее двух с половиной тысяч лет назад.

В настоящее время, когда открыто существование дальних планет с длительными периодами обращения, и когда астрономы постоянно ведут наблюдение за звездным небом, у хронологии появились новые, небывалые возможности. Напомним, что вплоть до XVIII века астрономам были известны только 7 планет солнечной системы, и потому они вслед за астрологами Древней Греции, верили, что с наступлением нового «великого года», когда все планеты одновременно вернутся на свое изначальное положение, история вернется «на круги своя», и все опять повторится сначала. Но после открытия трех дальних планет оказалось, что за всю историю

человечества не было двух таких дней, для которых бы совпадали положения всех десяти известных на сегодняшний день планет солнечной системы. Иными словами, доступная нам сегодня звездная карта, отображающая точное положение планет на эклиптике, меняется ежедневно, ни разу в точности не повторяя предыдущие дни. С одной стороны, понимание этого факта может служить важным доводом в пользу применения астрологических методов – положение десяти планет однозначно определяет «абсолютное космическое» или «селестиальное» время и может служить природными координатами времени и естественными «селестиальными часами». Но с другой стороны, в силу такой неповторимости каждого дня, ни один астрономический цикл никогда не может в точности повторять предыдущий.

В сложном космическом танце планеты движутся так, что аспекты между ними меняются в соответствии с многочисленными короткими или длинными циклами разной периодичности. Иногда эти циклы накладываются друг на друга, как это было, например, в 579-577 гг. до н.э, когда произошло одновременное соединение трех далеких планет – Урана, Нептуна и Плутона[111]. В таком случае неизбежен вопрос: являлись ли события тех дней характерными проявлениями часа Феникса, или же они в большей степени сопутствовали характеристикам соединения Урана-Плутона, или Урана-Нептуна? Для сравнения заметим, что во время часа Феникса 412 года аспект Урана с Нептуном и Плутоном был равен 90°; в период часа Феникса 1398-1399 гг. Уран отдалился от них на 180°, а в период последнего часа Феникса 1891-1892 гг. Уран не составлял с ними никакого мажорного аспекта.

[111] Согласно историку и астрологу Палдену Дженкинсу, в следующий раз такое событие ожидается только по прошествии четырех тысяч лет, а точнее, в 3370 году.

Если по аналогии с Платоном и пифагорейцами обратиться к терминологии музыки небесных сфер и каждую планету охарактеризовать соответствующей ей звуком, то каждому часу Феникса будут соответствовать различные музыкальные аккорды, в которых дополнительные участники создавшейся звездной конфигурации могут либо подчеркивать гармонию, либо вносить в нее диссонанс.

С самого начала исследования я осознавала сложность разделения различных ритмов и циклов времени. С этой проблемой не раз сталкивался историк Л. Н. Гумилев, предостерегавший от случайных ошибок:

«…если мы возьмем вместо двух фактов – две тысячи, то мы получим несколько причинно-следственных цепочек, коррелирующих не только между собой, но и с предложенной нами моделью»[112].

Поэтому, нисколько не преумаляя значимости таких важных циклов как Уран-Плутон, Уран-Нептун или циклы Сатурна и Юпитера, я ограничила это исследование годом Феникса. Этот цикл привлекателен в силу того, что с одной стороны, 493-летний интервал между соединениями достаточно обособляет его от ритмичного наложения более коротких циклов, а с другой стороны, все еще позволяет собрать достаточное количество исторических фактов и дат, необходимых для сравнения серии из 4-5 последовательных циклов. Такого нельзя сказать, например, о мегацикле смещения часа Феникса длительностью в 29600 лет. Наука не располагает достоверными данными даже об одном начальном периоде такого мегацикла, не говоря уже о сравнении двух последовательных мегациклов.

В этом исследовании важно было придерживаться столбовой дороги общепризнанных фактов и их трактовок. Каза-

[112] Лев Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. Москва. Эксмо, 2007, с. 34.

лось, что эта задача зачастую была невыполнимой, так как на сегодняшний день не только отсутствует согласие в толковании различных исторических процессов, но и их датировка вызывает горячие споры между представителями разных школ и традиций. Для выяснения допустимой погрешности в датировке обратимся еще раз к исследованиям Л. Н. Гумилева в области истории этносов. Сетуя на скудность исторических сведений и на расплывчатость хронологии, Гумилев, тем не менее, отмечал, что в свете исторической перспективы даже ошибка в столетие не столь уж критична. Так как по его наблюдениям затухание процесса этногенеза как правило насчитывает 1500 лет, то: «Разумеется, здесь точность относительна, но допуск плюс-минус 50 лет при размытых границах не влияет на выводы и, следовательно, безвреден»[113].

Астрологам и астрономам остается позавидовать историкам, потому что, как мы уже видели на примере рождения поэтов-гениев, шкала с шириной шага в 100 лет не позволила бы заметить ни вехи появления четверки поэтов Бродского, рожденных в 1891-1892 гг., ни даже более длительного 15-летнего всплеска рождения талантливых поэтов.

Дополнительной сложностью астрологического исследования, в отличие от исторического подхода, является важность знания точной даты рождения тех людей, которые творили историю. А о какой точности датировки может идти речь, когда чаще всего даты рождения дошедших до нас представителей Средневековья приводятся с ошибкой в несколько лет («родился ок. такого-то года») или, как, например, в случае композитора Джона Данстейбла – десятилетий («родился либо в 1370, либо в 1380, либо в 1390»)? Более того, неопределенность, измеряемая десятилетиями, встречается часто и в биографиях людей, родившихся в Новое время, от XVII

[113] Лев Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. Москва. Эксмо, 2007, с. 33.

века и до наших дней. Например, в то время как некоторые источники утверждают, что видный поэт и талмудист Иммануил Франсис родился в 1618 г., а умер в 1710 г., согласно другим источникам, он родился в 1630 г., а время его смерти неизвестно; в то время как ведущая французская модельер Коко Шанель уверяла, что родилась в 1893 г. в Оверни, историки уверяют, что она родилась в Сомюре в 1883 году.

Из примеров прошлой части следовало, что большинство поэтов часа Феникса, подобно Мандельштаму, осознавали роковую роль своего времени рождения, призвавшего их стать свидетелями исторической эпохи мировых кризисов, революций и войн. А если так, то историческая погрешность в плюс-минус 50 лет становятся слишком существенной, чтобы ею можно было пренебречь по отношению к срокам человеческой жизни.

В свете этой информации еще раз по-новому взглянем на связь времен между Золотым веком поэзии Древнего Рима и Серебряным веком России. По вычислениям астрономов, третий год Феникса в Тельце начался в 84-83 гг. до н. э. По оценкам историков, периоды жизни важнейших поэтов того периода были: Катулл – (84-54 гг. до н. э.); Вергилий – (70-19 гг. до н. э.), Гораций – (65-8 гг. до н. э.); Овидий – (43/45 г. до н. э.-17/18 г.). Год рождения Проперция неизвестен – предполагают, что он родился до 50 г. до н. э, а умер после 15 г. до н. э. Строго говоря, оценивая длительность часа Феникса в 15-30 лет, мы приходим к тому, что в час Феникса родились Катулл и Вергилий и, скорее всего, Гораций. О том, к какой точно фазе цикла отнести Проперция и Овидия, судить сложнее, и к рассмотрению этого вопроса мы вернемся в описании первой фазы года Феникса.

Должна признаться, что поначалу мне казалось, будто хронологические неопределенности делают преграды на пути изучения годов Феникса непреодолимыми. Забегая вперед, могу сказать, что шаг за шагом, анализ большого числа исто-

рических данных позволял обойти часть одних проблем и развязать гордиевы узлы других.

6. Значение соединения Нептуна-Плутона (часа Феникса) в астрологии

Мир существует, заключенный
В цепях божественной судьбы,
И неподвижного закона
Мы все свободные рабы.
Сергей Соловьев (1885-1942)

В прошлых главах была вкратце освещена история развития астрологии древности. Продолжим знакомство с дальнейшим ее развитием в свете взглядов одного из отцов современной науки в целом и экспериментальной физики в частности, ученого и поэта Фрэнсиса Бэкона (1561- 1626).

Напомним, что ко времени рождения Бэкона бесспорным властителем умов считался Аристотель (384-322 г. до н. э.), а развитие естествознания тормозилось схоластическим методом, развитым Фомой Аквинским (1225-1274) на основе метафизики Аристотеля. В противовес аристотелевской традиции, Бэкон, сформулировавший свое кредо в знаменитом афоризме «Знание – сила», полагал, что знание добывается из окружающего мира посредством эксперимента. Свой подход к проблемам науки и к исследовательскому методу Бэкон изложил в трактате «Новый органон». Уже само название этого сочинения возвещало революцию в естествознании, так как, по мнению Бэкона, настало время для смены методов, предложенных в «Органоне» Аристотеля два тысячелетия назад. Последовательно применяя свои принципы преобразования ко всем областям человеческого познания, Бэкон не обходил стороной и астрологию. Отчетливо осозна-

вая ее слабые стороны, Бэкон приходил к неизбежному выводу, что она «полна всяческих суеверий». Тем не менее, признавая важность астрологических «учений о циклах», Бэкон видел в астрологии науку с большим потенциалом для будущего развития. В своей фундаментальной работе «О достоинстве и преумножении наук» он писал:

«Таким образом, мы, основательно взвесив все сказанное, считаем, что астрология, реформированная на основе выдвинутых нами принципов, должна получить дальнейшее развитие; и, подобно тому как мы назвали основанную на принципах физики астрономию живой астрономией, так и астрологию, подчиняющуюся тем же самым принципам, мы хотим назвать ‘здравая астрология’».

Кроме изучения циклов, следующим по важности в понимании Бэкона было:

«Прежде всего, здравая астрология должна включить в себя учение о смешении лучей, сближениях, противостояниях и иных сопряжениях и отношениях планет. К этому же разделу астрологии, изучающей смешение лучей, мы относим также учение о прохождении планет через знаки Зодиака и расположение их под этими знаками, ибо расположение планеты под тем или иным знаком Зодиака есть некое сближение со звездой, находящейся под тем же знаком. Более того, следует отмечать не только сближения, но и противостояния и прочие формы сопряжения планет со звездами, расположенными под соответствующим знаком, что до сих пор почти никогда не делалось».

Поясняя несколько устаревшую терминологию, уточним, что речь идет именно об изучении соединений и аспектов и об их зависимости от расположения планет в тех или иных знаках Зодиака. А каким способом предлагал Бэкон проводить экспериментальные наблюдения? Прежде всего, историческим:

«Существует только четыре способа проложить дорогу к этой науке. Первый – с помощью будущего опыта, второй – с помощью прошлого опыта, затем – путем знакомства с традицией самой науки и, наконец, – путем изучения физических оснований. Что касается будущего опыта, то для того, чтобы накопить здесь достаточно наблюдений, потребуется еще много веков, так что пытаться высказать об этом какое-то мнение было бы напрасной тратой времени. Что же касается прошлого опыта, то он во всяком случае находится уже в распоряжении человечества, хотя использование его – дело очень трудоемкое и требует много времени. Ведь астрологи (если бы они хотели укрепить свой авторитет) могли бы, опираясь на достоверные исторические источники, рассмотреть все более или менее значительные события (как, например, наводнения, эпидемии, сражения, восстания, кончины правителей, если угодно, и т. п.) и изучить, как располагались в то время небесные светила, следуя не тонкостям 'тем' (т. е. гороскопов), а намеченным нами правилам циклов, чтобы установить определенные законы предсказания в том случае, когда удастся обнаружить очевидное соответствие и согласие между собой событий и положений светил»[114].

Со дня рождения Бэкона прошло 450 лет, почти целый год Феникса. С тех пор был создан мощный математический аппарат, который в сочетании с накопленными историческими и астрономическими знаниями вкупе с компьютерной базой, облегчил сбор и обработку информации. К тому же, что еще более важно, человечество открыло для себя существование двух отдаленных планет – Нептуна и Плутона, у которых за счет согласованности их движения длительность цикла значительно возросла. Если во времена Бэкона самый длительный известный астрономический цикл сводился к 29 годам обращения Сатурна вокруг Солнца, а в наши времена самый длительный цикл одной планеты сводится к 248-летнему периоду обращения Плутона вокруг Солнца, то цикл Нептуна-

Плутона расширил эти границы до 493-летнего года Феникса. А почему так важно удлинить период исследуемой цикличности? Бэкон писал:

«Всякое воздействие небесных явлений распространяется и осуществляется не в какой-то момент времени или в небольшие его промежутки, но в течение длительного времени. Поэтому предсказания температуры на год могут оказаться правильными, попытки же предсказать ее на каждый отдельный день с полным основанием считаются несерьезными»[115].

Вспоминая слова Л. Н. Гумилева о тысячелетних циклах в истории и его оценку приемлемой исторической погрешности в плюс-минус 50 лет, ясно, что для изучения исторических закономерностей следует искать такие астрономические циклы, периодичность которых была бы соизмерима с изучаемыми явлениями. Во времена Бэкона такие циклы еще не были известны. Сегодня мы уже в состоянии попытаться осуществить те наблюдения, о которых писал Бэкон, и тем самым положить начало его «здравой астрологии». Для того чтобы это сделать, нужно объединить накопленный опыт всех наук, занимающихся вопросами циклов, включая и астрологию.

К сожалению, к моменту написания этой книги вопросы больших циклов в истории все еще не пользуются широкой популярностью в астрологии. Так как Плутон был открыт около 80 лет тому назад, его циклы во многом остаются малоизученными, и пока опубликовано всего лишь несколько астрологических работ на эту тему. Так, например, американский астролог Тед Джордж в 1980 г. в монографии «Уран-Нептун-Плутон»[116] писал, что его метафизическая книга

[115] Ф. Бэкон. «О достоинстве и преумножении наук». Перевод Н. А. Федорова, Я. М. Боровского.

[116] Ted George, «The Spiritual Trinity», Arthur Publications, Florida, 1980. («Уран-Нептун-Плутон. Духовная триада. Аспекты между ними и их влияние на дома и знаки»)

адресована читателям будущего века, так как изложенные в ней идеи станут доступными лишь после 2000 года.

Вслед за Джорджем, к началу XXI века появились в Интернете статьи и таблицы британского историка и астролога, Палдена Дженкинса[117]. Он разместил эфемериды древнего мира, начиная с 600 г. до н. э., и предложил оригинальный подход к анализу исторических событий в свете чередования аспектов между наиболее отдаленными планетами (Сатурном, Ураном, Нептуном и Плутоном). В предисловии к эфемеридам Дженкинс писал, что открывает свободный доступ к ним в Интернете для тех исследователей, кому они потребуются для анализа космических и исторических процессов. Пользуюсь случаем поблагодарить Дженкинса и его коллег, произведших расчеты движения планет на протяжении многих веков, и хочу пояснить, что все расчеты часов Феникса, предшествовавших 1000 году, основаны на эфемеридах Дженкинса.

Прежде чем обратиться к конкретным примерам 500-летних исторических циклов, хотелось бы сравнить астрологические описания соединения Нептуна-Плутона, данные независимо друг от друга Дженкинсом и Джорджем, и проверить, соответствуют ли они мифологии Феникса и творчеству поэтов, описанных в первой части.

До недавнего времени психологическая астрология, занимающаяся анализом судеб отдельных личностей, пренебрегала аспектом соединения Нептуна-Плутона, так как, с одной стороны, он активизируется редко (раз в 493 года), а с другой стороны, в период его активизации (продолжительностью порядка 15-30 лет) его свойства одновременно проявляются в жизни целого поколения. Но именно оба этих свойства часа Феникса – их редкость и одновременное проявление в жизни всего поколения – позволяют проверить достоверность астрологических моделей. Ведь не каждый же день приходят

[117] isleofavalon.co.uk

целые поколения, которым суждено ощущать разлом времен и жить в предчувствии, что на их глазах должны рушиться миры и свершаться события невиданного масштаба.

Говоря конкретнее, в первой части этой книги приведены свидетельства в пользу того, что всему поколению, рожденному в час Феникса 1891-1892 гг., была свойственна повышенная склонность к поэтическому восприятию. Это следует не только из роста числа поэтов, рожденных в час Феникса, но и из наблюдений известного исследователя той эпохи, Адольфа Урбана: «В конце концов, в ту пору кто только не усвоил искусство стихосложения!»

«Стоит ли обращать особое внимание на поэтический дар, если все вокруг тебя пишут стихи?», – сомневаются астрологи. Оказывается, что да. Несмотря на то, что соединение Нептуна-Плутона фигурирует в картах рождения людей целого поколения, его проявление достигает кульминации в тех личных картах конкретных людей, в которых оно к тому же образует мажорные аспекты с Солнцем, Меркурием, Венерой или Луной. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что эти аспекты действительно наблюдались в картах рождения таких поэтических гениев, как лауреаты Нобелевской премии Борис Пастернак, Томас Элиот, Габриэла Мистраль и Сен-Жон Перс. Используя математическую терминологию, можно сказать, что хотя поэты могут рождаться во все века и времена, но их поэтический дар всегда будет напоминать точку «локального максимума» по отношению к «абсолютному максимуму», присущему лишь особым периодам всеобщего поэтического подъема. Не в этом ли кроется ключ к пониманию стихов Бродского: «... Что-то случилось сто/ лет назад, и появилась веха»? Ведь если зерна развития всего будущего цикла уже были заложены в его начале, то их развитие – это «в лучшем случае, пища эха». Говоря словами другого замечательного поэта, Булата Окуджавы, эту же мысль можно выразить более доходчиво:

Я кланяюсь низко познания морю безбрежному,
разумный свой век, многоопытный век свой любя.
А все-таки жаль, что кумиры нам снятся по-прежнему,
и мы до сих пор все холопами числим себя.

Победы свои мы ковали не зря и вынашивали,
мы все обрели – и надежную пристань, и свет...
А все-таки жаль: иногда над победами нашими
встают пьедесталы, которые выше побед.

Так как Окуджава родился позднее поэтов Серебряного века, то и он, подобно Бродскому, тоже ощущал некую историческую предопределенность в том, что его век никогда не сможет породить равных им по поэтической силе гениев. Продолжая его линию рассуждений, хочу дополнить своим замечанием: очевидно, что для того чтобы войти в историю на века, мало обладать художественным вкусом, талантом и работоспособностью, но нужно еще и жить в те времена, когда окружающая действительность порождает особо важные для всего человечества, универсальные темы. Эту же мысль высказывал Тютчев в своем стихе о Цицероне и о временах Золотого века римской поэзии:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

В астрологии ключевые слова, связанные с символикой Нептуна – это мечты и идеалы, вдохновение и иллюзии, под-

сознание и верования, поэзия и музыка. Основные символы Плутона – это рождение и смерть, перерождение, власть, воля, политические или подпольные организации, трансформация и механизмы реформ. Исходя из этого, Дженкинс пришел к выводу, что в циклах Нептуна-Плутона проявляется основная движущая сила прогресса, сочетающая в себе идеалы (Нептун) и власть (Плутон), и приводящая в движение исторические процессы. По Дженкинсу, Нептун ассоциируется с психологией масс, а Плутон – с политическим строем, с мировым укладом, с властью и с «подпольными организациями». Когда эти планеты образуют аспект соединения, сознание людей фокусируется на вопросах, связанных со сменой коллективных идеалов и с поиском политических структур, способных установить общественный порядок, отвечающий этим идеалам. При этом стремление воплотить в жизнь новые идеалы зачастую порождает острые конфликты, как во взаимоотношениях между властью и народом, так и между Поэтом и Властью.

В статье «Астрологические циклы в истории» Дженкинс так характеризует периоды соединения Нептуна-Плутона: «В начале цикла, в момент соединения, уже заложены все будущие тенденции развития». Порой эти тенденции проявлялись в творчестве того периода (как это было в художественных мастерских Флоренции 1398 г., или в поэзии 1892 г.), а порой они проявлялись в социальных катаклизмах (падение Рима и его покорение вестготами в 410 г.), но, так или иначе, всегда «эти тенденции вели к перемене мира»[118].

Должна признаться, что чтение этой статьи Дженкинса вызывало у меня затруднения, так как в ней зачастую стирались различия между датами исторических событий и датами рождения людей. Частично эта двойственность объясняется кратковременностью жизни многих героев тех лет. С другой стороны, эту двойственность можно объяснить синхронич-

[118] Palden Jenkins «Astrological Cycles in History».

ностью, приводящей к совпадению данного события с рождением тех людей, которые впоследствии доводили его развитие до максимально возможного проявления. Проблемы разделения этих разных времен занимали меня до конца написания книги, и частичные ответы на них приведены в Заключении. Для тех, кому эти вопросы важны, еще раз подчеркиваю, что на данном этапе развития исторической науки, погрешность длиной в человеческую жизнь редко влияет на выводы исследователя развития мировой культуры.

Прежде чем сравнить взгляды Дженкинса с трактовкой аспектов Нептуна-Плутона, данной Джорджем, еще раз хочется обратить внимание на параллели между астрологической символикой и реальными ощущениями людей, родившихся в час Феникса. Так, например, Адольф Урбан в предисловии к книге «Полутораглазый стрелец» Бенедикта Лившица привел яркую характеристику всего того поколения:

«Для родившихся в период между 1886 и 1899 годами мир находился в катастрофическом напряжении. Так, например, не только у Мандельштама слышался крик ужаса перед столетьями, которые “Окружают меня огнем”, но и Бенедикта Лившица постоянно преследует “символика Шагов по огненной меже”»…

Урбан не ограничивался описанием предчувствий грядущих катаклизмов, но, подобно Дженкинсу, поражался редкому дару поэтов этого поколения предугадать будущее возрождение из пепла и «разглядеть все тенденции будущего развития»:

«Но занимали Бенедикта Лившица не обломки рушащихся миров, а то таинственное лоно, где, “свершая подвиг безымянный, лежит в земле певучее зерно”. Он стремился к новой гармонии, к новому синтезу, почерпнутому из глубины и сути расколотого времени»[119].

[119] А. Урбан // Б. Лившиц. «Полутороглазый стрелец». - Л.: Советский писатель. 1989, с. 24.

Джордж, со своей стороны, так охарактеризовал возможные проявления соединения Нептуна-Плутона:

«В случае самообмана, человек с таким аспектом постоянно вводит в заблуждение всех окружающих. Правители с таким аспектом контролируют сознание своих подчиненных, принуждая их видеть вещи не такими, как они есть, а такими как им выгодно их представить. Священнослужитель с таким аспектом может быть одиозным шарлатаном, способным повести за собой огромную и могущественную толпу своих поклонников. В принципе, люди с таким аспектом в состоянии повлиять на мышление окружающих, всегда добиваясь желаемых результатов».

Но те же самые черты часа Феникса могут приобрести качественно иной оттенок, если их свойства используются творческими натурами:

«Когда мы говорим о вдохновении, то перед нами возникает образ настоящего творца. Или же мы видим перед собой необычайно возвышенную личность, способную творить огромное добро, донося до масс новые, до сих пор неизвестные им, духовные понятия. Это те, кто приносят любовь и свет в каждую жизнь, с которой они входят в соприкосновение, даже если сами они не осознают своей связи с духовным миром».

Итак, мы видим, что с точки зрения современных астрологов, в начале каждого цикла, рожденные в это период люди уже несут, подобно Фениксу, семена всех возможных путей развития в грядущем цикле. Читая эти два описания полярностей – с одной стороны, авторитарных правителей, рвущихся к неограниченной власти не только над поступками, но и над душами своих сограждан, а в противовес им наиболее возвышенных посланцев духовных миров – невольно в памяти вновь всплывают слова Бродского:

«В эпохи кризисов природа или там провидение, если угодно, приводит в мир трех или четырех поэтов, на которых

как бы налагается провиденциальная обязанность говорить за всех, кто в эти времена говорить не может».

В ответ ему звучит подтверждение Нелли Закс: «Кому же, как не нам, говорить от имени немых!»

Но тогда, с астрологической точки зрения, ключ к загадке Бродского кроется в самом характере часа Феникса. Хочется верить, что природа никогда не ставит перед людьми неразрешимых проблем и не создает безвыходных ситуаций. История показала, что вместе с проблемой рождаются и пути ее разрешения посредством достижения новых, качественно иных уровней сознания. Вместе с Диктатором приходит и Поэт, и оба они вступают в борьбу за сердца и умы масс, обращаясь к каждому человеку и показывая все возможности, заложенные на данном витке исторического развития. А дело каждого, как опять же писал Бродский, сделать выбор, за кем из наиболее ярких выразителей эпохи ему следовать.

Подобные идеи развиваются и в астрологическом обзоре Боба Маркранского[120], анализирующем особый накал страстей, присущий людям поколения, родившегося в час Феникса:

«Соединение Нептуна-Плутона подчеркивало заблуждения Нептуна и одержимость Плутона, так как при таком положении стирались грани между аналитическим разумом и интуицией, и поэтому все, что можно было вообразить, становилось оправданным, а у совести не было возможности объективно проверить критерии избранной морали. … Во имя своего фанатического рвения любой ценой добиться идеологической чистоты, это поколение слишком сильно жаждало разрушить все, что было создано до них. Это было поколение экстремистов…. Ему необходимо было верить во вдохновенность своих пророков».

[120] «Neptune sextile Pluto», 2007, www.dearbrutus.com

Сопоставим эти выводы с серией высказываний очевидца и представительницы того «потерянного поколения» часа Феникса, Н. Я. Мандельштам, которая видела причину злосчастий того периода в потере личной ответственности рожденных в те года:

«Потеря ‘я’ не заслуга, а болезнь века»… «И причина болезни тоже одна – рухнувшие социальные связи. Весь вопрос в том, почему они рухнули, а как это происходило, мы видели: все промежуточные звенья – семья, свой круг, сословие, общество – внезапно исчезли, и человек очутился один перед таинственной силой, которая именуется власть и служит распределителем жизни и смерти»[121].

«На наших глазах произошло распадение общества, несовершенного как всякое человеческое объединение, но скрывающего и обуздывающего свои пороки, и где все же существовали небольшие группы, имевшие право сказать про себя ‘мы’. По моему глубокому убеждению, без такого ‘мы’ не может осуществиться самое обыкновенное ‘я’, то есть личность»[122].

«Я тоже участвовала в разрушительной работе, ломала устои, на которых держалась жизнь, и по мере сил способствовала, чтобы наступил распад и то, что происходит сегодня и чего все так испугались. Мое участие в разрушении и распаде не так уж и велико, но я несу за него полную ответственность, может быть большую, чем те, кто разрушал бессознательно и потому не подбирал самооправданий»[123].

[121] Н. Я. Мандельштам.«Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с 11-12.

[122] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с 28.

[123] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с 135.

«Все мы дети – дети своей эпохи и несем на себе ее клеймо. Опыт нигилистической эпохи особенно важен, и его необходимо осознать, потому что нигилизм ведет к разрушению жизни. Он проявлялся в каждой отдельной судьбе и в жизни народов и человечества в целом. Мы уничтожили институты, которые создавались веками и сохраняли общность людей, и ничего не дали взамен. Единственное, в чем наша заслуга, это в опытном доказательстве того, что все наши выдумки и изобретенья – мусор и тлен, если угасла память и забыт светоч ‘завещанный от предков’»[124].

Эти описания не только написаны в духе мифологии о Фениксе, сжигающем все отжитое и возвещающем о приходе новых понятий, но и соответствуют тому накалу страстей, который отмечался в жизни Пастернака, Мандельштама, Ахматовой, Цветаевой, Гумилева, Маяковского, Есенина и прочих поэтов Серебряного века в России, а также их сверстников за рубежом. Описания этого редкого накала страстей («пассионарности»), свойственного началам исторических циклов, мы находим также у Л. Н. Гумилева, неоднократно отмечавшего важность 500- и 1000-летних периодов в истории этносов. По его словам:

«Когда этническая общность вступает в первый творческий период своего становления, ведущая часть его населения, толкающая всю систему по пути этнического развития, накапливает материальные и идейные ценности»[125].

Именно в этот период возникает движущая сила развития общества, именуемая «пассионарностью», для которой характерно особое восприятие времени:

[124] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с 136.

[125] Лев Гумилев. «Этногенез и биосфера Земли». - М:. Эксмо, 2007, с. 122.

«Результатом такого восприятия времени являются подвиги героев, добровольно отдавших жизнь за отечество… Характерно для них отсутствие личной заинтересованности. Они как будто любили свое дело больше себя. … Люди этого склада встречаются во все эпохи, но в начальной стадии этногенеза их несколько больше, чем в другие эпохи».

В конкретных примерах пассионарности Лев Гумилев приравнивал Героя к Поэту. Всплеск и зарождение поэзии, по его словам, следует рассматривать как начальный «модус активизации» этноса. Возможно, что немалую роль в таком видении мира сыграли родители историка – поэты Анна Ахматова и Николай Гумилев – но, так или иначе, он видел в высокой поэзии один из важнейших признаков пассионарности и зарождения этноса. Эти наблюдения историка подкрепляются, например, свидетельством еще одного поэта Серебряного века, Георгия Адамовича, вспоминавшего о Николае Гумилеве:

«О чем говорил он [Николай Гумилев]? Больше всего о поэзии, конечно. Еще о далеких прекрасных временах, когда поэты, несомненно, станут во главе государства и общества…»[126].

В заключение, обзора астрологических авторов приведу еще одно описание часа Феникса, данное астрологом Александром Айчем: «Этот аспект свидетельствует об изменении в религии, философских воззрениях и политической ситуации в обществе…»[127].

Суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что на качественном уровне описания соединения Нептуна-Плутона прослеживается соответствие астрологических теорий,

[126] Николай Гумилев. «Твои серебряные крылья», Москва, ЭКСМО, 2008, с. 9.

[127] Александр Айч, «Астрологический аспектариум», Balbe, Москва, 2003. с. 83.

как с мифами древности, так и с историческими фактами и их последующими оценками специалистами разных областей.

7. Исторический обзор годов Феникса от Сотворения мира до рождения Вергилия

В моем начале мой конец. Один за другим
Дома возникают и рушатся, никнут и расширяются,
Переносятся, сносятся, восстанавливаются или
Вместо них – голое поле, фабрика или дорога.
Томас Стернз Элиот (1888-1965)[128]

В этой главе представлен исторический обзор 17 годов Феникса за последние 8000 лет. В правой колонке Таблицы 13 указаны обозначения этих циклов. Римские числа указывают на порядковый номер того знака Зодиака, в котором был час Феникса (см. Табл. 10), а следующие за ними арабские цифры указывают на порядковый номер данного года Феникса в этом знаке. Так, обозначение (I,2) показывает, что это второй год Феникса в Овне.

В каждом знаке Зодиака год Феникса наступает 5-6 раз подряд, а затем час Феникса смещается в следующий знак. В дальнейшем будем называть время пребывания часа Феникса в одном знаке Зодиака Зодиакальным циклом Феникса, или для простоты, Зодиакальным циклом. Например, Зодиакальный цикл в Тельце (II,1), начался около 1071 г. до н. э., с наступлением первого часа Феникса в этом знаке, а завершился в конце пятого года Феникса (II,5). Следующий Зодиакальный цикл в Близнецах начался с наступлением часа Феникса около 1398 года (III,1).

Эти обозначения будут удобными при дальнейшем чтении, так как характер года Феникса и динамика чередования

[128] Перевод А. Сергеева.

фаз в нем во многом зависят от того знака Зодиака, в котором он начался.

Таблица 13.
Циклы Нептуна-Плутона. (Годы Феникса).

Дата часа Феникса	Знак Зодиака часа Феникса	Примеры событий	Год Феникса
5985 г. до н.э.	Рыбы	Мини-ледниковый период	XII,2
5492 г. до н.э.	Рыбы	5483 г. до н.э.: Дата сотворения мира, от которой александрийская хронология вела летосчисление.	XII,3
4549 г. до н.э.	Рыбы	Использование плуга в Европе	XII,4
4056 г. до н.э.	Рыбы	Приход шумеров в Месопотамию	XII,5
3540 г. до н.э.	Овен	Начало письменности	I,1
3043 г. до н.э.	Овен	Египет: Первая Династия	I,2
2550 г. до н.э.	Овен	Египет: Рождение фараона Хуфу (Хеопса), строителя Великой пирамиды в Гизе	I,3
2057 г. до н.э.	Овен	Египет: Конец Шестой Династии	I,4
1564 г. до н.э.	Овен	Конец периода минойской и крито-микенской цивилизаций. Зарождение Древней Греции. Библия: Исход из Египта и зарождение народа Израиля.	I,5
1071 г. до н.э.	3° Телец	Рубеж, по которому проводит граница между Древнейшей и Архаической Эпохами. Египет: Конец Нового Царства. Библия: Конец эпохи Судей. Начало Царства Израиля.	II,1

Таблица 13.
(Продолжение)

Дата часа Феникса	Знак Зодиака часа Феникса	Примеры событий	Год Феникса
		Китай: конец «эпохи Шан-Инь», длившейся около 500 лет. Начало «эпохи Чжоу». Греция. Конец царской власти в Афинах и основание Милета	
578 г. до н.э.	8° Телец	Граница между Архаической и Классической эпохами. Осевое время. Падение Ассирии. Библия: Разрушение Первого Храма. Рождение Кира II и начало эпохи Второго Храма. Греция: Рождение Философии.	II,2
84-83 гг. до н.э.	16° Телец	Конец эллинистического мира. Конец Римской Республики и начало Римской Империи.	II,3
411-412 гг.	23° Телец	Прощание с идеалами античности и вступление на путь христианства. Распад Римской империи и падение Рима. Зарождение Империи Франков.	II,4
905	28° Телец	Китай: Конец династии Тан.	II,5
1398-1399 гг.	3° Близнецы	Конец Средневековья и Ранний Ренессанс. Эпоха Великих открытий.	III,1
1891-1892 гг.	8° Близнецы	Конец Испанской колониальной империи. Период распада империй (Австро-Венгерской, Российской, Оттоманской)	III,2
2384 г.	13°Близн.	?	III,3

Таблица 13 открывается концом шестого тысячелетия до н. э., в период так называемого глобального похолодания или мини-ледникового периода, происходившего в конце прошлого мегацикла сдвига часа Феникса, продолжительностью в 29600 лет. Начиная с ~3563 г. до н. э. и до 1071 г. до н. э. длились две с половиной тысячи лет, относящихся к началу нового мегацикла истории, в которых пять последовательных годов Феникса начинались в первом зодиакальном созвездии – в Овне (I). Именно к этому периоду относятся древнейшие исторические сведения о цивилизациях античности. Так, приход шумеров в Месопотамию датируется ~4000 г. до н. э. и приходится на рубеж между уходящим и наступающим мегациклом, выпадая то ли на последний год Феникса в Рыбах (XII,5), то ли на первый год Феникса в Овне (I,1). К этой же переходной эпохе относится датировка сотворения мира и Адама по древнееврейскому календарю, ведущему свой отсчет от 3761 г. до н. э.

Что известно истории об этом периоде? По определению немецкого философа истории, психолога и психиатра Карла Ясперса:

«К истории мы относим все то время, о котором мы располагаем документальными данными. <…> Лишь словесные данные позволяют нам ощутить человека, его внутренний мир, настроение, импульсы. Письменные источники нигде не датируются ранее 3000 г. до н. э. Следовательно, история длится около 5000 лет»[129].

С точки зрения истории цивилизации, линия водораздела между доисторической эпохой и началом современной истории приходится как раз на период первого года Феникса в Овне, где-то между 3540 и 3043 гг. до н. э. Согласно классическому труду Янсона «Основы истории искусств»:

[129] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с.54.

«Изобретение письменности представляет собой удобный момент для начала отсчета, поскольку отсутствие письменных свидетельств является одним из главных отличий между доисторическим и историческим обществами. <...> Благодаря изобретению письменности, мы знаем гораздо больше об историческом этапе развития человечества, чем о доисторическом»[130].

И далее:

«Начало истории, следовательно, означает внезапное ускорение событий, как бы переключение скоростей двигателя. Оно означает также изменение характера событий. Общества, вступившие в исторический период, в буквальном смысле делают историю. Они не только вызывают к жизни ‘великих людей и великие деяния’, если процитировать одно традиционное определение, поскольку требуют человеческих усилий большого масштаба, но и делают эти деяния незабываемыми. А чтобы событие стало незабываемым, оно должно быть не просто ‘достойным, чтобы его помнили’. Оно не должно растягиваться на много веков, но совершаться достаточно быстро, чтобы запечатлеться в человеческой памяти».

Это описание историка гармонично сочетается с астрологической символикой. Доисторический период заканчивается в Рыбах, в последнем знаке зодиака, в знаке воды, уносящем с собой в Лету Забвения все, что было в уходящем мегацикле. Период стремительного ускорения начинается в первом знаке Зодиака, в огненном Овне, вносящем новую струю света и надежды. Так или иначе, до сих пор неизвестно, что предшествовало периоду зарождения первых цивилизаций в Месопотамии, ибо до создания письменности невозможно проследить этапы исторического развития. По словам Янсона, «письменность, вероятно, создавалась несколько сот

[130] Х.В. Янсон и Энтони Ф. Янсон. Основы истории искусств Harrt N. Abrams, Inc., Publishers, New York. Издательство АОЗТ «ИКАР», Санкт Петербург 1996, с. 29.

лет; приблизительно между 3500 и 3000 г. до н. э., в Месопотамии, после того, как новые общества уже завершили начальные стадии развития». Как раз к этому времени относится тот поразительный «параллельный скачок» в мировой истории, на который обращал внимание Карл Ясперс в книге «Смысл и назначение истории», отмечая, что подобно Египту и Месопотамии, «начало культуры Китая и долины Инда относятся к третьему тысячелетию»[131].

В ту эпоху больше всего исторических памятников оставила после себя культура Древнего Египта. Хотя трудно говорить о точности их хронологии, тем не менее, они позволяют создать общее представление о том, как преломлялась в сознании людей древнего мира картина страха перед ожидаемым «концом времени» в часы Феникса. Так, например, надпись на гробнице фараона, датируемая 3500 гг. до н. э., (I,1) гласит:

«Молодые строптивы, без послушания и уважения к старшим. Истину отбросили, обычаев не признают. Никто их не понимает, и они не хотят, чтобы их понимали. Несут миру погибель и станут последним его пределом»[132].

Прошел еще год Феникса, и в Древней Вавилонии надпись на глиняном сосуде, датируемая 3000 г. до н. э., (I,2) с горечью констатирует:

«Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен. Молодое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру»[133].

[131] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с. 42.

[132] Павел Таранов, «Звезды мировой философии», Изд-во АСТ, Москва, 1999, с. 16.

[133] Павел Таранов, «Звезды мировой философии», Изд-во АСТ, Москва, 1999, с. 18.

Миновало еще два года Феникса, и мы подошли к соединению в Овне, в 2000 г. до н. э. (I,4) Все возвращается на круги своя, и вновь жрец переживает неописуемый страх перед грядущим разрывом времен:

«Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек»[134].

Как известно, конец мира пока не настал, но так ли уж были ошибочны предсказания древних мудрецов?

Еще и еще раз напомню, что к датировке и к переводам древних записей следует относиться с огромной осторожностью, так что эти примеры скорее носят характер иллюстрации. Но по мере приближения к нашим дням датировка становится точнее, а источники достовернее. И вот уже записи, донесенные до нас из мифического прошлого, сменяются жизнеописанием Вергилия, даты рождения и смерти которого не вызывают у историков сомнения: великий римский поэт родился в 70, а умер в 19 г. до н. э. (II,3). Как писал историк античной литературы и русской поэзии М.Л. Гаспаров, в отличие от жизни других античных писателей, отрывочные сведения о которых порой похожи на мифы, у Вергилия «мы знаем даже мелкие подробности в его внешности, образе жизни и характере». Так как нет сомнения в том, что Вергилий родился в час Феникса, то попробуем сравнить его мировосприятие с вышеупомянутыми записями древних жрецов. Обратимся к статье Гаспарова «Вергилий – Поэт Будущего»:

«Этому тихому и замкнутому меланхолику вместе со всем своим поколением пришлось пережить, ни много, ни мало, конец света. В книгах по истории этот конец света называется скромнее: падение Римской республики и установление

[134] Павел Таранов, «Звезды мировой философии», Изд-во АСТ, Москва, 1999, с. 19.

империи. Но для современников это было гораздо страшнее»[135].

Читая стихи Вергилия и его ровесников, историки воссоздают их ощущения, подобные тем, что мы уже видели у поэтов Серебряного века: конец Римской республики казался им концом Рима, а, следовательно, и концом света. И в этом они ничуть не отличались от своих предшественников в Древнем Египте и в Вавилоне. Все они одинаково описывали некое, по всей видимости, универсальное чувство страха перед фундаментальными переменами и ощущение ужаса от мысли, что их культура в прежнем и привычном для них виде больше существовать не могла. Действительно, их языки и страны канули в Лету, но от этого человечество не прекращало своего развития, а только формировало новые принципы бытия.

Возвращаясь к древнему миру, ясно, что египетские жрецы опасались не зря, и что фундамент их общества действительно прогнил, но они вряд ли догадывались, что конец каждой очередной династии чаще всего совпадал по времени с началом очередного витка развития. Так, мы находим у Янсона:

«История Египта делится, в соответствии с древнеегипетской практикой, на династии его правителей, начиная с Первой династии, начавшейся вскоре после 3000 г. до н. э. (даты самых ранних правлений трудно перевести на наш календарь). Переход от доисторического периода к Первой Династии известен как додинастический период. После него наступает эпоха Старого Царства, которая завершается около 2055 г. до н. э. с концом Шестой Династии».

Мы видим, что соответствие между селестиальными часами и сменой циклов продолжается: конец «додинастиче-

[135] М. Л. Гаспаров // «Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида». - М., 1979, с. 5-34.

ского» периода совпадает с концом первого года Феникса в Овне (3043 г. до н. э.), а конец Шестой Династии наступает через 1000 лет, в конце третьего года Феникса в Овне (2057 г. до н. э.)

С концом Древнего Царства, после серии переходных периодов, в 1552 г. до н. э. Египет вступил в зрелый и освещаемый наибольшим числом исторических памятников период расцвета государственности и создания крупного мирового государства. И именно в это время, в 1564 г. до н. э., наступил последний год Феникса в Овне (I,5). Новое царство, ставшее самой блистательной эпохой египетской цивилизации, просуществовало до 1069 г. до н. э.[136]. Обращает на себя внимание поразительная точность: начало нового Зодиакального цикла, наступившего с первым года Феникса в Тельце, датируется 1071 г. до н. э. (II,1), и тогда же центр мировой культуры сместился в Ассирию!

И вновь обратимся к Янсону. Не только центр мировой культуры сместился в Ассирию, изменяя темы и цели искусства, но и произошел заметный скачок в числе уцелевших произведений искусства. Со смещением часа Феникса в Телец, в первый земной знак Зодиака, археология приобрела самый ценный подарок для будущих исследований:

«Наиболее богатые сведения дает нам археология о третьем периоде месопотамской истории – периоде с 1000 по 500 г. до н. э., когда страна находилась под властью Ассирии».

А сколько лет просуществовала Ассирия? Стоит ли продолжать удивляться тому, что Ассирия, считающаяся первой империей в истории человечества, просуществовала в общей сложности приблизительно 1000 лет до ее уничтожения около 609 года до н. э. Мидией и Вавилоном?

Важно отметить, что гибель Ассирии пришлась на необычайно насыщенный астрономическими и историческими ка-

[136] По данным Википедии.

таклизмами период. Как уже отмечалось ранее, час Феникса в 578 г. до н. э. (II,2) сопровождался уникальным соединением трех планет в Тельце: Урана, Нептуна и Плутона. Согласно Таблице 11, Уран символизирует революции, разрушения, перевороты, новшества и изобретения. Символично, что именно в краткий период этого часа Феникса произошло разрушение Вавилоном Первого Храма (587-586 г. до н. э.), возведенного царем Соломоном. Затем была уничтожена Мидия (~ 550 г. до н. э.), да и сам Вавилон, просуществовавший около 1500 лет, вошел в последнюю фазу упадка после смерти Навуходоносора в 562 г. до н. э., и окончательно потерял независимость в 539 г. до н. э. Если согласиться с Л. Н. Гумилевым в том, что в процессах этногенеза, длящихся в среднем 1000-1500 лет, погрешность в плюс-минус 50 лет не только допустима, а просто неизбежна, то падение двух могущественных этносов древнего мира, Ассирии и Вавилона, произошло в пределах допустимой погрешности от часа Феникса 578 г. до н. э.

Империи падали, Храм разрушался, а были ли «песнопевцы и пророки»[137], рожденные в тот час Феникса (II,2)? История сохранила, по меньшей мере, даты рождения трех великих людей того периода, чей вклад в мировую культуру переоценить невозможно. В это время философия и религия Древней Греции и Китая параллельно обрели своих величайших мудрецов: это философ, математик и поэт Пифагор (570-490 гг. до н. э.) и легендарный мыслитель Конфуций (551-479 гг. до н. э.). Напомним, что в те времена философия и поэзия, как правило, были взаимосвязаны. В частности, Пифагору приписывается авторство бессмертных «Золотых стихов», содержащих в себе ту часть его эзотерического учения, кото-

[137] Словосочетание «песнопевцы и пророки» взято из стиха Лии Владимировой.

рую Пифагор и его последователи признали возможным открыть непосвященным. Параллельно, Конфуцию приписывают заслугу сбора и редакции 305 народных песен и стихотворений легендарной «Книги песен» («Шицзин») – древнейшего памятника китайской литературы, дошедшего до наших дней и повлиявшего на весь дальнейший ход развития китайской поэзии. К тому же, в тот же час Феникса древнегреческая поэзия обрела лирика Анакреона (570-487гг. до н. э.), чьим стихам суждено было веками служить источником вдохновения для поэтов всего мира. Анакреонтические стихи писали такие французские поэты как Пьер де Ронсар (1524-1585), Андре Шенье (1762 - 1794), Вольтер (1694-1778), Парни (1753- 1814) и Беранже (1780-1857). Свои «Оды Анакреона» издал ирландский поэт Томас Мур (1779-1852). В Германии писали анакреонтические стихотворения Гете (1749-1832) и Лессинг (1729-1781), а в России – М. В. Ломоносов (1711-1765), Г. Р. Державин (1743-1816), К. Н. Батюшков (1787-1855), А. С. Пушкин (1799-1837), Вяземский (1792-1878), Дельвиг (1798-1831), Языков (1803-1847). В еврейской поэзии Испании анакреонтические стихи писал Иегуда Галеви (1080-1141).

Анакреон

Конфуций

Пифагор

При рассмотрении времен разрушения Первого Храма неизбежно возникает потребность сравнить астрономические расчеты с Библейскими сказаниями. В отличие от точной

даты разрушения Храма (587-586 г. до н. э.) в час Феникса (II,2), предшествующая этому событию хронология иудаизма неоднозначна. Во избежание ошибок в абсолютной хронологии, я решила, как и при рассмотрении мифологии, перейти на относительную хронологию. То есть при обсуждении истории времен Танаха[138] я ограничилась изучением 500-летних циклов, оставляя вопросы точной датировки открытыми.

Начнем с одного из древнейших циклов в Торе. В книге Бытие Господь обратился к Аврааму с пророчеством, определившим судьбу его потомков на сотни лет, вплоть до наступления нового цикла после Исхода:

«И сказал Господь Аврааму: знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их и будут угнетать их четыреста лет: но я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении…» (Бытие 15:13, 14).

При обсуждении этого текста возникало много споров по поводу того, от какой начальной точки вести отсчет 400 лет? В конце концов, иудаизм принял толкование РаШИ (1040-1105):

«400 лет изгнания и бедствий, начались с рождения Исаака. Когда Исааку было шестьдесят лет, у него родился сын Яков, и в возрасте 130 лет Яков пришел в Египет, что составляет вместе 190 лет. В Египте сыны Израилевы провели 210 лет, что составляет всего 400 лет».

Центральным моментом в этом толковании РаШИ становилось осознание того факта, что с момента рождения Исаака дальнейший путь его потомков был предопределен до следующей развилки дорог. Иначе эту мысль можно выразить тем, что основным в развитии истории являлся именно тета-фактор, и именно в карте рождения человека, ставшего пра-

[138] Тана́х - Ветхий Завет. Слово «ТаНаХ» представляет собой акроним названий трёх разделов еврейского Священного Писания: Тора́ — Пятикнижие, Невии́м — Пророки, Ктувии́м — Писания.

отцом будущего народа, скрывались основные направления его будущего развития. Итак, от рождения Исаака до Исхода из Египта прошло 400 лет. Но вспомним, что пророчество получил не Исаак, а Авраам, и что именно от Авраама ведут свое начало иудеи (равно как христиане и мусульмане). Так как согласно Торе, Авраам родил Исаака в возрасте 100 лет, то от рождения праотца трех монотеистических религий до Исхода и всенародного принятия Торы на горе Синай прошло ровно 500 лет, т. е. один год Феникса!

Сам же Авраам родился в 1948 году от Сотворения мира, что соответствует четырем годам Феникса. Он был потомком Ноя, уцелевшего после великого вселенского Потопа и родившегося в 1056 году от Сотворения мира (то есть после двух годов Феникса).

Интересно, что РаШИ вынужден был перенести ударение с исторического процесса на момент рождения личности, с которой этот процесс был связан, лишь в силу того, что средняя продолжительность жизни библейских патриархов превышала 100 лет и выходила за рамки приемлемой исторической погрешности. Поясню на примере. Как мы видели ранее, много талантливых поэтов Серебряного века не дожили даже до 30 лет. Такова была судьба английских офицеров Исаака Розенберга, Руперта Брука или Уилфреда Оуэна, погибших на фронтах первой мировой войны. Гумилев, Маяковский, Хлебников и Есенин не дожили до 40 лет. Так же, как и у легендарного Александра Македонского, прожившего всего лишь 33 года, дни их жизни укладывались в рамки одного часа Феникса и были соизмеримы с погрешностью датировки исторических процессов. В такие сжатые сроки сложно отделить историческое событие от рождения его инициаторов. В этом смысле Библейские сказания, существенно отличающиеся от последующей истории, заставляют исследователей глубже задуматься над этой разницей.

Следующим важным 500-летним историческим циклом считается период между рождением Моисея и концом периода Судей, совпадавшим с началом царствования Саула. Это число получается в результате сложения возраста Моисея к моменту Исхода (ему тогда исполнилось 80 лет) с суммой лет правления всех судей. По традиции иудаизма, Исход из Египта произошел в 1447 г. до н. э.[139], и, следовательно, Моисей должен был родиться в 1527 г. до н. э., т. е. вскоре после точного часа Феникса в 1564 г. до н. э. (I.5) Иными словами, Исход иудеев из Египта, получение ими Торы на горе Синай и годы блуждания в пустыне совпадают с завершением Зодиакального цикла в Овне и предшествуют началу нового Зодиакального цикла в Тельце! Хочу отметить, что хотя датировка рождения Моисея ставится под сомнение другими школами[140], но и такой видный историк как Л. Н. Гумилев соглашается с этой датировкой прихода иудеев в Землю Обетованную: «В XV в. до н. э. бродячие племена хабиру вторглись в Палестину»[141]. И что, пожалуй, не менее удивительно, – это мифологическая связь времен, вытекающая из слов Э. Бикермана (1897-1980) о том, что «если верить поэту Иезекиилю, Моисей получил сведения в пустыне о появлении бессмертной птицы Феникса, которую видели у истоков Елима»[142]. Как видно, сам Феникс нанес очередной визит, чтобы возвестить начало новой эры.

[139] Др. Исидор Эпштейн «Иудаизм», «Геулим», Иерусалим, 1979, с. 24.

[140] Например, с этой датировкой спорит христианская хронология, придерживающаяся Септуагинты — собрания переводов Ветхого Завета на древнегреческий язык, выполненных в III—II веках до н. э. в Александрии.

[141] Лев Гумилев: Этногенез и биосфера Земли. Москва. Эксмо, 2007, с. 159.

[142] Э. Бикерман. «Евреи в эпоху эллинизма», - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Gesharim, 2000, с.225.

С историей Исхода иудеев из Египта в Библии заканчивается легендарная эра патриархов, и начинается история создания Израильского Царства. На этом этапе появляется возможность перейти на григорианский календарь. Конечно, как уже неоднократно подчеркивалось, точность датировки меняется в разных периодах. В каждом отдельном рассматриваемом отрезке времени я стараюсь указывать на допустимые погрешности и отделять легенды от истории. Во всей последующей датировке, связанной с Танахом, я пользуюсь хронологией, приведенной английским ученым и раввином, профессором Исидором Эпштейном (1894-1962). Немаловажную роль в принятии такого решения сыграло то, что с одной стороны, Эпштейн пользовался большим авторитетом среди знатоков Танаха, а с другой стороны, он сам может считаться героем настоящего исследования. Рожденный в 1894 г., Эпштейн, подобно Бикерману, принадлежит к поколению часа Феникса, которому посвящена эта книга. Поэтому, даже если иные поколения оспаривали их выводы, важно знать их точку зрения, отражающую убеждения, чаяния и душевный склад рожденных в час Феникса.

По Эпштейну, Моисей родился в начале последнего года Феникса в Овне. В этой связи библейская история о Золотом Тельце обретает новый смысл. Грех Золотого Тельца традиционно символизирует привязанность к прошлому, к горшку с мясом, к удобствам жизни в Древнем Египте, к имуществу, т. е. ко всему тому, что в астрологии приписывается основным характеристикам знака Тельца! С началом нового Зодиакального цикла в Тельце требовалось провести переоценку ценностей: коллективное подсознание (Нептун) должно было трансформироваться (Плутон) во всем, что было связано с материальными ценностями и имуществом (Телец). Делать это пришлось в условиях пустыни, питаясь лишь манной небесной. Только очистившись от прежних взглядов, новый народ пришел к возведению Первого Храма,

построенного царем Соломоном в первом году Феникса в Тельце (II,1).

Важно отметить, что Моисей является не только легендарным пророком и законодателем, сплотившим израильские колена в единый народ, но и, прежде всего, составителем Пятикнижия. Образ Моисея волновал творческое воображение многих поколений писателей, поэтов, художников и скульпторов не только потому, что он был великим человеком, но и потому что он был едва ли не древнейшим известным нам поэтом. Всего Тора содержит три песни: «Песня моря»[143], «Песня колодца», подарившего воду в пустыне[144], и «Внемлите, небеса»[145] – прощальная песня Моисея, по окончании записи Торы. Текст двух из них приводится целиком в Торе, и их автором считают Моисея.

«Песню моря» – хвалебный гимн Б-гу, сразу же после чудесного прохождения через Красное море спонтанно подхватил вместе с Моисеем весь народ. Этот эпический гимн, проникнутый преклонением перед Божественным началом, считается едва ли не самым древним, полностью дошедшим до наших дней стихом известного автора. Его настроение, также как и последовавшая за ним хвалебная песня пророчицы Мириам и женщин Израиля, сродни с поэзией Серебряного века в том, что оно отражает окончательный и бесповоротный разрыв с прошлым миром и присутствие при рождении Новой Эпохи. Еще ярче эта тема «начал и концов», тема Феникса, тема Жизни и Смерти отражена в прощальной песне Моисея, в которой Всевышний объявляет ему:

Смотри же ныне, что Я это Я,
и нет бога, кроме Меня;

[143] Исход 15: 1-19.

[144] Числа 21:17-20.

[145] На иврите – «Аазину», Второзаконие 31-32.

Я умерщвляю и Я оживляю,
Я поразил и Я исцелю:
и никто от руки Моей не избавляет.

Пример Моисея, родившегося в начале года Феникса, и сочетавшего в себе черты поэта и лидера, возвращает нас вновь к теме Поэта и Власти, столь характерной для часа Феникса. На фоне Моисея хотелось бы привести рассуждения об исторической роли поэзии, высказанные лауреатом Нобелевской премии, мексиканским поэтом и культурологом Октавио Пасом. Развивая свою мысль, что «без поэзии нет истории – ни истока ее, ни начала»[146], Пас подчеркивал дуальную природу поэзии: с одной стороны, она служит критерием языковой и культурной зрелости народа, а с другой стороны, она же вдохновляет людей на дальнейшее развитие:

«Слова поэта – поскольку они слова – всегда и его и чужие. С одной стороны, они принадлежат истории – данному народу, истинному состоянию его языка, а потому датируемы. С другой – до всякой даты само начало начал. … Каждое стихотворение соткано из совершенно точно датируемых слов и вместе с тем предшествует любой дате: это первородное деяние, которое дает начало самой истории социума и индивида, выражение данного общества и одновременно его основа, условие его существования. Без общепризнанных речений стихов не бывает, без слова поэтического нет самого общества, государства, Церкви и любого другого человеческого общества. Слово поэта исторично в двух взаимодополняющих неразрывных и непримиримых смыслах: оно порождено обществом и вместе с тем – исходное условие самого общества»[147].

[146] Октавио Пас, «Освящение мига», - М.: СПб., «Симпозиум», 2000, с. 289.

[147] Октавио Пас, «Освящение мига», - М.: СПб., «Симпозиум», 2000, с. 287.

Полезно помнить эти слова при чтении дальнейших исторических примеров становления и падения тех или иных государств.

Первого царя Израиля Саула привел к власти пророк Самуил, ставший последним из судей. Считается, что он родился в XI в. до н. э., а точнее, по еврейской традиции, от рождения пророка Самуила до разрушения Первого Храма прошло 508 лет. То есть, пророк Самуил, по всей видимости, родился около 1095 г. до н. э., (в час Феникса 1071 г. до н. э.) (II,1), и его рождение ознаменовало переход от прежней Эпохи Судей к новому укладу – царской власти. Это еще один пример того, как каждый час Феникса является узловой точкой, знаменующей слияние конца отжитого цикла с зарождением схемы развития в грядущем году Феникса. Подобный пример мы видим и в последующий час Феникса 578 г. до н. э. (II,2), когда очередной конец сливался с очередным началом: с одной стороны, в 586 г. до н. э. был разрушен Первый Храм и последовало Вавилонское пленение, а с другой стороны, тогда же родился и будущий Кир II Великий (~593- 530 гг. до н. э.)[148], основатель персидской империи Ахеменидов, подчинивший себе Вавилон и вернувший иудеев в Иерусалим. Именно благодаря вмешательству Кира стало возможно возрождение независимого еврейского государства и возведение Второго Храма в Иерусалиме.

В плане духовного развития народа Израиля, час Феникса 578 г. до н. э. (II,2) стал одной из центральных поворотных точек истории. Бикерман пишет: «С концом Иудейского царства в 587 г. до н. э. Закон Моисея можно было только толковать, его нельзя было ни дополнить, ни исправить»[149]. По

[148] Именуемый в Торе Курушем.

[149] Э. Бикерман. «Евреи в эпоху эллинизма», - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Gesharim, 2000, с. 227.

традиции, это событие становится той линией водораздела, по которой проводят границу 1000-летнего периода передачи Торы из уст в уста. Принято считать, что Тора была дана Моисею на горе Синай, и с тех пор она передавалась устно из поколения в поколение, от Моисея к Иегошуа, от Иегошуа к старцам, от старцев к пророкам, и так 1000 лет, от Моисея до возвращения из Вавилонского плена по указу Кира. Этот период так и называется – период «писания».

Далее, не только в Торе отмечается 1000-летний цикл, но и в Танахе. Например, в учебнике Й. Вейнберга «Введение в Танах» указано, что «время создания и оформления Танаха охватывает целое тысячелетие», а точнее:

«Древнейший более или менее точно датируемый текст в Танахе, Песня Дворы (Суд. 4:5), относится к XII в. до н. э., а самый поздний текст, кн. Даниэля, – к середине II в. до н. э.».

Если до сих пор, в анализе седой древности, датировки периодов и их связь с астрономическими циклами оставалась спорной, то датировка следующего исторического периода основана не на сказаниях, а на исторических фактах.

Возвратившись из Вавилонского плена, иудеи возвели Второй Храм (II,2) и стали записывать священное Писание. Последующий цикл их истории связан с началом нового года Феникса в 84-83 гг. до н. э. (II,3). В тот час Феникса родился основоположник династии Гилелей – Гилель Вавилонянин (или Гилель ха-Закен), (~75 г. до н. э. - 5 г.) – наиболее значительный из законоучителей и мудрецов эпохи Второго Храма, связавший накопившиеся в иудаизме устные предания с Торой. Личность Гилеля, сочетавшая мудрость с благочестием, смиренностью и простотой, стала образцом для подражания последующих поколений. Родившийся в период «раскола времен», Гилель, с одной стороны, входил вместе с Шаммаем в пятую и последнюю «пару» законоучителей, а с другой стороны, он стал первым представителем нового типа

мудрецов, так называемых «таннаев»[150]. Символично, что с именем Гилеля, родившегося в час Феникса, в час, когда формируются новые принципы будущего развития, связано одно из самых распространенных преданий иудаизма. Эта история повествует о язычнике, возжелавшем принять иудаизм, но устрашившемся обилия его законов. Он обратился к Гиллелю, сказав, что перейдет в иудаизм, если мудрец сумеет разъяснить смысл своей веры так быстро, что спрашивающий устоит на одной ноге. Ответ Гилеля был мгновенным и исчерпывающим: «Что тебе неприятно, того не делай другому – вот сущность Торы, а все остальное есть лишь объяснение к этому». Эти крылатые слова, облетевшие весь мир, метко характеризуют емкость и сжатость информации, передаваемой в час Феникса.

Согласно талмудическим источникам, начиная с 30 г до н. э., Гилель стал главой Синедриона. Синедрионом в Древней Иудее назывался верховный еврейский суд, созданный по словам Иосифа Флавия, в 57 г. до н. э., когда римляне разделили страну на пять синедрий и учредили систему местного судопроизводства в каждом районе. Под влиянием Гилеля и династии его преемников (15 поколений из рода Гилеля) Синедрион стал не столько судом, сколько академией Закона. Благодаря преемственности традиций, передававшихся от отцов к сыновьям рода Гилелей, даже после разрушения Иерусалимского храма в 70 г. Синедрион продолжал беспрерывно действовать вплоть до наступления очередного часа Феникса 411 г. (II,4) и прихода к власти императора Восточной Римской империи, Феодосия II (401-450).

[150] Таннаи, происходит от арамейского – «учить». Титул законоучителей иудаизма в 1-2 вв. В Талмуде этот термин употребляется для того, чтобы отличить мудрецов этого периода от предшествовавших им законоучителей и от последовавших за ними амораев.

С ростом христианского влияния усилились религиозные гонения против иудеев. В период 408-415 годов были аннулированы права стоящего в то время во главе Синедриона Гамлиила VI, а в 425 г., со смертью этого последнего представителя династии Гилелей, навсегда исчез последний след древнего Синедриона. Со дня рождения своего основателя до смерти последнего своего представителя династия Гилелей просуществовала около 500 лет – один год Феникса. С ее уходом с мировой сцены завершилась эпоха создания Талмуда, а центр еврейской жизни сместился в вавилонскую диаспору.

Еще одним интересным фактом, связанным с этими историческими событиями, является цикличность рождения правителей, сыгравших роковую роль в судьбе иудеев. Мы уже видели, что Кир II, вернувший иудеев в Иерусалим, был рожден в час Феникса. В следующий час Феникса, вместе с Гилелем был рожден и основатель идумейской династии Иродиадов, царь Ирод (~73-74 - 4 гг. до н. э.). Его роль в истории оценивается двояко. С одной стороны, этот деспот, чье имя стало нарицательным, жестоко насаждал греко-римские обычаи, противные духу иудаизма, а с другой стороны, он отличался редкой страстью к строительству. В результате его имя связано с восстановлением Иерусалимского храма, и к тому же, именно он назначил Гилеля главой Синедриона. А к следующему часу Феникса в 411 г. приурочена дата рождения императора Феодосия II, положившего конец Синедриону и самоуправлению иудеев в Земле Обетованной.

На этой драматической точке хотелось бы вновь обратиться к поэтам и пророкам. А где они были в то время, и были ли вообще?

Скорее всего, что Ирод вполне соответствует типу Диктатора, выведенному Тедом Джоржем в описании соединения Нептуна-Плутона. Гилель, в противовес ему, соответствует образу возвышенной личности, наделенной пророческим ви-

дением будущего, и тоже соответствует описанию Джорджа. Как относились Ирод или Гилель к стихам, неизвестно[151]. Но нет сомнения, что именно тот период часа Феникса 83-84 гг. до н. э. дал миру гениальную четверку римских поэтов, отмеченную Бродским как историческую «веху». И именно к этой четверке, жившей в Золотой век римской поэзии, принадлежит ровесник Гилеля, один из наиболее значительных древнеримских поэтов, Вергилий (70 - 19 гг. до н. э.) (II,3). Римский историк Светоний писал о нем, что он был всю жизнь «чист и речью и мыслью». С именем Вергилия и с его произведениями связано много пророчеств и предзнаменований. Его рождению предшествовал вещий сон, оповестивший будущую мать о великой миссии сына. Считается, что ребенок, родившись, не плакал, и лицо его было спокойным: уже это было несомненным указанием на его счастливую судьбу. Впоследствии творцы Средневековья чтили память Вергилия, видя в нем духовного наставника Данте, вдохновившего его на создание «Божественной комедии». К тому же, христианство особую роль отводило рассмотрению четвертой эклоги Вергилия:

Снова великий веков рождается ныне порядок.
Дева приходит опять, приходит Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
Мальчика лишь охрани, рожденного, с коим железный
Кончится век, золотой же возникнет, для целого мира[152].

Кто этот мальчик, с которым Вергилий связывает наступление «золотого века»? «Христос!» – полагало Средневековье, за что и чтило Вергилия как святого. «Нет, ребенок от

[151] Хотя Гилелю приписывают широкие познания в области древнегреческой поэзии.

[152] Перевод С.В. Шервинского.

брака Октавиана со Скрибоной!»[153], – думают современные филологи. «Как бы то ни было, – писал Гаспаров, – мистический пафос 4-й эклоги отражал те мессианские настроения эпохи, на которые в значительной мере опирался Октавиан, приходя к власти»[154]. В работе «Вергилий – Поэт Будущего» Гаспаров еще ярче подчеркивал важность роли точки разлома времен, соответствующей времени рождения Вергилия:

«Вергилий написал три больших произведения: «Буколики», «Георгики», «Энеиду». Все они написаны о разном, и с виду совсем непохожи друг на друга. Но если вглядеться, мы увидим: все они подхватывают и развивают одну мысль и одно чувство – отречение от прошлого и перерождение для будущего»[155].

Продолжая эту мысль Гаспарова, позволю себе, в отличие от средневековых исследователей, обратить особое внимание на то, что Вергилий посвятил эту эклогу своему покровителю и другу, консулу, историку и поэту, Азинию Поллиону (76 г. до н. э. - 4 г.). В частности, в этой эклоге Вергилий разъясняет, от какой именно точки отсчета нужно вести отсчет Новой эры:

Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром владыка.
При консулате твоем тот век благодатный настанет,
О Поллион! – и пойдут чередою великие годы[156].

[153] В ту пору Октавиан Август и его супруга Скрибога ждали наследника, но у них родилась дочь.

[154] М.Л. Гаспаров, «Греческая и римская литература I в. до н. э.»// История всемирной литературы. Т. 1. С. 457.

[155] М.Л. Гаспаров // «Вергилий. Буколики. Георгики»,. Энеида. - М., 1979, с. 5-34.

[156] Перевод С. Шервинского.

То есть отсчет Нового времени, по Вергилию, должен был вестись от того, кого он видел наиболее достойным роли эпонима, а именно от покровителя поэтов и основателя первой в Риме публичной библиотеки, Азиния Поллония, родившегося в час Феникса и гармонично сочетавшего в себе черты поэта и правителя!

Оглядываясь на историю Рима, мы убеждаемся, что в пророчестве Вергилия были отражены, как в вещаниях Феникса, все возможности нового цикла, когда «Снова великий веков рождается ныне порядок». В самом начале этого цикла уже как бы был заложен его конец, ибо через 480 лет после рождения Вергилия, в 410 г., Рим был взят и разграблен вестготами под предводительством Алариха. Этот новый час Феникса не только положил конец Синедриону, но и возвестил уход с мировой сцены Римской империи, основанной вместе с установлением принципата Августа в 31 г. до н. э.

И снова, в который раз обращает на себя внимание синхроничность – как мы уже видели, Гилель стал главой Синедриона в 30 г. до н. э. Начавшись одновременно, оба механизма управления народами канули в лету тоже одновременно, совпадая с концом очередного года Феникса!

Начиная с этого времени, в мировой истории красной нитью будет проходить тоска иудеев по Иерусалиму и их мечта выстроить «Третьий Храм», сопровождающаяся не менее драматичным стремлением многих народов мира возродить «тысячелетнюю Римскую империю».

8. Вторые Римские Империи – от Меровингов до наших дней

В одежде гордого сеньора
На сцену выхода я ждал,
Но по ошибке режиссера
На пять столетий опоздал.
И. Эренбург (1891-1967)

Как и ранее, концы в истории совпадали с началами, и драматические события 411-412 гг., приведшие к падению Рима, совпали с зарождением нового великого этноса – франков. Вдали от Иерусалима или Рима, в глуши провинциального севера Европы родился в этот период человек по имени Меровей или Мерович, ставший впоследствии легендой. Этот предводитель салических франков, именем которого называется династия Меровингов, родился в час Феникса, ~411 г. (II,4). По легенде, записанной в VII в. летописцем Фредегаром, Меровей был рожден женой первого короля салических франков, Хлодиона, от морского чудовища:

«Утверждают, что, когда Хлодион летней порой остановился на берегу моря, в полдень его супругой, отправившейся на море купаться, овладел зверь Нептун, похожий на кентавра. Впоследствии, забеременев то ли от зверя, то ли от человека, она родила сына по имени Меровей, и по нему затем франкские короли стали прозываться Меровингами»[157].

Эта история снова демонстрирует удивительную мощь мифов – будущий отец этноса франков, рожденный в час Феникса, зачат по легенде в тот момент, когда Морское чудовище (Нептун) овладевает (Плутон) земной женщиной.

Под предводительством Меровея, территория его королевства начала быстро расширяться. Преемники Меровея

[157] Фредегар, «Хроника».

продолжали его традиции, твердо веря в предсказание апостола франков Ремигия (437-533), что господство их династии будет длиться вплоть до Конца Света. Несмотря на низвержение династии Меровингов в 751 г., многие историки не отрицают верности этого предсказания, так как по одной из женских линий Каролинги происходили от Меровингов. Впоследствии родство Каролингов и Капетингов положило основу средневековой модели единства трех династий и, в силу родственных связей, потомками Меровея и Хлодвига выступали почти все без исключения короли Франции, а также и многих других стран, включая поныне правящих испанских Бурбонов. Потомками Меровея и Хлодвига считались также некоторые правители России, в частности, Иван Грозный и поздние представители династии Романовых.

Франкская империя достигла вершины расцвета при Карле Великом (748-814). Прозвище «Великий» Карл получил еще при жизни, и самой сокровенной целью будущего императора было возрождение Священной Западной Римской империи. После 30 лет его правления, приведшего к укреплению франкского господства в Европе, эта цель была достигнута: в 800 г. Карл Великий был коронован в Риме как император. Из бывших Меровингских королей род Каролингов превратился в императорскую династию, прославившую себя на весь мир. Но и правление Меровингов-Каролингов тоже не оказалось вечным. Последним королем единого Франкского государства стал Людовик Благочестивый (778-840). К концу его правления государство оказалась в глубоком кризисе, который через несколько лет после его смерти привел к распаду Франкской империи и к образованию на ее месте национальных государств – предшественников современных Германии, Италии и Франции. Некоторое время эта империя, состоявшая уже из независимых королевств, которыми правили наследники Людовика, все еще продолжала считаться единым государством. С каждым новым переделом

земель, королевства все больше обособлялись, и в конечном итоге Каролинги правили в Италии до 905 года, а в Восточно-Франкском королевстве (Германии) до 911г. Попытки Каролингов восстановить римскую империю в Италии и в Германии потерпели окончательное фиаско в 911 г., вместе с концом года Феникса (II,4).

На примере империи франков можно также разглядеть синхроничность в развитии Запада и Востока. Казалось бы, не должно было наблюдаться никаких причинно-следственных связей между политической жизнью Европы и Китая тех лет. Тем не менее, очередной час Феникса 905 г. (II,5) ознаменовался не только смертью короля Людовика Дитя (893-911), вместе с которой оборвалась восточнофранкская ветвь Каролингов, но и падением в 907 г. могущественной династии Тан в Китае, последним императором которой был тоже малолетний ребенок, Ли Чжу (892-908).

Во Франции династия Каролингов сменилась в 987 г. Капетингами, правившими до 1328 г. (немного не дотянув до полного года Феникса в 1398 г.).

Одна из наиболее удачных попыток возродить Великую Римскую империю была предпринята восточнофранкским королем Оттоном I Великим (912-973), родившемся в час Феникса (II,5), ровно через 500 лет после Меровея. В 962 г. он был коронован в Риме папой Иоанном XII, присвоившем ему титул Императора Священной Римской империи. Эта империя рассматривалась как прямое продолжение античной Римской империи, но процессы становления единого государства в ней так и не были завершены, и до начала XIX в. она оставалась децентрализованным образованием со сложной структурой, объединявшей разрозненные территории Германии, Италии, Швейцарии, Бургундии, Нидерландов, Бельгии, Чехии, Силезии, Эльзаса и Лотарингии. Власть императора никогда не была абсолютной, и императорский титул не был наследственным.

В следующий час Феникса (III,1), через 486 лет после рождения Оттона Великого, родился Альбрехт V (1397-1439), первый король из династии Габсбургов, объединивший под своей властью Австрию, Чехию, Венгрию и Германию и принявший титул императора Священной Римской империи в 1438 году. Этот титул Габсбурги, в качестве представителей могущественных монарших династий Европы, удерживали до 1806 года. Считается, что основателем династии Габсбургов был Гунтрам Богатый (~930-990), чьи владения располагались в северной Швейцарии и Эльзасе. Как мы видим, он был современником Оттона Великого.

Уход Габсбургов связан с распадом Австро-Венгрии в период первой мировой войны. Последним правителем династии Габсбургов стал император Карл I (1887-1922), который в 1918 году подписал уведомление о распаде Австрийской империи и отказ от управления государством. То есть, конец одной из крупнейших империй Европы связан с правителем, родившимся в час Феникса 1885-1899 годов (III,2). В общей сложности, от рождения Гунтрама Богатого до восхождения на престол Священной Римской империи Альбрехтом V прошло около 508 лет, а до окончательного ухода его династии с мировой арены – около 988 лет. Как и ранее, годы Феникса совпадали с историческими циклами.

Ровно через два года Феникса после рождения Оттона Великого и Гунтрама Богатого, в час Феникса (III,2), родился следующий германский правитель, предпринявший попытку основать тысячелетний «Третий рейх» (Третью империю). Адольф Гитлер (1889-1945) (III,2) полагал, что именно ему удастся возродить традиции Древнего Рима. Но он не учел, что в 1398 г. завершился Зодиакальный цикл в Тельце, и что с наступлением второго года Феникса в Близнецах было невозможно удерживать отжившие устои.

Начался стремительный период реформ и изобретений в сфере коммуникации и науки – ничто не могло остановить

процессы грядущей демократизации и глобализации. Так же, как невозможно было вечно сохранять систему правления фараонов в Древнем Египте, и с переходом часа Феникса из Овна в Телец, она канула в Лету, так и с переходом часа Феникса в Близнецы, постепенно затухала идея восстановления Третьего Рима.

Часть третья

ЧАСЫ ФЕНИКСА

Что мудрее всего? – Время, ибо
оно одно открывает все.
Фалес из Милета

Есть в хаосе самом высокий строй,
Тот замысел, что кажется игрой,
И, может быть, начертит астроном
Орбиту сердца, тронутого сном.
И. Эренбург. (1891-1967)

Человек и время нераздельны
Там, где Бог историю творит.
Фернанадо Пессоа (1888 - 1935)[158]

1. Взгляд внутрь года Феникса

Одною тайной непонятной
Порядок мира утвержден.
Над всем один лишь благодатный,
Уму неведомый закон.
Сергей Соловьев (1885-1942)

Последующее деление года Феникса на фазы проведено в соответствии как с нынешними взглядами хронологии и

[158] Перевод О. Овчаренко.

астрологии, так и с принципами Бэкона. В основу деления положены либо годы Нептуна и Плутона, которые являются сами по себе важными вехами мировых процессов, либо цикличность чередования мажорных аспектов Нептуна-Плутона. У каждого из таких методов деления есть свои преимущества и свои недостатки.

Начнем с наиболее очевидного деления года Феникса на две половины, соответствующие двум 248-летним периодам обращения или годам Плутона. Важно отметить, что подобно тому, как деление суток на день и ночь приводит к разным по своему характеру временам, так и две половины года Феникса отличаются друг от друга. В то время как началу первой половины года Феникса, сопутствующей нечетным годам Плутона, всегда соответствует аспект соединения Нептуна-Плутона (час Феникса), второй половине года Феникса (четным годам Плутона) всегда соответствует аспект оппозиции Нептуна-Плутона.

С точки зрения астрологии, для начала нечетных годов Плутона характерно стремление к синтезу и к единению, а для начала четных лет – к дезинтеграции и к расчленению. В нечетные годы Плутона в обществе доминируют примеры пассионарности: преобладание энтузиастов, увлеченных новой идеей. В противовес этому, в четных годах Плутона идет пересмотр изначальной идеи, вплоть до выдвижения на первый план ее антитезы. В обществе растет процент циников, эскапистов или нигилистов.

В то время как творчество поэтов, рожденных в час Феникса, пронизано верой в скорое наступление рассвета и ожиданием той чудесной минуты, которую люди «переживают потом веками», у поэтов, родившихся в период оппозиции Нептуна-Плутона, такие возвышенные идеи и пафос зачастую вызывают насмешку, иронию или даже сарказм. То, что в начале дня сулило светлое будущее и казалось манящим идеалом красоты, может ночью обернуться фантасмагорией или кошмарами.

Ярким представителем оппозиции Нептуна-Плутона может служить Джон Драйден (1631-1700) – английский поэт, драматург, критик и баснописец, чье влияние на современников было настолько всеобъемлюще, что период с 1660 по 1700 год называют в английской литературе «веком Драйдена». В отличие от поэтов Серебряного века, счастье в понятии Драйдена не имело никакого отношения ни к прошлому, ни к будущему, ни к миру, ни к его законам. Его идеология была иной:

Счастливым человека мы зовем,
Что нынешним живет лишь днем,
И что спокойно говорит:
Пусть завтра хоть потоп, мной этот день отжит.
Будь солнце, тучи или град –
Все радости мои лишь мне принадлежат.
И небеса ведь над былым не властны,
Что было, то прошло, я прожил день прекрасно.[159]

Впоследствии, в описании чередования фаз тема оппозиции Нептуна-Плутона будет развита и дополнена примерами других поэтов, родившихся в такие периоды. А пока отмечу, что в настоящее время мы живем в нечетном году Плутона, а четный его год наступит около 2138 года.

Так как период в 248 лет значительно превышает сроки человеческой жизни, хотелось бы продолжить деление года Феникса на более короткие фазы. Казалось бы, что естественным шагом в этом направлении должно было стать разделение на три равных части, соответствующие трем годам Нептуна. Но оказывается, что в отличие от Плутона, у которого всегда нечетные года соответствуют соединению Не-

[159] Перевод Дэмиэн Винсачи.

птуна-Плутона, а четные – их оппозиции, только каждый третий год Нептуна совпадает с мажорным аспектом Нептуна-Плутона, а именно с их соединением. Началам остальных лет Нептуна в разных годах Феникса сопутствуют различные аспекты Нептуна-Плутона, и для их определения требуются сложные компьютерные программы.

На этом примере мы видим, как изучение динамики года Феникса уподобляется изучению небесной полифонии. Если до сих пор астрология главным образом фокусировалась, говоря словами Пифагора, на изучении «небесных мелодий» отдельных планет, то отныне возникает потребность рассматривать музыку «небесных аккордов», т. е. многоголосного хора нескольких планет. В астрологии завершение полного цикла (года) какой-либо планеты называют ее «возвратом», и по завершении полного оборота планеты вокруг Солнца она «возвращается на круги своя». Циклы Нептуна являются яркой иллюстрацией того факта, что нельзя буквально относиться к этой древней мудрости. Хоть у Нептуна орбита самая круглая из всех известных нам планет, но каждый его последующий год начинается при иных обстоятельствах, и только каждый третий год Нептуна входит в резонанс с Плутоном, и поэтому отличается относительно стабильными характеристиками. Остальные циклы Нептуна содержат меньше элементов повторяемости, и потому выглядят менее пригодными для того, чтобы служить циферблатом «селестиальных часов». Музыка небесных сфер намного сложнее, чем она виделась древним, но именно сложность ее ритмов обогащает мир многообразием возможностей создания несметного богатства форм.

2. Деление года Феникса на фазы

Каждая эпоха находится в непосредственном отношении к Богу.
Леопольд фон Ранке

Другой метод деления года Феникса на более короткие фазы основан на цикличности чередования мажорных аспектов Нептуна-Плутона, описанной в прошлой части. В его основе лежит попытка представить историю как целостный организм, развивающийся по определенной схеме, подобной возрастным переменам в жизни человека, но претерпевающий циклические метаморфозы в узловых точках времени (в часы Феникса).

По этой модели, раз в 493 года время как бы становится разомкнутым, и тогда людям диктуется новый «узор» или «схема» развития на последующий год Феникса. Проводниками этой схемы в мир становится поколение часа Феникса. Подобно великому поэту этого поколения, Мандельштаму, они чувствуют себя одновременно и «садовником» и «цветком»: законодателями, диктующими схему развития, и первыми ростками, испытывающими на себе эту схему. Пусть не всегда и не все их начинания удачны, но схема уже обрела свою долгую жизнь, независимую от ее носителей:

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть –
Узора милого не зачеркнуть.[160]

С момента рождения, человеческая жизнь, как и жизнь цветка, подчинена определенному «узору» смены возрастов. Но в то время, как узловые точки рождения и смерти присущи всему человечеству, детство, юность, зрелость и ста-

[160] Мандельштам «Дано мне тело…», 1909.

рость могут протекать по-разному, и границы между ними не являются строго очерченными.

Аналогично, с момента часа Феникса заданы все сроки чередования аспектов Нептуна-Плутона в конкретном году Феникса. Но в то время как узловые точки часов Феникса подчинены строгому ритму времени, границы между фазами в каждом конкретном году Феникса могут быть размытыми и меняющимися по законам различных узоров.

Для того чтобы яснее представить себе последовательность чередования фаз, хотелось бы провести еще одну аналогию, на сей раз между сменой фаз и цветами радуги. В астрологии каждый аспект традиционно изображается своим цветом. Например, секстилю (60°) соответствует голубой, трину (120°) – синий, а оппозиции (180°) – красный цвет. При движении планет меняются аспекты между ними, а с ними чередуются и цвета, подобно смене цветов радуги. Ныне любому школьнику известно о существовании семи цветов радуги, но далеко не все помнят, что число семь – это всего лишь абстракция, введенная Ньютоном. Одним из первых исследователей радуги был Декарт, и он различал в ней только пять цветов (красный, желтый, зеленый, синий и фиолетовый). Ньютон решил, что число цветов радуги должно совпадать с числом нот в музыкальной гамме. Если бы Ньютон жил в Китае, то возможно, что он бы принял пентатонику, и в радуге бы осталось пять цветов, но Ньютон жил понятиями западноевропейской культуры, принявшей древнегреческий звукоряд пифагорейцев, в котором было семь звуков. Так были выделены в радуге дополнительные оттенки голубого и оранжевого цветов.

Хотя ясно, что существует несметное количество оттенков радуги, и хотя непонятно, почему, например, исключены из радуги пурпурный или лиловый цвета, но нам удобно пользоваться ньютоновской абстракцией, которая в первом приближении удовлетворяет потребностям нынешней стадии

развития культуры. Нечто подобное происходит и с аспектами. Возможно, что каждому угловому расстоянию между звездами следовало бы придать особое значение и подобрать свой уникальный оттенок. Но, как уже упоминалось ранее (см. Табл. 12), еще астрологами древности было выделено пять мажорных аспектов – соединение (0°), секстиль, квадрат (90°), трин и оппозиция. К ним позднее добавились два минорных (т. е. менее значительных) аспекта – полусекстиль (30°) и квиконкс (150°). Впоследствии число минорных аспектов стало расти, и Кеплер, например, придавал особенное значение аспекту в 108°, названному в его честь «кеплером».

В идеале, тот или иной аспект наблюдается, когда угловое расстояние между небесными телами «в точности» соответствует указанному интервалу. Но мы живем не в абстрактном, а в реальном мире, с его неопределенностями, допусками и погрешностями, и поэтому аспекты считаются «активизированными» или действующими, если отклонение действительного углового расстояния от точного значения аспекта не превышает нескольких градусов. Хотя для разных аспектов и для различных планет допускаются различные отклонения, в данном исследовании для упрощения все аспекты считались активизированными, пока отклонение от их точного значения не превышало десять градусов.

Так как скорость планет и видимые направления их движения часто меняются, то времена активизации аспектов могут быть короткими или длинными, четко очерченными или размытыми. Порой их продолжительность напоминает «мимолетные встречи», а порой – «длительное содружество». Иногда один и тот же аспект непрерывно длится годами, а иногда его динамика напоминает полосатую зебру – чередование периодов активизации аспекта и периодов отсутствия мажорных аспектов между планетами.

Такая сложная структура года Феникса порождала специфические проблемы при попытках разделить его на отрезки

времени, ограниченные временами активизации разных аспектов. С необходимостью разрешить эти сложности сталкивают нас, например, работы Палдена Дженкинса. Описывая динамику циклов Нептуна-Плутона, этот астролог не ограничивался мажорными аспектами, а рассматривал такие минорные аспекты как октиль (45°) и сесквиквадрат (135°). Хотя на первый взгляд его деление на 16 фаз должно было увеличить точность фокусировки во времени, но в силу значительной погрешности в датировке исторических событий оно лишь увеличило неопределенность. Из-за того, что скорость чередования минорных аспектов очень велика, времена их активизации часто сливаются, и тогда невозможно определить, к какому аспекту следует отнести то или иное историческое событие или рождение человека.

Если бы целью данного исследования было изучение астрологии и «влияний» тех или иных аспектов, то важно было бы проверить, какую роль играет величина допустимого отклонения от точного значения аспекта. Но напомним, что у этой книги были иные цели, а именно: изучение взаимосвязи поэзии, времени рождения поэтов и часов Феникса. То есть, цель книги не в создании новой астрологии, а в поиске принципов построения нового типа абсолютной хронологии.

Обращаясь к Бикерману, подчеркнем вновь разницу между относительной и абсолютной хронологией. Абсолютный «астрономический календарь», построенный на чередовании мажорных аспектов Нептуна-Плутона, состоял бы из набора изолированных дат, разделенных короткими или длинными пробелами. Но хронология не терпит пустот, а состоит из непрерывного ряда отрезков времени: «хронологический год – это единица измерения истории, т. е. звено в цепи лет, обозначенных другим способом»[161]. В результате современная хронология, так же как и календари, построена

[161] Э. Бикерман, Хронология древнего мира, Ближний Восток и античность. М. «Наука», 1975, с. 57.

на сочетании больших астрономических циклов и коротких условных хронологических единиц, заполняющих пробелы и обеспечивающих непрерывность исторических процессов.

В соответствии с этими соображениями, введем в дополнение к «астрономическим» или «абсолютным» фазам года Феникса, понятие «исторических» или условных фаз. В то время как абсолютные фазы определяются серией отрезков времен активизации соответствующих аспектов, условимся называть исторической фазой весь интервал времени, в пределах которого активизируется лишь один конкретный мажорный аспект. Подчеркиваю, что такая историческая фаза носит условный характер и является абстрактным понятием, облегчающим построение моделей исторических процессов. В последующем тексте слово «аспект» соответствует астрономическому явлению и обозначается соответствующим значением углового расстояния между планетами, а слово «фаза» употребляется в условном смысле «исторической фазы» и указывается в ранее введенном обозначении годов Феникса дополнительной арабской цифрой. Например, аспект трина Нептуна-Плутона будет обозначаться как (NE-PL 120°), а соединению 1891 года будет соответствовать запись (III,2,0), в которой III обозначает, что год Феникса начался в третьем знаке зодиака (Близнецах), 2 – что это второй год Феникса в этом знаке, и 0 – что речь идет о часе Феникса (NE-PL 0°).

Так как в целях нынешнего исследования было решено ограничиться пятью мажорными аспектами, то это деление привело к тому, что в каждом году Феникса вслед за часом Феникса чередуются семь условных фаз.

Далее, так как издревле для систем отсчета времени, апеллирующих к цикличности, было характерно «сопоставление хода истории с человеческой жизнью»[162], попробуем и мы

[162] Мартынов А. С. «Система мер и времен в древних странах Ближнего Востока». «Наука и Техника» (Харьков), № 6 (13), июнь 2007, с. 12-17.

уподобить фазы года Феникса жизненному циклу. Представим себе, что подобно тому, как в гамме выделяют семь тонов, а в радуге семь цветов, так и 493-летнай цикл состоит из семи стадий последовательного воплощения изначальной идеи в жизнь. В этой терминологии час Феникса соответствует зарождению идеи, предшествующему ее претворению в жизнь. Это своего рода изначальный акт творения, при котором закладываются все возможные пути развития идеи в конкретном цикле. Затем, в течение семи фаз, как во время семи дней творения, происходят последовательные и планомерные этапы воплощения этой идеи в жизнь, от первых попыток придать ей реальную форму до того, как идея становится полностью воплощенной, исчерпанной и изжитой.

Такие систематические метаморфозы изначальной идеи позволяют представить себе ее историю, как систему, изменяющуюся во времени параллельно цикличному чередованию аспектов Нептуна-Плутона. Так как это чередование, в свою очередь, подобно годичному циклу смены аспектов Солнца, то становится возможным уподобить структуру года Феникса структуре времен года или возрастных периодов человека, описанной, например, в поэмах Манилия и Овидия.

Начнем рассмотрение структуры года Феникса с краткой характеристики его фаз, как в свете астрологии, так и в свете поэзии, созданной великими поэтами, родившимися в соответствующие времена. Как было показано в первой части книги, час Феникса отличался не только всплеском рождаемости великих поэтов, но и особой тематикой и атмосферой их стихов. А если так, то отличались ли стихи, написанные поэтами, рожденными в разных фазах цикла? Права ли была поэтесса Леа Гольдберг (1911-1970), писавшая:

Мой век в моих стихах запечатлен,

Как возраст дерева – в его годичных кольцах,
Как возраст мой – морщинами на лбу[163].

Если это так, то, рассматривая семь фаз года Феникса в свете наиболее ярких стихов, написанных поэтами соответствующих поколений, можно воссоздать динамику возникновения художественных идей и схему последовательности их воплощения в реальных исторических процессах. Такая попытка представить семь фаз года Феникса в свете мировой поэзии, созданной великими поэтами, представителями соответствующих поколений, является своего рода проверкой гениальной догадки Мандельштама: «Быть может, прежде губ уже родился шепот».

Хочу добавить, что связь между характером поэзии и датой рождения поэта привлекла мое внимание еще во время работы над книгой «Селестиальные близнецы». Тогда я впервые столкнулась с тем, что сравнение крылатых строчек знаменитых поэтов, родившихся в один день одного года, указывало на самые яркие характеристики их знака Зодиака. Это наблюдение привело меня к мысли, что поэты становятся великими лишь тогда, когда им удается наиболее полно отразить в стихах свое истинное «я», а, следовательно, и звездную карту неба в момент их рождения. Символично, что тогда поддержку этой идее я нашла у одного из поэтов-пророков, родившихся в час Феникса, у Лорки:

Стихотворные книги –
это звезды, что в строгой
тишине проплывают
по стране пустоты
и пишут на небе
серебром свои строки.

[163] Перевод Я. Хромченко.

…Я хотел бы оставить
в этой книге всю душу...[164]

В последующем тексте мы получим возможность сравнить, какие души оставляли поэты разных фаз года Феникса в своих стихах.

3. Час Феникса – нулевая фаза, зарождения идеи цикла

Что мы считаем началом, часто – конец,
А дойти до конца означает начать сначала.
Томас Стернз Элиот (1888-1965)[165]

А я уже стою на подступах к чему-то,
Что достается всем, но разною ценой...
Анна Ахматова (1889-1966)

Нулевая фаза или час Феникса (Y,X,0) – это первичный акт зачатия идеи или замысла; это как бы сингулярная точка в истории, когда наступает «раскол» или «разомкнутость» времен. Старый цикл окончательно изжит, а в начале нового цикла, в момент его зарождения уже заложена схема и будущие тенденции его развития.

Этой фазе сопутствует соединение Нептуна-Плутона, считающееся наиболее ощутимым аспектом синтеза идеалов и силы, концентрации энергии и интеграции ее с духовным озарением и вдохновением. Его цвет – фиолетовый, а символ – Феникс. В истории – это время перестановки акцентов, отмирания старых жизненных устоев и зарождения новых идеалов, ведущих к перемене мира.

[164] Перевод О. Савича.
[165] Перевод А. Сергеева.

Такой период часто сравнивается с символикой томящегося в земле зерна. Тип людей, рожденных в час Феникса, как правило, соответствует пассионариям, окрыленным (или фанатически порабощенным) рвением к воплощению в жизнь знания, мудрости или своих личных убеждений. Этим энтузиастам чуждо стремление к богатству, так как в самих себе они находят неистощимые сокровища. Их дух зачастую погружен в созерцание великих идей и в поиски их поэтического выражения.

Поэтические темы, характерные для часа Феникса, отличаются новизной и оригинальностью. В дополнение к многочисленным стихам этого периода, приведенным в первой части книги, рассмотрим еще три характерных примера. Расколу или надлому исторических времен, сопутствующему часу Феникса, поэты противопоставляют синтез духовного мира и восстановление единства всего сущего. Например, Мандельштам писал:

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?

Ощущение новизны жизни можно прочувствовать в бессмертной поэме «О природе вещей» римского поэта-философа Тита Лукреция Кара (~99- 55 гг. до н. э.) (II,3,0):

По бездорожным полям Пиерид я иду, по которым
Раньше ничья не ступала нога. Мне отрадно устами
К свежим припасть родникам, и отрадно чело мне украсить
Чудным венком из цветов, доселе неведомых, коим
Прежде меня никому не венчали голову Музы.[166]

[166] Перевод Ф. А. Петровского.

Символика посеянного зерна ярко отражена у Рахель Блувштейн:

Зерно прошедшей, забытой жатвы –
веселой, пышной, обильной той –
теперь вернулось в мой мир ужатый,
взошло упрямо в душе пустой.[167]

Начиная с сотворения Адама, нулевая фаза (час Феникса) длится не более 15-30 лет. Напомним, что это не всегда было так, и не всегда будет так продолжаться. Дело в том, что в последние 6000 лет год час Феникса был короток, так как год Феникса начинался в знаках Овна, Тельца и Близнецов, в которых Нептун движется почти в два раза быстрее Плутона. В противоположность этому, через 5000 лет начало года Феникса сдвинется в знаки Льва, Девы и Весов, где скорости движения Плутона и Нептуна практически равны. Тогда настанет эпоха, когда в час Феникса Нептун и Плутон не будут выходить из аспекта соединения на протяжении 80-100 лет. В прошлый раз такое явление происходило около 22000 лет до нашей эры.

4. Первая фаза – пора младенчества и детства, «период свершений»

Минувший век притягивает нас —
Сегодняшнего давнее начало!
Его огонь далёкий не погас,
Мелодия его не отзвучала.
Городницкий А. М. (III,2,1)

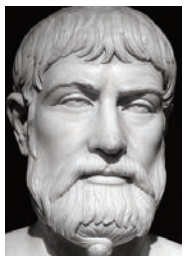
Первая фаза (Y,X,1) – это пора младенчества и быстрого роста, сопровождаемая фантастическими мечтами о будущем

[167] Перевод А. Тарна

и лихорадочными вспышками детских болезней. Время возникновения новых возможностей.

Булат Окуджава

Пиндар*

Октавио Пас

Первая фаза наступает по завершению часа Феникса и длится до активизации нарастающего квадрата Нептуна-Плутона. В течение этой фазы временами активизируется гармоничный аспект секстиля (60°). Цвет – голубой. Американский астролог И. Хикки полагала, что в этом аспекте заложен большой потенциал, но что от личного выбора каждого человека зависит, захочет ли он его реализовать, или нет. Астрологи сравнивают фазу активизации этого аспекта с утром, с младенчеством или с порой года, когда проросшие семена становятся видимыми ростками, разрастающимися во всех направлениях. Периоды активизации секстиля существенно изменяются от цикла к циклу: порой они раздробляются на серии чередующихся интервалов активизации и отсутствия аспектов, а порой надолго переходят в напряженный минорный аспект октиля (45°).

Поэзии, характерной для этого периода, присуща тема преемственности, воспевающая легендарные подвиги прошлых поколений, в сочетании с пассионарностью и с оптимистическим видением будущего. Потрясения и катаклизмы

* Napoli, Museo Archeologico Nazionale: Stas Kozlovsky

миновавшего часа Феникса видятся представителям этого поколения как арена для проявления героизма мифическими героями старины.

Умением воспевать оды прошлому и анализировать, что в нем было достойно подражанию, а что следовало бы искоренить из жизни, отличался один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции – Пиндар (522/518- 448/438 гг. до н. э.). Слава его была столь велика, что ученые эллинистической Александрии поставили имя Пиндара первым в каноническом списке Девяти лириков. Поэзию Пиндара сравнивают с могучим потоком, который, родившись на вершине горы, мощно устремляется вниз, не зная преград на своем пути. О силе поэтического таланта Пиндара писал Гораций: «С Пиндаром кто состязаться дерзает, / Тот и крылами, и долей печальной / Сходен с Икаром»[168]. Поэзию Пиндара часто называют восторженной. В «Первой Пифийской оде» он в частности писал: «Наше имя/ Переживет нас, и слава/ Об отошедших прейдет / В роды смертных»[169].

«Эпоха свершений» – такое меткое название первой фазы находим у другого ее яркого представителя, Бродского. Кончился час Феникса – когда зародился Божественный план всего цикла. Началось время последовательного претворения задуманного в жизнь. Несмотря на то, что лавровый венок творца эпохи зачастую достается представителям именно этой фазы (Колумб, Магеллан, Леонардо да Винчи), сами они порой завидуют первопроходцам. Бродский писал:

> Гражданин второсортной эпохи, гордо
> признаю я товаром второго сорта
> свои лучшие мысли.

[168] Перевод А. Фета. Гораций имел ввиду миф о Дедале и Икаре. Того, кто решит приблизиться к Солнцу на восковых крыльях, ждет неизбежный провал.

[169] Перевод В. Иванова.

До боли осознавая преемственность связи с поэтами часа Феникса, Бродский продолжал:

Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав,
к сожалению, трудно. Красавице платье задрав,
видишь то, что искал, а не новые дивные дивы.
И не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдут,
но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут –
тут конец перспективы.

Но может быть именно благодаря этому «концу перспективы» (ведь все уже было предвидено родившимися в час Феникса!), поэтов, родившихся в первой фазе, не покидает неиссякаемая вера в светлое будущее. У того же Бродского мы читаем рецепт, как к нему прийти:

Что нужно для чуда? Кожух овчара,
щепотка сегодня, крупица вчера,
и к пригоршне завтра добавь на глазок
огрызок пространства и неба кусок.

И чудо свершится...

В текущем году Феникса активизация секстиля происходит в интервале 1942-2038 годов. Как уже неоднократно отмечалось, для вычисления точных периодов активизации секстиля Нептуна-Плутона требуются компьютерные программы.

Оглядываясь на два тысячелетия назад, сложно провести четкую грань между представителями нулевой и первой фазы. В свете этого вернемся к Овидию. Так как он родился через 40 лет после точного соединения Нептуна-Плутона, то при допустимой исторической погрешности в плюс-

минус 50 лет, сложно решить, относится ли он к поздним представителям часа Феникса или к ранним вестникам первой фазы. Так как в поэтическом творчестве поэтов первой фазы превалирует дух преемственности, то Бродский мог и не заметить разницы поколений между Овидием и его предшественниками – Вергилием и Горацием. Но эту тонкую разницу отметил Гаспаров. В статье про Овидия он писал:

«Обычно творчество Овидия рассматривается в рамках ‘века Августа’. Это не совсем точно. В плане мировоззрения Овидий сближается с ‘веком Августа’ общим духом приятия действительности. <…> В плане литературном Овидий близок веку Августа тем, что он еще не затронут поэтикой ‘нового стиля’ – не отступает от поэтического языка ‘золотого века’, не ищет краткости и мгновенного эффекта, а скорее, напротив, пространен и словообилен. Однако это не уничтожает риторической основы всего творчества Овидия: он не синтезирует, а расчленяет картину мира, заботится не о создании гармонического целого, а об исчерпывающей разработке частностей, выступает не открывателем нового, а комбинатором уже открытого. Он соперничает уже не с греческими, а с римскими классиками»[170].

Как мы увидим позднее, именно эта метко подмеченная Гаспаровым деталь – отсутствие синтеза и превалирование «комбинирования уже открытого» над «открыванием нового» и рознит тех, кто родился в первой фазе от тех, кто родился в час Феникса.

[170] Гаспаров М. Л. От классицизма к «новому стилю»: [Греческая и римская литература I в. н. э.] // История всемирной литературы: В 8 томах . — М.: Наука, 1983—1994. Т. 1. — 1983, с. 470-473.

5. Вторая фаза – фаза отрочества и юности. Подростковый кризис

Мысли, подобно людям, имеют свою юность.
Фрэнсис Бэкон (1561-1626) (III,1,2)

Джон Донн

Роджер Бэкон

Бен Джонсон

Лопе де Вега

Вторая фаза (Y,X,2) – это фаза отрочества и юности. Это пора экспериментов, проб и ошибок, успехов и провалов, конфликтов и разлада, распада и быстрой смены повесток дня. Ей соответствует период нарастающего квадрата (90°), и она длится до наступления нарастающего трина. Цвет – оранжевый. Ключевое слово: препятствия. В текущем году Феникса этот аспект будет впервые активизирован в 2056 г. В последний раз период его активизации был в интервале 1562-1577 годов. Квадрат считается напряженным аспектом, когда жизнь возводит преграды, испытывая людей или идеи путем столкновения с тяжелыми или непредвиденными обстоятельствами. В период активности нарастающего квадрата прежние возможности либо реализуются, либо тают и улетучиваются. Это подростковый кризис в жизни, когда приходится отказываться от многих детских фантазий; это кризисный аврал в проекте, когда действительность отбрасывает из планов и чертежей все лишнее или неосуществимое.

Часто уроженцам второй фазы приходится становиться героями или наблюдателями характерной сценки, описанной великим испанским поэтом этой фазы, Луисом де Гонгорой (1561-1627):

И плюхнулся глупый отрок
С разбега в садок тунцовый,
Как будто пролив не шире
Лужи у дома отцова.[171]

Судьбы людей, родившихся в этот период, зачастую совмещают элементы комического и трагического. Символично, что отцом такого трагикомического жанра считается еще один великий испанский поэт и драматург второй фазы – Лопе де Вега (1562-1635).

Следующим ярким представителем второй фазы был Шекспир (1564-1616), признававшийся, что «Моя любовь и ненависть ведут/ Войну междоусобную во мне». Именно перу Шекспира принадлежат наиболее характерные для второй фазы строки, в которых время воспринимается, как тяжелый экзаменатор:

Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя.[172]

Но в этот период еще не улетучился дух пассионарности, и не пропала надежда, что все можно обновить и исправить:

[171] Перевод М. Самаева.
[172] Перевод С.Я. Маршака.

А время на тебя идет войною
И день твой ясный гонит в темноту
Но пусть мой стих, как острый нож садовый,
Твой век возобновит прививкой новой.[173]

Такой же накал столкновения былых мечтаний с отчаяньем от невозможности их осуществить и надеждой, что еще не все потеряно, характеризуют стихи более позднего представителя второй фазы, английского поэта Джона Донна (1572-1631):

Как человек, однако, измельчал!
Он был ничем в начале всех начал,
Но в нем дремали замыслы природны;
А мы – ничто и ни на что не годны,
В душе ни сил, ни чувств... Но что я лгу?
Унынье же я чувствовать могу![174]

Ему вторит его ровесник, и едва ли не самый великий поэт так называемого «парадоксального» периода культуры XVII века, Бен Джонсон (1572-1637). С одной стороны, Джонсон, как и подобает поэтам второй фазы, наполнен юношеским пылом:

Кто ж запретит и мне в моих стихах
Игривым быть, как юный вертопрах,
Который провести не мыслит дня,
Чтоб не взнуздать крылатого коня?[175]

[173] Перевод С.Я. Маршака.
[174] Перевод Г. М. Кружкова.
[175] Перевод М. И. Фрейдкина

А с другой стороны, Джонсон, как и Джон Донн, как и Шекспир в своем Гамлете, сталкивается с такими препятствиями, которые мало кому удавалось преодолеть:

Да, сил уж мало, и судьба горька,
Но коль ты жив пока,
Излей весь гнев души
И мерзость сокруши.
Пускай шуты глумятся над тобой –
Не парализовать им разум твой[176]

6. Третья фаза – фаза возмужания

По воле провиденья непреложной –
Благословен мой путь: он предуказан
Тем, кем мне задан мой земной урок.
Джон Мильтон (1608-1674) (III,1,3)[177]

Кризис недолговечен, и, возмужав, человек обретает новую уверенность в себе. В третьей фазе (Y,X,3) мы переходим в гармоничный аспект нарастающего трина (120°). Ключевое слово – гармония. Цвет – синий. В текущем году Феникса третья фаза наступит в 2085 г. и продлится около 10 лет.

Часто сравнивают аспект нарастающего трина с порой набухающих почек: развитие либо идет гармонично, либо катится по инерции, порой пуская корни и расширяясь, а порой скатываясь в застой или в хаос. Чешский астролог Ян Кефер полагал, что людям, родившимся в периоды активности трина, легче, чем когда-либо, достигнуть успеха.

[176] Перевод В. Лунина.
[177] Перевод Ю. Корнеева.

Джон Мильтон

Третья фаза – это фаза момента гармонии, достигнутой на полпути, на рубеже между двумя половинами года Феникса. Она напоминает оазис в пустыне или долину между двух гор. Из прошлых циклов до нас дошли буквально считанные имена поэтов, родившихся в такие декады. Наиболее ярким представителем третьей фазы стал один из величайших японских поэтов, поэт-монах, поэт-философ, Сайге (1118-1190). Однажды, глядя на сливу перед горной хижиной, он сложил такие стихи:

Благовоние сливы
Ты привеял в ложбину меж гор,
О весенний ветер!
Если кто проникнет сюда,
Напои густым ароматом.[178]

Действительно, лишь те, кто сумели точно выбрать время рождения в укромной «ложбинке» между «горами» двух кризисов (предыдущего квадрата и надвигающейся оппозиции), могли насладиться «густым ароматом» плодов, созревших из завязей идей часа Феникса. Это мгновение так великолепно, и так его хочется удержать, что Сайге молился:

Ах, если бы в нашем мире
Не пряталась в тучи луна,
Не облетали вишни!
Тогда б я спокойно жил,
Без этой вечной тревоги...[179]

[178] Перевод В. Марковой.
[179] Перевод В. Марковой.

Но если это невозможно, то поэту хотелось бы остановить это время, хотя бы для себя:

О, пусть я умру
Под сенью вишневых цветов!
Покину наш мир
Весенней порой кисараги
При свете полной луны.[180]

В прошлом году Феникса (III.1) третья фаза пришлась на конец XVI и начало XVII веков. Об этом периоде пишет культуролог Павел Юхвидин:

«Не было, пожалуй, в истории художественной культуры столетия столь противоречивого, но одновременно и обильного на великие имена, как семнадцатый век»[181].

По его мнению, этот период отличался невиданной «пестротой и сосуществованием разных творческих направлений», как будто бы он оказался втиснутым между «двумя эпохами». Такую картину будет легче понять, если заметить, что частое чередование аспектов в эти времена привело к тому, что в начале XVII в. одновременно жили и творили представители второй, третьей и четвертой фазы. Несмотря на то, что жили они бок о бок, каждый из них нес в себе уроки, определенные мировоззрением их фазы рождения и их личного тета-фактора.

В английской поэзии примером тому может служить творчество Джона Мильтона (1608-1674), рожденного в третьей фазе. Его Псалмы и «Возвращенный рай» отличны по своему духу как от творчества поэтов второй фазы, Шекспира и Джонсона, так и от поэтов четвертой фазы, Эндрю Марвелла и Джона Драйдена.

[180] Перевод В. Марковой.

[181] П. Юхвидин, «Мировая художественная культура», Москва, Новая школа, 1996, с. 257.

7. Четвертая фаза - «кризис середины жизни»

Я путь свой, каюсь, прежде не продумал,
Остановлюсь, не возвратиться ль мне?!
Я поверну обратно колесницу,
Покуда в заблужденьях не погряз.
Цюй Юань (~340-278 гг. до н. э) (II,2,4)[182]

Четвертая фаза (Y,X,4) – это пора «кризиса середины жизни», сопровождающаяся либо претензиями плоти: «Сколько можно работать на других, а когда же пожить в свое удовольствие?!», либо криком души: «Всю жизнь потратил на мирские заботы, а когда же посвятить время духовному развитию?»

Именно такую конфликтную ситуацию описал в «Споре между душой и телом» один из самых значительных английских поэтов-метафизиков, Эндрю Марвелл (1621-1678), рожденный в четвертой фазе:

Душа:
О, кто бы мне помог освободиться
Из этой душной, сумрачной темницы?
Мучительны, железно-тяжелы
Костей наручники и кандалы.
Здесь, плотских глаз томима слепотою,
Ушей грохочущею глухотою,
Душа, подвешенная на цепях
Артерий, вен и жил, живет впотьмах,
Пытаема в застенке этом жутком
Коварным сердцем, суетным рассудком.

[182] Перевод Л. Эйдлина

Тело:
О, кто бы подсобил мне сбросить гнет
Души-тиранки, что во мне живет?
В рост устремясь, она меня пронзает,
Как будто на кол заживо сажает, –
Мне эта высь немалых стоит мук!
Ее огонь сжигает, как недуг.
Она ко мне как будто злобу копит:
Вдохнула жизнь – и сразу смерть торопит.
Недостижим ни отдых, ни покой
Для тела, одержимого душой.[183]

Лафонтен

Джонатан Свифт

Мольер

Исследователь поэзии Ю. Б. Виппер видел в таком конфликте основное отличие поэтов XVII в. (рожденных в период оппозиции Нептуна-Плутона) от поэтов Ренессанса (рожденных в час Феникса):

«Для личности эпохи Ренессанса было характерно единство, слияние начала личного и общественного, обусловленное вместе с тем их нерасчлененностью. Для внутреннего мира человека, изображаемого литературой XVII столетия, показательно, наоборот, не только расчленение, обособление

[183] Перевод Г. Кружкова.

этих начал, но и их столкновение, борьба, зачастую прямой антагонизм»[184].

Это описание как будто заимствованно из астрологических характеристик оппозиции Нептуна-Плутона (180°), наступающей в четвертой фазе. Этот напряженный аспект сравним по значимости только с соединением. Цвет – красный. Его время приходит с завершением нечетных годов Плутона, делящих год Феникса на две половины. К этому времени акценты расставлены, ценности выбраны, пути их реализации проверены, и теперь приближается кризис «середины жизни». То, что было зачато в час Феникса, либо стало реальностью, либо доказало свое несостоятельность. Обращаясь к образам великого японского поэта поколения четвертой фазы, Мицуо Басе, (1644-1694), это момент осознания пройденного пути:

Пальму посадил
И впервые огорчен,
Что взошел тростник.[185]

Как правило, это вкус горечи, что многое вышло не так, как хотелось бы:

Пируют в праздник,
Но мутно мое вино
И черен мой рис.[186]

Каким бы исход ни был, реальность меняется, и ходу назад больше нет. А что далее? Ключевое слово возврата Плутона –

[184] Ю. Виппер, Творческие судьбы и история. (О западноевропейских литературах XVI - первой половины XIX века). - М., 1990, с.79-107.

[185] Перевод В. Соколова.

[186] Перевод В. Соколова.

осознание, и оппозиция Нептуна-Плутона как бы предоставляет второй шанс взглянуть на те же идеи с диаметрально противоположной стороны. Иногда такой взгляд несет в себе критику, насмешку, иронию, сатиру; порой – это покаяние в ошибках молодости, но чаще всего – это смесь и того и другого.

К ярким представителям поэзии четвертой фазы относится самый известный поэт-вагант[187] Архипиита Кельнский (р. между 1125 и 1135 гг.) (II,5,4), крамольная поэзия которого пронизана характерными для оппозиции Нептуна-Плутона сатирическими и гедонистическими мотивами. Его «Исповедь», ставшая одной из вершин средневековой поэзии, отражает как дух той эпохи, так и символизм четвертой фазы:

С чувством жгучего стыда
я, чей грех безмерен,
покаяние свое
огласить намерен.
Был я молод, был я глуп,
был я легковерен,
в наслаждениях мирских
часто неумерен.
…
Отпусти грехи, отец,
блудному сыночку.
Не спеши его казнить –
дай ему отсрочку.
Но прерви его стихов
длинную цепочку,
ведь иначе он никак
не поставит точку.

[187] Ваганты - в Средние века в Западной Европе так назывались странствующие «бродячие люди», исполнявшие свои песни.

Эти стихи, которым уже около 900 лет, отдалены на 1500 лет (три года Феникса) от приведенных в эпиграфе строчек Цюй Юаня (~340-278 гг. до н. э) (II,2,4) – первого китайского поэта, чье существование закреплено в письменной традиции. Не странно ли, что ни эта отдаленность, ни географические и культурные различия не стерли характерных для четвертой фазы особенностей? Подобно будущим европейским поэтам Средневековья, поэт Китая эпохи Воюющих Царств, тяжело переживал выпавшую на его долю участь жить в бездуховном времени: «Теснят мне грудь уныние и горесть, / Скорблю, что в век постыдный я живу», – восклицал Цюй Юань, и подобно Марвеллу, сетовал на разлад между душой и телом:

Дух мой зажат в оковы –
не вырвется он на волю,
Связано мое сердце –
никто его не развяжет.[188]

Время не сохранило имен и дат рождения китайских поэтов, предшествовавших Цюй Юаню (II,2,4). Но, оглядываясь назад, на те времена, когда создавались бессмертные стихи «Книги песен» («Шицзин»), собранные Конфуцием (II,2,0), Цюй Юань жаловался с неподдельной горечью: «О, почему на свете так ведется,/ Что мудрецы рождаются столь редко?»[189]

Чтобы приобщиться к мудрости древних, Цюй Юань хотел на птице Феникс подняться до небес. Но он родился не в час Феникса, а в четвертой фазе, в фазе оппозиции Нептуна-Плутона, когда, по его словам, «Все идет не так, как надо, /Все вверх дном пошло на свете», когда

[188] Перевод А. Гитовича.
[189] Перевод А. Гитовича.

Птицы луань и феникс
давно уже улетели,
Ласточки и вороны
вьют во дворцах гнезда.[190]

Для того, чтобы лучше понять четвертую фазу, заметим, что в прошлом году Феникса (III,1) она начиналась рождением таких едких сатириков и комиков, как Мольер (1622-1673), Жан де Лафонтен (1621-1695) и Эндрю Марвелл (1621-1678), а завершилась рождением остроумного насмешника Джонатана Свифта (1667-1745). В период точной оппозиции Нептуна-Плутона родился один из самых значительных английских поэтов эпохи Реставрации, Джон Уилмот (1647-1680). Хотя он известен как оригинальный сатирик и автор лирических стихотворений, Уилмот вошел в историю не столько как поэт, сколько как один из первых представителей либертинизма – гедонистической философии, отрицающей общепринятые моральные нормы. Уилмот скандально прославился своими кутежами, множеством любовных историй, а также как автор едких эпиграмм и стихов непристойного содержания. В конечном итоге, его конфликт между душой и телом достиг апогея, когда он заразился сифилисом. Впоследствии Уилмот раскаялся, стал пуританином и умер, когда ему было едва за тридцать.

Хотя аспект оппозиции Нептуна-Плутона во многом напоминает зеркальное отражение аспекта соединения, зачастую его отражение выглядит так, будто зеркало стало кривым. Если мы вспомним стихи «Союз эха», вспомним восторг Рахель Блувштейн и Залмана Шазара от того, что им удалось услышать и воспроизвести эхо, дошедшее до них с древних времен Первого Храма, то стихи Уилмота о канонических переводах Псалтыря прозвучат как пародия на них:

[190] Перевод А. Гитовича.

Горды Стернхолд и Хопкинс: «Мы
Перевели для вас псалмы!»
Довольны тем весьма;
Но если б услыхал Давид,
Как перевод такой звучит –
Сошел бы он с ума![191]

Упоминание Псалмов Давида приводит нас к еврейской поэзии четвертой фазы. Семнадцатый век был кризисным моментом в истории евреев. В период точной оппозиции Нептуна-Плутона, в 1648-1649 гг. во время восстания Богдана Хмельницкого были вырезаны целые еврейские общины. На фоне этих бесчинств зародилось мощное мессианское движение лжемессии Шабтая Цви (1626-1676). Парадоксально, «но в таких условиях единственно, что придает еврейской поэзии силы, – это юмор»[192]. Именно в этот период талмудист и поэт Иммануил Франсис, рожденный в четвертой фазе, приобрел известность как автор сатирических стихов, направленных против движения Шабтая Цви. Но, как и у его английских ровесников, конфликты Франсиса не ограничивались внешним миром: о внутренних конфликтах поэта и о симпатиях к гедонизму свидетельствует его любовная лирика:

Как сталью точит лезвие стальное,
Желания друг друга разожгли:
Хочу я ту, которая со мною,
И брежу той, которая вдали.

[191] Перевод Дэмиэн Винсачи. Стернхолд и Хопкинс были первыми переводчиками псалмов на английский.

[192] Я.Л. Либерман «Тридцать три века еврейской поэзии» Краткая антология переводов с иврита. Екатеринбург, 1997, с. 191.

Любовь, молю: дай сердце мне второе –
Иль надвое мне сердце раздели.[193]

В текущем году Феникса аспект оппозиции будет активизирован с 2135 по 2147 гг.

8. Пятая фаза – период зрелости мастерства. Век просвещения

Солнце на хвое
К закату все золотей.
Ван Вэй (701? - 761?) (II,4,5)[194]

Пятая фаза (Y,X,5) – это период зрелости, соответствующей второй половине жизни. Миновала пора мечтаний и метаний, стремлений и отчаяний. Перед нами то, чем мы стали. Жизнь вошла в стабильное русло, хотя вполне возможно, что результат вовсе не похож на задуманный план и совсем нам не по душе.

Пятой фазе сопутствует гармоничный аспект убывающего трина (240°, цвет – синий), и в этот период то, что когда-то казалось новым, худо ли, бедно ли уже прижилось и вошло в норму.

В среднем в нашу эпоху убывающий трин наступает через 300 лет после часа Феникса и может длиться целый век. В период активизации этого аспекта наступает время сбора, записи, анализа и доведения до совершенства всего задуманного в час Феникса. С одной стороны, такие периоды длительной гармонии приводят к накоплению знаний и ро-

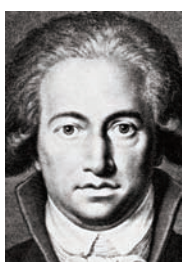
[193] Перевод Г. Бена.

[194] пер. А. Штейнберг, Ван Вэй Река Ваечуань, «Кристалл», Санкт-Петербург, 2001, с. 254.

скоши, а с другой стороны, они могут породить опасное ощущение застоя и заскорузлости мысли, самодовольства или безразличия, когда кажется, что все уже изведано и воплощено в жизнь, и прекраснее того или умнее его уже ничего никогда не будет. Этот век толкователей, энциклопедистов, систематизаторов, переводчиков или эпигонов часто называется веком «школы», веком «схоластики», веком просвещения и искусств.

В западноевропейской поэзии наиболее ярким представителем этой фазы был И. В. Гете (1749-1832), воспевавший оды своему звездному часу:

Да будет превознесена звезда,
Которою нам этот час дарован.
Да будет заклинаньем разум скован
И не теснит фантазии узда.
Старайтесь увидать, что вам приятно.
Что невозможно, то и вероятно.[195]

Иоганн Гете

Михаил Ломоносов

В России одним из ярких представителей поэзии начала пятой фазы был Михаил Ломоносов (1711-1765). В многочисленных одах он прославлял пришествие «золотого века»,

[195] Перевод Б. Пастернака.

в котором «науки юношей питают/ отраду старым подают». Это час благоденствия:

Нагреты нежным воды югом,
Струи полденных теплых рек,
Ликуйте светло друг пред другом:
Златой начался снова век.

Наступил, по Ломоносову, век науки и стабильности:

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хощет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Несомненно, прав был Ломонсов: в России этот век просвещения породил «велики имена» ее первых поэтов: от Державина и Хераскова до Пушкина и Баратынского.

Впоследствии мы еще вернемся к поэзии пятой фазы в анализе истории Португалии и Эпохи просвещения, связанной с ней. Пока лишь добавим, что в китайской поэзии пятая фаза связана с эпохой Тан. Одно из первых мест в перечне славных имен поэтов того золотого периода по праву принадлежит Ван Вэю, творчество которого, наряду с творчеством его великих современников Ли Бо (701-762?) и Ду Фу (712-770), стало одной из вершин танской, а следовательно, и всей китайской поэзии. В то время как часу Феникса присущи дерзновенность мысли и радость вдохновенных открытий,

пятой фазе свойственно понимание пределов своих возможностей и максимальное мастерство владения всеми техниками творчества, разработанными в прошлых фазах. Подобно творчеству российских поэтов пятой фазы XVIII в., в стихах китайских поэтов этой фазы, живших на тысячелетие ранее, мы находим все то же мастерство проникновенного лиризма в сочетании с риторикой обличения, с необузданной фантазией и с удивительными гиперболами. При этом, лейтмотив остается все тем же, и, подобно Ломоносову, идеалы Ли Бо – это стремление к покою и благоденствию:

В струящейся воде –
Осенняя луна.
На южном озере
Покой и тишина.[196]

9. Шестая фаза – кризис наступления старости

Но в сожаленьях поздних проку мало.
Франческо Петрарка (1304-1374) (III,1,4)[197]

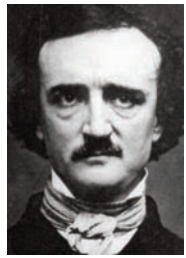
Приятная нега застоя не может длиться вечно. Подрастает молодое поколение, и настает час уходить в отставку и менять образ жизни.

В шестой фазе (Y,X,6) активизируется убывающий квадрат (270°, цвет – оранжевый). Этот напряженный аспект приносит проблемы, сталкивая с такими препятствиями, которые уже невозможно п ть прежними способами. Это фаза кризиса и упадка. В нашу эпоху в среднем наступает через 415 лет после часа Феникса и длится 15-20 лет. Все, что стало

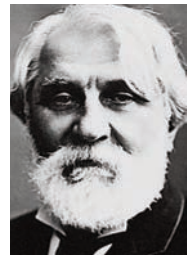
[196] Перевод А. Гитовича.
[197] Перевод Е. Солоновича.

Шарль
Бодлер

Эдгар
По

Иван
Тургенев

привычным, ставится под вопрос. Все, что когда-то было передовым, окончательно устаревает. Вчерашние символы прогресса тормозят будущее развитие, порождая непредвиденные последствия и порою заставляя отступить назад. Наступает лихорадочная пора сбора последнего урожая. Скоро придут дожди, и нужно запасти семена для посева в новом цикле. Хотя прошлое все еще доминирует, но жизнь уже требует извлечения уроков из накопленного опыта. Хотя уже назревают грядущие перемены, и мир с нетерпением ждет их, но, тем не менее, опавшие листья должны быть убраны, а для этой цели все еще надежнее обращаться к привычным и испытанным методам. Иногда этот период характеризуется отчаянной борьбой за жизнь, за будущее, за право на внесение перемен. На смену оптимизму первой фазы приходит пессимистические видения, носящие желчную окраску и озлобленный характер. Возрастает растерянность, ощущение невыносимой скуки и боли. Появляются едкость Петрарки (1304-1374) (II,5,6) или нигилизм Ивана Тургенева (1818-1883) (III,1,6). На смену им приходят сцены «античного пира во время чумы» из «Декамерона» Джованни Боккаччо (1313-1375) (II,5,6) и прорастают «Цветы зла» Шарля Бодлера (1821-1867) (III,1,6). Драма этой фазы отражена в стихах Эдгара Алана По (1809-1849):

Слышишь, воющий набат,
Точно стонет медный ад!
Эти звуки, в дикой муке, сказку ужасов твердят.
Точно молят им помочь,
Крик кидают прямо в ночь,
Прямо в уши темной ночи
Каждый звук,
То длиннее, то короче,
Выкликает свой испуг, –
И испуг их так велик,
Так безумен каждый крик,
Что разорванные звоны, неспособные звучать,
Могут только биться, виться и кричать,
кричать, кричать.[198]

Как мы помним, начало цикла возвещал Феникс; к концу шестой фазы Эдгар По воспел символ глашатая своего времени, и им стала иная мифическая птица – ворон:

«Но тебя, мой гость зловещий,
Ворон древний. Ворон вещий,
К нам с пределов вечной Ночи
прилетающий сюда,
Как зовут в стране, откуда
прилетаешь ты сюда?»
И ответил Ворон:
«Никогда».[199]

[198] Перевод К. Бальмонта.
[199] Перевод Д. Мережковского.

10. Седьмая фаза – на склоне дней

То, что когда-то,
как лотос весенний, цвело,
Стало сегодня
осенней коробкой семян.
Тао Юань-мин (365-427) (II,3,7)[200]

Седьмая фаза (Y,X,7) приходит на закате жизни. На пороге уже стоит старость, а с нею и подведение последних итогов. Старость может сопровождаться дряхлостью, упадком и увяданием, а может стать и долгожительством, с его мудростью и уважением к седине.

Константинос Кавафис

Сюлли Прюдом

Александр Блок

При седьмой фазе (Y,X,7) происходит активизация убывающего секстиля (300°, цвет – голубой). В астрологии его часто сравнивают с порой, когда после сбора последнего урожая можно отметить конец страды. Приходит либо долгожданный миг триумфа и молитвы благодарения, либо час раскаяния и признания полного фиаско. Обычно, это смесь и того и другого. В нашу эпоху в среднем наступает через 445 лет после часа Феникса и длится порядка 8-10 лет. Уходя-

[200] Перевод Л. Эйдлина.

щему циклу предоставляется еще одна возможность сказать последнее слово на суде истории. Иногда, уходя, на прощание 500-летний цикл одаривает будущее редкими талантами, воплощенными в «поздних детях» – в тех, кто родился в этот миг подведения итогов и сумел максимально воспользоваться последней возможностью передать будущим поколениям отборные семена канувшего в лету года Феникса.

Ярким представителем этой фазы был поэт Тао Юань-мин (365-427), творчество которого считают одной из самой высоких вершин китайский поэзии. Несмотря на то, что вершина была достигнута, стихи поэта пронизаны глубоким чувством печали:

Дни – и луны за ними, –
покинув людей, уходят.
Так свои устремленья
я в жизнь претворить и не смог.[201]

Поэзия седьмой фазы – это заключительный аккорд уходящих пяти столетий. Птица Феникс улетает домой в небеса, в последний раз оглядываясь на пройденный путь:

Очертанья горы
так прекрасны в
закатный час,
Когда птицы над ней
чередою летят домой!
В этом всем для меня
заключен настоящий смысл.
Я хочу рассказать,
и уже я забыл слова...[202]

[201] Перевод Л. Эйдлина.
[202] Перевод Л. Эйдлина.

Эта печаль Тао Юань-миня пронизывает и стихи первого лауреата Нобелевской премии в поэзии, Сюлли Прюдома (1839-1907), полагавшего, что «Внезапно искренни все люди, умирая…». Цикл завершен, успех достигнут, поэзия добилась мирового признания, но в стихах Сюлли Прюдома к «Будущим поэтам» уже звучит горечь осознания той пропасти, которая отделяет его от следующего поколения:

Поэты мощные грядущих поколений.
Вам песни лучшие назначены судьбой,
И ярким пламенем великих вдохновений
Рассеете вы мрак над миром вековой.

Тогда уже давно холодною могилой
Мы будем взяты все, и песен наших звук
Замрет пред песнею, исполненною силой, —
Пред песнею, где нет страдания и мук.[203]

К самому концу года Феникса обостряется чувство страха перед грядущими новыми временами. И вот уже в 1896 г. (в час Феникса) Консантинос Кавафис (1863-1933) (III,1,7) с ужасом наблюдал за стремительной сменой времен:

Безжалостно, безучастно, без совести и стыда
воздвигли вокруг меня глухонемые стены.
Я замурован в них. Как я попал сюда?
Разуму в толк не взять случившейся перемены.[204]

Но способен ли был поэт формации «старого времени» услышать ритмы и рифмы новых времен? Эта характерная драма описана Кавафисом в «Окнах»:

[203] Перевод В. Ладыженского.
[204] Перевод Г. Шмакова и И. Бродского.

В этих сумрачных комнатах обретаясь давным-давно,
я все время пытаюсь найти хоть одно окно,
чтоб отворить его. Луч, проникший со стороны, я
мог бы счесть утешеньем. Проникший снаружи свет
сделал бы жизнь выносимей. Но окон нет,
и, может, это и к лучшему, что мне их не отворить:
возможно, что свет всего лишь новая тирания.
Кто знает, какие вещи может он озарить.[205]

Ощущение безысходности нарастает с каждым годом, и у Максимилиана Волошина (1877-1933) (III,1,7) оно достигло апогея:

С каждым днем все диче и все глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветр, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Через три года после Волошина родился один из величайших российских поэтов не только седьмой фазы, но и всего года Феникса, Александр Блок (1880-1921) (III,1,7). Меньше, чем десятилетие отделяло его от поэтов-акмеистов, но как отмечал К. Чуковский в «Книге об Александре Блоке», о его поэзии «уже давно сказано, что она есть поэзия сонного сознания». В отличие от своих младших друзей, рожденных в час Феникса, прошлое виделось Блоку туманным, неопределенным, сонным, а будущее оставалось непонятным и не сулило никаких надежд:

Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот.

[205] Перевод Г. Шмакова и И. Бродского.

Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

Блок никогда не слыл пророком, как лауреат Нобелевской премии Сен-Жон Перс (1887-1975) (III,2,0), которого называли «грандиозным поэтом, ветхозаветным сказителем, пишущим на современные темы», в чьем «поэтическом видении даны обобщенные образы природы, морали и религии в их исторической перспективе». Блок родился не в час Феникса, а в самом конце седьмой фазы, и рассвет забрызжет лишь в душах «духовных первопроходцев» Серебряного века, пришедших через несколько лет после него. Может быть, именно поэтому в его символике вместо Феникса мы встречаем грозную птицу Гамаюн, предвещающую смертоносную бурю:

Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!

В поэзии Блока, как и в поэзии всего поколения седьмой фазы, мрак позади и мрак впереди. Хаос, ветер, и полная неопределенность. Но хотят ли того, или не хотят представители седьмой фазы, время неуклонно продолжает свой бег, и наступает новый год Феникса. Какие из сохранившихся семян попадут в землю, чтобы прорасти в новом цикле?

Попытаемся ответить на этот вопрос на примере рассмотрения истории Древней Греции.

Часть четвертая

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ – ОТ РОЖДЕНИЯ ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ ДО ЗАКАТА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО МИРА

Да будет так! От этих дней безлюбых
Кидаю я в века певучий мост.
И. Эренбург (1891-1967)

1. Древняя Греция – Общий обзор

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты – вечности заложник,
У времени в плену.
Борис Пастернак (1890-1960)

Изучение Древней Греции представляет такой большой интерес, что один из крупнейших историков античности М. Гаспаров писал:

«Из столетия в столетие в учебниках математики переписывались почти те же определения, какие были когда-то даны Евклидом; а поэты и художники упоминали и изображали Зевса и Аполлона, Геракла и Ахилла, Гомера и Анакреонта, Перикла и Александра Македонского, твердо зная, что читатель и зритель сразу узнает эти образы. Поэтому лучше узнать древнегреческую культуру – это значит лучше понять и Шекспира, и Рафаэля, и Пушкина. И в конечном счете – самих себя. Потому что нельзя ответить на вопрос: «кто мы такие?», не ответив на вопрос: «откуда мы такие взялись»?[206]

[206] М. Гаспаров «Занимательная Греция», М. – БСП-ПРЕСС. 2007, с. 12.

Соглашаясь с Гаспаровым, я решила не только посвятить анализу циклов Древней Греции отдельную часть книги, но и попытаться на этом примере детальнее рассмотреть структуру года Феникса, чтобы разобраться, из каких фаз она слагается. Зарождение греческой культуры античности относится к периоду ухода со сцены легендарных Богов и фараонов эпохи Древнего Египта. Современный человек может лишь догадываться об устоях жизни Древнего Египта (протекавшей в Зодиакальном цикле в Овне), и он уже забывает детали мифологии и быта Древней Греции (Зодиакальный цикл в Тельце), но в памяти историков врезаны узловые даты «раскола» исторических времен и наступления «Новой эпохи». В данном случае слово «врезаны» – это не поэтическая метафора, а конкретная форма исторической записи путем высечения хронологических данных на камне.

Древние греки полагали, что историческая наука начинается с хронологии. Их философы уверяли, что если не знать, что и в какой последовательности происходило в прошлом, то все остальные знания теряют смысл. Поэтому, например, на острове Паросе в 264 году до н. э. была выставлена на площади хронологическая таблица, высеченная на мраморе. Эта таблица, получившая название «Парасского мрамора», по сей день служит важнейшим источником древнегреческой хронологии. В Таблице 14 приведены фрагменты из нее[207].

Приводя эту таблицу, напомним, что летоисчисление в Древней Греции было относительным, и счет лет в каждом конкретном городе велся по годам правления местных правителей: «в правление такого-то». В отличие от нынешней концепции времени, постоянно движущегося вперед, в понимании греков время менялось циклично, повторяясь от цикла к циклу:

[207] Википедия и М. Гаспаров «Занимательная Греция», М. – БСП-ПРЕСС. 2007, с. 18.

«Греки представляли себе время движущимся на одном месте – как звездный небосвод, который вращается над миром одинаково и неизменно как за тысячу лет до нас, так и через тысячу лет после нас»[208].

Парадоксально, но именно такая концепция цикличности времени мешала грекам выявить циклы, период которых превышал несколько сот лет, потому что они никогда не стремились создать абсолютную хронологию. По этому поводу замечал академик С. Аверинцев:

«Греческая историография Геродота и Фукидида не знала этой хронологической архитектоники, оперирующей с тысячелетиями. “Все вы юны умом, ибо умы ваши не сохраняют никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени”, – говорил греку представитель памятливой мудрости Востока еще в “Тимее” Платона; “И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не ведая о том, что было в древние времена или у вас самих”. Гениальный Фукидид не предпринял даже минимальных усилий, чтобы сделать свою хронологию унифицированной, а тем самым мировое время – просматриваемым, зримо явленным для ума»[209].

В результате историкам пришлось приложить много усилий для того, чтобы воссоздать историческую хронологию. В последующем изложении все года приводятся в пересчете историками так, как они были указаны в соответствующих первоисточниках.

Из Таблицы 14 видно, как на протяжении первого года Феникса в Тельце только что зародившаяся Греция, вступая на порог истории, постепенно расставалась с царством легенд и

[208] М. Гаспаров «Занимательная Греция», М. – БСП-ПРЕСС. 2007, с. 63.

[209] С. Аверинцев «Порядок космоса и порядок истории».

Таблица 14.
Паросский мрамор

Событие	Даты (г. до н.э)	Даты (по часам Феникса)
Первый царь Кекроп воцарился в Афинах	1582	(I,5,0)
Потоп Девкалиона, уничтоживший человечество	1529	(I,5,1)
Царь Кадм, основатель Кадмеи, пришел в Фивы из Финикии и научил греков письменности	1519	(I,5,1)
Царь Минос, сын Зевса, воцарился на Крите, а фригийские карлики научили греков ковать железо	1432	(I,5,2)
Богиня Деметра пришла в Афины и научила греков земледелию	1409	(I,5,3)
Геракл, очистив Авгиевы конюшни и победив царя Авгия, учредил Олимпийские игры	1300	(I,5,4)
Взятие греками Трои	1209	(I,5,5)
Переселение дорян во главе с царями Гераклидами в Пелопоннес	1128	(I,5,6)
Гибель Кодра, афинского царя, в войне с дорянами. Конец царской власти в Афинах	1085	(I,5,7)
Основание Милета и других ионийских городов в Малой Азии	1077	(II,1,0)
Расцвет поэта Гесиода	937	(II,1,?)
Расцвет поэта Гомера	907	(II,1,?)

сказок. Согласно этой датировке, последний час Феникса в Овне в 1564 г. до н. э. (I,5) отличалось редким драматизмом: на этот период приходится основание Афин первым мифо-

логическим царем Аттики Кекропом, часто изображаемым в виде получеловека-полузмея. Вскоре после этого произошел Всемирный потоп, уничтоживший все человечество, кроме праведника Девкалиона и его жены Пирры[210]. Характерно, что символика этих мифов отражала приближение смены Зодиакальных циклов, перед смещением часа Феникса из огненного знака Овна в земной знак Тельца. Зевс – бог грома и молний, ответственный за порядок движения звезд, – разгневался на людей «медного века» и решил стереть их с лица Земли вместе со всеми их прогнившими устоями. Взамен зародился новый порядок, устанавливаемый Кекропом – сыном богини Геи (Земли), ставшим предвестником новой эпохи Зодиакального цикла в Тельце.

Но не станем углубляться в мифологию, которая была мало ясна даже самим древним грекам, а перейдем к историческим фактам. Современные историки полагают, что переселение дорийцев действительно происходило в указанное в Паросском мраморе время, и что, например, Платон искренне считал себя потомком реального царя Афин Кодра, родившегося в период первого года Феникса в Тельце (II,1). Как полагал Гаспаров, не стоит пренебрегать «мифологической» датировкой «Паросского мрамора». Какими сказочными и невероятными нам бы ни казались события и герои, описываемые в ней, древние греки имели веские основания доверять этой хронологии. По Гаспарову, не только Платон, но и многие представители знатных родов (включая отца медицины, Гиппократа) вели свою родословную от мифических полубогов, и по современной оценке, их семейные хронологии совпадали с Паросским мрамором. Это особенно интересно

[210] Интересно, что по Паросскому Мрамору Всемирный Потоп совпадал с годами рождения Моисея, которого египетский фараон пытался утопить вместе со всеми его новорожденными сверстниками.

в свете того, что через 2000 лет после Кекропа подобные мифы создавались о предводителе франков, Меровинге (р. ~411 г.) (II,4,0), чей отец считался то ли чудищем морским, то ли морским божеством.

С исторической точки зрения, последней час Феникса в Овне, в 1564 г. до н. э. (I,5), соответствует реальному концу периода минойской и крито-микенской цивилизаций, о которых нам известно по сравнительно недавно[211] найденным поразительным минойским фрескам. После находок археологов историки пришли к выводу, что эта культура погибла в результате стихийного бедствия в середине XV в. до н. э.. Датировка этого события соответствует записи о Всемирном потопе на Паросском мраморе.

Через 500 лет после ухода древнейших цивилизаций Микен настал качественно иной период в истории культуры. Этот новый этап человечества начался почти столь же внезапно, как и окончился старый: период смены Зодиакальных циклов в 1071 г. до н. э. (II,1,0) стал тем рубежом, по которому историки проводят границу между Древнейшей и Архаической Эпохами. Именно в это время кончилась власть царей в Афинах и установилось правление архонтов[212]. Именно в этот период под руководством сына последнего царя Афин Кодра был основан (или, точнее, восстановлен после заката минойской цивилизации) город Милет, ставший колыбелью не только греческой, а и всей западноевропейской философии. Именно в этот период кончался мир творения богов или патриархов. На этом этапе религия греков постепенно начала превращаться из зооморфной в антропоморф-

[211] Официальной датой открытия этой культуры считается 16 марта 1900 года, когда английский археолог Артур Эванс начал проводить раскопки Кносского дворца.

[212] Архо́нт - высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).

ную[213]. На смену мифологии пришла история человеческого гения – история философии, поэзии, музыки и естествознания. Эта метаморфоза сопровождалась поразительной синхроничностью: в Китае на смену полулегендарной «эпохе Шан-Инь», длившейся около 500 лет, пришла «эпоха Чжоу», начавшаяся в ~ 1027 г. до н. э.; а на Ближнем Востоке библейская эпоха Судей сменилась первым Израильским царством с царями Саулом, Давидом и Соломоном.

Начало первого тысячелетия до н. э. стало временем формирования великой греческой культуры, а первые двести лет этого периода, с XI по IX века до н. э. получили название «гомеровского времени». Об этих так называемых «темных временах» известно мало, и о событиях тех лет мы можем судить главным образом по гомеровским «Илиаде» и «Одиссее». Считается, что этот период сопровождался окончательным разрушением остатков микенской цивилизации и утратой письменности. Мы уже видели, что Паросский мрамор относил расцвет творчества двух древнейших поэтов Греции – Гесиода и Гомера – к началу X в. до н. э., т. е. их даты рождения должны были относиться к первой половине года Феникса. Многие современные историки оспаривают эту датировку и смещают годы жизни этих поэтов к рубежу между VIII и VII веками до нашей эры. Существует и другая версия, по которой Гесиод и Гомер жили и творили в начале X века, но их произведения были собраны, упорядочены и записаны спустя 200 лет. Так как для истории древнего мира неопределенность в 200 лет – распространенное явление, то такие расхождения в хронологии затрудняют попытку «заглянуть внутрь» 500-летнего года Феникса, чтобы изучить его структуру.

[213] П. Юхвидин, «Мировая художественная культура», Москва, Новая школа, 1996, с. 148.

Если доверять древнейшим источникам, то первичный акт творчества Гомера и Гесиода относился к первой половине года Феникса. В таком случае это был бы акт пассионарности, малозаметный и не до конца оцененный современниками. Вторая половина того года Феникса пришлась на VIII-VI века до н. э., и именно тогда появились первые записи отредактированных и выдержавших испытание временем поэм. Этот второй «завершающий» акт творчества приходился на пятую фазу года Феникса, фазу систематизации или «золотой век культуры и просвещения».

Если же принять версию, относящую творчество Гомера и Гесиода к VIII веку до н .э., то и в этом случае описываемые эпосом события происходили в первой половине года Феникса, а информация о них должна была передаваться из уст в уста на протяжении столетий. То есть, и по этой версии акт народного творчества происходил в начале года Феникса, а систематизация знания завершалась в пятой его фазе. Разница лишь в том, что тогда остаются анонимными имена очевидцев и первых рассказчиков описываемых событий.

Сравним с историей иудеев: хотя, скорее всего, царь Соломон (II,1,1), подобно Гомеру и Гесиоду, творил в начале года Феникса, но его стихи «заново открывались» и «собирались» в пятой фазе того же года Феникса, в период VIII-VII вв. до н. э. Так, у Исидора Эпштейна мы читаем о временах царя Иудеи, Хизкия (II,1,5):

«Хизкия (Йехизкияу) (~ 727-698 гг. до н. э.) … реорганизовал службу в Храме и стал инициатором религиозного подъема и возрождения…. Царь поощрял также занятия литературой и, в том числе, собирание литературного наследия царя Шеломо [Соломона]»[214].

[214] Др. Исидор Эпштейн «Иудаизм», «Геулим», Иерусалим, 1979, с. 54.

Подобная параллель между «возрождением» трудов Гомера и стихов, входящих в Библию, повторилась и в следующем году Феникса, когда в III-II веках до н. э. (II,2,5) по приказу царя Птолемея II была основана Александрийская библиотека, в цели которой входило создание коллекции великих сочинений прошлого. В частности, Гаспаров пишет о сложности восстановления и канонизации трудов Гомера:

«Первая забота хранителей библиотеки была в том, чтобы установить надежный текст классических писателей с Гомером во главе. Это было непросто. Мало было разобраться в ошибках множества рукописей. Нужно было еще решить, достоин ли получившийся текст великого Гомера. И тут начинался безнадежный спор о вкусах»[215].

В тот же период Птолемей II пожелал приобрести для Александрийской библиотеки Священные Писания иудеев. По его указанию семьдесят два раввина – работая независимо друг от друга, в отдельных кельях – должны были перевести на древнегреческий язык все пять книг Торы (Пятикнижия). Согласно греческим преданиям и Талмуду, эти ученые не только одновременно закончили переводы, но и все их тексты звучали одинаково. Поэтому этот перевод, известный как Септуагинта, называют «Переводом семидесяти (толковников)». Септуагинта считается одним из первых в истории человечества переводов книги на иностранный язык.

Период сбора, упорядочивания и систематизации исторических документов в Александрии стал одним из заключительных аккордов уходящей эллинистической культуры. Уже в начале следующего года Феникса в 84-83 гг. до н. э. (II.3) на смену ей пришла культура Римской империи.

В общей сложности история Древней Греции охватывала три года Феникса. Рассмотрим подробнее каждый из них.

[215] М. Гаспаров «Занимательная Греция», М. – БСП-ПРЕСС. 2007, стр. 504.

2. Динамика исторических процессов двух первых годов Феникса Древней Греции

Восход прорезается, новый день
Готовит жару и молчанье. На взморье
рассветный ветер,
Скользя, морщит волны. Я здесь
Или там, или где-то еще. В моем начале.
Томас Элиот (1888-1965)

Согласно Таблице 14, первый мифологический (Архаический) период Греции продлился 497 года – от прихода царя Кекропа в Афины в 1582 г. до н. э. до конца царской власти в Афинах в 1085 г. до н. э. Случайно ли границы этого периода совпадают с датами двух последовательных часов Феникса?

Не забывая о мифической окраске исторических данных Паросского мрамора, попробуем в самых общих чертах рассмотреть структуру года Феникса того периода. По этой хронологии, час Феникса (I,5,0) совпадал с драматическим началом нового цикла истории и с рождением Кекропа. При этом, облик Кекропа символизирует соединение Нептуна-Плутона: он считался автохтоном, рожденным из земли, и представлялся с двумя змеиными туловищами вместо обеих ног. К тому же, Кекроп имел две природы и первым установил брак между мужчиной и женщиной. Иногда ему приписывают рождение культуры и изобретение письменности. В его же бытность произошел вселенский потоп.

Вслед за очистительным потопом идет упоминание царя Кадма, обучившего греков письменности. Этот расцвет культуры произошел через 60 лет после Кекропа и выпал на первую фазу (I,5,1), фазу быстрого роста. Заметим, что в периоды начала нового цикла разрушение старого сопровождается зарождением нового: утеря старой письменности возмещалась введением новой.

Через 150-200 лет после Кекропа, в фазе нарастающего квадрата Нептуна-Плутона (I,5,2), новые препятствия заставили людей искать новые решения, и тогда пришли им на помощь карлики с богиней Деметрой и обучили тяжелому труду – ковке железа и земледелию.

После кратковременного расцвета ремесел и сельского хозяйства, соответствующего третьей фазе (I,5,3), пришло время оппозиции Нептуна-Плутона ~1317 г. до н. э. В Паросском мраморе эта кризисная фаза (I,5,4) соответствует подвигам Геракла, когда за один день он очистил неимоверно загрязненные конюшни царя Элиды Авгия. С какой бы иронией мы не относились к датировке греческой мифологии, но трудно подобрать более меткое сравнение для оппозиции Нептуна-Плутона, чем молниеносную очистку авгиевых конюшен и ликвидацию беспорядка, скопившегося в труднодоступных закутках на протяжении первых двух веков года Феникса.

Но если авгиевы конюшни относятся к области мифов, а эпос о Троянской войне, который можно было бы отнести к фазе (I,5,5), все еще подлежит исторической проверке, то «переселение дорян» 1128 г. до н. э. считается историками вполне реальным переселением дорийцев. А произошло оно в шестой фазе цикла (I,5,6), когда время сталкивало людей с такими испытаниями, которые уже невозможно было преодолеть старыми способами.

Конец первого года Феникса Древней Греции знаменовался, с одной стороны, гибелью последнего ее царя Кодра, а с другой стороны, зарождением нового общественного строя архонтов и основанием Милет в 1077 г. до н. э. (II,1,0). В отличие от Кекропа и Геракла, Кодр уже считается предтечей современного человека. Имя Кодра неоднократно упоминалось последующими авторами, а его потомками считали себя мудрец Солон и философ Платон. Согласно Платону, его предок Кодр умер ради царства детей. Такая характеристика

польстила бы пассионариям, родившимся, как и Кодр, в час Феникса.

Из этого рассмотрения истоков Древней Греции в свете Паросского мрамора следует, что структура года Феникса может в первом приближении служить своеобразной картой времен.

Второй исторический период Древней Греции длился приблизительно 492 года – от основания Милет до начала классического периода, совпадавшего с рождением философии в 585 г. до н. э. Данные о первых фазе этого часа Феникса (II,1) крайне скудны. Считается, что одной из наиболее характерных черт греческой культуры с XI по VIII века до н. э. было введение законодательства. В тот период раннего развития городов, когда частые раздоры между горожанами приводили к междоусобным столкновениям, власти стремились ввести такие законы, которые бы обеспечивали общественный порядок и защищали полисы от раздирающих их смут. Как отмечал Гаспаров, для древних греков, рожденных в эти времена, закон был превыше всего:

«Здесь, в новых городах, раньше всего явились писаные законы. Для городов Италии и Сицилии их писали мудрецы Залевк и Харонд, такие полусказочные, что сами греки их часто путали. Потом уже появились в Афинах законы Дракона, в Митиленах законы Питтака и т. д.»

Но сам факт принятия законов еще не гарантировал поддержание порядка. Очень быстро древние греки заметили, что

«…иметь меняющиеся законы – это все равно, что не иметь никаких. Поэтому прежде всего они заботились о нерушимости своих предписаний.. Кто захочет внести в закон хоть какое-нибудь изменение, постановили Залевк и Харонд, тот должен явиться в народное собрание с петлей на шее и сделать свое предложение. Если его отвергнут – он должен тут же на месте удавиться. Если при разбирательстве какого-

нибудь дела одна сторона будет толковать закон так, а другая иначе, то оба спорящих должны явиться в суд с веревками на шее, и чье толкование будет отвергнуто, тот должен на месте удавиться»[216]. Конечно, беззаконие может служить тяжелейшей преградой к гармоничной жизни общества, но и фанатичное следование произвольно введенному закону душит жизнь и в конечном итоге ведет к произволу. На фоне усиления тирании закона, в шестой фазе (II,1,6) назрел острый кризис античности. Одним из нарицательных имен того периода стало имя Дракона (Драконта). Этот афинянин вошел в историю как один из древнейших законодателей Греции. В 621 г. до н. э. он составил для Афинской республики первые писанные законы, отличавшиеся такой суровостью, что их название «драконовские меры» служит по сей день для обозначения чрезвычайно строгих наказаний. В этом своде не только предумышленное убийство, но даже такие незначительные проступки, как кража полевых плодов, приравнивалась к святотатству и каралась смертью. Драконовы законы были настолько невыносимы, что вызвали протесты афинян. С концом античного периода такие жестокие порядки должны были неизбежно кануть в лету. Действительно, к концу этого года Феникса были произведены знаменитые реформы Солона 594-593 гг. до н. э., заложившие основы афинской рабовладельческой демократии. Добавим, что и эти реформы не показались бы современному человеку достойным образцом для организации общества, так как, не говоря уже об их рабовладельческой основе, они далеко не всецело отменили смертную казнь как наказание за пренебрежение законом.

Вершиной развития культуры древних греков античности, предшествовавших началу следующего, классического пе-

[216] М. Гаспаров «Занимательная Греция», М. – БСП-ПРЕСС. 2007, с. 110.

риода, стала седьмая, заключительная фаза года Феникса (II,1,7), соответствующая годам рождения семи мудрецов, к числу которых относятся: Солон (640/635-559 г. до н. э.), Фалес Милетский (640/624 -548/545 г. до н. э.); Питтак из Митилены (~ 640-568 г. до н. э.), Биант Приенский (642/625-577/540 г. до н. э.); Клеобул (?-560?); Мисон (?-?) и Хилон из Спарты (?-?).

Жизнеописания всех семерых мудрецов крайне скудны и носят отрывочный характер сомнительных легенд, а о годах жизни двух из них истории и вовсе неизвестно ничего. В те времена под термином «мудрецы» скрывались чаще всего как философы, так и правители и поэты, вот и четверо из этих мудрецов слыли незаурядными поэтами – это Хилон из Спарты, Фалес Милетский, Питтак и Солон. Питтак и Солон к тому же были правителями, законодателями и реформаторами.

Самым мудрым из законодателей тех лет считался афинский политик, реформатор и поэт Солон. Он одним из первых понял, что основной причиной прихода тиранов к власти было безразличие большинства граждан к происходящему в их стране. Поэтому, несмотря на то, что междоусобицы казались ему явным злом, он издал закон: «Кто во время междоусобных раздоров не примкнет ни к одной из сторон, тот лишается гражданских прав». Это учило граждан нести ответственность за свое государство: по Солону, там, где все недовольные привыкают сидеть, сложа руки, к власти рано или поздно приходит жестокий тиран. Для Солона, как и для других греческих законодателей, главным в жизни было преклонение перед законом. Ни в его высказываниях, ни в афоризмах семи мудрецов не нашлось места таким понятиям как «святость жизни». Может быть, именно поэтому Солон, подобно Дракону, не пытался отменить смертную казнь, а в стихах своих он поучал: «Властям покорствуй – хочешь ты иль нет».

В дополнение к поэтам-мудрецам в седьмой фазе этого года Феникса родились такие великие представители девяти канонических лириков Древней Греции как поэт-воин Алкей (620/626-после 580 до н. э.) и его возлюбленная Сапфо (630/612 - 572/570 до н. э.). На примере Алкея нам предоставляется возможность по-новому взглянуть на взаимоотношения Поэта и Власти. Алкей известен тем, что он принимал активное участие в бурной политической жизни и противостоял одному из семи мудрецов, поэту и правителю Митилены, Питтаку. В личных взаимоотношениях Питтака и Алкея было много неожиданных поворотов, но, в конце концов, оба дожили до старости, отставив желание продолжать борьбу за власть. История поделила их славу, не обойдя никого: Питтаку она присудила лавры правителя, а на Алкея надела лавровый венок поэта. В итоге, все семь мудрецов и все великие лирики седьмой фазы (II,1,7) подготовили почву для очередного скачка, который произошел уже в начале следующего года Феникса (II,2).

3. Древняя Греция – знакомство с «осевым временем»

Тот, кто минуту свиданья
Ночи и дня подглядел,
Видел весь мир в ожиданье
Новых событий и дел.
С. Я. Маршак (1887-1964)

Второй час Феникса в Тельце (II,2,0) совпал с официальной датой рождения греческой философии. Точнее говоря, рождение философии датируется 28-м мая 585 г. до н. э. – днем, когда отец философии Фалес Милетский впервые предсказал солнечное затмение. Безусловно, Фалес Милетский рассчитал сроки затмения еще до того, как оно произошло, но

истории не известны точные даты его работ. Историки могут восстановить лишь дату того дня, когда первое удачное предсказание солнечного затмения стало сбывшимся фактом и породило устойчивый интерес к философии и к астрономии.

По дате рождения Фалес (640/624 - 548/545 гг. до н. э.) (II,1,7) относился к завершающей фазе уходящего года Феникса. Его предсказание было дано в начале нового года Феникса и синхронично совпало с рождением целой плеяды будущих основателей греческой школы философии и поэзии, и в частности, с рождением центральной фигуры того времени – Пифагора Самосского (580/577 - 500/490 гг. до н. э.) (II,2,0).

Символично, что час Феникса (II,2,0) ознаменовался такой же синхроничностью, что и час Феникса (III,2,0) в период поэтов Серебряного века в России. Напомним, что в России этот час совпал как с публикацией поэтических манифестов, так и с рождением тех великих поэтов, творчество которых воплотило в жизнь изложенные в них идеи. Аналогично, рождение философии совпало с рождением Пифагора, и хотя Пифагор не был первым в истории философом, он стал первым, кто ввел это слово, и первым, кого стали называть «философом».

Начало года Феникса (II,2) пришлось на VI в. до н. э. О том, какие это были времена, емко и лаконично сказано у П. Юхвидина: «Много изменений происходит в мире, начиная с VI в. до н. э. В это время формируется общий язык всех греков – “койне”»[217]

Подробную характеристику того времени можно найти в книге Ясперса «Смысл и назначение истории». Считая, что трудно переоценить значение этого этапа в развитии человечества, Ясперс называл его «осевым временем» или «осью мировой истории»:

«Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу,

[217] П. Юхвидин, «Мировая художественная культура», Москва, «Новая школа», с. 155.

который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем»[218].

Ранее уже упоминалось необычайное богатство идей и лиц той эпохи, начинавшейся на фоне крушения тысячелетних древних культур и соответствовавшей редчайшему соединению ТРЕХ планет – Нептуна, Плутона и Урана. Обращает внимание на себя тот факт, что Ясперс, даже не подозревая о необычном астрономическом явлении, тем не менее, остро ощутил уникальность этого феномена и ярко описал отрыв человека новой формации от людей древнего мира. Приведем его основные выводы о характере изменений в мире, произошедших к началу нового года Феникса в 578 г. до н. э. (II, 2):

* «В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью»[219].

* «Впервые появились философы. Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе»[220].

* «Эпоха, в которой все это происходило на протяжении веков, не была периодом простого поступательного развития. Это было время уничтожения и созидания одновременно»[221].

Анализируя историю развития философской мысли в период осевого времени, Ясперс обратил особое внимание на

[218] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с.32.

[219] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с.35.

[220] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с.34.

[221] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с.36.

решающую роль влияния самого времени на процессы, параллельно происходящие в человеческом сознании по всей Земле:

«В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом, в Палестине выступали пророки – Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно, в течение нескольких столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга»[222].

Ясперс не был астрологом, и по сегодняшним меркам его широкомасштабная картина осевого времени, охватывающая несколько веков, выглядит расплывчатой. Но Ясперс был не столько историком, сколько знатоком человеческих душ, и поэтому он делал особое ударение на роль отдельных людей в историческом процессе:

«История – это постоянное и настойчивое продвижение вперед *отдельных* людей. Они призывают других следовать за ними. Те, кто слышат и понимают, следуют за ними»[223].

И более детально:

[222] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с.32.

[223] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с.78.

«То, что достигается отдельным человеком, отнюдь не становится общим достоянием. В те времена дистанция между вершинами человеческих возможностей и массой была чрезвычайно велика. Однако то, чем становится единичный человек, косвенным образом изменяет всех людей. Человечество в целом совершает скачок»[224].

Заметим, как эти высказывания перекликаются с наблюдением в «Селестиальных близнецах», что именно время рождения (тета-фактор) определяет потенциальные возможности человека, а также с утверждением Л. Н. Гумилева о том, что для зарождения этноса не все общество должно быть одержимым определенной идеей, а достаточно лишь возрастания процента пассионариев в нем.

Если предположить, что рожденные в час Феникса наделены максимумом пассионарности, то можно было бы проследить, как изменение их процента в обществе может повлиять на дальнейший ход истории в целом.

Высказывая гипотезу о том, что изучение осевого времени и его основных представителей в конечном итоге подведет вплотную к вопросу о том, «как мы понимаем конкретное единство человечества»[225], Ясперс приводил цитаты видных историков прошлого, занимавшихся изучением этого феномена «великого прорыва» или «скачка» той эпохи. В связи с конкретным рассмотрением соединения Нептуна-Плутона-Урана 578 г. до н. э. особый интерес обращают на себя те наблюдения, в которых высвечивается именно та узкая полоска времени, которая совпадает с началом очередного года Феникса. По мнению Ясперса, не могло быть случайностью, что именно в этот период появились одновременно в разных районах Земного шара такие мыслители и реформаторы, как За-

[224] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с.36.

[225] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с.50.

ратустра (в Персии), Гаутама Будда (в Индии), Конфуций (в Китае), пророки (в Иудее), царь Нума (в Риме), и первые философы (в Элладе)[226].

С одной стороны, эти далеко идущие выводы носят иллюстративный характер качественной оценки, так как датировка периодов жизни таких легендарных личностей Востока, как Будда или Лао-Цзы, слишком проблематична, чтобы полагаться на нее. В противовес этому, хронология второго года Феникса Древней Греции достаточно точна, а образы исторических личностей того периода так четко обрисованы, что позволяют составить описание особенностей характера людей, родившихся в час Феникса. Рассмотрим эти особенности на примере центральной духовной фигуры того времени – Пифагора.

Историю жизни Пифагора – создателя религиозно-философской школы пифагорейцев – трудно отделить от легенд, представляющих его в качестве совершенного мудреца и великого посвященного в таинства древних египтян, наделенного познаниями во всех областях культурного наследия халдеев, греков и варваров. В частности, Овидий, родившийся в следующем году Феникса, посвятил Пифагору в «Метаморфозах» целую главу «Учение Пифагора», в которой так охарактеризовал своего великого предшественника:

…Постигал он высокою мыслью
В далях эфира – богов; все то, что природа людскому
Взору узреть не дает, увидел он внутренним взором,
То же, что духом своим постигал он с бдительным тщаньем,
Все на потребу другим отдавал, и толпы безмолвных,
Дивным внимавших словам – великого мира началам,
Первопричинам вещей, – пониманью природы учил он:

[226] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с.39.

Что есть бог; и откуда снега; отчего происходят
Молнии – бог ли гремит иль ветры в разъявшихся тучах;
Землю трясет отчего, что движет созвездия ночи;
Все, чем таинственен мир…[227]

В отличие от легендарного Гомера, реальность существования Пифагора несомненна, и еще Геродот (484-425 гг. до н. э.) (II,2,1) называл его «величайшим эллинским мудрецом». К тому же, в отличие от Гомера и Гесиода, в чьи даты рождения закралась двухсотлетняя неопределенность, расхождения в датах рождения Пифагора не превышают 20 лет, что позволяет однозначно отнести его рождение к часу Феникса (II,2,0).

Основными источниками информации о Пифагоре стали книги «О Пифагоровой жизни» философа-неоплатоника Ямвлиха (242-306) (II,3,5) и «Жизнь Пифагора» Порфирия (234-305) (II,3,5). Эти авторы, родившиеся через восемь веков после Пифагора (в пятой фазе следующего года Феникса) собрали, записали и передали будущим поколениям материалы из ранних источников. По их преданиям, рождению Пифагора (как и впоследствии рождению Вергилия) предшествовало предсказание. В случае Пифагора, его рождение предсказала Пифия в Дельфах, и поэтому он был назван «тем, о ком объявила Пифия». Та же Пифия сообщила его отцу, что Пифагор принесет столько пользы и добра людям, сколько не приносил и не принесет в будущем никто другой.

Как в этом предсказании, так и в жизни Пифагора присутствовали основные элементы, свойственные соединению Нептуна-Плутона. Напомним еще раз основные характеристики каждого из этих двух светил:

Ключевые слова, связанные с символикой Нептуна – это вдохновение и верования, мечты и идеалы, иллюзии и под-

[227] Перевод С. В. Шервинского.

сознание. Основные символы Плутона – это рождение и смерть, перерождение, власть, воля, политические или подпольные организации, трансформация и реформы.

В свете синтеза этих ключевых характеристик, символично, что именно Пифагор стал первым человеком, назвавшим вселенную космосом, то есть «прекрасным порядком». Родившись в период «соединения двух светил»[228], он представлял мир как единое стройное целое, подчиненное законам гармонии и чисел. Хотя нам Пифагор более известен как математик, но он же считается автором «Золотых стихов», и в этой связи воспользуюсь случаем напомнить, что на протяжении долгих лет в Древней Греции не существовало различия между поэзией и философией, и большинство философов считались поэтами.

Глядя на многогранность деятельности Пифагора, историки отмечают, что в ней гармонично переплетались духовные идеалы с организаторскими способностями. Не зря во второй половине жизни Пифагор стал создателем тайного общества пифагорейцев. По сегодняшним понятиям, это был одновременно религиозный союз, политический клуб и научное общество, ставившее перед собой как политические цели (приведшие впоследствии к преследованию пифагорейцев в Кротоне), так и цели освобождения души посредством нравственного и физического очищения. Как и у поэтов Серебряного века, в основе учения Пифагора заложен все тот же миф о Фениксе, только в роли возрождающейся птицы выступала бессмертная душа, переселяющаяся с небес в тело человека или животного и претерпевающая ряд переселений, пока не заслужит права возвратиться на небеса. С мифологической точки зрения, Нептун придал учению Пифагора вдохновенность поэтического восприятия, а

[228] На самом деле, он родился в период соединения трех светил, так как к Нептуну и Плутону присоединился и Уран.

Плутон придал ему окраску секретности, так как темы смерти и трансформации в нем вели к требованию сохранять его в тайне от непосвященных.

Одним из характерных различий между Фалесом Милетским (II,1,7) (символом завершающей фазы года Феникса «эпохи Архаики») и Пифагором (II,2,0) (символом наступающей «эпохи Классики») было раннее осознание последним особенности своего предназначения. Как отмечает Гаспаров, Пифагору, в отличие от Фалеса, мало было слыть математиком и мудрецом, он стремился стать полубогом или хотя бы пророком и поэтом.

В силу того, что рожденным в час Феникса характерно ощущать себя связующим звеном между столетиями, их то венчают лаврами первооткрывателей, то развенчивают за то, что они якобы заново «открыли Америку». Порой о них говорят, что они черпают сведения непосредственно из «изначального», порой обвиняют в «детской мечтательности»[229], но чаще всего приписывают им смесь и того и другого[230]. Вот и оценки деятельности Пифагора колеблются между признанием его первенства и отрицанием его роли в открытии мировых законов. Хотя на протяжении двух тысячелетий школьники начинали изучение математики со знаменитой теоремы Пифагора, современные историки уверяют, что эта теорема не была открыта Пифагором, и что в Китае, в Вавилоне и в Древнем Египте ее знали еще за 1500 лет до него. Так как же быть с тем новаторством, которое приписывает часу Феникса астрология?

Оказывается, что в любом случае в первенстве Пифагору нельзя отказать. Его жизнь подтверждает догадку Ясперса о

[229] Так, например, говорила Хана Арендт о Хайдеггере, о котором Ясперс писал, что у него голова «мечтательного мальчика».

[230] Так, например, говорили о Рахель, язык которой называли смесью библейского слога со словарем детского садика.

значительном влиянии на ход исторического развития именно тех мелких штрихов, понятных отдельным личностям, для осознания которых всему остальному человечеству порой требуются тысячи лет. Таким «мелким штрихом», отличавшим Пифагора от всех его предшественников, было то, что он первым предложил обобщенное доказательство этой теоремы. Все древнейшие примеры использования доказанной им теоремы носили характер частных случаев, рассмотренных отдельными жрецами, и не осознанных обществом в целом. Заслуга Пифагора состоит не только в том, что он первым нашел полноценное доказательство этой теоремы, но и в том, что под его руководством сложилась новая модель сообщества или пифагорейской школы, позволившая будущим поколениям укоренить долгосрочный механизм передачи знания. Так что даже если мы согласимся с теми современными авторами, которые отказывают Пифагору в авторстве его теоремы, то уж во всяком случае, ему нельзя отказать в создании пифагорейского союза, послужившего моделью для будущей Академии Платона и лицея Аристотеля.

В этом роль Пифагора подобна роли Энрике Мореплавателя (III,1,0) в качестве инициатора Эпохи Великий Открытий. Некоторые современные авторы пытались умалить заслуги португальской школы навигации, подчеркивая роль предшествовавших ей морских открытий. Но в отличие от случайных открытий мореходов древности, Энрике, подобно Пифагору, родившемуся за 2000 лет до него, сумел обобщить опыт частных случаев и тем самым как бы совершить прорыв в иное измерение. В результате основания им первой в мире школы навигации в Загрише, после заселения Мадейры и строительства новых каравелл, мир уже не мог вернуться к прежней эпохе случайных открытий. В этом, очевидно, и заложен смысл фразы: «зерна развития всего будущего цикла уже были заложены в его начале».

Продолжая тему параллельного развития циклов, а точнее, тему схемы чередования фаз года Феникса, приведем еще одно

сравнение Эпохи Великих Открытий с Веком Классики Древней Греции. Сегодня многие авторы обращают внимание на то, что Ямвлих приписывал начало математической ветви пифагорейской школы не самому Пифагору, а его последователю – Гиппасу. Более того, производятся попытки приписать математическую теорию музыки не Пифагору, а тому же Гиппасу. Точная дата рождения Гиппаса неизвестна, но, по грубым оценкам, он родился в начале V века до н. э. (II,2,1), через 70 или 90 лет после Пифагора. Эта первая фаза года Феникса параллельна временам рождения Колумба (III,2,1) или Магеллана (III,2,1), чьи успехи в открытии морских путей заметнее невооруженному взгляду, чем первые проекты Энрике Мореплавателя, значение которых могли оценить лишь специалисты. Образно говоря, всегда легче заметить проросшие всходы, чем отличить засеянное поле от перепаханного.

Говоря о Пифагоре, нельзя обойти вниманием и тему Поэта и Власти, проходившую красной нитью через всю его жизнь. Пифагор пришел в этот мир не только, чтобы просветить людей в точных науках, в поэзии и музыке, но и для того, чтобы установить на Земле просветленный образ жизни. С приходом тирана Поликрата Пифагору больше не было места в его родном Самосе, и он предпочел жить на чужбине, в Южной Италии. Пифагор поселился в греческой колонии Кротоне, где его последователи организовали вегетарианское сообщество, насчитывавшее в период расцвета более трехсот человек. Пифагор возглавлял свое тайное общество 39 лет, но потом был вынужден бежать вследствие враждебности местного населения по отношению к пифагорейцам. После смерти Пифагора вражда против пифагорейцев усиливалась: по всей Греции их общины разгоняли, а последователей этого учения убивали и даже сжигали заживо в их домах. Уцелевшие были вынуждены скрываться и сохранять в тайне мистерии своего союза. Противостояние Поэта и Власти в этом случае закончилось не в пользу Поэта. Современникам каза-

лось, что учение Пифагора умрет вместе с ним, но зерна, посеянные в Кротоне, не пропали даром.

К концу V в. до н. э. наблюдалось короткое возрождение пифагорейства в работах Филолая (~470-~385 гг. до н. э.) (II,2,1) и Архита Тарентского (428-347 гг. до н. э.) (II,2,1). С IV в. до н. э., в третьей фазе цикла казалось, что пифагорейство полностью «поглотилось» учениями Платона (428-347 гг. до н. э.) (II,2,1) и Аристотеля (384-322 гг. до н. э.) (II,2,3). Но уже в начале следующего года Феникса (II,3), начиная с первого века до нашей эры, друг Цицерона, знаменитый римский ученый и астролог Нигидиус Фигулус (? - 45г. до н. э.) (II,3,0) привел к возрождению учения Пифагора в работах римской школы неопифагореизма. Прошло 500 лет, и очередной круг замкнулся.

На примере Пифагора, более близкого к нашим временам, чем Гесиод или Гомер, яснее проступают закономерности динамики хранения и передачи информации. Историков поражает, что на протяжении 200 лет после смерти Пифагора, ни один из авторов, включая Платона и Аристотеля, не приводил цитаты из его трудов и даже не упоминал об их существовании! Хотя кроме теоремы Пифагора и бессмертных «Золотых стихов» ему приписываются также труды «О воспитании», «О государстве» и «О природе», все сведения о них основываются на поздних трудах его последователей. Нынешнее исследование выявляет, что такая «забывчивость истории» не случайна, так как она повторяет судьбы стихов Гомера, Гесиода и царя Соломона. В дальнейшем будет еще не раз показано, что такая судьба произведений характерна в целом для первой половины года Феникса.

В заключение подчеркнем, что Пифагор не творил в культурном вакууме, а вместе с ним в час Феникса 578 г. до н. э. родилась плеяда таких видных поэтов и философов, как:

1. милетский философ Анаксимен (585/560 - 525/502гг. до н. э.) (II,2,0), у которого пифагорейцы переняли его учение о

небесных светилах. Анаксимен был первым, кто сумел отличить планеты от звезд.

2. Ксенофан из Колофона (580/577- 485/490 гг. до н. э.) (II, 2,0) – один из первых греческих философов-монотеистов, «столь же философ, сколь и поэт»[231], странствующий мудрец, изложивший свое учение стихами. Поэзия Ксенофана оказала, в частности, значительное влияние на творчество Пушкина.

3. Анакреон (570-487гг. до н. э.) (II,2,0). Из всех древнегреческих поэтов именно Анакреон, представлявшийся потомкам мудрецом и учителем простой, радостной и доброй жизни, оказал, пожалуй, самое сильное влияние на будущее мировой поэзии.

Время шло, и новые поколения, родившиеся после часа Феникса, перенимали эстафету из рук первопроходцев.

4. Дальнейшая динамика развития Древней Греции в период Осевого Времени

Мы знаем: время растяжимо.
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

Бывают у него застои,
А иногда оно течет
Ненагруженное, пустое,
Часов и дней напрасный счет.

С. Я. Маршак (1887-1964)

Вслед за первыми философами и поэтами – первопроходцами Осевого Времени – следующим нарицательным именем в

[231] Спиркин А.Г. «Философия».

истории античной Греции стало имя создателя Афинской демократии, знаменитого оратора и полководца Перикла (490-429 гг. до н. э.) (II,2,1). При этом правителе, родившемся в период первой фазы «эпохи свершений», Греция достигла наивысшей степени интеллектуального расцвета. В честь правителя, правившего не силой, а словом, весь период культурного роста Афин был назван «Периклов век». Но хотя не следует умалять роль Перикла в управлении Афинами, все же «Периклов век» не был заслугой одного человека. Для того чтобы такое правление было возможно, необходимо было слияние чаяний и усилий многих людей. Именно в этот период пришла целая плеяда ровесников Перикла, ставших теми творческими личностями, которыми он себя окружил. Среди его друзей были афинский философ, математик и астроном Анаксагор (~500- 428 гг. до н. э.) (II,2,1), «отец истории» Геродот (~484 - 425 гг. до н. э.) (II,2,1) и «отец трагедии» Софокл (496-406 гг. до н. э.) (II,2,1).

Когда сегодняшние историки называют «Периклов век» «удивительным временем», они мысленно проводят непрерывную линию развития культуры от зарождения философии в начале классического периода (585 г. до н. э.) до зарождения древнегреческой трагедии и комедии. Нарастающая волна развития проходит от Анакреона к самому знаменитому из девяти лириков, Пиндару (522/518 - 448/438 гг. до н. э.) (II,2,1) и к трем великим трагикам: Эсхилу (~525 - 456 гг. до н. э.) (II,2,1), Софоклу (496/5-406 гг. до н. э.) (II,2,1) и Еврипиду (480 - 406 гг. до н. эры) (II,2,1). Далее волна продолжилась к «отцу комедии» – Аристофану (444-387/380 гг. до н. э.) (II,2,1). Нетрудно заметить, что все эти герои своей эпохи, которым приписывают роль предвестников «зачатков современного человека», родились с интервалом, не превышающим 134 года, в период первой трети года Феникса (II,2). Но по завершении этого периода (578-414 г. до н. э.), соответствующего одному году Нептуна, разверзлась зияю-

щая пропасть в поэзии: в списках Википедии дата рождения следующего значительного греческого поэта выпадает через... 130 лет!

После Аристофана надолго прекратили рождаться поэты. Около 415 г. до н. э., в период пелопонесских войн (431-404 до н. э.), были введены законы, ограничивавшие свободу слова комиков, а во второй (кризисной) фазе года Феникса, в 406 г. до н. э. (II,2,2), с уходом Софокла и Еврипида, фактически умолк голос оригинальной греческой лиры. Вместе с уходом со сцены поэзии пришло падение афинской демократии: в 404 г. до н. э. (II,2,2) спартанский полководец Лисандр принудил Афины к сдаче и установил олигархию правления «Тридцати тиранов».

Время титанов культуры греческих полисов ушло, и после завоеваний Александра Македонского (356-323 гг. до н. э.) (II,2,4) пришли времена эллинистического мира. И вновь наблюдается соответствие между историческими эпохами и часами Феникса:

1. Короткие годы жизни Александра Македонского и время его легендарных походов (334-325 гг. до н. э.) приходятся на четвертую (кризисную) фазу цикла – период противостояния Нептуна-Плутона (точная активизация NE-PL 180°: 333-328 гг. до н. э.)

2. Эллинистический период, начало которого относят к походам Александра Македонского, а конец – к установлению римского господства на территории Египта около 30 г. до н. э., совпадает со второй половиной года Феникса (II,2), длившейся с ~ 333 по 84 гг. до н. э.

С точки зрения культуры и поэзии, по сравнению с блеском первой половины этого года Феникса, вторая его половина выглядела ее бледной репликой. Обратимся к крупнейшему специалисту в истории эллинистического мира, сэру Уильяму Тарну. В своей знаменитой монографии «Эллинистическая цивилизация» Тарн отмечал, что в целом «Эл-

линистический период часто рассматривается как период упадка или даже распада»[232]. Далее он пояснял это утверждение на конкретном примере поэзии:

«Рассмотрим сначала поэтов. Во времена Александра поэзия была практически задавлена под весом великих мастеров прошлого; никто не был в силах приблизиться к ним, и вряд ли даже стоило бы пытаться пробовать»[233].

И далее Тарн развивал эту мысль: «Повсюду основной задачей стало не столько желание бросить вызов великим мастерам прошлого, а сохранение искусства поэзии…»[234].

Такого же мнения придерживался и Гаспаров, полагавший, что классическая греческая поэзия «кончается» на Феокрите (~315/300 - ~ 260 гг. до н. э.) (II,2,4), родившемся в начале второй половины года Феникса.

В отличие от творческого порыва, энтузиазма и пассионарности первой половины года Феникса, вторая его половина – это время собирателей, переводчиков, систематизаторов, толкователей, редакторов, библиотекарей, архивариусов. Основными культурными героями этого периода стали комментаторы текстов и основатели филологии, руководившие Александрийской библиотекой, основанной в начале III в. до н. э. царем Птолемеем II. Так как в обязанности хранителей библиотеки входили оценка качества поступающих рукописей и их редакция, то поначалу на эту должность назначали поэтов, отличавшихся особенной изысканностью вкусов. Первым хранителем библиотеки был Зенодот (~325-~ 260 гг. до н. э.) (II,2,4), после него Эратосфен Киренский (276-194 гг. до н. э.) (II,2,5), затем Аристофан Византийский (~257-180 гг. до н. э.) (II,2,5). Этим поэтам потомки обязаны

[232] William Tarn, Hellenisic Civilization, Third ed. with G.T. Griffith, Edward Arnold, London, 1952, p.4.

[233] Ibid. p. 272.

[234] Ibid. p. 274.

сохранностью историко-литературного наследия Древней Греции. Так, Аристофан Византийский издал стихи ведущих поэтов, начиная от Гомера и Гесиода и кончая Пиндаром. Он же впервые издал трагедии Софокла и Еврипида и комедии Аристофана. Аристофан Византийский ввел принятый в Александрии «канон» выдающихся писателей. Оглядываясь назад, Гаспаров подводил итоги эллинистического периода одним предложением: «Эллинизм – систематизация накопленных знаний».

Следующий скачок в развитии мировой литературы уже не мог произойти на базе греческого языка или в рамках мышления эллинистического общества. Новое время наступало с очередным часом Феникса (II,3) в 84 г. до н. э. Новые песни, сочетавшие свежесть и оригинальность образов с музыкальностью ритма, слагались уже на новом языке – латыни. Но перед тем как окончательно расстаться с миром Эллады, вспомним еще раз, что ее классический период начинался рождением философии. На этом фоне неизбежно возникает вопрос, отражалось ли различие между фазами цикла в мышлении философов того времени?

5. Философия Древней Греции и судьба Афинской школы

Поэзия – героиня философии. Философия поднимает поэзию до значения основного принципа. Она помогает нам познать ценность поэзии. Философия есть теория поэзии. Она показывает нам, что есть поэзия, – поэзия есть все и вся. Разобщение поэта и мыслителя – только видимость, и оно в ущерб обоим. Это знак болезни и болезненных обстоятельств.

Новалис (1772-1801)

История развития философской мысли Древней Греции изобилует именами и идеями, так что ее подробное рассмотрение представляется темой для отдельной книги. Первая треть года Феникса (II,2) подарила миру такие имена как Анаксимен, Пифагор, Ксенофан, Гераклит (544-483 гг. до н. э.), Парменид (~540/520- ~450 гг. до н. э.), Анаксагор (~500 - 428 гг. до н. э.), Зенон из Элеи (~490 - ~430 гг. до н. э.), Эмпедокл (~490- ~430 гг. до н. э.), Протагор (~490 - ~420 гг. до н. э.), Демокрит (~460 - ~370 гг. до н. э.) и Платон (428/427-348/347 гг. до н. э.). Важное наблюдение о дальнейшем развитии философии сделал Гаспаров, проведший четкую линию раздела между философами, рожденными в классической (первой половине года Феникса) и эллинистической (второй половине года Феникса) эпохе, между Аристотелем (384-322 гг. до н. э.) (II,2,3), с одной стороны, и Эпикуром (342/341-271/270 гг. до н. э.) (II,2,4) и Зеноном-Стоиком (346/336/333 - 264/262 гг. до н. э.) (II,2,4), с другой стороны:

«Пока у людей была вместо философии мифология, она представляла им мир большой семьей, где царствует обычай. Философия, от Фалеса до самого Аристотеля, представляла мир большим городом, где царствует закон. Теперь у Эпикура и у стоиков этот мир рассыпался на частицы, меж которыми властвует случай, и перестроился в мировое тело, закон которого – судьба. Это значило, что маленьким греческим государствам настал конец: они теряются и растворяются в больших мировых державах – македонской и римской»[235].

Философия Эпикура, одного из величайших мыслителей Древней Греции и одного из важнейших ее материалистов, родившегося в период оппозиции Нептуна-Плутона, являлась во многом антитезой пифагорейским учениям и качественно иным подходом к жизни. Так, у Пифагора душа бессмертна,

[235] М. Гаспаров, «Занимательная Греция», Москва, Б.С.Т.- Пресс, 2007, с.450.

а у Эпикура душа человека умирает вместе с телом. Пассионарность Пифагора заставляла его всю жизнь провести в поисках абсолютного знания, а Эпикур, цитируя Гаспарова,

«…равнодушно принимал любые объяснения, лишь бы они не требовали вмешательства богов в нашу жизнь. Если уж продолжать наклеивать ярлыки на философские системы, то об эпикурействе можно сказать: это философия обывателя. Не прихлебателя, который клянчит, не труженика, который вырабатывает, а именно обывателя, который немножко имеет, большего не хочет, никого не обижает и думает только о том, что его хата с краю»[236].

В отличие от учения Пифагора, философия Эпикура не ставила конечной целью поиск истины, она не стремилась добыть некое абстрактное знание. Эпикуреизм служил практическим нуждам: он искал способ избавления человека от страдания. В то время как пифагореизм – это религиозно-мистическое учение, в котором жизнь является бесконечной чередой перевоплощений души, эпикуреизм живет лишь настоящим и ради настоящего: «Пока мы существуем, нет смерти; когда есть смерть, нас более нет». Отсюда разница в образе жизни – у пифагореизма в почете аскетизм и соблюдение морали, а лозунг эпикурейцев – живи в свое удовольствие. Простота в жизни, самоограничение и вегетарианство пифагорейцев диктуются стремлением жить по законам Вселенной, а эпикурейцы считаются с законами и с ограничениями лишь постольку, поскольку они обеспечивают безболезненное существование им самим.

Пифагор ощущал себя посланником небес, пророком или жрецом, и его поэзия была призвана воплощать высшее знание. Эпикур отрицал поэзию; он писал сухой логической прозой, видя в стихосложении пустую игру слов. Учение

[236] М. Гаспаров, «Занимательная Греция», Москва, Б.С.Т.-Пресс, 2007, с.449.

Эпикура резко отличается не только от взглядов Пифагора, но даже от подходов самого близкого к нему по времени и по духу материалиста Демокрита, который все еще принадлежал первой половине цикла. Подчеркивая эту разницу, философ В.Ф. Асмус (1894-1975) (III,2,0), писал в книге «Античная философия», что в подвижной, беспокойной жизни Демокрита «были чрезвычайно сильны теоретические интересы», а он сам был постоянно гоним «ненасытной теоретической любознательностью». Эпикур же, по Асмусу, родился в радикально иное время:

«Эпикур характерен для эпохи, когда философия начинает интересоваться не столько миром, сколько судьбой в нем человека, не столько загадками космоса, сколько попыткой указать, каким образом в противоречиях и бурях жизни человек может обрести столь нужное ему и столь желанное им успокоение, безмятежность, невозмутимость и бесстрашие. Знать не ради самого знания, а ровно настолько, насколько это необходимо для сохранения светлой безмятежности духа, – вот цель и задача философии, согласно Эпикуру»[237].

Более того, Асмусу, родившемуся в час Феникса, мешало в работах Эпикура отсутствие элемента поэтичности, столь характерного для представителей начала года Феникса:

«Эпикур излагал свое учение в многочисленных сочинениях (около трехсот), в беседах и письмах. Сочинения его лишены литературных достоинств, литературной обработки, образных средств выразительности, которыми блистал и восхищал Цицерона Демокрит».

Эта разница между практичностью взглядов родившихся в период оппозиции Нептуна-Плутона и пассионарностью рожденных в час Феникса прослеживалась из цикла в цикл во всех последующих годах Феникса. Это различие ощущалось

[237] В.Ф. Асмус, «Античная философия». — М.: Высшая школа, 1999, с. 423-443.

даже у самого близкого к Эпикуру (как по времени, так и по духу) римского поэта-философа Тита Лукреция Кара (р.~95-55 гг. до н. э.) (II,3,0), автора поэмы «О природе вещей». Гаспаров сравнивал:

«Для Эпикура учение о мироздании было лишь вспомогательным средством к достижению спокойствия души, Лукреций же, стремясь подчеркнуть всеобъемлющее и всеобъясняющее величие эпикурейства, сосредоточивается именно на картине Космоса, безмерного, многовидного и единого в своих закономерностях. Это роднит его уже не с Эпикуром, а с ранними греческими натурфилософами, прежде всего с Эмпедоклом (о котором Лукреций упоминает с глубоким почтением). Во-вторых, это сама поэтическая форма произведения Лукреция: Эпикур пренебрегал поэзией, видя в ней одну пустую забаву, и пользовался сухой логической прозой, Лукреций же, чувствуя себя пророком, несущим Риму свет эпикурейского спасения, ощущает потребность в поэтической возвышенности и жреческой торжественности слога; и опять-таки это роднит его с натурфилософским эпосом Эмпедокла»[238].

Ко времени рождения Лукреция (II,3,0) доступ к тем далеким годам пассионарности классического мира (II,2,0) был уже практически отрезан, и поэтому у поэта, рожденного в час Феникса, так же, как и у поэтов Серебряного века, возникало чувство крушения старого мира и зарождения нового времени. Он, как и его греческие предшественники-философы, ощущал себя первопроходцем: «По бездорожным полям Пиерид я иду, по которым/ Раньше ничья не ступала нога»[239].

[238] Гаспаров М. Л. Литература времени гражданских войн: [Греческая и римская литература I в. до н. э.]//История всемирной литературы: В 8 томах / М.: Наука, 1983-1994. Т. 1. - 1983, с. 443-453.

[239] Тит Лукреций Кар. Перевод Ф. А. Петровского.

Схематическое сравнение пифагорейства с часом Феникса, а эпикурейства – с оппозицией Нептуна-Плутона облегчает выявление основных вех в истории Афинских школ философии. Как уже отмечалось ранее, сама идея таких школ зародилась одновременно с Пифагором (II,2,0). Затем, в 387 г. до н. э. (II,2,3) (NE-PL 120°) в Афинах была основана знаменитая Платоновская Академия, и в то же время (опять синхроничность в действии!) родился величайший ученик Платона – Аристотель. Аристотель проучился в Платоновской Академии 20 лет, прежде чем в 335/4 г. до н. э. (II,2,4) (NE-PL 180°) основал свой собственный Лицей.

Отметим, что великий Аристотель (II,2,3), который «указал философии путь на тысячи лет», родился через 60 лет после Аристофана, во втором году Нептуна, в период «поэтического вакуума». Хотя в его учениях все еще встречались элементы новизны, выдающийся философ двадцатого века Карл Поппер (1902-1994) (III,2,1) категорически заключал, что в основном Аристотель следовал за Платоном:

«Аристотель, несмотря на грандиозность и изумительную широту его учения, не был выдающимся, оригинальным мыслителем. В платоновский корпус идей он внес, главным образом, систематизацию и глубокий интерес к эмпирическим и, в особенности, к биологическим проблемам»[240].

Более того, рассматривая учения Аристотеля и Платона как непосредственные продолжение идей их предшественников, Поппер, сам рожденный в начале первой фазы, отдавал явное предпочтение тем афинским философам, которые родились в начале первой фазы. Представителей Периклова века – Перикла, Геродота, Софокла, Еврипида и Сократа – он называл «Великим поколением», а их времена он охарактеризовал как время, когда «рождалась новая вера в разум, сво-

[240] К. Поппер. Открытое общество и его враги. – М: Феникс, Культурная инициатива, 1992 , с.1.

боду и братство всех людей – новая вера и, я полагаю, единственно возможная вера открытого общества». По мнению Поппера, конфликт, возникший между более поздними идеями Аристотеля и «духом Великого поколения… можно проследить через все прошедшие с того времени века»[241].

В дальнейшем Платоновская Академия продолжила свое существование и во времена эллинистического периода, но в этот период на смену Древней Академии пришли Вторая (Средняя) и Третья (Новая) Академии, проникнутые духом скептицизма. Цепь непосредственной преемственности глав Академии (схолархов[242]) прервалась на последнем схолархе Четвертой Академии, Филоне из Ларисы (154/3-84/3 гг. до н. э.) (II,2,6). Этот философ родился в шестой (кризисной) фазе года Феникса, и именно он покинул Академию в 88 г. до н. э., не оставив преемника. Принято считать, что Платоновская Академия просуществовала до года смерти Филона из Ларисы – т.е. точно до очередного часа Феникса в 83 г. до н. э. (II,3,0)!

Хотя во времена Римской Империи, на протяжении всего последующего цикла (II,3), отдельные мыслители продолжали преподавать философию Платона, восстановление Афинской школы как центра неоплатонизма произошло только в начале следующего года Феникса. Оно датируется ~410 г., что в точности совпадает с часом Феникса (II,4,0). По прошествии ~ 493 лет после закрытия Платоновской Академии, в Афинах – теперь уже в Византии – Плутарх Афинский (? - 432) объявил себя первым «диадохом» (т. е. «преемником») Платона и продолжил традиции его Академии.

Скудность сведений не позволила историкам реконструировать ни биографию Плутарха Афинского, ни его философскую концепцию. По этой причине невозможно судить, в

[241] Ibid., c. 31.

[242] Схоларх происходит от греческого названия главы школы.

какой фазе уходящего года Феникса (шестой или седьмой) он родился. Но, так или иначе, его основная историческая роль свелась к восстановлению механизма преемственности диадохов. Считается, что когда последующие афинские неоплатоники V-VI веков называли себя «диадохами» (т. е. наследниками) Платона и ссылались на «золотую цепь» его адептов, это не было сентиментальной данью прошлому, а признанием заслуг античной философии, сумевшей подвести итог всего развития языческой мысли и сохранить ее наследие для Византии, арабов и Западной Европы.

Поражает не только сам факт возрождения Афинской Академии по прошествии целого года Феникса (половины тысячелетия!), но и очередная синхроничность: одновременно с восстановлением Академии родился ее будущий глава и важнейший представитель – философ и поэт, Прокл Диадох (410/412 -~ 485) (II,4,0).

Тысячелетие прошло со дня рождения философии, и за это время она претерпела множество изменений. Многие направления и течения властвовали над умами философов в различные времена, и невозможно осветить все в этой книге. Напомним, например, лишь два значительных течения, сыгравших важную роль в дальнейшем развитии философии: киники и скептики. Символично, что знаменитый основатель школы киников Диоген (~412-323 гг. до н. э.) (II,2,2) родился во второй фазе года Феникса. Типично для тех, кто родился в этой фазе кризиса подросткового возраста, киники оспаривали моральные нормы своего времени. Образ Диогена ассоциируется с маргинальным субъектом, эпатирующим своих слушателей. В отличие от родившихся в час Феникса, киники отвергали религиозные и духовные ценности, утверждая, что поведение человека диктуется исключительно эгоистичными мотивами.

Подобно тому, как философия киников отражала характер второй фазы, течение скептицизма соответствовало по духу

философии четвертой фазы года Феникса, в период которой родился его основатель Пиррон из Элиды (~360- 270 гг. до н. э.) (II,2,4). В отличие от веры Великого поколения в человеческий разум, скептический подход требовал признания ограниченности человеческих возможностей. Согласно скептикам, есть вещи недоступные нашему пониманию, и посему не следует искать им объяснения. Более того, в силу непознаваемости мира рекомендуется вообще воздерживаться от каких-либо суждений. Идеи скептицизма приобрели большую популярность в эпикурейской эре, и его идеи завоевали признание средней и новой Платоновских академий в Афинах. Но по прошествии двух годов Феникса вновь родился пассионарий, чей голос возвысился над поколениями стоиков, киников и скептиков. С рождением Прокла философия вновь приблизилась к живому источнику мировой гармонии и поэзии. Не только в своих стихотворных гимнах, но и в многочисленных трудах Прокл стремился слышать музыку слова. Так Томас Уиттекер утверждал, что:

«…хотя Прокл обычно взывает только к мысли, в минуты энтузиазма он сам становится, как это было у Платона, носителем некоторого рода поэзии. Поэзия, вдохновленная божеством (entheos poiesis), для него – вершина»[243].

А. А. Тахо-Годи пришла к выводу, что «гимны Прокла есть не что иное, как самая настоящая молитва философа, но только философ этот – поэт, хорошо владеющий техникой традиционной гимнографии»[245].

В своей знаменитой биографии Прокла «Прокл, или о счастье», его ученик и последователь Марин Неаполитанский (~450 - ~495) привел гороскоп, по астрономическим данным

[243] Th. Whittaker. The Neoplatonists. Hildesheim, 1961, p. 157.

[244] А.А.Тахо-Годи. Гимнография Прокла и ее художественная специфика. Живое наследие античности. Вопросы классической филологии. Вып. 9, М.: 1987, стр. 112-177.

которого было вычислено, что Прокл родился 8 февраля 412 года. Как это часто бывает с выдающимися мыслителями, родившимися в час Феникса, они не только знали дату своего рождения, но и придавали ей большое значение.

Прокл для Марина служил образцом «идеального человека». Описывая его страсть к красоте, к гармонии и к поэзии, Марин создал «вполне реальное представление о единстве философии и поэзии, издавна присущем древним мудрецам, о том единстве, которое мечтает возродить философ конца античности»[245]. Подобно прочим героям этого исследования, родившимся в час Феникса, Прокл был олицетворением соединения концов и начал. С одной стороны, он известен как завершитель истории античного неоплатонизма и как «последняя выдающаяся в духовном отношении личность не только в Платоновской Академии, но и во всей уходящей античности», а с другой стороны, ему присущи «ясность и точность» изложения, свойственные «профессору философии» и «рационалисту» будущего[246].

Случайно ли было, что из всех неоплатоников центральной фигурой суждено было стать именно Проклу Диадоху? Сам он и его современники так не считали. Рождению Прокла, так же как и рождению Пифагора, сопутствовали чудесные предсказания. По словам Марина, сама Афина «была причиною бытия» философа, его повивальной бабкой и божественной покровительницей. Еще до его появления на свет она направила будущих родителей Прокла из Ликии в Византию, где он и родился. В юношеском возрасте она явилась ему во сне и призвала к занятиям философией. Затем она же привела Прокла в Афины в Платоновскую Академию. До конца своих дней философ оставался люб этой покровительнице мудрости, пожелавшей постоянно сопровождать его.

[245] Ibid.
[246] Ibid.

Чудеса заполняли жизнь философа-поэта, а в день его смерти природа преисполнилась скорби: произошло солнечное затмение, и средь бела дня на землю спустилась ночная тьма.

Прокл был главой Афинской школы в переломный период в истории мировой культуры. Как писал известный философ А. Ф. Лосев (1893-1988) (III,2,0):

«Во-первых, эпоха Прокла характеризуется как всемирно-историческая катастрофа, когда рушилась тысячелетняя рабовладельческая формация, и совершалось падение всей римской империи»[247].

Не следует забывать, что так называемая «Платоновская Академия» была в те дни маленькой группкой античной интеллигенции – последним островком уходящей в Лету эпохи. По Лосеву, нельзя считать простой галлюцинацией то, что именно в этот период Афина Паллада решила переселиться в дом Прокла и обучить его универсальной гармонии и небесной мудрости вращения планет вокруг Солнца. И не случайно, что именно Прокл сохранил для будущего мудрость анитчной астрологии, составив комментарии к «Четверокнижию» Птолемея. Для тех, кому дано разглядеть логически связанную цепочку развития в разъединенных пространством и временем «случайных» событиях, Прокл служил одним из важнейших звеньев в истории современной науки. Философские идеи античности в его оригинальной интерпретации просачивались через царства, века и тысячелетия, побуждая к творчеству будущих отцов естествознания. Ярким примером тому служат Иоанэ Петрици – грузинский философ XI-XII веков, известный своими переводами Прокла и обширными комментариями к ним, а также крупнейший немецкий мыслитель раннего Возрождения Николай Кузанский

[247] А.Ф.Лосев. Прокл . История античной эстетики. Последние века. Книга II. – М:., 1988, с. 23-336.

(1401-1464) (III,1,0), в работах которого отмечено важное влияние Прокла.

При жизни Прокла Европа рассталась с идеалами античности и вступила на путь христианства. Знаменитая Афинская школа, идея создания которой родилась вместе с появлением философии и рождением Пифагора (II,2,0), пережила период последнего расцвета при Прокле (II,4,0) и была окончательно закрыта декретом византийского императора Юстиниана в 529 г. (II,4,1). Казалось, что христианство одержало полную победу над философией античности, но вопреки здравому смыслу идея Платоновской Академии не умерла. По прошествии 1000 лет со дня рождения Прокла начался новый Зодиакальный цикл в Близнецах, и Афинская школа обрела новую жизнь, когда по инициативе Козимо Медичи Старого (1389-1464) (III,1,0) во Флоренции Эпохи Возрождения была основана Платоновская Академия в Кареджи.

На этом мы простимся с историей античной философии. В следующей части книги будут прослежены параллели между узловыми точками в развитии мировой истории и историческими вехами в 1500-летней истории Древней Греции. Проявится ли и в них соответствие с часами Феникса?

Часть пятая

ПИФАГОРЕЙСКИЕ И ЭПИКУРЕЙСКИЕ ЭРЫ НА ПРОТЯЖЕНИИ 3000 ЛЕТ

В истории периодически появляются времена,
когда прошлое слабеет и забывается, погружается
в небытие, и времена, когда оно вновь
узнается, вспоминается, восстанавливается
и повторяется.
Карл Ясперс

1. Пифагорейские и эпикурейские эры

Я твердо помню, когда в пути я,
что через несколько месяцев, годов,
столетий придется возвращаться.
И что – в конце пребывает пародия на начало.
Сергей Нельдихен (1891-1942)

В предыдущей части книги на примере Древней Греции видно, как в разных фазах года Феникса менялись цели и мировоззрение представителей тех периодов. Подобный обзор мировой 3000-летней истории потребовал бы использования сложных компьютерных программ и обработки огромного количества исторических данных, что выходит за пределы возможностей данного исследования. Тем не менее, сравнение классического периода Древней Греции с эллинистической эпохой выявило контраст между первой и второй половинами года Феникса. Примеры Пифагора и Эпикура по-

казали, что разница между рожденными в соединении Нептуна-Плутона (час Феникса) и теми, кто родился в период их оппозиции, соответствовала астрологическому анализу этих аспектов. Но всегда ли две половины года Феникса отличны друг от друга как день и ночь? Прослеживается ли подобная разница и на примерах других исторических эпох и культур?

Напомним, что деление года Феникса на две половины приводит к двум неравнозначным годам Плутона: нечетным его годам сопутствует аспект соединения Нептуна-Плутона (час Феникса), а четным годам (второй половине года Феникса) всегда соответствует аспект оппозиции Нептуна-Плутона. Для наглядности будем называть нечетные годы Плутона пифагорейской эрой, а четные – эпикурейской эрой. К пифагорейской эре относятся все рожденные в период от нулевой до третьей фазы года Феникса, а к эпикурейской – от четвертой до седьмой. Перед тем как провести исторический обзор этих двух эр, воспользуемся выводами, сделанными на примере Древней Греции, и составим характерные портреты типичных представителей каждой из них.

Жизнь поколения, рожденного в начале пифагорейской эры, чаще всего проходит в условиях радикальных перемен. Их ждут бурные события и серьезные испытания. Многие не выдерживают испытаний, и, пролетев яркими метеорами, уходят из жизни в раннем возрасте, не достигнув максимума своих возможностей. Но зато те, у кого хватает мудрости нащупать пульс времени и выдержки не поддаться мгновенному отчаянию, достигают таких феноменальных успехов, которые и после двух тысяч лет находят отклик в умах и сердцах потомков.

В час Феникса закладываются все возможности будущего развития, ведущие как к синтезу, так и к диссоциации, и поэтому люди, рожденные в этот период, стоят перед сложным выбором одного из возможных путей развития. В силу этого

мы находим в пифагорейской эре не только вдохновенных поэтов и пророков, но и тиранов и лже-пророков. Наряду с прогрессивными идеями в период пифагорейской эры высказывается немало ошибочных взглядов и вводится немало порочных практик: ведь не ошибается в период свершения лишь тот, кто ничего не делает. К концу пифагорейской эры количество новых идей и предлагаемых методов неимоверно растет. Представители самых разных направлений – риторики, киники, стоики – все стремятся заявить обо всем, что приходит им на ум. Со временем хаотичный поток ошибочных гипотез затрудняет возможности различения благородных посевов от сорных трав. В результате огромного накопления разрозненных и фрагментарных знаний назревает неизбежный кризис: масса непроверенного материала и многообразие предлагаемых методик создают переизбыток информации, которую каждое новое поколение пифагорейской эры должно испытать, осознать и усвоить, прежде чем сможет приступить к самостоятельной работе.

К началу эпикурейской эры этот кризис достигает апогея. Его разрешение требует принятия радикальных мер – таких как смены власти, языка или системы просвещения. Это время серьезного испытания для любого общества и время пересмотра ценностей для его творческих натур.

Новые обстоятельства способствуют расцвету кардинально иного типа творческих личностей, характерных для эпикурейской эры. Этот тип приходит на пике созревания идей, зародившихся в начале цикла. Все посеянные зерна уже взошли, и на полях стоят налившиеся тяжестью созревшие колосья. Медленно, но верно дозревают в них зерна, и если вовремя их не убрать, то начнется процесс увядания и загнивания. Для тех, кто рождается в такие времена, долго в золотом убранстве стоят поля. Долго длится процесс сбора урожая оригинальных идей, посеянных в начале цикла; время терпеливо ждет, пока дозреют все колоски.

Всеобщее образование требует простоты, понятной каждому – оно ведет к воспитанию единых вкусов и к установлению единых норм, законов и правил. В течение долгого периода идентичные приемы и идеи отшлифовываются, оттачиваются, поясняются, но не углубляются. К концу эпикурейской эры общество уже стремится не столько к поиску Истины, сколько к идиллии и к стагнации. В конце концов, кризис такого периода становится неизбежным, так как в таком обществе не остается места для оригинальной творческой личности. Как указывал яркий представитель эпикурейской эры Карл Ясперс (1883-1969) (III,1,7):

«В существовании массового порядка всеобщее образование приближается к требованиям среднего человека. Духовность гибнет, распространяясь в массе, рационализация, доведенная до грубой моментальной доступности рассудку, привносит в каждую область знания процесс обеднения».

Рано или поздно нарастает ощущение взаимной заменимости всех людей и:

«Создается впечатление, что мир попадает во власть посредственности, людей без судьбы, без различий и без подлинной человеческой сущности»[248].

Этот процесс завершается, когда старые идеи уже окончательно изжиты, и бессмысленность руководствоваться ими и далее становится очевидной для большинства. При этом возможны периоды отчаяния, потери пути, утери веры, доходящие в крайних случаях до нигилизма.

Поиску нового пути, как правило, сопутствует синхроничность: одновременное зарождение идеи у одного или нескольких представителей последней фазы эпикурейской эры и рождения целого ряда представителей часа Феникса, готовых воплотить эту идею в жизнь. (Например, большинство

[248] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с. 311.

поэтов Серебряного века родились именно в те года, когда Минский и Мережковский опубликовали свои первые поэтические манифесты.) Выход из кризиса намечается тогда, когда новое поколение не страшится непроторенных путей. Именно тогда наступает эпоха «великих открытий», «возрождения» и «ренессанса»; времена проб и ошибок, когда новая мысль пробивает себе путь по бездорожью. Круг замыкается, и вся схема чередования процесса зарождения и распространения ведущих идей года Феникса повторяется вновь, но в иные времена и при ином расположении звезд в эту схему постоянно приходится вносить поправки.

В свете вышесказанного еще раз вернемся к одному из основных различий между творческими личностями пифагорейской и эпикурейской эры. В пифагорейской эре на первый план выходят идеалисты, искренне верящие, что «Подлинная наука является аристократическим занятием тех, кто сам посвящает себя этому». Герои этой эры являются исследователями, готовыми работать на свой страх и риск, не ожидая общественного признания и видя в своей работе возвышенную миссию. Их работа – бескорыстное служение Божественному началу. Кризис этой эры наступает, когда теряется вера в возможность познания Истины.

Герои эпикурейской эры – практики, ставящие своей задачей применение идей предшественников с конкретной целью улучшения условий жизни. Они направляют все усилия на создание таких систем просвещения, которые сумели бы приспособить творчество к требованиям и к уровню масс. В результате духовный уровень масс растет, но уровень духовного развития элиты снижается. К концу года Феникса эпикурейская заинтересованность в «практической цели» неизбежно приводит к тому, что финансируются лишь те проекты, которые немедленно обещают осуществимые результаты. Из Академий улетучивается отвага «осмелиться быть мудрым»; ей на смену приходит желание получить об-

разование и обеспечить будущее место работы. К концу эпикурейской эры новым первопроходцам уже нет места в таких академиях. Пассионариям приходится начинать все сначала, основывая свои маленькие школы, в которых собираются такие же «чудаки» и изгои, как они.

Ниже приводится обзор чередования этих двух эр на протяжении восьми последовательных годов Феникса.

2. 1540 -1071 гг. до н. э.
Последний год Феникса в Овне.

Все темнеет. Я падаю в бездну веков.
Фернандо Пессоа (1888 - 1935)

В пифагорейской эре этого цикла родился пророк Моисей. Он и его современники стали очевидцами и соучастниками мировой драмы, приравненной к рангу «чудес». Как и следовало ожидать от огненного знака Овна, многие из этих чудес символизировали стихию Огня. Например, откровение Моисею было дано в образе «неопалимой купины» – горящего, но не сгорающего терновника, а по пустыне 40 лет народ Израиля следовал за огненным столбом, посредством которого Б-г указывал им дорогу по ночам.

Моисей говорил с Б-гом и подобно Прометею принес людям новые знания. Но в отличие от Прометея и от прочих героев греческой мифологии, Моисей не был фигурой мифической. Он не был сыном небесных богов, а целиком и полностью олицетворял воплощение идеала земной человечности. Его поведение и чаяния, чувства и мысли, вера и сомнения стали доступны, близки и понятны многим поколениям простых людей всего мира. Моисей чудесным образом соединил в себе образ простого смертного, пекущегося об обустройстве быта своего народа, с образом пророка, соотносящего свои планы с Божественным Планом Развития.

К тому же он вошел в историю как первый поэт своего народа, ставший творцом самого раннего библейского стиха, сложенного им при участии всего народа, сразу после Исхода из Египта. Поразительно, что именно в этот момент создалась та новая формация, которую уже более трех тысяч лет именуют народом Израиля.

Итак, в пифагорейской эре этого цикла родилась идея единобожия, а также идея народа, живущего по заповедям Божьим и по заветам Моисея на Земле Обетованной. В течение всей пифагорейской эры этого цикла современники Моисея сталкивались с множеством сложных задач, связанных с воплощением этих идей в реальном мире. Временами они отходили от идеи, сомневались в ней, противоречили ей и даже на время забывали ее. Временами их ожидали года кризисов и тяжелых испытаний, но к началу эпикурейской эры можно было с уверенностью сказать, что первый барьер был преодолен. После пифагорейской эры блужданий в пустыне основной перелом произошел в период пророчицы и судьи Деворы, когда земля была заселена, и пассионарность первых поселенцев сменилась практичностью постепенного усвоения накопленного опыта. После Деворы наступило долгое затишье эпохи «просвещения», описанной в Книге Судей. О таком процессе «снисхождения идеи» в народные массы, который происходит к концу эпикурейской эры, написал великий американский поэт эпикурейской эры, Роберт Фрост (1874-1963):

Сперва мы новое творим
И непривычное совсем,
Потом – все проще говорим,
Лишь было бы понятно всем.[249]

[249] Перевод В. Топорова.

3. 1071 - 578 гг до н. э.
Первый год Феникса в Тельце (II,1) .

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы.
Велимир Хлебников (1885-1922)

В пифагорейской эре этого года Феникса (1071-823 гг. до н. э.) родились пророк Самуил и царь Саул, а также последовавшие за ними царь Давид и его сын Соломон. Это – эпоха пассионариев, носителей идеи единобожия; эпоха введения новых законов, равной которой не было примера в мировой истории. Это то время, когда, начиная с царя Давида, самые различные душевные состояния находили свое отражение в поэтической форме многочисленных псалмов, возвышенных и проникновенных, жалобных и прочувствованных, радостно-торжествующих и полных отчаяния, которые составили Книгу Псалмов.

О поэтической стороне закона и о его характерном выражении во времена пифагорейской эры этого года Феникса читаем у Исидора Эпштейна:

«И, наконец, Закон – это “сказание”. В это определение входит множество таинственных значений, восходящих к Б-гу как к источнику, которые хотя и не “высказаны”, то есть не сообщены Б-гом человеку в прямой форме, тем не менее могут быть вскрыты теми, кто усердно размышляет над сказанным словом. Повиновение Закону для псалмопевца – не внешний акт подчинения чужой воле. Это результат глубокой любви к Б-гу, томительной тоски по Нем, пронизывающей

тело и душу человека. Для утоления этой тоски и создал израильский гений Книгу Псалмов»[250].

В начале пифагорейской эры этого периода мы встречаем псалмопевцев, основной целью которых было создать величественные гимны небесному Закону и тем самым показать людям, что Закон есть «Путь», по которому человек должен неуклонно идти всю жизнь.

К концу пифагорейской эры пассионарность пошла на спад, и люди начали уклоняться от того «Пути», по которому их вели псалмопевцы. После смерти царя Соломона этот процесс ускорился, и в конце первой трети этого года Феникса разногласия обострились настолько, что народ израильский разделился на два царства – Иудейское и Израильское.

Эпикурейская эра этого года Феникса началась в 823 г. до н. э. Это было страшное время кризиса, когда царство Израиля покатилось к закату. На смену пророкам-прорицателям и псалмопевцам пришло время рождения пророков-порицателей, разоблачавших своих современников. Об этом новом типе поэтов писал Аверинцев:

«Книги пророков доносят до нас облик и дух пророческого движения – единственного в своем роде общественного феномена, стоявшего в центре духовной жизни евреев в кризисную эпоху VIII-VI вв»[251].

В обязанности пророков этого периода не входило открывать новые законы или воспевать прелести Пути – их цель сводилась к напоминанию о необходимости соблюдения старых традиций. Призывы любви к Б-гу сменились характерными для эпикурейства устрашениями. В то время как

[250] Д-р. Исидор Эпштейн «Иудаизм», «Геулим», Иерусалим, 1979, с. 75.

[251] С. Аверинцев «Пророческая литература» в энциклопедии «История всемирной литературы: В 8 томах», — М.: Наука, 1983—1994,. т. 1, с. 284.

рожденные в пифагорейской эре псалмопевцы искали Любви к Б-гу во имя самой Любви, пророки, рожденные в эпикурейской эре, обосновывали свои призывы к праведной жизни идеей спасения людей от кар Господа и уменьшением их страданий на земле. В то время как пассионарии пифагорейской эры мечтали о том, чтобы вывести человека из духовной и материальной нищеты, яркий представитель эпикурейской эры, пророк Амос, «сосредоточивает свои усилия на разоблачении нравственного падения общества, избалованного роскошью»[252]. По словам Амоса, в день неминуемого возмездия поверхностная религиозность не спасет никого: Божественная избранность в его понимании означала большую ответственность, а не свободу от нее.

К концу эпикурейской эры, во времена правления царя Иудеи Иосии (641/639-609 гг. до н. э.) была предпринята последняя попытка спасения Иудеи. В 622 г. до н. э. Иосия повелел очистить Иерусалимский храм, и во время этого ремонта «случайно» отыскалась «Книга Торы» или «Книга Завета». В соответствии с найденным учением Иосия реорганизовал культ Единого Бога и в присутствии всего народа заключил с Господом новый союз, обязуясь строго следовать его заповедям. В результате этих реформ в Иудее сложилась так называемая девтерономическая школа и тогда же началась деятельность пророка Иеремии.

Но чем дальше катилась к закату эпикурейская эра этого цикла, тем безнадежнее звучали слова пророков-обличителей. Истинных пророков стало очень мало, и общество не желало слушать их, а жаждало верить в идиллические картины застоя, рисуемые многочисленными лжепророками тех дней. Пассионарность пифагорейской эры сменялась безысходностью эпикурейской. Как отмечал Аверинцев:

[252] Др. Исидор Эпштейн «Иудаизм», «Геулим», Иерусалим, 1979, с. 49.

«Второй из великих пророков, Иеремия (Йиремйаху бен-Хилкийаху), начал проповедовать в 626 г. до н. э., дожил до падения Иерусалима в 587 г. до н. э. и был принужден шедшими в Египет иудейскими беженцами присоединиться к ним. Мрачное предчувствие гибели иудейского царства внушало ему страстные жалобы:

Миновала жатва, и лето прошло,
а нам спасения нет!
Сокрушение дщери народа моего
сокрушает меня;
мрачен хожу,
ужас объял меня.
(8, 20-23)»[253]

Это описание последних лет, предшествующих разрушению Первого Храма, приводит нас к еще одному примеру синхроничности. Оказывается, что в тот период, как в Иудее, так и в Афинах, одновременно назрела потребность в радикальных реформах. В обоих случаях эта потребность вылилась в последнюю отчаянную попытку сохранить систему правления: в Афинах путем введения Драконовых мер в 621 г. до н. э.; в Иудее – путем реформ Иосии и возрождения законов Божьих в 622 г. до н. э.

При всем своем коренном различии, исполнение этих законов казалось непосильным в глазах обоих народов. Законы Дракона были настолько жестокими и самовольными, что привели к свержению тирании уже в самом начале очередного года Феникса. Законы Божьи были так возвышенны, что не выполнялись большей частью иудеев; в результате, к

[253] С. Аверинцев «Пророческая литература» в энциклопедии «История всемирной литературы: В 8 томах», — М.: Наука, 1983—1994, т. 1, с. 286.

концу этого года Феникса Первый Храм был разрушен, и настало время переосмысливания произошедшего в вавилонском плену.

4. 578 - 84 гг. до н. э.
Второй год Феникса (II,2) в Тельце.

Вперед, время!
Время, вперед!
В. Маяковский (1893-1930)

В пифагорейской эре этого цикла (578-333 гг. до н. э.) зародилась греческая философия. В это же время родился Пифагор, а вместе с ним и его школа. Время появления таких титанов античного мира как Анакреон, Пиндар, Софокл, Аристофан. Пифагорейская эра завершилась в 333 г. до н. э.

Пифагорейская эра этого года Феникса (II,2) связана также с духовным возрождением народа Израиля, вернувшегося из вавилонского плена. Благодаря мудрому правлению Неемии, Иудея вновь вступила в эпоху подъема. Эти века считаются эпохой завершения двух канонических религиозно-литературных сборников – «Невиим» (Пророки) и «Ктувим» (Писания), которые вместе с Торой (Пятикнижием Моисея) образуют Танах (Ветхий завет). Учитывая неопределенность в датировке отдельных поэтических произведений, входящих в Танах, ограничимся лишь общей характеристикой творчества этой пифагорейской эры. Так, например, согласно антологии «Тридцать три века еврейской поэзии», отличительной чертой поэзии «Эпохи завершения Танаха (V-III вв. до н. э.)» является то, что она в большей степени «философична», чем поэзия предшествующих периодов[254].

[254] «Тридцать три века еврейской поэзии», краткая антология в переводах с иврита. Составитель Я. Л. Либерман, 1997, с. 59.

К концу этой пифагорейской эры положение вновь резко меняется:

«Но восходит звезда Александра Македонского. Под его натиском разрушается империя персов, и опять, в который раз, Иудея попадает под владычество иноземцев. На сей раз эллинов – вначале самого Александра, а затем его наследников, в частности царя Египта Птолемея»[255].

В результате этого наступает новый длительный период упадка:

«Эпоха завершения Танаха – переломный период в истории древнееврейской поэзии. После него в ее развитии начинается резкий спад, главные причины которого – усиление иноземного гнета, ряд кровопролитных освободительных восстаний и в конечном итоге утрата национальной государственности»[256].

Эпикурейская эра этого цикла (333 - 84 гг. до н. э.) совпала с эллинистическим периодом, условно длившемся со времени походов Александра Македонского (356-323 до н. э.) до окончательного установления римского господства в Египте в 30 г. до н. э. Это время создания библиотеки в Александрии, время сбора и классификации утерянных текстов Гомера, Софокла, Аристофана. Время первого перевода Библии на греческий язык – Септуагинты.

Отсюда вытекает следующая характерная черта эпикурейской эры – если в пифагорейской эре создаются модели первых «школ», то эпикурейская эра – это «эпоха просвещения», эпоха расцвета академий, музеев и библиотек.

И еще одна важная черта. Если в пифагорейской эре (классический период Греции) новое знание параллельно зарождалось в нескольких центрах ионийских полисов, то в эпикурейской эре (эллинистический период) культурные цен-

[255] Ibid.

[256] «Тридцать три века еврейской поэзии», краткая антология в переводах с иврита. Составитель Я. Л. Либерман, 1997, с. 82.

тры сдвинулись на периферию и начали распространяться по всему миру. В отличие от великих поэтов-философов пифагорейской эры, известные греческие поэты эпикурейского периода не были сынами Эллады. К началу эпикурейского периода эстафета греческой поэзии перешла к поэтам Александрии и к их яркому представителю Каллимаху из Кирена (~310 - ~240 гг. до н. э.) (II,2,4), а также в Македонию, где творил дидактический поэт, Арат из Сол (~315 -240 гг. до н. э.) (II,2,4).

Постепенно в эпикурейском периоде эра творцов сменялась эрой переводчиков. Именно в этот период греческая поэзия не только продолжала распространяться в эллинистическом мире, но и стала образцом для подражания зарождающейся римской (латинской) поэзии. На смену древнейшим римским анонимным авторам, сочинявших песни для пиров и праздничных театров, пришла первая римская тройка поэтов: Ливий Андроник, Гней Невий и Макций Плавт. И, как указывает Гаспаров, их:

«Первым шагом на этом пути был простой перевод образцов греческой поэзии на латинский язык. Этот шаг сделал Луций Ливий Андроник (ок. 275-200 гг.), грек из Тарента, вольноотпущенник римского сенатора, обучавший в Риме детей знати латинскому и греческому языкам. Для нужд преподавания он перевел на латинский язык сатурнийским стихом ‘Одиссею’ Гомера; впоследствии этот перевод оставался школьным чтением до времен Цезаря и Августа»[257].

Крупнейшим поэтом эпикурейской эпохи римской поэзии считается Квинт Энний (239-169 гг. до н. э.) (II,2,5), называвший себя «человеком о трех языках» и писавший стихи на латинском, греческом и оскском. Его стихи отличались тем, что они были «все, конечно, в переложении с греческого»[258],

[257] М. Гаспаров «Этапы развития ранней римской литературы» в энциклопедии «История всемирной литературы: В 8 томах», — М.: Наука, 1983-1994, т. 1, с. 424.

и тем, что их характеризовала «просветительская» направленность его поучений. Стремление Энния отождествить себя с греческими поэтами античности достигло такой степени, что: «Во вступлении к своему основному произведению, эпопее “Анналы” (“Летопись”), он возвещает, что в него переселилась душа самого Гомера»[259].

Слава Энния продлилась до конца этого года Феникса в 84-83 гг. до н. э., пока на смену поэтам эпикурейской эры не пришло поколение поэтов, рожденных в пифагорейский период третьего года Феникса в Тельце (II,3,0). На долю этого поколения выпало родиться и жить в период гражданских войн конца республики, когда в широких массах вновь стала распространяться спасительная идея о божественном посланнике, который осчастливит людей и вернет на Землю «золотой век».

5. 84 г. до н.э - 411 г.
Третий год Феникса (II,3) в Тельце

Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.
В. Маяковский (1893-1930)

[258] М Гаспаров «Этапы развития ранней римской литературы», «История всемирной литературы», т. 1, с. 429.

[259] Ibid.

Третий год Феникса подводит нас к продолжению обзора культуры Древнего Рима. В пифагорейской эре этого цикла (84 г. до н. э.-164 г.) пришли титаны «золотого века» римской поэзии. Особую роль в поощрении поэтического творчества того периода сыграл Гай Цильний Меценат (70-8 гг. до н. э.) (II,3,0) – знаменитый покровитель искусств при императоре Августе (63 г. до н. э. - 14 г.) (II,3,0). Лучшие поэты того времени, такие как упомянутые Бродским в начале книги Гораций, Вергилий и Проперций, обрели в Меценате, чье имя стало впоследствии нарицательным, надежного покровителя и защитника. Заслуги Мецената перед поэтами являются в то же время и заслугами перед латинской поэзией. Посмотрим, например, как Гаспаров описывал процесс становления римской поэзии, начавшийся с организации небольшого кружка молодых поэтов:

«Вергилий – центральная фигура нового литературного кружка, все более и более задающего тон в духовной жизни Рима. Кружок этот объединен не только поэтической, но и политической программой, а организатора этого кружка зовут Меценат. Меценат принадлежал к тем же младшим неотерикам, из которых вышел и Вергилий. Он и сам был поэтом, но не очень удачливым; зато у него был практический ум, живой и гибкий. Он рано подружился с молодым Октавианом и, не занимая никаких постов, был при нем как бы советником по дипломатическим и идеологическим вопросам»[260].

Атмосфера, царившая в этом кружке, чем-то напоминала описания цеха поэтов Гумилева. Она позволяла поэтам подняться на новую, качественно иную ступень развития, положив конец старым традициям и заложив основы будущей поэзии. Аверинцев писал:

[260] М. Гаспаров, «Вергилий – поэт будущего» в книге «Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида». - М., 1979, с. 5-34.

«В величии Вергилия есть, если угодно разрушительный аспект: оно принуждает своим объективным действием к отсечению всех иных возможностей, диалектически “снимая” эти возможности в обоюдоостром гегелевском смысле слова, то есть, одновременно включая в себя и исключая как нечто иное себе. Отныне римский эпос был поставлен в необходимость самоопределяться перед лицом “Энеиды”, по отношению к заданным ею ориентирам…»[261].

Иными словами, как это ни парадоксально, но именно Вергилий, хорошо знавший и любивший творчество Энния, послужил причиной его последующего забытья. После создания «Энеиды» к Эннию уже возврата не было. Принципиальная новизна Вергилия сделала его творчество новой точкой отсчета в римской и в мировой поэзии. Все, что пришло после него, измерялось его меркой. Все, что пришло до него, кануло в Лету, став «древним» и отжившим. И далее Аверинцев продолжил:

«Вергилий – это поэт истории как времени, насыщенного значением, поэт ‘знамений времени’, определяющих конец старому и начало новому; и он сумел превратить свой Рим в общечеловеческий символ истории – конца и нового начала».

Слава Вергилия затмила имена всех предыдущих римских поэтов; согласно древнеримскому историку Тациту (~56 - ~117) (II,3,1):

«Поэты у римлян были; но Вергилий – не один из великих, даже не первый, а единственный». То, что народ в театре, по свидетельству Тацита, встал навстречу Вергилию, воздавая ему такую же честь, как Августу, о чем-то говорит. «За славой Вергилия стояла та самая объективная непреложность, заключенная в самой природе вещей, в составе бытия, которую поэт воспел как ‘рок’, ‘fata’».[262]

[261] С. С. Аверинцев «Две тысячи лет с Вергилием» в Аверинцев С. С. Поэты. - М., 1996, с. 19-42.

[262] Ibid.

Нельзя говорить о Вергилии и его сверстниках, не упоминая их пассионарности. В последующих поколениях могли по разному относиться к исторической роли этих поэтов как «певцов империи» или «певцов императора Августа», но никто не отказывал им в искренности их веры в то, что они воспевали. Вергилию приписывалась такая нравственная безупречность, что даже Гете, не слишком любивший его поэзию, называл его «ангельски чистым» человеком. Аверинцев так описывал эту двойственность в восприятии поэзии, столь характерную и для поэтов Серебряного века:

«Для одних Вергилий похож на существо, которое в прошлые века называли льстецом, а в нашем веке предпочитают называть официозным пропагандистом; для других он ‘пророк’ и ‘провидец’ – и все это за одни и те же его слова. Ясно, что ни одна из крайних точек зрения – ни либеральная, ни антилиберальная – не соответствует существу Вергилиевой поэзии»[263].

А чем же были стихи Вергилия? Аверинцев не находил для них более подходящей метафоры, чем слова Пастернака, сравнивавшего все вековечное с «записной тетрадью человечества», в которую каждое поколение пишет свое. И это «свое» по словам Пастернака «жизненно не тогда, когда оно обязательно, а когда оно восприимчиво ко всем уподоблениям, которыми на него озираются исходящие от него века»[264].

Часто вспоминают о том, как Петрарка и Данте жили с оглядкой на Вергилия. Но не менее показательны и поэты Серебряного века, искавшие в судьбе Вергилия подсказку для решения насущных проблем своего времени. В этой связи поражает, что тематика вымышленного диалога Вергилия с императором Августом, изложенная в романе Германа Броха

[263] Ibid.

[264] Ibid.

(1886-1951) (III,2,0) «Невиновные. Смерть Вергилия», перекликается с пресловутым телефонным разговором Сталина с Пастернаком!

Большую часть своей жизни Вергилий видел в императоре Августе спасителя Рима. Ведь именно он спас страну от соперничества сенаторов, приведшего весь мир на край погибели. Удалось ли ему пронести эту веру до конца дней своих? Некоторые исследователи сомневаются в этом, приходя к выводу, что царствование Августа показало поэту, что он всю жизнь воспевал тирана. Предполагается, что Вергилий даже намеревался сжечь «Энеиду», так как перед смертью раскаивался в том, что своей эпопеей подарил Августу бессмертие.

Начало эпикурейской эры (163-411) этого года Феникса было, по словам Гаспарова, периодом очередного перелома, требовавшего проведения реорганизации:

«II век н. э. по традиции считается периодом последнего расцвета Римской империи. В действительности это была пора ее недолгой стабилизации и быстро начинающегося упадка»[265].

В частности, в период оппозиции Нептуна-Плутона родился император Коммод (161-193) (II,3,4), чье правление положило конец стабильности Рима. По словам современников, Коммод отличался неимоверной жестокостью, он испробовал все способы разврата, занимался препарированием живых людей и участвовал в самоистязательных религиозных ритуалах. Символично, что Коммод мнил себя Гераклом (I,5,4), переодевался в его одежды и выходил в них на арену Колизея, чтобы участвовать в боях гладиаторов. Правление Комода стало одним из самых мрачных периодов Древнего Рима, положивших конец традициям Августа и его преемников. Всеобщая ненависть к Коммоду породила ряд заговоров;

[265] Гаспаров М. Л. Эпоха и культура: История всемирной литературы: В 8 томах . М.: Наука, 1983-1994. Т. 1, с. 467-470.

в конце концов, он был убит в возрасте 28 лет. После убийства Коммода продолжение эпикурейской эры этого года Феникса носило не менее тяжелый характер для Рима, чем борьба за власть в Древней Греции, последовавшая за смертью Александра Македонского (II,2,4), 500 лет тому назад:

«В III веке социально-экономический кризис перерос в политический: за 50 лет сменилось свыше 20 императоров (не считая провинциальных узурпаторов), почти все они погибли насильственной смертью. Из кризиса империю вывели в начале IV века императоры Диоклетиан (245-313) (II,3,5) и затем Константин (272-337) (II,3,5), полностью реорганизовав ее и этим продлив ее существование на двести лет»[266].

В предыдущей эпикурейской эре мы уже видели, как центр культурной жизни эллинистического мира сместился из Средиземноморья в провинции и в Рим. Оказывается, что такой же миграционный процесс происходил и в параллельном периоде в Древнем Риме. С приближением кризиса власти:

«Италия и Рим стремительно теряют свое ведущее положение в средиземноморской культуре: во II-III вв. они не дают ни одного сколько-нибудь значительного писателя или мыслителя. На первый план и здесь выходят провинции, в первую очередь грекоязычные Малая Азия и Сирия, охватываемые бурным культурным подъемом – так называемым "эллинским возрождением", и Африка»[267].

Подобно тому, как пророк Иеремия скорбел о прошедшем лете народа Израиля, так постепенно и в Риме эпикурейской эры:

[266] Гаспаров М.Л. Поэзия риторического века: Поздняя латинская поэзия, М., 1982.

[267] Гаспаров М. Л. Эпоха и культура: История всемирной литературы: В 8 томах . М.: Наука, 1983-1994, т. 1, с. 467-470.

«Всеобщим становится чувство старости, исчерпанности, завершенности цивилизации. Представление о четырех возрастах цивилизации, из которых Рим уже находится в последнем, ложится в основу периодизации римской истории даже у благонамеренного Флора»[268].

Так же, как Тарн отмечал бледность эллинистического мира по сравнению с предыдущей классической эпохой античной Греции, так и Гаспаров суммировал: «Культура образованного общества II-III вв. н. э. – это культура духовных рантье: она сосредоточена на комбинациях и переработке наследия прошлых веков»[269]. И подобно тому, как эллинистическую культуру оценивают как культуру распада, так и эпикурейская эра расцвета римской империи при императоре Диоклетиане относится историками к периодам заката. Последним великим плодом античной культуры считается неоплатонизм философа Плотина (204-270) из греческого Египта, преподававшего в Риме с 243 г. По оценкам специалистов философия Плотина только усилила кризис в духовной сфере, так как «оплодотворить искусство это умозрительное учение уже не могло. Собственные сочинения Плотина полностью чужды всякой заботы о литературной форме»[270]. Более того, Гаспаров заключал, что: «Литературное бесплодие III в. н. э. можно считать конечным рубежом античной литературы».

Но что кроется за словами: «литературное бесплодие»? Значит ли это, что люди стали безграмотными и прекратили читать и писать? Совсем не обязательно. А порой даже может быть совсем наоборот, как это и случилось в период заката римской империи. Проиллюстрируем эту возможность сти-

[268] Ibid.

[269] Ibid.

[270] Гаспаров М. Л. Кризис III в. и конец античной культуры.: История всемирной литературы: В 8 томах . М.: Наука, 1983-1994, т. 1, с.500.

хами Баратынского (1800-1844), жившего через полтора тысячелетия в эпикурейской эре в России:

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем
Она, подъемля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

Подобный процесс происходил с древнеримской поэзией. По мере роста образованности все больше людей овладевали искусством красноречия. Но чем больше люди привыкали слагать стихи по определенным схемам, тем меньше места оставалось для новых оригинальных идей. Старые идеи исчерпывались до основания, но время для перемен еще не подошло.

Покажем это на примере одного из наиболее характерных поздних представителей эпикурейского периода этого года Феникса, поэта Децима Авсония (~310 - ~ 394) (II,3,5). Этот галльский учитель, родившийся на периферии, руководил в Бордо знаменитой школой риторики. Слава Авсония дошла до Рима, и император Валентиниан I предложил ему обучать своего наследника Грациана. Хотя Авсония чтят как певца европейской природы тех лет, но с художественной точки зрения его поэзия никогда не имела большой ценности: в ней отсутствовала оригинальность, и она изобиловала цитатами авторов классической эпохи.

Авсоний, как и другие учителя-риторы, был предвестником будущей «Эпохи Просвещения» XVIII века. В огромном числе школ во всех краях и пределах римской империи детей обучали искусству риторики, и пока держалась риторическая школа, развивалось искусство составления писем. Казалось бы, что обучение искусству изящного письма должно было способствовать расцвету поэзии. Но странное дело – хотя стихов было «великое множество», античности на своем опыте пришлось открыть поразительную истину, что «ораторами делаются, а поэтами рождаются». И поэтому Гаспаров пришел к следующей оценке поэзии тех лет:

«Большинство этих стихов безымянны. Над некоторыми сохранились имена авторов, но обычно они нам ничего не говорят. … Все это – дилетанты, для которых стихи – лишь один из способов показать свою принадлежность к ученому и просвещенному обществу. Здесь нет “самовыражения”: каждый стремится “быть, как все”. Если в этом томе снять все авторские имена, то он может показаться написанным одним поэтом»[271].

Своей бессодержательностью конец греко-римской цивилизации настолько поражал воображение многих исследователей античности в параллельной ему эпикурейской эре XIX в., что Ясперс ссылался на историка Нибура (1776-1831) (III,1,5):

«Нибур, испуганный июльской революцией, в 1830 г. писал: “Теперь нам, если Бог не поможет чудом, предстоит разрушение, подобное тому, которое испытал римский мир около середины III века нашего летосчисления: уничтожение благосостояния, свободы, образования, науки”»[272].

[271] Гаспаров М. Поэзия риторического века: Поздняя латинская поэзия, М., 1982.

[272] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во “Республика», 1994, с. 293.

Тема обнищания духовности Рима была также близка сердцам многих знаменитых поэтов эпикурейской эры XIX в. Например, Малларме (1842-1898) (III,1,7) писал об «угасающей поэзии Рима» в «Осенней жалобе», и в тон ему откликался Поль Верлен (1844-1896):

Я – римский мир периода упадка,
Когда, встречая варваров рои,
Акростихи слагают в забытьи
Уже, как вечер, сдавшего порядка.

Душе со скуки нестерпимо гадко.
А говорят, на рубежах бои.
О, не уметь сломить лета свои!
О, не хотеть прожечь их без остатка!

О, не хотеть, о, не уметь уйти!
Все выпито! Что тут, Батилл, смешного?
Все выпито, все съедено! Ни слова!

Лишь стих смешной, уже в огне почти,
Лишь раб дрянной, уже почти без дела,
Лишь грусть без объясненья и предела.[273]

Прежде чем расстаться с античностью, заметим, что подобно тому, как в III-II вв. до н. э. в Александрии упорядочивалось наследие прошлого и, в частности, был выполнен первый перевод Пятикнижия Септуагинты, так в параллельной эпикурейской эре, спустя 500 лет был создан канонический латинский текст Библии св. Иеронимом (342-419/420?). Этот перевод, называемый «Вульгата», выдержал испытание последующих 1000 лет и стал первой книгой, напечатанной Гуттенбергом в 1450 г.

[273] Перевод Б. Пастернака.

Символично для эпикурейской эры и то, что св. Иероним считается покровителем переводчиков, а в 1991 г. день его смерти был объявлен Международным днем переводчиков.

Еще одним видным просветителем эпикурейской эры был создатель армянского алфавита, Месроп Маштоц (~361/362-440) – переводчик Библии на армянский язык и основоположник педагогической мысли Армении. Как отмечает Википедия:

«Месроп Маштоц – первый исторический деятель, создание которым письменной системы связано не с легендой (например, как с автором готского (или мезоготского) алфавита Вульфилой, IV в.), а документально подтверждено. Маштоц не только создатель алфавита, но также великий просветитель, который, в отличие от других изобретателей систем письма, лично открывал школы в разных провинциях страны и способствовал распространению грамотности».

В параллельной эре следующего года Феникса мы встретимся с создателями еще одного алфавита и проследим дальнейшую историю переводов Библии.

Тема Библии возвращает нас к вопросу дальнейшей ее роли в истории народа Израиля. Вся пифагорейская эра года Феникса (II,3) была ознаменована деятельностью «таннаим» – законоучителей, живших в Палестине и создавших Мишну. Как отмечалось в четвертой части, первым таннаем стал Гилель (II,3,0), а завершение Мишны относится к 220 г. В этот период датировка создания стихов неясна, а их авторы в большинстве своем анонимны. Тем не менее, основной поэтической заслугой таннаим считается создание жанра молитвы.

Угон в рабство, насильственное изгнание и переселение в результате войн и восстаний привели к тому, что в начале эпикурейской эры центр культурной жизни евреев стал смещаться из Иерусалима в страны рассеяния. Начиная с III века, приходит новое поколение мыслителей – так называемые «амораим», создателей второй части Талмуда (Гемары),

ставивших своей целью составить развернутые комментарии, уточнения и разъяснения Торы и Мишны. В духе эпикурейской эры, арамейское слово «амора» означало помощника учителя, громко повторяющего вслед за учителем излагаемый им урок. В этом и заключалась основная роль мудрецов того периода – они выступали в качестве толкователей учения таннаим. Подобно тому, как в параллельный период 500 лет до этого в Александрии возникла необходимость создания библиотеки и музея для упорядочения накопившегося материала, у амораим назрела потребность создания знаменитых талмудических академий того времени в Палестине и в Вавилонии (в Суре и в Пумбедите):

«…масса традиций и теорий, передававшихся в устной форме и накопившихся на протяжении веков, приняла, наконец, такие огромные размеры, что стало необходимо заняться редактированием этого необозримого материала, просеиванием, суммированием и систематизированием в соответствии существующими трактатами Мишны»[274].

Толкование и систематизация древних текстов практически не оставляли места появлению новой мысли или рождению новой поэзии. Конечно же, поэзия не умерла в этот период, и амораим продолжали слагать стихи-молитвы. Но в них не было ни рифмы, ни ритма, ни размера, ни новизны. Их тематика оставалась близка к молитвам, созданным таннаим[275].

Деятельность амораим продолжалась вплоть до завершения Талмуда в V веке, совпавшего с завершением этого года Феникса. Окончательная версия Талмуда, дошедшая до

[274] Др. Исидор Эпштейн «Иудаизм», «Геулим», Иерусалим, 1979, с. 127.

[275] Например, «Тридцать три века еврейской поэзии», краткая антология в переводах с иврита. Составитель Я. Л. Либерман, 1997, с. 102.

наших дней, была завершена при последнем из амораим, по имени Раввина II[276] (422 - 500) (II,4,0), родившемся уже в новом году Феникса, ровно через 497 лет после Гилеля.

По окончании года Феникса (II,3) во время правления императора Феодосия II (401-450) (II,4,0) был закрыт Синедрион, а вместе с ним была закрыта и академия в Палестине. Вскоре после этого начались гонения на академии Вавилона, и они были окончательно закрыты при шахе Фирузе (459-486). Так завершился период амораим и закончился период составления Талмуда.

Возвращаясь к римской и эллинистической культуре, которыми начался этот обзор, мы видим, что и там завершилась целая эпоха. К концу года Феникса (II,3), начавшегося столь многообещающим приходом «великой четверки», стало ясно, что наступил «закат античной культуры»:

«Важно было то, что путь развития, который нащупала для себя средиземноморская Европа на заре античности и по которому шла она тысячу лет, привел в тупик. Нужно было искать новый путь; а для этого нужно было сперва сделать несколько шагов назад, чтобы выйти из тупика»[277].

В следующем году Феникса на смену античной культуре пришла культура Средневековья.

6. 411 - 905 гг. Четвертый год Феникса (II,4) в Тельце

О, умоляю, подайте мне руку, стезю укажите
Богоизбранную мне, я желаю того!
Прокл Диадох (412-485)[278]

[276] Др. Исидор Эпштейн «Иудаизм», «Геулим», Иерусалим, 1979, с. 128.

[277] М.Л. Гаспаров. Поэзия риторического века: Поздняя латинская поэзия, М., 1982.

[278] Перевод О. Смыки.

Пифагорейская эра (411-658) года Феникса (II,4) была периодом разлома времен, периодом ухода 1000-летней римской империи и зарождения мира христианской схоластики. По словам Гаспарова, эти два-три столетия «были самым большим историческим переломом в истории Европы. Она вступила в них городской цивилизацией античности, а вышла из них сельской цивилизацией средневековья»[279].

Это замечание Гаспарова совпадает с анализом астрологов, видевших в соединении Нептуна-Плутона 411 г. явление особой значимости, так как оно сопровождалось активизацией аспекта квадрата (90°) этих двух планет с Ураном – планетой, символизирующей революционные перемены. При такой конфигурации могут наблюдаться особо драматические и резкие проявления диссонанса между новыми идеями и реальными возможностями их осуществления. Действительно, падение римской империи было драматичным и с исторической точки зрения мгновенным. После захвата Рима Аларихом в 410 г. империя вступила в завершающий период стремительного распада.

Одним из наивысших достижений Римской империи была организация ее школ. С наступлением года Феникса (II,4) историческому процессу становилось тесно в рамках отжившей идеи Римской империи и ее латинского языка. В дополнение к начавшемуся в эпикурейской эре прошлого года Феникса процессу сдвига центра культуры в провинции начался период становления молодых национальных языков. Зарождение новых языков и новых ценностей сопровождалось разрушением отжившей системы образования, и когда эта система рухнула вместе с империей, то вместе с ней закончился и риторический век древнеримской поэзии:

«В IV веке, пока стояла империя, стояла и античная образовательная система; в V веке, когда государственная машина

[279] М.Л. Гаспаров. Поэзия риторического века: Поздняя латинская поэзия, М., 1982.

вышла из строя, стали закрываться и школы, снабжавшие ее кадрами. В VI веке они сохранились лишь единицами, при королевских дворах да в некоторых городах Италии и Африки, а сгустившийся мрак невежества смягчался лишь начинающейся деятельностью монастырских и церковных школ»[280].

Начиная с 411 г., наступил темный период, в котором редко-редко пробивались лучи света. Но при этом видимом недостатке информации и практически полном отсутствии конкретных имен творцов нового времени появляется и новая черта, позволяющая историкам делать выводы о природе Средневековья. В отличие от культуры античной Греции, о которой мы можем судить только по мифическим полубогам, или культуры классической Греции и Древнего Рима, о которой мы судим по именам поэтов и философов, о культуре Средневековья можно судить по сравнению творчества представителей разных национальных групп того времени. В то время как Ясперс поражался единству процессов развития в период «осевого времени», энциклопедия «Истории мировой литературы» отмечает, что в период Средневековья «литературы, далекие друг от друга, литературы “старые”, т. е. обладающие древними традициями, и литературы “молодые” – все подчиняются общим закономерностям». И далее:

«Мировой литературный процесс в Средние века характеризуется определенным единством. <…> Единство мировой литературы в Средние века подкрепляется и сходством движения отдельных литератур, т. е. сходством в развертывании внутринациональных литературных связей, последовательностью возникновения определенных жанров, чередованиями литературных подъемов и замедлений литературной эволюции и т. д. Сходные черты обнаруживаются и

[280] Ibid.

в характере перехода отдельных литератур и литературных регионов от эпохи Древности к Средневековью»[281].

Благодаря этой универсальной закономерности, у историков появилась возможность на примере отрывочной информации восстановить основные черты того периода. Оказывается, что и в этом процессе «восстановления» важная роль выпала представителям пифагорейской эры: история рассудила, что поколение, пришедшее в период раннего Средневековья, наиболее ярко представлено родившимся в Галлии Сидонием Аполлинарием (~430-~480 гг.) (II,4,0) – поэтом, государственным и церковным деятелем, жившим в период заката Западной Римской империи. Как отмечают историки:

«Исследование мировоззрения Сидония Аполлинария, идеологии и психологии культурной элиты галло-римского нобилитета, облегчает знакомство с менее известными авторами V в. и позволяет воссоздать в определенной степени новый культурный тип позднеантичной личности»[282].

Подобно другим поэтам, родившимся в час Феникса, в творчестве Сидония преобладают темы раскола времен, смены идеологии, поэзии и власти, жизни и смерти. В молодости он получил хорошее образование, мечтал стать политиком и посвящал стихотворные панегирики быстро сменявшимся римским императорам. Но уже к 30 годам его приоритеты изменились. В его многочисленных письмах к друзьям запечатлена стремительная смена времен, когда западная Галлия оказалась под властью вестготов, а восточная под властью бургундов. Поддержки от Рима не пришло,

[281] Михайлов. Введение «История мировой литературы», т.2, стр. 9

[282] Буяров Д. В. К воросу о некоторых ценностях в системе мировоззрения Сидония Аполлинария. Научный журнал КубГАУ, №46(2), 2009 г.

школы в городах закрывались, и разрыв между образованным меньшинством и народной массою опасно увеличивался. И тогда произошел кардинальный поворот в жизни Сидония. Сорокалетний поэт подался в религию, отказался от семьи, от имущества, от поэзии и стал епископом. В последующие годы он управлял делами своего города и продолжал писать письма, принесшие ему впоследствии мировую славу.

В этих письмах, сопровождаемых стихами, вновь обращает на себя внимание разительный контраст между философией пассионарности пифагорейской эры и убеждениями эпикурейцев. Так, в одном из поучительных обращений к молодому человеку Сидоний писал:

«Если ты подчинишься увещеваниям, я готов быть в твоих усилиях товарищем и помощником, руководителем и партнером. Если ты, однако, позволишь себе запутаться в сетях роскоши и предпочтешь, как говорят, быть связанным догматами Эпикура, который выбрасывает за борт груз добродетели и находит высшее благо только в телесных наслаждениях, тогда я призову всех предков и потомков в свидетели того, что я ничего не могу поделать с этим злом»[283].

В конечном счете, Сидоний, как бы проживший на стыке времен две разных жизни в одной, снискал общую любовь и после смерти был причислен к лику святых. Его жизнь послужила символом его переходного века, так как жизнь одного человека отразила стремительный переход политической и культурной власти от государства к церкви. Новые школы уже создавались только церковью, и в них Гомеру и Вергилию места не было.

Символично и то, что отказ Сидония от поэзии совпал с началом двухсотлетней полосы «темных веков» в Западной Европе. С введением христианства и с прекращением изучения античных авторов в школах разорвалась культурная пре-

[283] Ibid.

емственность, и новая поэзия лишилась опоры на лучшие образцы прошлого. Как отмечал Юхвидин:

«Главнейшая особенность художественной жизни Средневековья – решительное преобладание в ней богослужебного, культового искусства»[284].

Античная культура была для ранних христиан «вчерашним днем», а день вчерашний всегда вызывает неприятие:

«'Вчера' – это всегда невежество, мрак и порок, и только с сегодняшнего дня начинается новая и светлая жизнь. 'Вчерашнее' искусство всегда уродливо, ложно и безвкусно, зато 'позавчерашнее' – искусство, идеи, устройство жизни, – свежо, истинно и справедливо. Таким привлекательным, 'позавчерашним днем' для христианских мыслителей IV-V вв могла быть только эпоха ветхозаветных патриархов»[285].

В результате этого перелома, к началу VII - первой половине VIII в. литературная жизнь на огромных пространствах бывшей империи замерла совершенно: ни в Италии, ни в Африке, ни в Галлии тех лет не родился ни один сколько-нибудь известный писатель или поэт![286]

Как мы помним, параллельное явление наблюдалось 1000 лет назад и в период перехода от классической Греции к эллинистическому миру, когда после Аристофана надолго прекратили рождаться поэты. Подобный упадок повторился и за 500 лет до этого в Риме, в период «кризиса третьего века».

К началу эпикурейской эры в 658 г. изначальная пассионарность христианства, боровшегося за право на существо-

[284] П. Юхвидин, «Мировая художественная культура», Москва, Новая школа, 1996, с. 171.

[285] П. Юхвидин, «Мировая художественная культура», Москва, Новая школа, 1996, с. 173.

[286] С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, Р. М. Самарин, «Латинская литература. «Темные века» (VI—VIII вв.)» в «История всемирной литературы», т. 2, с. 452.

вание, постепенно принимала форму религиозного диктата, поддерживаемого государственной властью. Одной из самых ярких фигур этого периода был Иоанн Дамаскин (~675 - ~753) (II,4,4) – христианский святой, известный как крупнейший систематизатор христианского вероучения и составитель множества молитвенных песнопений – стихир, кондаков и тропарей. Характерно, что именно с его легкой руки философия была объявлена «служанкой богословия»[287]. В противовес описанному нами ранее Проклу Диадоху, родившемуся в пифагорейской эре этого года Феникса, Иоанн Дамаскин учил, что в задачи философии не входит поиск истины, ибо все истины уже были изложены в Библии. Новая философия, получившая название схоластики, была призвана использовать весь свой аппарат логики и аргументации в целях подтверждения христианских догматов. Такая философия была в корне отлична от духа пифагорейских пассионариев, но она была сродни эпикурейству в том, что целиком и полностью подчинялась практическим целям обустройства церковного образа жизни.

Любое время проходит, меняются аспекты между планетами, а вместе с ними сменяются и «эпохи». Так было и в этом году Феникса, когда за темной полосой, которую история считала малозначительной, последовала очередная полоса «возрождения», называемая по имени своего вдохновителя – Каролинговским возрождением.

Это возрождение (или точнее, просвещение) пришло в Европу в пятой фазе года Феникса вместе с убывающим трином Нептуна-Плутона[288]. В этой фазе зародившаяся в 405 г.

[287] О.Б. Лисичкина, «Мировая художественная культура», часть II, кн.1, с. 32.

[288] В этом цикле, согласно Дженкинсу, точные времена активизации трина Нептуна-Плутона – NE-PL 240° – были в периоды 729-736 и 796-801 гг.

империя франков вступила в период своего расцвета. Карл Великий уделял большую роль развитию письменности, искусства, астрономии и литературы. Он выучился читать после 40 лет и считал необходимым обучить все население грамотности. В этих целях он пригласил к своему двору виднейших богословов, историков и поэтов, которые в своих произведениях возрождали древние эллинские каноны. Его ученый кружок, названный литературной «Академией», возглавил англосакс Алкуин (~ 735-804) (II,4,5). В него входили также италик-лангобард Павел Диакон (~725 - ~ 800), франк Эйнхард (~ 775-840) и вестгот Теодульф (? – 821). Идеалом Академии стало соединение античной формы с христианским духом. Подобно тому, как тысячу лет тому назад Энний (II,2,5) и его современники, переводившие греческие стихи в параллельной эпикурейской эре Древнего Рима, видели себя прямым продолжением Гомера, так и эти поэты и мыслители считали себя перевоплощением культурных героев античности. Все члены этой Академии именовали друг друга древними именами: Алкуин называл себя «Флакком» (т. е. Горацием), его ученик Ангильберт – «Гомером», а сам император подчеркивал божественность своей власти тем, что величал себя царем Давидом.

Самым значительным поэтом Академии был Алкуин. Подобно своим предшественникам в библиотеке Александрии, собиравшим наследие прошлого, и подобно своим будущим преемникам Эпохи Просвещения XIX века, он отличался огромной эрудицией. Подобно Александрийскому центру, Академия Алкуина стала крупнейшим центром распространения классических знаний в Европе.

Сам Алкуин считался также незаурядным лириком, видевшим в Вергилии своего учителя. Он внес значительный вклад в создание светской поэзии и был автором множества учебников и поучительных стихотворений. Как и поэзия Энния, поэзия Алкуина не была новаторской, а черпала свою

силу из адаптации великих поэтов прошлого к изменившимся условиям христианского мира. Несмотря на то, что эта поэзия была написана на отмирающей латыни, Алкуин и его Академия послужили тем переходным звеном, без которых был бы немыслим дальнейший процесс развития национальных европейских культур. В частности, в этот период возник на основе латинского алфавита особый шрифт каролингских минускул, что обеспечило принятие европейскими нациями общего языка и стиля письма.

Академия Алкуина распалась после смерти императора Карла Великого, а к концу этой эпикурейской эры распри между наследниками трона привели к распаду империи франков. В последние годы своего существования Франкская империя испытывала не только серьезный кризис власти, но и резкое снижение интереса к поэзии и к светскому искусству, сопровождавшееся ростом церковных школ. Кончалось раннее Средневековье, и новая западноевропейская литература ждала своего дальнейшего развития уже в новом цикле.

В эпикурейской эре прошлого года Феникса (II,3) мы видели, как возникли первые переводы Библии на латинский и на армянский языки. В эпикурейской эре года Феникса (II,4) распространение Библии на периферию успешно продолжилось. Через 500 лет после св. Иеронима и Мешроца родились два брата – два монаха и миссионера Кирилл (827-869) и Мефодий (815-885), которых называют «просветителями славянскими». Оба вошли в историю тем, что перевели Библию на церковнославянский язык и первыми разработали славянскую азбуку («кириллицу»), положившую начало русской письменности. На протяжении последующего тысячелетия их перевод Библии оставался основным текстом, признанным православной церковью.

Важно, что в этом году Феникса можно проследить не только за историей церковной и латинской литературы, но и за динамикой зарождения и распространения светской на-

циональной поэзии. Одним из наиболее значительных литературных памятников года Феникса (II,4) стала эпопея о Беовульфе, написанная на древнеанглийском языке. Считается, что реальные события, породившие этот эпос, происходили в пифагорейской эре, в период завоевания Британии германскими племенами англов, саксов, ютов и фризов[289]. Как это характерно для пифагорейской эры, имя автора поэмы, написанной, по всей видимости, еще в V или VI веке, неизвестно. До наших дней рукопись дошла в единственном списке X века, но при этом считается, что записана она была еще в VIII веке.

Однажды появившись, текст «Беовульфа» периодически то терялся и забывался, то «находился» вновь. Рукопись «Беовульфа», составленная в X веке, в пифагорейской эре (II,5,0), «случайно отыскалась» в библиотеке Ричарда Коттона в эпикурейской эре, в 1700 году. Однако и тогда она приобрела известность не сразу, а пролежала еще 115 лет до публикации в латинском переводе. Первый перевод Беовульфа на современный английский был выполнен в час Феникса, в 1895 г., Уильямом Моррисом. И тогда же (синхронично) родился крупнейший исследователь этого эпоса в XX веке – писатель, поэт и оксфордский ученый Дж. Р. Р. Толкин (1892-1973) (III,2,0).

В наши дни, в 2007 г. «Беовульф» обрел новую жизнь, перевоплотившись в одну из первых трехмерных кинокартин, созданных знаменитым режиссером Робертом Земекисом (р. 1952) (III,2,1) (PL-NE 60°), с применением новейшей технологии «захвата движения» (компьютерного метода анимации персонажей и объектов). Полторы тысячи лет – три года Феникса прошло со дня рождения легендарного Беовульфа, но миф о нем, подобно поэмам Гомера, продолжает жить, пе-

[289] Е. М. Мелетинский. «История всемирной литературы», «Англосаксонская эпическая поэзия», с. 478.

риодически напоминая о тех архетипах, которые требуют осознания и переосмысливания.

Завершая краткий обзор года Феникса (II,4), хочется хотя бы вскользь упомянуть и поэзию Восточной Азии. В последнее время историки все чаще находят необъяснимые параллели, в одновременном развитии Запада и Востока. Оказывается, что такие же параллели характерны и для литературы. Например, Л. Эйдлин отмечал, что в этот период:

«В жизни Кореи, Японии, Вьетнама древняя китайская культура сыграла ту же роль, какую греческая и римская культура – в истории стран Запада. Древность Китая, в особенности его мифы и поэзия, стали общим достоянием народов этих стран Востока»[290].

Но об этом продолжим подробнее в дальнейшем.

7. 905 - 1398 гг. Пятый год Феникса (II,5) в Тельце

Чтоб тьмы не знать ночной,
светильники зажжем.
Дунаш бен Лабрат (920-990)

В пифагорейской эре (905-1153) года Феникса (II,5) произошел важнейший скачок в древнееврейской поэзии – это период ее так называемого «Золотого века» в средневековой Испании и Португалии.

Для того, чтобы яснее осознать особенности и историческую роль этого явления, сделаем краткое отступление и познакомимся с предыдущей «эпохой нового рождения еврейской поэзии». Как уже указывалось, в начале года Феникса (II,4), на фоне закрытия Синедриона и растущих преследований со стороны христианских правителей евреи

[290] Л.Эйдлин\\ «История всемирной литературы: в 8 томах» . М.: Наука, 1983-1994.Т. 2. с. 90.

диаспоры (стран рассеяния) лишались поддержки объединяющего их центра. Несмотря на возраставшую угрозу существованию еврейского народа не только в Иудее, но и за ее пределами, именно в этот период зазвучали иные ноты в поэзии древнего языка. Наряду с древними молитвами, в пифагорейской эре (411-658) появился новый тип поэзии, называемой «пиют», т. е. «религиозная песнь, во многом близкая к молитве, но превосходящая ее образностью и поэтическим чувством»[291].

Пиюты приобрели большую популярность и вошли в сокровищницу мировой поэзии. Тем не менее, я решила не включить их авторов в обзор прошлого года Феникса, потому что биографические и хронологические сведения о них настолько расплывчаты, что не позволяют охарактеризовать соответствующие времена. К примеру, вот что пишет исследователь древней литургической поэзии, профессор Аарон Мирский о первом и самом выдающемся авторе этого жанра, поэте Иосе Бен Иосе:

«Неведомо в каком году, ни даже в каком десятилетии, хотя полагают, что это было то ли в шестом, то ли в пятом веке, неведомо где, хотя сегодня доказано, что на Земле Израиля, родился поэт Иосе Бен Иосе, прозванный ‘сиротой’, поскольку был он сыном неизвестных родителей. … Это все, что нам известно о первом представителе пиюта на Земле Израиля. Но чем он занимался в жизни? Каково было его положение в обществе? Был ли он счастлив в жизни или нет – нет смысла задавать эти и тому подобные вопросы, потому что нам об этом неизвестно ничего»[292].

Не многим полнее информация и о двух других знаменитых поэтах этого жанра, о рабби Яннае и об Элеазаре Бен Калире. О них Мирский писал так:

[291] «Тридцать три века еврейской поэзии», краткая антология в переводах с иврита. Составитель Я. Л Либерман, 1997, с. 109.

[292] А. Мирский. История пиюта (иврит).

«Яннай родился то ли седьмом, то ли в шестом веке, хотя некоторые полагают, что даже в начале пятого века. Так или иначе, он был одним из первых поэтов-пайтаним[293]. Неведомо и где он жил, хотя есть все основания полагать, что было это в Земле Израиля».

«Мнения о годах жизни Бен Калира расходились, и эта разница между самой ранней датировкой и самой поздней насчитывала ни много ни мало 1000 лет! … Сегодня исследователи полагают, что Бен Калир жил не позднее шестого или начала седьмого века, и уж во всяком случае, не позднее захвата Земли Израиля арабами в 635 году».

Учитывая, что даты смерти всех трех великих поэтов, слагавших первые пиюты, относятся к периоду, предшествующему арабскому владычеству, получаем, что этот период возрождения древнееврейской поэзии целиком и полностью укладывается в пифагорейскую эру года Феникса (II,4). После начала эпикурейской эры, совпавшей с захватом Иерусалима арабами, последовал очередной продолжительный застой в развитии поэтической мысли.

В эпикурейской эре года Феникса (II,4) в эпоху Арабского халифата центр культурной деятельности иудаизма вновь сместился на периферию. Пришло время возрождения былой славы вавилонских академий, во главе которых тогда стояли так называемые «гаоны» – духовные лидеры народа и наиболее признанные толкователи Талмуда. Как и в предшествующих эпикурейских эрах, наступили времена систематизации знания и его распространения в странах рассеяния:

«Гаоны привлекали в академии учеников со всех стран христианского и магометанского мира. Слушатели из Испании, Прованса, Италии и Византии стекались в Суру и Пумбедиту и увозили с собой, возвращаясь на родину,

[293] Т. е. слагавшим «пиюты».

Вавилонский Талмуд, знание которого они, в свою очередь, передавали другим»[294].

Новые Академии по примеру Суры и Пумбедиты возникали по всей территории Европы. Эти академии стали частью общей волны Каролингского возрождения:

«Существует предание, что император Карл Великий, желая привлечь в свою империю ученых евреев, в 787 году убедил нескольких членов семьи знаменитого своей ученостью Калонимуса переселиться из Италии в Германию, где они основали академию в Майнце. Через 10 лет, согласно другому преданию, Карл Великий направил посольство в Багдад к калифу Гарун ал-Рашиду (786-809) с просьбой прислать ему еврейского ученого из Вавилонии для просвещения его еврейских подданных. Калиф послал ему ученого по имени рабби Махир, который открыл на юге Франции, в городе Нарбон, академию, привлекавшую учеников из многих областей»[295].

Культурная гегемония Вавилонских Академий стала сходить на нет после смерти Саадии Гаона, стоявшего во главе Сурской Академии. Трудно установить точные даты рождения этого крупнейшего мыслителя, философа и поэта эпохи гаонов. По одним источникам, он родился в 892 г. (II,5,0) а по другим – в 882 г. (II,4,7). Трудно однозначно судить, служил ли он венцом достижений уходящего цикла или предвестником нового года Феникса. Ясно лишь, что его жизнь отличалась расколом времен, характерных для переходного периода. С одной стороны, в духе эпикурейской эры, Саадия Гаон выполнил первый перевод Библии на арабский язык. С другой стороны, он стал отцом новых философских подходов в изучении Торы, занимавших умы иудейских мудрецов на протя-

[294] Др. Исидор Эпштейн «Иудаизм», «Геулим», Иерусалим, 1979, с. 183.

[295] Ibid.

жении всего последующего года Феникса в Тельце (II,5). Согласно Эпштейну, начавшись с Саадии Гаона, период «средневековой еврейской философии» продлился один год Феникса, а его последним представителем стал Йосеф Альбо (1380-1440)[296], родившийся через 500 лет после Саади Гаона.

Упоминание Саадии Гаона подводит вплотную к периоду «Золотого века», связанного с именем его последователя Дунаша бен Лабрата (920-990) (II,5,0) – основателя светского жанра в ивритской поэзии, впервые введшего в нее размер. Считается, что реформа Бен Лабрата повлекла не только всплеск еврейской поэзии Средневековья, но и привела к появлению таких прославленных поэтов как Шмуэль Ганагид (993-1056) (II,5,1), Шломо ибн Гвироль (1021-1058) (II,5,1), Моше ибн Эзра (1055-1139) (II,5,1) и Иегуда Галеви (1075-1141) (II,5,2). Более того, поэзия Бен Лабрата привела к тому, что все последующие поэты Испании, Прованса и Италии пользовались его системой. Как указывает в «Истории всемирной литературы» профессор Е. Мелетинский, это влияние сводилось не только к форме, но и к содержанию, так как тематика Бен Лабрата и его последователей «гораздо ранее проникалась гуманистическими идеалами» и подошла к «разработке той проблематики, которая стала доступной Западу уже в эпоху Возрождения»[297].

Как и в прошлые годы Феникса, этому поэтическому скачку предшествовали времена больших перемен, последовавших после завоевания Иберийского полуострова мусульманами в VIII веке. В начале X века еврейские общины в Андалусии страдали от смут и междоусобиц, в которых увязли мусульманские правители Испании. Перемены при-

[296] Др. Исидор Эпштейн «Иудаизм», «Геулим», Иерусалим, 1979, с.217.

[297] Мелетинский Е.// «История всемирной литературы: в 8 томах» М.: Наука, 1983-1994, т. 2, с. 210.

шли с приходом к власти эмира Абдаррахмана III, прозванного «Победоносным», (891-961) (II,5,0), в годы правления которого (с 912 по 961 г.) в Андалусии процветал независимый Кордовский халифат.

Подобно тому, как при Августе и его советнике Меценате (II,3,0) начался «золотой век» римской поэзии, так через два года Феникса при правлении Абдаррахмана III начался расцвет кордовских Омейядов. Как халиф, так и его советник, еврейский ученый и врач Хасдай ибн Шапрут (915-970/990) (II,5,0) покровительствовали развитию сельского хозяйства, ремесел, торговли и литературы. Во дворце эмира в Кордове была собрана богатейшая рукописная библиотека, а при его дворе жили и творили лучшие поэты, философы и ученые того времени. В доме Хасдая ибн Шапрута регулярно собирался кружок талантливых литераторов и проводились состязания в поэтическом искусстве. Среди этой группы особенно выделялись два поэта – Дунаш Бен Лабрат (920-990) (II,5,0) и Менахем ибн Сарук (920-970) (II,5,0), полемика между которыми оказала огромное влияние на дальнейшее развития грамматики иврита.

Как это бывало со многими уроженцами часа Феникса, слава Дунаша Бен Лабрата постепенно затмевалась последующими продолжателями его дела. Только оглядываясь назад, мы видим, что не зря позднейшие комментаторы, включая РаШИ, приводили многочисленные фрагменты из исследований Бен Лабрата по грамматике языка Торы, а Саадия Гаон говорил, что «не видел подобного ему среди мудрецов Израиля»[298]. Тысячелетие прошло со дня смерти Дунаша Бен Лабрата, но его песни все еще живут. Например, «Свободу провозгласят…»[299] поют во время утренней субботней трапезы.

[298] http://judaism.net.ua

[299] «Дрор йикра».

Так же, как и в прошлых годах Феникса, вслед за расцветом пифагорейской эры наступил период упадка. Со смертью Иегуды Галеви, трагически погибшего во время путешествия в Иерусалим, завершился очередной период обновления иврitской поэзии. В эпикурейской эре этого года заслуживает внимания творчество Иммануила Гароми (1265-1330) (II,5,5), проживавшего в Италии. Как и подобает эпикурейской эре, Гароми был очень широко образованным человеком, который «создал множество произведений, посвященных земной любви во всех ее проявлениях»[300]. Зачастую Гароми обвиняли в «безбожии» и в «безнравственность», и характерная тематика эпикурейской эры проявилась, например, в его поэме «Ад и рай»:

Раю ад я предпочел бы.
Скучно до смерти в раю,
Где безгрешные старухи
Сохраняют честь свою.[301]

Возвращаясь к значению реформ в иврите, проведенных в пифагорейской эре года Феникса (II,5), следует упомянуть и реформу письма того времени. Потребность в этой реформе назревала давно, так как во времена создания Танаха и Талмуда тексты записывались с использованием одних лишь согласных букв. До тех пор, пока древнееврейский язык был жив, достоверность передачи письменной информации обеспечивалась чтецами, обучавшими подрастающие поколения правильному произношению слов. С годами древнееврейский язык стал постепенно выходить из употребления, и возникало все больше разногласий в вопросах, связанных с

[300] «Тридцать три века еврейской поэзии», краткая антология в переводах с иврита. Составитель Я. Либерман, 1997, с. 180.

[301] Ibid. Перевод Я. Либермана.

чтением и пониманием священных текстов. Начиная с V века, появилась потребность добавить в них удобную систему гласных букв и знаков препинания. Поиск решения этой задачи велся на протяжении всего года Феникса (II,4), как в Палестине, так и в Вавилоне. Потребность в новой системе огласовок особенно возросла после завоевания Иерусалима в 637 г. (II,4,4) исламом. В последующей эпикурейской эре сложилось несколько систем письма, но в начале очередного года Феникса все они были вытеснены системой огласовок, разработанной Аароном Бен Ашером (900-940) (II,5,0) из Тверии. Созданные им рукописи стали основой сегодняшней печатной еврейской Библии, а созданная им 1000 лет тому система записи легла в основу современного иврита.

Забегая вперед, обратим внимание на синхроничность, сопутствовавшую возрождению иврита в его современном виде в качестве государственного языка государства Израиль. В 1886 г., за 52 года до провозглашения независимости Израиля, произошло, казалось бы, малозначительное событие, когда в иерусалимском поэтическом сборнике «Утренняя звезда» было опубликовано стихотворение «Наша надежда» Нафтали Герц Имбера. Кто мог тогда предполагать, что в том же году родился Давид Бен Гурион (1886-1973) (III,2,0) – создатель и первый премьер-министр государства Израиль, и что эти стихи впоследствии станут государственным гимном Израиля? Но как мы видим, судьба публикации этих стихов напоминала судьбу манифестов российских поэтов на заре Серебряного века. К тому же, как было показано в первой части книги, в тот же час Феникса (III,2,0) родилась целая плеяда поэтов, пишущих на иврите, продолживших традиции Дунаша Бен Лабрата и пишущих с огласовкой Аарона Бен Ашера. Эти поэты вдохнули новую жизнь в древний язык и обогатили его новыми стихами. На этом примере, подобно примеру флорентийского возрождения неоплатонической академии, мы видим, что идеи не пропадают бесследно. Они

терпеливо дожидаются своего звездного часа и возрождаются в душах тех, кто пришел воплотить их в жизнь.

Расстанемся с ивритом и с Европой и рассмотрим еще один всплеск поэтической мысли в пифагорейской эре года Феникса (II,5), на сей раз в Японии. Начало последнего года Феникса в Тельце ознаменовалось выходом в свет первой императорской поэтической антологии «Кокинсю» («Собрание старых и новых песен»; 905 г.). «Кокинсю» была первой в серии антологий, составленных по указу императора Дайго в эпоху Хэйана (называемой так по названию столицы тех лет, ныне Киото). Обзор японской поэзии представляет особый интерес, так как с одной стороны, на ее примере можно проверить параллелизм в развитии Западной и Восточной поэтической мысли, а с другой стороны, в ней привлекает осознание преемственности поколений и непрерывности традиции. По словам одного из ведущих поэтов нашего времени, Окай Такаси:

«каждый японский поэт осознает себя новым, очередным звеном одной длинной цепи. Каждое поколение поэтов, начиная с IX века, имело за собой опыт предшественников. Каждое новое поколение словно продолжало (и продолжает) ткать одну и ту же ткань, расцвечивая ее новыми оттенками и добавляя новые узоры»[302].

В свете этого, рассмотрим, как чередование пифагорейских и эпикурейских эр ритмично вплеталось в историю японской классической поэзии «вака», в которой принято выделять три основных периода, связанных с появлением трех крупнейших антологий:

* «Манъесю» («Собрание мириад листьев») – точное время ее завершения неизвестно; включает в себя антологию лучших стихов анонимных поэтов V-VIII веков. Со-

[302] М. Н. Бычков «От сердца к сердцу сквозь столетия», в сборнике «Японская поэзия» Северо-Запад, СПб, 2000.

ставлена Отомо-но Якамоти, стихи которого датируются концом 759 г.

* «Кокинсю» («Собрание старых и новых японских песен») – 905г.

* «Синкокинсю» («Новое собрание старых и новых японских песен») – 1205 г.

Первый сборник стихов в японском стиле «Манъесю» появился в эпикурейской эре цикла (II,4). История появления этой старейшей антологии японской поэзии напоминает историю зарождения поэзии Древнего Рима в недрах эллинистической культуры в эпикурейской эре цикла (II,2). В те времена в Японии было принято изучать произведения великих китайских поэтов и конфуцианских мыслителей, и по этим законам слагать стихи на китайском же языке. На протяжении столетий, вплоть до начала нового цикла (II,5), национальный японский жанр поэзии вака оставался в тени основного поэтического жанра «китайских стихов» – канси.

Тем не менее, постепенно назревал перелом, и хотя стихи «Манъесю» мало чем отличались от китайских аналогов, они были записаны уже не на классическом китайском языке, а на ранней японской письменности, в которой японские слова записывались китайскими иероглифами. В будущем «Манъесю» повлияла не только на развитие стиля японской поэзии, но и на формирование современных упрощенных систем записи.

Со времен составления «Манъесю» и до конца года Феникса (II,4) поэзия вака относилась не к сфере высокого искусства, а к сфере просвещения. В силу того, что в те времена даже состоящие в браке мужчины и женщины, как правило, жили порознь, вака была для них необходимым атрибутом быта, одним из способов общения друг с другом. Вплоть до X в. практическая роль ваки была подобна латинской риторической поэзии периода заката Римской империи. Но времена менялись, и к часу Феникса (II,5,0) в поэзии це-

нилось уже не столько искусство красноречия, сколько ее литературные качества.

Последний час Феникса в Тельце (II,5,0) совпал с концом могущественной китайской династии Тан, наступившим в 907 году. Последним танским императором был Ли Чжу (892-908) (II,5,0). С уходом китайской династии Тан Япония вступила на путь самостоятельного развития, и в ее искусстве на первое место вышла национальная поэзия. Как ранее при дворе императора Августа (II,3,0), и как в те же года при дворе Абдаррахмана III (II,5,0), при дворе императора Дайго (885-930) (II,5,0) стали собираться кружки поэтов и проводиться поэтические турниры. Подобно тому, как российские поэты XIX века проложили дорогу поэзии Серебряного века, так японские поэты IX века подготовили новый период расцвета национальной поэзии, начало которого ознаменовала антология «Кокинсю».

Символично, что родившись в час Феникса, эта антология уже первым своим программным стихом провозглашала тему разрыва времен:

На исходе года
Весна настала внезапно.
И не знаю ныне,
Сказать ли о годе: прошлый,
Сказать ли о годе: этот?[303]

Действительно, начались новые времена, и пифагорейская эра X-XII веков принесла всплеск оригинальной японской поэзии. В эти годы один за другим вышли шесть дополнительных сборников японской поэзии. Заключительной (восьмой) антологией, составленной по импера-

[303] Аривара-но Мотоката.

торскому указу, стал последний из трех великих японских сборников, «Синкокинсю». Хотя часть авторов этой антологии родились еще в пифагорейской эре, но составлена она была уже в эпикурейской эре, после жестокого периода борьбы за власть между родами Тайра и Минамото в кризисной фазе (II,5,4).

Мы уже видели, как период оппозиции (NE-PL 180°) соответствовал кризису власти в Древней Греции после смерти Александра Македонского (II,2,4) и «кризису третьего века» в Древнем Риме после убийства Коммода (II,3,4). В параллельной фазе (II,5,4), в Японии произошла серия восстаний, в результате которых самураи Тайра истребили большую часть рода Минамото и на короткий период установили в Киото свою диктатуру. Чтобы понять глубину этого кризиса власти, заметим, что именно в результате этих войн в Японии родилась идея ритуальных самоубийств самураев. Первое харакири было совершено в 1156 г. одним из членов рода Минамото, проигравшим сражение и решившим разрезать себе живот, чтобы избежать позорного плена.

Можно прочувствовать разницу в настроении между пассионарностью начала пифагорейской эры года Феникса (II,5) и отчаянием начала его эпикурейской эры, сравнивая начальные строки «Кокинсю» со стихами императора и поэта Готоба-ин (1180-1239), по приказу которого была составлена «Синкокинсю»:

Я жалею людей.
Я презираю людей.
Я отчаялся думать
О печалях этого мира
И в свою печаль погрузился.[304]

[304] Перевод В. С. Сановича.

Впоследствии жизненная сила и очарование новизны поэзии вака стали иссякать, и на смену ей пришла традиция Кокин-дэндзю, которая представляла систему толкования «Кокинсю» и включала пояснения скрытого или утерянного смысла ее слов.

Дата рождения японского поэта и филолога Ки-но Цураюки, стоявшего во главе комитета по составлению «Кокинсю», неизвестна, но по оценкам он родился около 872 г. Через 500 лет после него родился последний значительный японский поэт средневековья, творивший в рыцарских традициях вака. Это был Шотетсу [Shōtetsu] (1381-1459 гг.), живший уже на границе с новым годом Феникса и сыгравший важную роль в развитии нового стиля, приведшего к зарождению поэзии хайку.

8. 1398-1891гг.
Первый год Феникса (III,1) в Близнецах

Я сам слепой, но в путь других веду.
Карл Орлеанский (1394 - 1465)[305]

Обзор Древней Греции позволил выделить понятие «осевого времени», об особой значимости которого Ясперс писал:

«Тем, что совершилось тогда, что было создано и продумано в то время, человечество живет вплоть до сего дня. В каждом своем порыве люди, вспоминая, обращаются к осевому времени, воспламеняются идеями той эпохи. С тех пор принято считать, что воспоминание и возрождение возможностей осевого времени – Ренессанс – ведет к духовному подъему. Возврат к этому началу – постоянно повторяющееся явление в Китае, Индии и на Западе»[306].

[305] Поэтический турнир в Блуа (перевод А. Парина).

[306] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с. 38.

Прослеживая развитие мировой истории, Ясперс считал периодом следующего «великого прорыва» период Эпохи Возрождения. При этом он отмечал, что эта «вторая ось обладает такими возможностями, которых не знала первая»[307].

Напомним, что история Древней Греции, в которой зародились «зачатки современного человека», ведет свое начало со времен перехода часа Феникса из Овна в Телец. Аналогично следовало бы ожидать, что Эпоха Возрождения должна была стать качественно новым периодом с новыми возможностями, так как она началась одновременно с переходом часа Феникса в следующее созвездие – в Близнецы. Более того, этот переход сопровождался редким астрономическим явлением – противостоянием Урана с точкой соединения Нептуна-Плутона (UR 180°NE-PL). Как мы уже видели, рождение философии в первом осевом времени совпало с точкой тройного соединения Урана-Нептуна-Плутона в 578 г. до н. э. Получается, что второе осевое время настало через четыре года Феникса, когда Уран вновь присоединялся к звездному аккорду, на сей раз одновременно с началом нового Зодиакального цикла в Близнецах. Именно тогда произошел, по Ясперсу, тот великий прорыв второго осевого времени, который породил новую формацию нынешнего человека, а вместе с ней и новое восприятие времени. Раньше, в первом осевом времени, доминирующая концепция времени у греков была статической. В результате:

«В своем исследовании греки действовали как бы в рамках чего-то завершенного. Такого рода завершенность не знает ни стремления к универсальному знанию, ни взрывной силы, присущей воле и истине»[308].

[307] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994 с. 97.

[308] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с. 101

Во втором осевом времени на смену ей пришла динамическая западная концепция «стрелы времени». Начиная с этого часа Феникса, история Европы, а вместе с ней и всего мира, стала резко меняться. Возрождение античности, новые планы и их реализация в мореплавании, технике, искусстве, науке привели к тому, что на протяжении всей пифагорейской эры этого цикла (1398-1645), по словам Ясперса:

«В течение веков открытия сменяли друг друга: открытия морей и неизведанных стран Земли, открытия в астрономии, в естествознании, в технике, в области рационализации государственного управления. Это сопровождалось сознанием общего прогресса, которое достигло своей вершины в XVIII веке»[309].

Как и в прошлых годах Феникса, перелом в этой тенденции наметился в конце пифагорейской эры, в период оппозиции Нептуна-Плутона (1640-1658) (III,1,4). Это были годы кризиса, сопровождавшиеся кризисом духовности и власти по всему Земному шару. Католики боролись с протестантами, православные воевали против католиков, бедные против богатых и крестьяне против горожан. В Европе велась тридцатилетняя война, начавшаяся как религиозное столкновение между протестантами и католиками Германии, но затем переросшая в борьбу против гегемонии Габсбургов. Эта война затронула практически все европейские страны и превратилась в один из первых общеевропейских военных конфликтов. В Англии шла гражданская война, приведшая в 1649г. к казни короля Карла I. Во Франции началась Фронда – гражданская война 1648-1652 гг. В Речи Посполитой вспыхнуло в 1648 г. восстание украинского казачества под предводительством Богдана Хмельницкого, приведшее к созданию нового государственного формирования – Войска Запорожского, которое к концу этого периода перешло в состав России. В Мо-

[309] Ibid.

скве в 1648 г. вспыхнул «Соляной бунт» – одно из наиболее крупных городских восстаний в России. Прага была разрушена шведскими войсками. Эти волнения не ограничились Западом – в Китае в эти годы шла крестьянская война, приведшая к падению династии Мин.

Но и у кризисов есть своя логика, и на смену Эпохе Великих Открытий пришла новая эпикурейская эра, которая, начиная с 1694 года, протекала в пятой фазе года Феникса на фоне активизации столетнего периода трина Нептуна - Плутона (NE-PL 240°). Это время основания Академий в Европе и создания первых энциклопедий, получившее название Эпохи Просвещения, стало одним из ключевых периодов в истории мировой культуры. В этот период властителями умов были просветители, в основе интеллектуального движения которых лежали рационализм, свободомыслие и гуманизм. Начавшись в Англии, это движение распространилось по всей Европе, включая Россию. Особенно влиятельными были такие французские просветители и энциклопедисты как Вольтер (1694-1778) (III,1,5), Монтескье (1689-1755) (III,1,5), Жан-Жак Руссо (1712-1778) (III,1,5), Дидро (1713-1784) (III,1,5). В России в это время родились первые известные поэты, писавшие на русском языке, Василий Тредиаковский (1703-1769) (III,1,5) и Михаил Ломоносов (1711-1765) (III,1,5). Принципы Просвещения были положены в основу американской Декларации независимости и французской Декларации прав человека и гражданина.

Начавшись в конце XVII в, Эпоха Просвещения продлилась по одним оценкам до смерти Вольтера, а по другим – до Наполеоновских войн 1800-1815 гг. Некоторые специалисты проводят границы Эпохи Просвещения между двумя революциями: «Славной революцией» в Англии (1688 г.) и Великой французской революцией (1789 г.). Все эти оценки без исключения укладываются в столетний период активности трина Нептуна-Плутона (NE-PL 240°) (1694-1794). В этот же

период укладываются даты рождения и правления таких легендарных покровителей искусств и наук как королевы Австрии Марии-Терезии (1717-1780) и императрицы Екатерины II Великой (1729-1796). Казалось, что человечество вышло на столбовую дорогу прогресса. Но, как и в прошлых периодах, время максимального расцвета эпикурейской эры уже было окрашено багряными тонами грядущего заката. По словам Ясперса, в эти дни:

«Против этой удовлетворенности выступил Руссо. С того момента, когда он в 1749 г. в сочинении на вопрос объявленного конкурса, способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов, ответил, что они их испортили, началась критика культуры, которая с тех пор сопровождает веру и прогресс»[310].

Вслед за Руссо ужаснулись происходящему Кьеркегор (1813-1855) (III,1,6) и Ницше (1844-1900) (III,1,7), предвидевший появление европейского нигилизма. А время шло, и вот уже:

«Через XIX в. проходило, по сравнению с Кьеркегором и Ницше, более мрачное осознание времени. В то время как публика была удовлетворена образованием и прогрессом, ряд самостоятельно мыслящих людей были полны мрачных предчувствий. Гете мог сказать: "Человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее. Я предвижу время, когда человечество не будет больше радовать Бога, и он будет вынужден вновь все разрушить для обновленного творения"»[311].

В конечном итоге, многие поэты, философы и мыслители XIX века дошли до того, что стали сравнивать современность

[310] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с. 291.

[311] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с. 293.

со временем упадка эллинистических государств, когда исчезал греческий мир, или с третьим веком, когда погибала античная культура Рима. На смену пассионарности поэтов-гуманистов периода Ренессанса пифагорейской эры этого года Феникса пришло отчаяние так называемых проклятых поэтов – Эдгара По (1809-1849) (III,1,6), Шарля Бодлера (1821-1867) (III,1,6) и Поля Верлена (1844-1896) (III,1,7). На смену вере в божественное начало, вдохновлявшую творцов Раннего Ренессанса в час Феникса, пришли такие взгляды как материализм Карла Маркса (1818-1883) (III,1,6) или нигилизм Ивана Тургенева (1818-1883) (III,1,6).

В этот период конца года Феникса печально звучало признание первого поэта-лауреата Нобелевской премии, Сюлли-Прюдома (1839-1907) (III,1,7), что он (в отличие от Бродского, видевшего себя «эхом» или откликом рожденных в час Феникса) видит себя лишь тенью от тени:

Я тень от ангела, который сам едва
Один из отблесков последних божества.
Бог повторен во мне, как в дереве кумира.
А может быть, теперь, среди иного мира,
К жерлу небытия дальнейшая ступень,
От этой тени тень живет, бросая тень.[312]

Эпикурейская эра этого цикла подходила к концу, сопровождаемая такой глубиной ощущения пустоты бытия, что кризис был уже неизбежен. Как показала история, поколение, родившееся во время следующего часа Феникса, жило в период таких двух страшных мировых войн, что для них слова «конец света» не выглядели преувеличением.

[312] Перевод И. Аннеского.

9. 1891- 2388 гг. Второй год Феникса (III,2) в Близнецах и характерные черты рожденных в час Феникса

Ибо я — это час и чудес, и беды.[313]
Фернандо Пессоа (1888 - 1935)

Исторический обзор восьми последовательных годов Феникса с их ритмичным чередованием пифагорейских и эпикурейских эр кончается тем, что мы вновь вернулись к поэтам Серебряного века.

Мы живем в первой «фазе свершений», когда еще даже не родились все те, кому предназначено судьбой начать проекты, задуманные в час Феникса. Аберрация близости времени столь значительна, что рано еще оценивать в полном объеме основные идеи этого цикла. Но, оглядываясь назад, мы уже можем выделить основные черты ушедшего поколения, родившегося в час Феникса (III,2,0), и осознать, что они были не случайным капризом Природы, а циклически повторяющейся закономерностью. Рассматривая вновь черты поэтов Серебряного века, сейчас мы замечаем, что они в той или иной мере присущи не только великим «четверкам» Серебряного века России или Золотого века Рима, и не только даже всему их поколению, но и всем предыдущим поколениям, родившихся в часы Феникса. Будь-то в Иерусалиме или в Афинах, в Анадалусии или в Японии, в Англии или во Флоренции, все родившиеся в часы визитов Феникса несли в себе элементы этого уникального времени, но при этом поэты острее других ощущали особую окраску времен и ярче отражали ее в своих стихах. Великие поэты таких периодов отличались еще и тем, что их поэзия наиболее полно отражала все возможности, заложенные в гря-

[313] Перевод Е. Витковского.

дущем году Феникса. Ниже приводится краткий список основных черт, присущих таким большим поэтическим душам и творцам своего времени.

* Поэтов часа Феникса роднило ощущение раскола времен.

* Многим из них сопутствовали элементы тайны или пророчества, предшествовавших рождению будущего поэта и диктовавших особенность его миссии. Например, пророчество, данное Пифией родителям Пифагора, вещий сон матери Вергилия, явление богини Афины матери Прокла Диадоха или экстатическое состояние, в котором рождались стихи у Мандельштама.

* Поэты часа Феникса способствуют зарождению новых парадигм. Их поэзия поднимается на новый уровень развития и устанавливает стандарты, несовместимые с ранее принятыми нормами. Несмотря на то, что поэты, родившиеся в час Феникса, остро ощущают связь времен и зачастую ощущают свою близость к источникам древней мудрости, их творчество приводит к «новой точке отсчета» и способствуют превращению предшественников в «анахронизм». Например, после Вергилия уже не было места Эннию.

* Новые парадигмы требуют создание «школы» новаторского типа. Как правило, такая школа начинается с формирования небольших кружков друзей-единомышленников. Например, школа Пифагора в Кротоне, кружок Мецената в Риме, салон ибн Шапрута в Кордове, «Цех» Гумилева в России.

* Видных поэтов часа Феникса отличали высокие нравственные качества, аскетизм и необычайная «душевная зрелость». Например, Пифагор, Вергилий, Сидоний, Прокл и Поль Элюар не только славились своими учениями и стихами, но и считались «просто хорошими людьми».

* Поэтов часа Феникса волновала тема взаимоотношений Поэта и Власти. Слова, ритмы и рифмы не были для них

лишь абстрактным воплощением красоты, а служили также организующим началом жизни и проявлением законов Природы. Власть над словом означала для них и власть над умами. Например, пророк Моисей и царь Давид гармонично сочетали умение пользоваться как красотой, так и властью слова. Таким же умением отличался, согласно Вергилию, римский консул, поэт и покровитель искусств Поллион.

* Для поэтов часа Феникса высшей ценностью была не сама по себе поэзия, а стремление к проявлению философии и мудрости в ней. Например: желание Вергилия сжечь поэмы и посвятить себя философии, уход в монастырь Сидония, философская школа Прокла, слова Пастернака об «укрощенном Савонароле» в основании любого подлинного творчества.

* Для поэтов часа Феникса характерен взгляд, обращенный в будущее. Несмотря на то, что их жизнь протекает в условиях тяжелых катаклизмов, их не покидает вера в обновление времен, в то, что посеянные ими зерна взойдут и на себе испытают циклический порядок смены эпох.

* Поэты часа Феникса характеризуются образом томящегося в земле зерна – им никогда не дано увидеть при жизни свершение своих мечтаний и проектов. Или словами Пастернака:

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

Может быть именно поэтому, чтобы укрепить их веру и придать им силы инициировать перелом в жизни всего человечества, Небеса и посылают им духовную поддержку в форме вдохновения.

Всмотримся еще раз внимательно в список этих черт. Есть ли тут чему позавидовать? Готово ли было бы наше поколе-

ние жить в таких условиях? По всей видимости, эти вопросы неправомерны, так как де-факто мы живем в другие времена. В наши дни мы еще не прошли и половины пифагорейской эры, и современные поэты продолжают искать ключ к разгадке цели и направления нынешнего века в работах поэтов прошлого часа Феникса. Так, например, поэт и геофизик А.М. Городницкий (р. 1933) (III,2,1) задается вопросом, в чем причина того, что «Минувший век притягивает нас»:

А между тем то был жестокий век,
Кровавых войн и сумрачных метелей.
Мы вряд ли бы вернуться захотели
К лучине и скрипению телег.

Минувшее. Не так ли древний грек,
О прошлом сожалея бесполезно,
Бранил с тоскою бронзовый свой век,
Еще не помышляя о железном.

В первой части книги основное внимание было уделено поэтам, родившимся в «жестокий век» часа Феникса (III,2,0). Это рассмотрение привело к ряду гипотез о природе часа Феникса. В следующей части будет рассмотрен вопрос, выдерживают ли эти гипотезы проверку, если их применить по отношению к предыдущему часу Феникса (III,1,0).

Часть шестая

КАЛЕЙДОСКОП ЛИЦ И ИДЕЙ РАННЕГО РЕНЕССАНСА В ЧАС ФЕНИКСА (III,1,0)

Дана лишь минута любому из нас,
Но если минутой кончается час,
Двенадцатый час, открывающий год,
Который в другое столетье ведет, –
Пусть эта минута, как все, коротка,
Она, пробегая, смыкает века.
С. Я. Маршак (1887-1964)

Далеко не всегда замечают, что так называемый
Ренессанс представляет собой проявление
величайшего исторического надлома.
К. А. Сергеев

1. Историческая роль предтеч

Рассеянно я слушаю порой
Поэтов праздные бряцанья,
Но душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое прорастанье.
В. Ходасевич (1886-1939)

Как и во всех предыдущих циклах, трудно распознать ту таинственную «минуту свиданья ночи и дня», в которой грядущие поколения признают впоследствии точку отсчета кардинальных перемен. Может быть именно поэтому поэты, рожденные в час Феникса, сочетали в своих стихах символ

Феникса с символикой произрастающего в земле зерна. Сравнение великих стихов с «немым прорастаньем» ярко характеризует драматизм ситуации тех душ, которые пришли на Землю в час Феникса. Ведь уходящим поколениям не дано увидеть зарождающийся в них новый рассвет, а новорожденным пророкам нелегко передать новые знания современникам, и их работы будут оценены только будущими поколениями. Да и для будущих поколений легче обратить внимание на имена титанов времен первой «фазы свершений» (например, Перикла, Колумба или Леонардо да Винчи), чем рассмотреть те первые ростки немого еще зерна, которые со временем зазеленеют новыми, невиданными дотоле всходами.

Как писал Максимилиан Волошин: для того, чтобы понять пророчества, нужно самому хотя бы в малой степени, да быть пророком. К тому же на долю рожденных в час Феникса выпадает на редкость неблагодарная судьба предтеч – этим немым зернам, как правило, не удается дожить до того момента, когда их видения начнут реализоваться в жизни. В своем «Энрике Мореплавателе» Стефан Цвейг (1881-1942) писал:

«Но трагедия предтеч в том, что они умирают у порога обетованной земли, не узрев ее собственными глазами. Энрике не дожил до великих открытий, обессмертивших его отечество в истории познания Вселенной. Ко времени его кончины (1460) вовне, в географическом пространстве, еще не достигнуты хоть сколько-нибудь ощутимые успехи».

В свете этого, кто из современников был способен рассмотреть зерна великих перемен в поколении младенцев, родившихся в период 1398-1399 годов? Но именно в этот период происходил резкий разрыв между темным периодом Средневековья и эпохой раннего Ренессанса. Понадобилось 500 лет, для того чтобы британский историк, профессор Ч. Р. Бизли в своей знаменитой монографии «Генрих Мореплаватель»,

опубликованной в 1894 г., четко провел линию водораздела между Средневековьем и «современным» миром, датируя ее годом рождения Энрике Мореплавателя. Отметив его «центральную и сплачивающую» роль в истории Португалии и всего человечества, Бизли пришел к выводу, что этот принц послужил проводником «для Европы и для всего христианского мира» в ту новую эпоху Великих Открытий, «которая отличает Средние Века от нашего времени».

С этими выводами соглашался и Ясперс, и его меткие наблюдения о периоде часа Феникса (III,1,0) подтверждают, что с началом нового Зодиакального цикла в Близнецах завершилась миссия прошлого Зодиакального цикла в земном знаке Тельца:

«Никогда еще человек не обладал таким реальным (а не только предположительным) знанием о земном шаре. Появился первый глобус»[314].

С наступлением нового времени изменились и задачи, поставленные перед людьми. В новом времени не столько были важны территории, сколько, как сказал Фрэнсис Бэкон, знания.

Многие поколения историков видели в Энрике Мореплавателе выдающуюся личность и героя, символическую фигуру своего времени и отважного первопроходца, необычный сплав средневекового рыцаря с прототипом современного исследователя, мецената и предпринимателя в одном лице. Десятки научных монографий и многие тысячи страниц, написанных на всех языках мира, посвящены жизни этого удивительного человека. Такое необычное внимание к биографии средневекового принца, который никогда не правил страной и не был никем коронован, уже само по себе выделяет Энрике Мореплавателя из ряда современников и делает

[314] Карл Ясперс. «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с. 100.

его наиболее подходящим кандидатом на анализ характерных черт человека, родившегося в переходный период первого часа Феникса в Близнецах. Но этот анализ последует позднее, а пока важно обратить внимание на дополнительный пример синхроничности: именно в 1894 г. (III,2,0), Бизли впервые приурочил дату, отделяющую Ренессанс от Средневековья, к рождению легендарного принца в 1394 г. (III,1,0). И еще одно важное замечание: термин «Средние Века» был впервые введен ровесником Энрике Мореплавателя, итальянским историком и гуманистом эпохи раннего Возрождении, Флавио Бьондо (1392-1463) (III,1,0). Свой главный исторический труд «Декады истории, начиная от упадка Римской империи» Бьондо начинал взятием Рима Аларихом в 410 году, а заканчивал его 1440 годом, определяя этот тысячелетний период как особую «средневековую» эпоху, отличную как от древности, так и от современной ему эпохи Возрождения. Рожденный в час Феникса, историк Бьондо так остро ощущал разрыв времен, что не боялся изменить принятую в его дни терминологию и датировку так называемых «темных времен» и провозгласить конец тысячелетней эпохи. В терминах данного исследования, по его теории выходило, что Средневековье начиналось и кончалось точно в часы Феникса, притом, что качественно новое время наступало с началом Зодиакального цикла в Близнецах. В наши дни историки, как правило, разделяют точку зрения Бьондо и соглашаются с выводами Бизли, не замечая той незримой циклической связи времен, которая объединяет два этих на первый взгляд несвязанных исследования.

Современные биографы Энрике Мореплавателя, отмечая уникальность его вклада в развитие истории, тем не менее, склонны рассматривать его появление на мировой арене, как часть некоей универсальной волны, захлестнувшей человеческое сознание и поднявшей его на новый уровень. Джон Ур образно пишет, что ко времени рождения Энрике Морепла-

вателя по всему итальянскому полуострову начали происходить удивительные процессы, при которых: «Ренессанс открывал человеческим умам новые возможности. …Во Флоренции новорожденный Фра Анджелико (1395-1455) учился держать кисть, а юный Донателло (~1386-1466) – резец»[315].

Но только ли в Италии и в Португалии происходила бурная перестройка сознания? И ограничивалась ли она географией, мореплаванием и искусством? Похоже, что нет. Еще Ясперс замечал:

«Вначале осевое время ограничено в пространственном отношении, но *исторически оно становится всеохватывающим»*.[316]

Напомню, что нынешнее исследование началось с анализа наследия поэтов, рожденных в час Феникса (III,2,0). По мере накопления материала создалось впечатление, что только благодаря особенностям поэтического жанра так ярко и четко стали проступать в стихах современников характерные черты этой переходной эпохи. Так Н. Я. Мандельштам подмечала, что с одной стороны «стихи раскрывают поэта в его глубинных пластах», а с другой стороны, «в стихах всегда отпечатываются события жизни. Они совпадают во времени. Проза всегда запаздывает: знаки должны осмыслиться и отстояться. Для этого нужен срок»[317]. Именно эти две черты поэзии позволяли поэтам тех дней первыми заметить и выразить в стихах всю значимость происходящих исторических перемен. Но не надо забывать, что во время написания этих строк мы

[315] John Ure, «Prince Henry the Navigator», Constable, London 1977, p. 16.

[316] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994 , с. 38.

[317] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990 , с.152.

не очень отдалились от тех бурных дней и все еще находимся в первой фазе этого года Феникса. Иными словами, трудно сказать, прошло ли уже достаточно времени, чтобы у «знаков» появилось возможность «отстояться».

Так как при исследовании явлений XX в. возможна аберрация близости, при которой явление теряет масштабность, как и при аберрации дальности, то для лучшего понимания нынешнего времени сначала рассмотрим более пристально лица, судьбы и идеи первого часа Феникса в Близнецах, в 1398 году. Если этот обзор выявит дополнительные черты, связанные с Зодиакальным циклом в Близнецах, то будет важно проверить, проявлялись ли они и в час Феникса (III,2,0) .

2. Развитие мировой культуры в первый час Феникса в Близнецах (III,1,0)

Чудотворны бывают в истории мгновения, когда гений отдельного человека вступает в союз с гением эпохи, когда отдельная личность проникается творческим томлением своего времени.

Стефан Цвейг (1881-1942)

Значение Близнецов, того знака, в котором, начиная с 1398 г., отмечается час Феникса, ассоциируются, согласно Таблице 10, с умножением познаний. Соединение Нептуна-Плутона в этом знаке должно было, прежде всего, произвести переворот во всех областях, связанных с получением и распространением информации. Тот опыт, который был приобретен интуитивно или «методом проб и ошибок», теперь требовал научного обоснования. Знанию, безграничному и эфемерному, как воздух, становилось тесно в каменных скрижалях или свитках пергамента (материальных форм, характерных

для Тельца). Его невозможно было дольше удерживать за каменными монастырскими стенами. Знание должно было искать новые закономерности и новые способы распространения.

В свете этого символично, что одним их первых в ряду имен этой эпохи революционных перемен в культуре историки ставят немецкого изобретателя книгопечатания Иоганна Гуттенберга (~1397- 1468). Параллельно ему, в Италии чтят память поэта Памфилио Кастальди (1390-1470) – изобретателя «подвижных букв», позволивших набирать книги наборным шрифтом. Благодарные потомки воздвигли первопечатникам памятники: Гуттенбергу – в Майнце, Страсбурге и Франкфурте-на-Майне, а Кастальди – в Фельтре. С распространением книгопечатания художественная литература и научные труды стали достоянием всех сословий, а не только привилегированных классов или монастырских школ.

Ранее уже упоминались вскользь имена предтеч итальянского Ренессанса в живописи. Вернемся еще раз к более подробному описанию этих деятелей искусства и посмотрим, какую именно роль приписывают им современные искусствоведы. В энциклопедической статье «Искусство Эпохи Возрождения» мы находим:

«В первых десятилетиях XV века в искусстве Италии происходит решительный перелом. Возникновение мощного очага Ренессанса во Флоренции повлекло за собой обновление всей итальянской художественной культуры. <…> То, что только интуитивно, наощупь искали мастера Проторенессанса, теперь основывается на точных знаниях»[318].

Сегодня к самым ранним представителям Ренессанса относят, в частности, основоположника индивидуализированного скульптурного портрета Донателло (~1386-1466) и знаменитого итальянского живописца Мазаччо (1401-1428).

[318] Из электронной энциклопедии «Культура и искусство».

Оба они родились в период первого часа Феникса в Близнецахи обоим вменяется в заслугу внесение в искусство нового элемента – «точного знания», использованного для достижения эффекта объемности.

Развитие этой темы мы находим у искусствоведа В. Н. Лазарева (1897-1976) в работе «Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве». Подобно тому, как несоразмерно коротки были годы жизни многих великих поэтов Серебряного века с их вкладом в развитие мировой культуры, так и короткая жизнь Мазаччо несоразмерна с тем влиянием, которое он оказал на развитие искусства:

«Мазаччо прожил короткую жизнь, всего двадцать семь лет, но это не помешало ему войти в историю как итальянской, так и всей европейской живописи. Гениально одаренный, смелый и решительный, он заложил основы для новой реалистической живописи, дав пластически выразительной фигуре, воплощавшей высокое представление о человеке, широчайшее поле деятельности в глубоком, трехмерном пространстве, построенном с совершенным знанием законов перспективы».

Сегодняшнего человека не удивишь трехмерным изображением. Но не так было на протяжении 1000-летнего периода Средневековья. Для того чтобы оценить значение перелома в человеческом сознании, обратимся к монографии «Категории средневековой культуры» культуролога А. Гуревича:

«Творимый средневековым художником мир очень своеобразен и необычен на взгляд современного человека. Художник как бы не знает, что мир трехмерен, обладает глубиной, на его картине пространство заменено Плоскостью».

Сегодня ведущую роль в создании научной теории перспективы приписывают итальянскому живописцу Паоло Учелло (1397-1475), тоже рожденному в час Феникса, как и Мазаччо. С учетом того, что в тот же период родились такие

художники как Антонио Пизанелло (1395-1455), Фра Анджелико (1400-1455) и Якопо Беллини (~1400-1470), поражает универсальность, параллельность и повсеместность Ренессанса. Начиная с 1390-х годов, в разных точках планеты одновременно рождаются десятки (или даже сотни) смелых реформаторов и мыслителей, талантливых ученых и изобретателей, выдающихся художников и поэтов.

Важно отметить, что еще до недавнего времени историки относили поколение, рожденное в период часа Феникса (III,1,0), к Средневековью. Многим казалось, что свет начал проникать в толщу мрачных дней, заполненных чередованием эпидемий с войнами и междоусобицами, лишь в XV веке. Но при более пристальном рассмотрении историки стали различать истоки Ренессанса уже в конце XIV века. Нетрудно заметить, что такой подход соответствует описанию часов Феникса, связывающему начало цикла со временем, когда еще трудно заметить посаженное в землю зерно. К тому же, еще раз подчеркну, что основное различие между нынешним исследованием и историческими подходами состоит в том, что границы исторических периодов определяются в нем не событиями, которые зачастую носят характер процессов и растягиваются на десятки лет, а датами рождения людей, ответственных за эти события. Проверим правомерность таких предположений на конкретных примерах достижений отдельных личностей и всего поколения, родившегося в период с 1382 по 1412 год.

3. Португалия, королевский дом Авиз и первые капитаны Энрике Мореплавателя

И уходят во мглу корабли, не надеясь вернуться.
Фернанадо Пессоа (1888 - 1935)[319]

[319] Перевод А. Гелескула.

Энрике Мореплаватель

В этот период в Португалии легко прослеживается связь между Эпохой Великих Географических открытий и правлением королевского дома Авиз. Основные успехи Энрике Мореплавателя (1394-1460) и его школы навигации были достигнуты при активной поддержке его старших братьев, короля дона Дуарте (1391-1438) и регента дона Педру (1392-1449), тоже рожденных в период часа Феникса.

Говоря сегодня о подвигах первых мореплавателей, мы вслед за средневековыми летописцами чаще всего склонны упоминать лишь имена зачинателей этих проектов и королей, под чьим флагом плыли их суда. За редким исключением, история не знает ни имен, ни дат рождения тех моряков, без отваги и умения которых суда бы не вышли из гавани. История забыла имена и даты рождения большинства капитанов, которые на протяжении десятков лет выходили в море по приказу Энрике Мореплавателя и возвращались, не сумев открыть новые земли. Но знаменитый португальский летописец, Гомеш Эанеш де Зурара (~1410- ~1473) (III,1,0), запечатлел для потомков имена первых трех капитанов, благодаря пассионарности которых Португалия превратилась в первую в мировой истории колониальную империю. Это португальские мореплаватели Жуан Гонсалвеш Зарку (~1390-1471) (III,1,0), Бартоломео Перестрелло (~1395-1457) (III,1,0) и Триштан Ваш Тейшейра (~1395-1489) (III,1,0), открывшие между 1418 и 1420 гг. острова Порту Санту и Мадейру и ставшие впоследствии их губернаторами (Перестрелло – Порту Санту, а Зарку и Ваш – Мадейры). Эти ровесники принца Энрике пришли к нему в начале века с предложением использовать их жажду приключений для новых открытий. Сам принц никогда не принимал участие в экспедициях, и без таких преданных делу помощников ему бы никаких откры-

тий не совершить. Как отмечают биографы,[320] в отличие от многих последующих капитанов – пиратов или охотников за легкой прибылью, золотом и рабами – первые три капитана Энрике Мореплавателя, подобно ему самому, были идеалистами, движимыми жаждой познания.

Но этим вклад капитанов в историю географических открытий не ограничился. Будучи губернатором столицы Мадейры, Зарку основал строительство каравелл – быстрых кораблей, позволивших заплывать на дальние расстояния. Без их строительства открытие Америки было бы немыслимым. Не менее важный (хотя и менее известный) вклад в открытие Америки внес Перестрелло, ставший впоследствии… тестем Колумба! Но об этом далее.

4. Средняя Азия и обсерватория Улугбека

Не слышима никем, проносится звезда,
Пересекая путь земного взгляда.
И страшен звук из темной глуби сада,
Вещающий падение плода.

Вера Инбер (1890-1972)

Из Португалии направимся в Среднюю Азию. Оказывается, что в том же году, когда Гуттенберг изобрел книгопечатание, а Энрике Мореплаватель открыл первую школу навигации в Загрише, в обсерватории, возведенной в Самарканде их ровесником, выдающимся астрономом Улугбеком (1394-1449), был составлен самый полный каталог звездного неба, в котором были описаны 1018 звезд. Улугбек – правитель державы Тимуридов и внук Тамерлана – пригласил к себе работать крупнейших астрономов того времени. По его инициативе

[320] Например, E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969.

впервые с поразительной точностью была определена длина звездного года: 365 дней, 6 часов, 10 минут, 8 секунд (с погрешностью ± 58 секунд). Астрономические таблицы, составленные Улугбеком, играли огромную роль не только в дальнейшем развитии астрономии, но и в мореплавании и хронологии. Они не утратили научной ценности и поныне: начиная с работ Улугбека, время приобрело тот «универсальный» или «глобальный» характер, который позволяет историкам ввести единую датировку на всей Земле.

Улугбек

Одной из главных научных заслуг Улугбека считается создание астрономической школы при обсерватории. В число известных математиков и астрономов этой школы входят Джамшид Каши (~ 1380-1429) и Ал Кушчи (1403-1474) (III,1,0). В то время как португальская школа навигации ставила целью тщательную проверку географических и картографических данных, накопленных со времен Страбона и Птолемея, главной задачей школы Улугбека была проверка астрономических данных, накопленных со времен Птолемея.

К несчастью для Улугбека, необходимость сочетать функции правителя и ученого в одном лице очень усложняла выполнение его миссии. В конце концов, он был убит своими политическими врагами в 1449 г., а его обсерватория была разрушена до основания. Но идеи его не погибли вместе с ним. Спасая основные рукописи таблиц, Ал Кушчи, на протяжении 20 лет возглавлявший научную работу обсерватории, бежал от преследований в Стамбул. Так звездные таблицы попали в Европу и позднее были изданы (благодаря изобретению книгопечатания Гуттенбергом) в Лондоне. В середине XIX в. Лондонское королевское общество переиздало эти труды и передало эстафету парижским, а затем и американским издателям. К концу года Феникса, через 500 лет

после рождения Улугбека и его соратников, их астрономические исследования стали достоянием мировой культуры.

Большинство энциклопедий указывают, что Улугбек родился 22 марта 1394 г., т. е. в том же году и в том же месяце, что и Энрике Мореплаватель, родившийся 4 марта 1394 года. Учитывая возможную неточность летописей и сложности сопоставления различных календарей, я не стану развивать эту тему, но отмечу, что Улугбек, так же как и Энрике Мореплаватель, много размышлял о географии и о форме Земли. Бытует мнение, что именно Улугбек был первым ученым, предположившим, что на Земле существует еще один материк – Америка.[321] Как мы уже знаем, эта догадка Улугбека была впоследствии подтверждена благодаря деятельности школы навигации Энрике Мореплавателя.

5. Флоренция и карты мира Паоло Тосканелли

Лишь небу ведомы пределы наших сил,
Потомством взвесится, кто сколько утаил.
Н. Гумилев (1886-1921)

Паоло Тосканелли

Говоря об открытии Америки, следует упомянуть еще одно имя сверстника Энрике Мореплавателя и Улугбека, известного флорентийского ученого, знатока астрономии, медицины, географии и математики – Паоло Тосканелли (1397-1482) (III,1,0). Тосканелли перевел «Географию» Птолемея и вошел в историю благодаря разработкам теории живописной перспективы, а также благодаря переписке с Колумбом: в 1474 г.

[321] http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/55116

Тосканелли отправил ко двору португальского короля письмо о том, что, поскольку Земля – шар, до Индии можно добраться морским путем через Атлантический океан. Это письмо попало в руки Колумбу и стало решающим доводом, вдохновившим его на сложную экспедицию.

Будучи человеком многогранным, Тосканелли служил соединяющим звеном между математиками, живописцами и картографами. В то время как главным достижением португальской школы навигации стала возможность «пробить окно в новый свет», основной заслугой флорентийской школы живописцев Возрождения стало умение превратить плоскую картину в трехмерное «окно в мир». Оказывается, что своим успехом обе школы обязаны совместным математическим разработкам перспективы Тосканелли и Брунеллески (1377-1446) (II,5,7), а также усовершенствованиям законов линейной перспективы в работах Учелло, родившегося в том же 1397 г., что и Тосканелли. Сегодняшние историки признают:

«Вместе с Паоло Тосканелли открытию Нового Света много способствовал другой флорентиец, живописец Паоло Учелло, потрудившийся в упорядочении науки перспективы, без чего невозможна истинная картография»[322].

С наступлением часа Феникса (III,1,0) перспектива стала наукой наук живописцев и картографов. Географические открытия Португалии и рост искусства Флоренции одновременно вносили в жизнь новое измерение – человечество прощалось с идеей плоской Земли. Картина мира приобретала новую глубину: Земля окончательно приобрела форму шара, а среда становилась рельефной.

Возвращаясь к Тосканелли, мы видим, что его влияние на открытие Колумба проходило одновременно по двум направлениям – с одной стороны, его математические исследования

[322] И. Долгополов «Леонардо да Винчи» // «Рассказы о художниках» - М. Изобразительное искусство, 1974, с. 9-33.

способствовали развитию географии, а с другой стороны, они влияли на художников, способствуя начертанию объемной карты мира. Тосканелли прожил очень долгую жизнь, и благодаря этому он стал связующим звеном между поколениями. В то время как Колумб на практике проверил теоретические выкладки Тосканелли, его разработки в области перспективы продолжил и отшлифовал воспитанник Тосканелли и ровесник Колумба, Леонардо да Винчи.

То, что Колумб (1451-1506) (III,1,1) и Америго Веспуччи[323] (1451-1512) (III,1,1), проложившие морские пути на новый континент, были ровесниками Леонардо да Винчи (1452-1519) (III,1,1), открывшего новые глубины в художественном мировосприятии, наводит на мысль о том, что развитие идей Паоло Тосканелли (1397-1482) (III,1,0) и Паоло Учелло (1397-1475) (III,1,0) происходило по единому универсальному закону. Зерна нового знания, посеянные поколением часа Феникса, взошли в поколении «фазы свершений», родившемся через 60 лет после них, в период первой активизации секстиля (NE-PL 60°).

Более того, обзор динамики развития идей Ренессанса приводит к выводу, что успехи в науке, в мореплавании и в живописи были связаны с приходом к власти поколения правителей особого типа – меценатов и покровителей искусств. Например, успех Колумба был так же невозможен без ранних начинаний Энрике Мореплавателя, как и успех Леонардо да Винчи был немыслим без реформ братьев Козимо Медичи Старого (1389-1464) (III,1,0) и Лоренцо Медичи (1394-1440)

[323] Хотя по некоторым данным Веспуччи родился в 1454 г, в астрологической базе данных Astrotheme

http://www.astrotheme.com/portraits/4DwsA74CwTM6.htm

принято считать, что он родился 9 марта 1451г. В любом случае, даже 1454-ый год рождения не меняет характера аспекта между Плутоном и Нептуном.

(III,1,0), чей дворец во Флоренции стал первым центром гуманизма в Европе. Через 60 лет после рождения Энрике и братьев Медичи свершились их самые заветные мечты: Португалия открыла мыс Доброй Надежды; а Флоренция, благодаря основанной Медичи платоновской Академии в Кареджи, стала тем центром, из которого по всей Европе распространились идеи неоплатонизма. Процессы, начавшиеся в час Феникса, продолжали развиваться параллельно. Так, мыс Доброй Надежды был открыт ровесником Колумба, капитаном Бартоломеу Диашем (1450-1500) (III,1,1), в период правления их сверстника, короля Жуана II Совершенного (1455-1495) (III,1,1) – покровителя наук, искусств и мореплавания. В то же время, своим расцветом академия в Кареджи обязана патронажу блистательного правителя и поэта Лоренцо ди Пьеро де Медичи Великолепного (1449-1492) (III,1,1), при дворе и под покровительством которого творил его ровесник, Леонардо да Винчи (III,1,1).

В этой связи пришло время выявить еще одну связь времен. Напомним, что слово «меценат» происходит от фамилии Мецената (70-8 гг. до н. э.) (II,3,0) – легендарного покровителя искусств при императоре Августе. Оглядываясь назад, так же трудно себе представить успех португальских мореплавателей без покровительства Энрике Мореплавателя (III,1,0), как успех римских поэтов без покровительства Гая Цильния Мецената и Гая Азиния Поллиона (76 до н. э.-5/4 н. э.) (II,3,0), или «золотой век» еврейской поэзии в Испании без покровительства Ибн Шапрута (II,5,0).

Сравнение динамики исторического развития идей было навеяно сплетением влияний флорентийского гуманизма (Паоло Тосканелли и Паоло Учелло) и португальского мореплавания (Энрике Мореплаватель и Бартоломео Перестрелло) в душе генуэзского мореплавателя, Колумба. Возвращаясь к истории его открытия, обратим внимание на удивительную роль, доставшуюся в ней капитану Пере-

стрелло, ставшему тестем Колумба. В биографиях Колумба неоднократно упоминалась важность его встречи с Филиппой Мониш де Перестрелло, ставшей его женой, и знакомства с картографическими работами ее отца, Бартоломео Перестрелло – одного из первой тройки отважных капитанов Энрике Мореплавателя, о котором писал Зурара. Так, Бартоломе де Лас-Касас (1474/1484-1566), испанский историк, почитатель и биограф Колумба сообщал, что великий мореплаватель придавал большое значение тому факту, что судьба привела его в Порту Санту и на Мадейру, передав ему в руки записи и карты, разработанные в школе Энрике Мореплавателя. По Лас-Касасу, «То были для него предзнаменования, при помощи которых бог наставил его на правильный путь».

Эта преемственность поколений показывает, что открытие Америки тоже было заложено в первом часу Феникса в Близнецах. Более того, мы также знаем, что Колумб завершил свою миссию открытия Америки под флагом испанского королевства, во времена правления своих ровесников, Изабеллы I Кастильской (1451-1504) (III,1,1) и ее супруга Фердинанда Арагонского (1452-1516) (III,1,1). Глядя на даты рождения действующих лиц, создается впечатление, что в мореплавании 1400-х годов, также как и в поэзии 1890-х годов, прорыв сопровождался великими порывами души не только у того или иного индивидуума, а сразу у целых групп сверстников, родившихся в час Феникса и одновременно воодушевившихся похожими идеями. Менялись места и страны, но определенные идеи осуществлялись посредством людей, родившихся в соответствующие времена. Также создается впечатление, что параллельно эти идеи возникали в умах многих индивидуумов и во многих местах, но до нас дошли только имена тех лиц, групп или стран, которые коллективным усилием сумели достигнуть максимального успеха в разработке этих идей.

6. Немецкий философ Николай Кузанский и зарождение науки

Он говорит, что мир не страшен,
Что он Зари Грядущей князь...
Н. Гумилев (1886-1921)

От Тосканелли перейдем к его другу – кардиналу Николаю Кузанскому (1401-1464) (III,1,0), крупнейшему немецкому мыслителю XV в., одному из важнейших философов Эпохи Возрождения и в то же время церковному и политическому деятелю. По словам Ясперса:

«Николай Кузанский – первый философ Средневековья, с которым мы встречаемся в атмосфере, воспринимаемой нами как наша собственная»[324].

Николай Кузанский

Далее Ясперс подчеркивал, что по своей вере Кузанский «выступает еще как совершенно средневековый человек», однако, несмотря на это, в философствовании он «идет особыми методическими путями, исходя из собственного созерцания, перед которым открывается удивительное бытие Бога». Подчеркивая неоценимый вклад Кузанского в зарождение современной науки, Ясперс заключал:

«У Николая Кузанского мы имеем дело с мышлением, которое все обнимает собой, которое любовно льнет ко всему реальному и вместе с тем перешагивает его. Мир не обходится стороной, но сам вспыхивает в свете трансценденции. Здесь в мышлении разворачивается метафизика, которая и поныне остается незаменимой. Странствовать по ней – счастливейшие часы философствования».

[324] Карл Ясперс. Введение в философию.

С именем Николая Кузанского связаны также важные астрономические представления о движении Земли. В частности, он одним из первых высказал предположение о шарообразности Земли и об ее вращении вокруг своей оси. В своих трудах он писал о бесконечности Вселенной во времени и пространстве. Звезды виделись ему небесными телами, а не точками, прикрепленными к небесной сфере, как это считалось в те времена. Заметно опередив современников, Кузанский писал о том, что все небесные тела состоят из такой же материи, что и Земля, и, что они, вполне возможно, обитаемы. Подобно Улугбеку, он видел необходимость изменить календарь и произвести реформу в отсчете времени.

Большинство историков науки соглашаются с тем, что астрономические труды Николая Кузанского оказали значительное влияние на взгляды Коперника (1473-1543) (III,1,1), Джордано Бруно (1548-1600) (III,1,1) и Галилео Галилея (1564-1642) (III,1,2). С другой стороны, по всей видимости, это влияние было косвенным, так как астрономические труды Николая Кузанского были впервые изданы только в 1515 г., после завершения экспедиций Колумба, и явной связи между Кузанским и его последователями обнаружено не было. Однако Николай Кузанский был другом Тосканелли, и сегодня нам трудно оценить до конца значимость живого общения между двумя великими умами пифагорейской эры того цикла – Николаем Кузанским и Паоло Тосканелли.

7. Италия, Испания и двор короля Альфонсо V Великодушного

Вдали за лодочной стоянкой
В остатках сна рождалась явь.
Борис Пастернак (1890-1960)

Продолжит знакомство с калейдоскопом лиц и идей раннего Ренессанса другой видный деятель этого периода – Альфонсо V Великодушный (1394/1396-1458) (III,1,0) – король Арагона, Сицилии и Неаполя, прославившийся как покровитель ученых, поэтов и художников. Годы его правления считаются золотым веком культуры. Отметим имена хотя бы двух его приближенных и ровесников: итальянского гуманиста, поэта и философа Панормитта Антонио Беккаделли (1394-1447) (III,1,0), ставшего первым президентом Неаполитанской академии, и поэта Аузиаса Марка (1397-1459) (III,1,0), воевавшего в армии Альфонсо V.

Антонио Беккаделли был не только известным поэтом, но и адвокатом, ученым, дипломатом и летописцем. Латынь он изучил в Падуе и с тех пор писал стихи на латинском языке. Продолжил свои занятия во Флоренции, а затем изучал юриспруденцию в Сиене и в Болонье. К тому же он изучал филологию в Риме, в Генуе и в Павии. Имея разностороннее образование и большой опыт работы в судах, в сорок лет он поступил на службу к Альфонсо V. Беккаделли объединяла с королем их искренняя любовь к культуре, и оба они, так же как и их ровесники, Улугбек, Энрике Мореплаватель и братья Медичи, мечтали о создании академии. Подобно академии Медичи в Кареджи, Беккаделли под покровительством короля Альфонсо основал в Неаполе Академию «Porticus Antoniana».

Поэтический успех принес Беккаделли его сборник «Гермафродит» (1425), считавшийся шедевром латинских эротических эпиграмм, написанных в стиле Катулла и посвященных Козимо Медичи. К тому же, подобно тому, как Зурара составлял жизнеописание Энрике Мореплавателя, Беккаделли стал панегиристом короля, составив сборник высказываний и поступков Альфонсо V[325].

[325] De dictis ET FACTIS Alphonsi Regis.

В то время как Беккаделли обращался к латинским предшественникам, другое доверенное лицо короля Альфонсо V, Аузиас Марк, известен тем, что порвал с традицией провансальских трубадуров и стал одним из первых поэтов, писавшим на народном каталанском языке. Его трагические стихи о жизни и смерти, о любви и о вере, принесшие ему славу самого значительного каталанского поэта средневековья, были переведены на испанский язык и оказали влияние на развитие испанской поэзии эпохи Возрождения. Учениками Марка считали себя Хуан Боскан (~1490 - 1542), Гарсиласо де ла Вега (~1501/ 1503–1536), Диего Уртадо де Мендоса (1503-1575) и Фернандо де Эррера (1534-1597).

8. Франция и первые поэты Ренессанса: Ален Шартье и Карл Орлеанский

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.
Борис Пастернак (1890-1960)

Говоря о том, что Аузиас Марк порвал с традицией провансальских трубадуров, нельзя не вспомнить, что и во французской поэзии тех дней уже назревал перелом. «Самые непослушные из управляемых становятся самыми суровыми правителями», говорил дипломат Ален Шартье (~1392 - ~1433) (III,1,0), ставший предтечей Ренессанса в поэзии Франции. Он был аристократом, выходцем из зажиточных горожан, достигшим высоких государственных постов (био-

графические данные крайне скудны, но порой его называют канцлером города Байе). В поэзии Шартье отходил от традиций предшественников, поднимая новые темы и вводя новые формы. В результате поэтическому влиянию Шартье подчинялись почти все современные ему поэты Франции. За свою короткую жизнь, пришедшуюся на самый тяжелый период Столетней войны, когда неудачная борьба с англичанами усугубилась гражданской войной, он написал множество баллад и рондо. Многие из них были положены на музыку его ровесником и одним из самых значительных композиторов этой переломной эпохи, Жилем Беншуа. Разностороннее образование позволяло Шартье испробовать свои силы не только во французской, но и в латинской поэзии и прозе. Одним из первых он порвал с традициями средневековых схоластов и начал цитировать Цицерона, Вергилия, Тацита и Сенеку. Шартье был также одним из первых французских поэтов, который не ограничивался описанием происходящего, а пытался найти всему причину и объяснение. В своих поэмах он призывал к пересмотру идей рыцарства. Революционным было и то, что Шартье не считал верным оценивать людей по их положению в обществе, а учил ценить в человеке его душевные качества. Новизна в отношении к человеку как к личности, и непривычно глубокий для средневекового мышления психологический анализ любовного чувства характеризовали Алена Шартье как одного из глашатаев Возрождения во Франции.

Ален Шартье

Карл Орлеанский

Буквально через пару лет после Шартье, в ноябре 1394 г. во Франции родился один из самых ее выдающихся поэтов, герцог Карл (Шарль) I Орлеанский (ум. 1465) – «Добрый герцог», «принц-

поэт» и «принц поэтов», отпрыск королевского дома Валуа и один из легендарных героев Столетней войны. Как и прочим героям этого исследования, родившимся в час Феникса, Карлу Орленскому было свойственно выступать в роли двуликого Януса. С одной стороны, его творчество называют завершением традиций лучших поэтов средневековья – Машо (~1300-1377) (II,5,5) и Дешана (1346-1406) (II,5,7); с другой стороны, свежесть и новизна его поэзии выделяют Карла Орлеанского, как самого талантливого французского поэта первой половины XV века.

Как и прочие уроженцы часа Феникса, Карл Орлеанский (III,1,0) прожил бурную жизнь, полную утрат и разочарований. В детстве он получил блестящее воспитание, унаследовав от матери-итальянки любовь к поэзии. Он изучил латынь и древних авторов, был знаком с творчеством Боккаччо и Петрарки. В его библиотеке в родовом замке Блуа, подобно библиотеке Медичи во Флоренции, была собрана богатейшая коллекция книг по философии. В 1415 г. после битвы при Азенкуре герцог Орлеанский попал в английский плен и 25 лет провел в заточении. Там он познакомился с внучкой великого поэта Средневековья Джеффри Чосера (1343-1400) (II,5,7), Алисой Суффолк, и благодаря этому полюбил его поэмы.

В долгие годы плена Карл не раз впадал в отчаяние, и тогда поэзия становилась для него душевной опорой. В плену Карл переосмыслил свои ценности – он больше не мечтал о рыцарских подвигах, а тосковал по жене, по семье и по простым радостям мирной жизни. Поменяв рыцарский меч на перо дипломата и поэта, он писал о мире королю Франции, новому герцогу Бургундскому Филиппу, а в его стихах появились непривычные для того времени рефрены – «молитесь за мир». Темы и образы в стихах Карла Орлеанского удивительно перекликаются с образами поэта из будущего, Томаса Элиота, пришедшего в этот мир в такое же сложное время

грандиозных и пугающих перемен. Оба этих поэта – один француз времен рыцарского Средневековья, а другой англичанин из Нового времени и Нового Света – принадлежали к особой точке пересечения «концов и начал», в которой у Элиота видится «...Ветер. /Время между концом и началом», а у Карла Орлеанского уже наступает тот первый проблеск, когда:

В каждой капле – отблеск лучей,
Полон снова мир обаянья!
Время сбросило одеянье
Ветра, холода и дождей.[326]

Освобождение Карла Орлеанского из плена и его возвращение в родовое поместье в Блуа было отмечено народом как великий праздник. Впоследствии герцог Орлеанский прославился как автор сотен баллад, рондо и песен. Он писал не только на французском, но и на английском языке, и его «английское» наследие составляет более шести тысяч поэтических строк! К тому же Карл Орлеанский проводил стихотворные турниры в Блуа. Самым знаменитым состязанием стал конкурс баллад на его ключевую строку «Я мучаюсь от жажды близ фонтана, в жару любви от холода дрожу...». В том конкурсе принимал участие и будущий гений французской поэзии Франсуа Вийон (1431/1432? -?) Впоследствии Вийон в своих балладах не раз обращался к Карлу, как к «принцу» – судье поэтических состязаний.

Слава Карла Орлеанского в XV в. была повсеместной. В Блуа собирались поэты со всей Франции, и для них он был не только герцогом, но и признанным мастером поэтического цеха. Вот такими образными словами рисует атмосферу поэтической «школы» в Блуа Поль Зюмтор:

[326] Перевод С. Вышеславцевой.

«Кружок друзей, что в 50-х гг. XV века сходятся от случая к случаю, в зависимости от времени года и путешествий, в замке Блуа, – это микрокосм, и Карл является не столько его центром, сколько воплощенной квинтэссенцией. В центре – пустота ожидания, которую восполнит хрупкий, мимолетный дар поэзии: всего одна-две минуты, пока читается рондо»[327].

Эти слова перекликаются с описаниями римского кружка Мецената и многочисленных «цехов» поэтов часа Феникса 1891 г. Они во многом отражают природу школы навигации, а также академии, учрежденной в Кареджи Козимо Медичи. В такие периоды, когда под «школой» или «академией» понимались места, где ищущие души могли встречаться и обмениваться новыми знаниями, большего от школ ожидать и не приходилось. В этом смысле, Карл Орлеанский выполнял в поэзии ту же роль, что и его сверстники Энрике и Улугбек в навигации и в астрономии.

Добавлю еще одну параллель: хотя в XVI в., подобно достижениям Улугбека, и как мы увидим позднее, Энрике Мореплавателя, поэзия Карла Орлеанского стала постепенно забываться, но в 1803 г., в эпикурейской эре (III,1,5), вышел том его стихов, и с тех пор слава о нем стала распространяться по всей Земле. Как мы уже видели в случаях «Беовульфа» или античной литературы, такое явление естественно для исторических процессов, начинающихся в пифагорейской эре.

[327] Поль Зюмтор. Опыт построения средневековой поэтики. СПб., 2002, с. 286.

9 . Северный Ренессанс и бургундский двор Филиппа Доброго

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершенное так мало!
Но все ж я прочное звено:
Мне это счастие дано.
В. Ходасевич (1886-1939)

Странными бывают переплетения судеб людей, разделенных пространством, но пришедших в этот мир одновременно. Казалось бы, что общего между герцогом Орлеанским и Энрике Мореплавателем, между французским домом Валуа и португальским домом Авиз? Но тут выходят на сцену еще два исторических лица, рожденных в том же часу Феникса, что и Карл с Энрике. Мы уже упомянули двух старших братьев принца Энрике и их роль в развитии мореплавания, но пока еще не было речи об их младшей сестре, Изабелле Португальской (1397-1471) (III,1,0), ставшей третьей женой герцога Бургундии, Филиппа Доброго или Филиппа III Бургундского (1396-1467) (III,1,0). Судьба распорядилась так, что из-за личной трагедии Изабеллы, младший брат которой, Фернандо, погиб в плену у мусульман, она прониклась глубоким сочувствием к несчастьям Карла Орлеанского и посчитала своим долгом добиться его освобождения. Ее решение убедить мужа заплатить выкуп за герцога Орлеанского деньгами ее приданного вызволило поэта из заключения. Карл Орлеанский, был освобожден, а его поэтическое наследие стало достоянием мировой поэзии.

Говоря о королях того времени как о меценатах, следует отметить, что Филипп был большим знатоком и ценителем искусства. При нем расцвела северная ветвь живописи раннего Возрождения, и под его покровительством проявился талант знаменитого фламандского мастера портрета Яна ван

Изабелла и Филипп

Ян ван Эйк

Эйка (~1385/1390-1441) (III,1,0). Не случайно именно Ван Эйк в 1428 г. был отправлен Филиппом Бургундским в Португалию, для того чтобы нарисовать портрет его будущей невесты, Изабеллы. По заказам Филиппа Доброго работал также прекрасный мастер психологического портрета Рогир ван дер Вейден (~1399/1400? - 1464) (III,1,0), который во многом своими успехами был обязан Ван Эйку.

Едва ли не основным вкладом Ван Эйка в мировую культуру было революционное изменение техники письма, и этот мастер из Брюгге долгое время считался изобретателем масляных красок. Впоследствии историки пришли к выводу, что он «лишь» усовершенствовал состав красок и создал новую технологию их изготовления, но что именно благодаря Ван Эйку (III,1,0), техника письма маслом заняла господствующее положение в живописи вплоть до конца XIX в., т. е. вплоть до завершения года Феникса. Техника, разработанная Ван Эйком, позволяла наносить краски послойно, оживляя картины игрой света и тени. Так как тонкие слои масла, застывавшие на слоях краски, служили линзами, отражавшими и преломлявшими падающий на картину свет, то при ярком освещении краски переливались словно драгоценные камни, создавая эффект объемности и глубины изображения.

Филипп Добрый также ценил музыку, и при нем Бургундская капелла стала музыкальным центром Европы. При его

дворе творили виднейшие композиторы нидерландского Возрождения (и его ровесники) Жиль Беншуа (~1400-1460) (III,1,0) и Гийом Дюфаи (~1400 - 1474) (III,1,0). Они стали основателями франко-фламандской музыкальной школы и создателями сложной техники контрапункта – сочинения многоголосой музыки по строгим правилам[328]. Принято считать, что благодаря этим ранним полифонистам произошел «переворот в исторически сложившемся соответствии музыки и молитвенного текста»[329].

Породнившись с португальским домом Авиз, Филипп Добрый проявил большой интерес к навигации и с помощью португальцев основал судоверфь в Брюгге. Кроме того, он слыл другом старшего брата Энрике Мореплавателя, дона Педру, известного тем, что именно его сборник стихов был первой книгой, напечатанной в Португалии. Аналогично, по заказу Филиппа Доброго в 1466 г. в Кельне была напечатана первая книга на французском языке[330].

10. Шотландия, король Яков I и тема Поэта и Власти в час Феникса

Цепь загадок на шее ночи,
Королевский девиз вдали, –
Может быть, комета хочет
Рассказать, как рана болит…
Нелли Закс (1891-1970)[331]

[328] П. Юхвидин, «Мировая художественная культура», Москва, Новая школа, 1996, с. 241.

[329] О. Б.Лисичкина, «Мировая художественная культура», часть II, кн.2, с. 287.

[330] Recueil des histoires de Troys.

[331] Переложение: Эссен-Дуйсбург.

Вспомнив старшего брата Энрике Мореплавателя, дона Педру, хотелось бы новыми глазами взглянуть на положение поэзии в начале Зодиакльного цикла в Близнецах. Наблюдался ли и в тот период всплеск поэтического вдохновения? Были ли Аузиас Марк и Карл Орлеанский редким исключением, или же поэзия пленяла сердца многих их современников? Биографии многих правителей того периода свидетельствуют в пользу универсальности этого явления. Так, известно, что Улугбек увлекался поэзией с раннего детства, и его воспитателем был поэт и ученый Ариф Азари. В материалах международной научной конференции «Мирзо Улугбек и его вклад в развитие мировой науки» мы читаем:

«Улугбек получил блестящее по меркам тех времен образование. Обладая великолепной памятью, он свободно владел арабским и персидским языками, хорошо знал тюркскую (староузбекскую) поэзию, владел теорией литературных стилей и принимал участие в литературных диспутах. Он и сам писал стихи».

Яков I

Следующим правителем того периода, писавшим стихи, был Яков I (1394 -1437) (III,1,0), шотландский король из династии Стюартов, «лучший из правителей и первый поэт Шотландии». Родившийся в том же году, что и герцог Орлеанский, принц Яков тоже попал в плен к англичанам, как и его французский сверстник. Переговоры о выкупе пленника затянулись на 18 лет. Находясь в плену, Яков узнал, что его отец умер, а он сам стал королем Шотландии. В Англии, подобно Карлу Орлеанскому, Яков I стал серьезным лирическим поэтом и первым в шотландской поэзии «учеником Чосера». Все еще находясь в плену, юный король встретил свою любовь – Джоанну Бофор, родственницу английского короля, с которой в 1424 г. он вступил в законный брак. В 1423 г. он написал

поэму «Книга короля», повествующую о своей любви к Джоанне. Эта поэма стала одним из лучших образцов средневековой англо-шотландской поэзии.

Вернувшись в Шотландию в 1424 г., Яков I стал одним из самых высокообразованных королей в ее истории. Его таланты в поэзии и музыке дополнялись решимостью провести в жизнь собственные идеи, что привело его к введению кардинальных реформ в систему управления страной. Тем не менее, судьба Якова I была печальной: просчеты в конце его правления привели к тому, что король-поэт пал жертвой заговора. Он был убит в 1437 г. Обращает на себя внимание, что Улугбек и дон Педру тоже пали жертвами заговоров, и были убиты в 1449 г.

В биографии «Жизнь принца Генри Мореплавателя», изданной в Англии в 1868 г., мы находим следующее описание дона Педру (1392-1449):

«В 15-м и 16-м веках не было недостатка в желающих воспевать ему (дону Педро) дифирамбы. <...> И он действительно заслужил всяческую похвалу, так как он был не только либеральным покровителем ученых и поэтов, но и сам был незаурядным писателем и поэтом. Считается, что самая первая книга, когда-либо напечатанная в Португалии, была сборником ‘Coplas’[332] (т.е. куплетов), сочиненных им»[333].

Впоследствии мы увидим, как не только дон Педру, а все инфанты португальского дома Авиз воспитывались в атмосфере любви к поэзии. Как и на Якова I и на Карла Орлеанского, на них оказал большое влияние Чосер, так как их мать Филиппа Лангкастерская с детства общалась с великим поэтом и слыла большой поклонницей его творчества.

[332] Копла (исп. copla) — малая форма испанского песенного фольклора, написано восьмисложником с рифмовкой четных строк.

[333] R. H. Major. «The Life of Prince Henry of Portugal», London. 1868, p.234.

В свете драматизма жизни поэтов-королей, как не вспомнить накал одной из основных тем, волновавших поэтов поколения часа Феникса 1891 г., а именно тему Жизни и Смерти. Эта тема с необыкновенной яркостью проявилась в первом часу Феникса в Близнецах и на другом конце земного шара – в поэзии Японии начала XV века.

11. Япония, монах Иккю и тема Жизни и Смерти в час Феникса

Наша бренная жизнь –
на пути из Текущего в Вечность
краткосрочный привал.
Иккю Содзюн (1394-1481)[334]

В своей нобелевской речи писатель Кавабата Ясунари (1899-1972) (III,2,0) отвел важную роль сравнению японского современного классика Рюноскэ Акутагавы (1892-1927) (III,2,0) с поэзией средневекового монаха Иккю Содзюна (1394-1481) (III,1,0). Приведу выдержки:

«У меня есть дзуйхицу ‘Последний взор’. Там приводятся слова – которые потрясли меня – из предсмертного письма покончившего с собой Акутагавы Рюноскэ. ‘Наверное, я постепенно лишился того, что называется инстинктом жизни, животной силой, – писал Акутагава. – Я живу в мире воспаленных нервов, прозрачный, как лед. <...> Меня преследует мысль о самоубийстве. Только вот никогда раньше природа не казалась мне такой прекрасной! Вам, наверное, покажется смешным: человек, очарованный красотой природы, думает о самоубийстве. Но природа потому так и прекрасна, что отражается в моем последнем взоре’. В 1927 году, тридцати пяти лет от роду, Акутагава покончил с собой».

[334] Перевод А. Долина.

Далее Кавабата вспоминал слова своих японских друзей, размышлявших о самоубийстве, приводя характерный для них вопрос: “В кругу мыслящих, кто не думал о самоубийстве?» Ответ он нашел в поэзии одного из наиболее известных японских поэтов, монаха Иккю, родившегося в том же 1394 г., что Улугбек, Энрике Мореплаватель, Карл Орлеанский и Яков I:

«Наверное, так оно и есть. Взять хотя бы того же монаха Иккю. Говорят, он дважды пытался покончить с собой».

Иккю

По словам Кавабаты, сегодня в Японии Иккю знают даже дети, и в нем видят не только «чудака из сказок», но и национального героя, о котором говорят, что «дети забирались к нему на колени погладить его бороду. Лесные птицы брали корм из его рук». Поражаясь тому, что тематика стихов Иккю резко отличалась от всей средневековой поэзии Японии, Кавабата восхищался поведением поэта, готового во имя свободы противостоять монастырским порядкам:

«Быть может, в то смутное время, когда нарушился путь человека, он хотел восстановить подлинное человеческое существование, истинную жизнь, укрепить дух людей».

Современный российский исследователь японской поэзии Е. С. Штейнер писал о значении Иккю:

«Вклад Иккю в культуру своего времени и его влияние на последующие периоды японской истории были воистину всеобъемлющи и уникальны широтой творческого диапазона и глубокими художественными достоинствами».

Сын императора, пяти лет отданный в дзэнский монастырь, он много лет провел в странствиях, а к концу жизни стал настоятелем крупнейшего столичного монастырского комплекса. Иккю был одновременно религиозным реформатором, крупнейшим каллиграфом и поэтом своего времени,

писавшим на классическом китайском и японском языках. К тому же, трудно переоценить его вклад в формирование эстетики японской церемонии чаепития, в искусство сухого дзэнского сада и в развитие театра Но. По словам Штейнера, «Иккю является, таким образом, человеком-эпохой, в личности которого отразились как в фокусе все характерные черты культурной жизни японского высокого средневековья…»[335].

Описывая символизм стихов Иккю, посвященных веточке сливы, а также известных картин Иккю, изображавших этот излюбленный цветок поэта, Штейнер подчеркивал глубокий философский смысл, скрывающийся в драматичном сочетании отсыхающих ветвей и новых побегов, опадающих лепестков и нераскрытых бутонов. Литературовед был покорен умением древнего поэта и каллиграфа подать в универсальной форме, доступной людям разных времен и культур, удивительную цикличность природы, таящую в себе «двуединство старого, заскорузлого, внешне сухого и отжившего, но таящего внутри, как оказывается, свежие соки и молодого, растущего». Поразительно, но у Иккю, так же как и у прочих поэтов часа Феникса, начала и концы связывались в единый, неразрывный узел. Чтобы подчеркнуть силу символизма и яркость совпадений, привожу цитату дословно, так как она написана Штейнером:

«Можно сказать, что Иккю питал особое пристрастие к образу сливы потому, что это растение по своей символической роли считалось лиминальным[336], связующим начала и концы. И точно так же сам Иккю был чрезвычайно лиминальной фигурой в японской культуре своего времени. Не имея возможности подробно описывать его роль и место в духовном контексте эпохи Муромати, отметим, что спустя

[335] Штейнер Е.С. «Ветка сливы» Иккю // Сад одного цветка: Сборник статей и эссе. М., 1991.

[336] Лиминальный - переходный, пороговый, граничный.

столетия он представляется не реальным историческим человеком, а кажется фигурой до мифологичности знаковой, условно игровой, связующей в неповторимый узел все и всяческие нити японской средневековой культуры».

Оглядываясь назад на 600-летний период развития культуры, можно заключить, что все герои этой главы, рожденные в первый час Феникса в Близнецах, вошли в мировую историю как знаковые, мифологические фигуры. Все они родились в те переломные времена, когда происходили смены эпохи. Часть из них и часть в каждом из них была готова и даже хотела умереть с умирающим тысячелетием Средневековья или «темных времен». Часть из них и часть в них самих стремилась любой ценой сохранить и провести в новое время окаменелости отживающего быта. Тогда, когда они жили богатой духовной жизнью, и искали ответы у Божественного Начала или у Природы, жизнь приносила им радость открытий и удовлетворяла их жажду нового знания. Тогда, когда они пытались силой насадить свои реформы или взгляды другим, раз за разом они наталкивались на новые препятствия или ограничения. В конечном итоге, темы «Поэта» и «Власти» не зря волновали большинство людей того времени. К этой проблеме приходили самые светлые умы поэтов, рожденных в час Феникса. Так, например, Хлебников писал в стихотворении «Отказ»:

Мне гораздо приятнее
Смотреть на звезды,
Чем подписывать
Смертный приговор.
Мне гораздо приятнее
Слушать голоса цветов,
Шепчущих: «Это он!» —
Склоняя головку,
Когда я прохожу по саду,

Чем видеть темные ружья
Стражи, убивающей
Тех, кто хочет
Меня убить.
Вот почему я никогда,
Нет, никогда не буду Правителем!

Знаменательно, что над этой проблемой многие тысячелетия размышляли представители едва ли не самой давней традиции поэтической культуры – китайской поэзии. На протяжении многих веков в Китае быть поэтом означало быть и правителем, а быть правителем означало быть поэтом:

«Путь китайского стихотворца был долог и труден. Те замечательные поэты, которых мы знаем и сегодня, изучали конфуцианские каноны и стихи своих предшественников для того, чтобы сдавать экзамены на чиновничью должность. Каждый государственный чиновник умел писать стихи, поэтами же становились немногие. Поэты были, как правило, чиновниками … Они вершили дела на службе и, сталкиваясь с человеческими несчастьями, задумывались над тем, что творилось вокруг них. Конечно, не все. Но мы говорим о поэтах, что пришли к нам через цепь веков, а значит, о лучших, о самых умных и самых человечных. Недаром же в глазах старой китайской критики мораные свойства самого поэта заключены в его стихах. Да и как могло быть иначе при этой системе, когда поэт почти непременно был управителем людьми. Репутация писателя устанавливается сначала его современниками, и ‘хорошие’ стихи дурного человека были бы немедленно разоблачены»[337].

И далее:

«Миг человеческой жизни. О краткости его никогда не забывает поэт. … Мы привычно говорим – поэта. Но будем все

[337] Бычков М.Н.// Сборник: Китайская классическая поэзия.

время помнить, что в поэзии сосредоточились и наука того времени, и философия. Поэты и были мыслящим слоем общества. А в некоторые времена, как, например, в сунские, и самым влиятельным слоем общества, потому что стояли у кормила правления».

Глядя на имена тех поэтов и правителей, дошедших до нас со времен раннего Ренессанса, мы могли бы глубже понять основную динамику механизмов развития общества. Обращает внимание, что те считанные поэты, о датах рождения, биографиях или работах которых мы еще можем составить себе некоторое, пусть туманное, но все же достаточно реальное представление, были одновременно правителями, поэтами и необычайно разносторонними личностями. Это верно по отношению к Франции, где Карл Орлеанский был любимым «добрым» принцем и одним из наиболее образованных людей; это относится к Средней Азии, где Улугбек был правителем и астрологом, математиком и астрономом, философом и поэтом. Это верно по отношению к Японии, в которой поэт Иккю был не только многогранной личностью, но и настоятелем монастыря. Это верно по отношению к Португалии, в которой дон Педру был правителем и первым поэтом, издавшим книгу своих стихов. Мы также видим, что первым великим поэтом Шотландии был ее король Яков I. В Италии поэт Антонио Беккаделли был не только стихотворцем, а еще и юристом, основателем и первым президентом академии, и так же, как и каталонский поэт Аузиас Марк, он был доверенным лицом короля и мецената Альфонсо Великодушного. Добавим к этому Моисея, царей Давида и Соломона или правителей Солона и Питтака, и тогда вспомним слова мексиканского лауреата Нобелевской премии, Октавио Паса: «без поэзии нет истории – ни истока ее, ни начала».

С приходом Эпохи Возрождения открылись новые возможности и, в частности, появилась надежда детальнее познакомиться с динамикой чередования фаз года Феникса на

примере отдельно взятой страны – а именно, на примере Португалии.

Часть седьмая

СТРУКТУРА ГОДА ФЕНИКСА НА ПРИМЕРЕ ПОРТУГАЛИИ

Один лишь раз в тысячелетье,
А то и реже,
Равновеликое благодеянье
У природы
Дано нам вырвать.
А. Чижевский (1897-1964)

1. Почему Португалия?

Мне ни к чему тревожить ум заботой
И вымыслам бесплодным предаваться.
Историей великого народа
Я целый мир заставлю упиваться.
Камоэнс (1524? -1580)[338]

Камоэнс

Основными причинами выбора Португалия в качестве наиболее подходящего объекта для исследования структуры года Феникса, послужили:

* Уникальная роль Португалии в достижениях Эпохи Великих Открытий, ставшей важнейшим этапом в развитии человечества в период, последовавший сразу за часом Фе-

[338] Луиш де Камоэнс. «Лузиады». Перевод О. Овчинниковой.

никса в Близнецах. Как уже упоминалось ранее, именно в этот период родился будущий организатор многих морских экспедиций и основатель колониальных империй Энрике Мореплаватель (1394-1460) (III,1,0) .

* Древность истории португальского народа – она насчитывает около 2500 лет, т. е. охватывает период пяти годов Феникса.

* Достоверность хронологии исторических событий.

* Периодическая переоценка значения роли Португалии, приводимая в многочисленных произведениях литературы и исторических трудах, начиная со времен свершения исторических событий и кончая современными авторами.

* Потребность взглянуть по-новому на интригующий вопрос, над которым размышляли многие выдающиеся историки: как случилось, что эта малюсенькая, Богом забытая бедная скалистая страна, на самом краешке Европы, вдруг сделала отчаянный прыжок, и менее чем за сто лет превратилась в одну из крупнейших мировых империй, властвующую над доброй половиной мира?

Любое описание исторических событий становится близким и понятным сердцам многих людей, когда они хотя бы отчасти ощущают свою сопричастность к описываемым событиям. В этом отношении основной вклад Португалии в мировую культуру по сей день ощущается каждым из нас: португальские мореплаватели совершили великий прорыв, показав, что Земля шарообразна. Они проложили новые морские пути, заполнив белые пятна на карте Земного шара и положив начало единой Планете Людей. Очень ярко эта идея была сформулирована Бизли в 1894 г.:

«Значение роста Португальский силы не в ее изоляционизме, и не в упрямой борьбе за права на национальные отличия от всех других держав, а в ее центральной и объединяющей роли в современной истории – в качестве проводника Европы и всего христианского мира в мир глобаль-

ный. Именно эта роль знаменует истинное различие между Средними веками и нашим временем»[339].

Население Португалии однородно по вероисповеданию, и на протяжении многих веков оно сохраняет свою письменность и национальную культуру. Со времен ее первого правителя, Генриха Бургундского (1066-1112), Португалия практически непрерывно сохраняла независимость (за исключением короткого периода испанского владычества 1580-1640 гг. и наполеоновских войн 1812 г.), что дало португальцам возможность пронести через века многие исторические документы в относительной сохранности. Со времен Энрике Мореплавателя она успела завершить целый год Феникса и продолжить развитие в следующем году, оставаясь на протяжении всего этого времени монолитной структурой, сохраняющей португальский язык, оригинальную документацию и непрерывную хронологию.

Учитывая, что основная сложность в проведении исторических исследований заключена в неопределенности датировки (как рождения людей, так и многих событий), то эта задача осуществима лишь для малого числа стран, в которых издревле ценилось искусство хронологии и летописи. Более того, даже в таких странах большинство документов было безвозвратно утеряно в результате пожаров, наводнений, землетрясений и войн. На протяжении последних веков территории большинства современных стран подвергались многочисленным разделам и переделам; языки населявших их народностей постепенно исчезали и забывались, а захватившие их народы безжалостно уничтожали устаревшие реликвии и ценности покоренных противников. В этом смысле Португалия находится в особо выгодном положении по сравнению с другими европейскими странами. Ее история сохранила не только многие документы древности, но также и

[339] C.R. Beazley «Prince Henry the Navigator», London, 1894. p.124.

уникальный национальный эпос «Лузиады» – поэтический шедевр Луиса де Камоэнса (1524?-1580) (NE-PL 60°) (III,1,1), снискавшего славу португальского Гомера, переосмыслившего и собравшего в единый поток события шести веков (от X до XVI) португальской истории. В результате того, что Камоэнс не только сумел отыскать документальные первоисточники для каждой октавы своей эпической поэмы, но и сам был мореплавателем, его поэма стала гармоничным слиянием богатого жизненного опыта поэта с предыдущими трудами историков, мореплавателей и миссионеров. Благодаря тому, что поэма «Лузиады» целиком и полностью вытекала из реальной жизни и отличалась редкой красотой стиха, Камоэнс заслужил признание не только, как национальный поэт Португалии, но и как ее лучший историк.

День рождения Камоэнса неизвестен, но день его смерти (10 июня) провозглашен Днем Португалии – Днем Камоэнса. В настоящее время слава Камоэнса велика не только в Португалии, но и во всем мире, а португальский язык зачастую называют «языком Камоэнса». В чем сила эпоса Камоэнса, выдержавшего 500-летнее испытание временем? Ответ на это дает «Всемирная история литературы»: Камоэнс стал крупнейшим национальным поэтом Португалии и единственным ее поэтом мирового значения, потому что

«…он сумел выделить как подлинно героическое такое деяние, которое действительно было шагом вперед в развитии человечества. И в этом деянии он сумел поднять и всеми средствами своего искусства опоэтизировать ту его сторону, что была непреходящей, не ограниченной узкими целями дня, а принадлежащей всему человечеству – расширение человеческого знания, человеческого могущества, победоносное напряжение всех сил и способностей человека»[340].

[340] Тертерян И. А. Литература второй половины XVI в // История всемирной литературы: В 8 томах М.: Наука, 1983-1994, т. 3., с. 405.

Еще раз подчеркнем, что успех Камоэнса стал возможным благодаря тому, что история современной Португалии основывается на документальных материалах. В частности, по инициативе старшего брата Энрике Мореплавателя, короля Дуарте I (1391-1438) (III,1,0) при португальском дворе была учреждена должность официального придворного летописца. То есть, к моменту создания первой навигационной школы, в Португалии уже был создан институт записи и сохранения исторической документации. Принципиальное значение для будущих биографов Энрике Мореплавателя и для истории географических открытий имели труды придворного летописца Зурары (~1410-1474) (III,1,0): «Хроника взятия Сеуты» (1450), «Хроника деяний в Гвинее» (1453), «Хроника дона Педру де Менезеша» (1463), «Хроника дона Дуарте де Менезеша» (1468). За ними последовали и произведения «историко-географической» литературы более поздних авторов, родившихся в первой фазе пифагорейской эры: «История открытия и завоевания Индии португальцами» Фернана Лопеша де Каштаньеды (1500-~1550) и «Декады» Жуана де Барруша (1496-1570). С самого начала Зодиакального цикла в Близнецах открытие новых земель и освоение морских путей являлось для Зурары (непосредственного очевидца и участника этих событий) провиденциальной миссией распространения христианства. Этой же точки зрения на Эпоху Великих Открытий, как на героическую миссию, возложенную Небесами на португальский народ, придерживался и Камоэнс в «Лузиадах».

В отличие от Зурары, родившегося в час Феникса, Камоэнс родился в конце первой фазы «свершений». К этому моменту уже завершилась четвертая (последняя) экспедиция Колумба (1502-1504 гг.), и настало время осознать и осмыслить, какие же ростки проросли из идей, посеянных в начале цикла. Такой ретроспективный подход привел к тому, что Ка-

моэнс первым описал происходящее, как цельный хронотоп[341]: в его поэме разрозненные исторические события, между которыми, казалось бы, не было никакой связи, слились в единый поток, сознательно стремящийся к конечной, лишь ему ведомой цели.

Камоэнс последовательно излагал, как сначала португальцы из крохотного графства создали свою страну, затем отвоевали ее независимость в битвах с арабами и кастильцами. После установления стабильной государственности они начали отважно бороздить океан. Они не страшились гибели при попытках обогнуть Мыс Доброй Надежды. Экспедиция Васко да Гамы (p.1468/1469) (III,1,1) (NE-PL 60°) проложила морской путь в Индию; Кабрал (p.1467) (III,1,1) (NE-PL 60°) открыл Бразилию, а Магеллан (p.1480) (III,1,1) (NE-PL 60°) первым осуществил кругосветное путешествие. И все это стало возможным благодаря тому, что на протяжении долгого времени весь народ был вдохновлен единой идеей. Короли помогали мореплавателям, а дети продолжали дело отцов. Если же короли забывали идею или оказывались недостойными ее, то их вынуждали покинуть историческую арену. Камоэнсу удалось так убедительно обрисовать динамику исторического процесса, что его мировосприятие передалось читателям и способствовало формированию португальского национального самосознания. Рассмотрим этот исторический процесс, начиная с той мифической точки, с которой его начинал Камоэнс – а именно, с зарождения португальского народа как потомков их мифического праотца Луза.

[341] Хронотоп – слияние времени и пространства. Исследован Бахтиным (1995-1975) (III,2,0).

2. Предыстория - три древнейших периода португальцев

На небе сущие загадки
Все рваным ритмом излиты
В том непроглядном беспорядке,
Где зарожденье темноты.
Фернанадо Пессоа (1888 - 1935)[342]

Португальцы считают себя потомками древнего племени лузитан, обитавшего на юго-западе Пиренейского полуострова, предположительно с VI в. до н. э. Самые ранние упоминания об их истории относятся ко второму году Феникса в Тельце (II,2), т. е. к «осевому времени». В пифагорейской эре этого года Феникса сведения о лузитанах мизерны. Эпикурейская эра этого цикла ознаменовалась ожесточенной борьбой лузитан против Рима, которую они вели на протяжении нескольких десятилетий. Наиболее значительные военные столкновения между лузитанами и Римом происходили в период шестой фазы этого цикла, в период активизации убывающего квадрата (NE-PL 270°) (II,2,6), одновременно со знаменитым восстанием Маккавеев против греков в Иудее в 165 г. до н. э. В этой войне чередовались периоды побед и поражений. Был в ней и легендарный лузитанский герой, по имени Вириат, который в течение 10 лет успешно противостоял отрядам римских легионеров. В 141 г. до н. э. ему даже удалось добиться признания Римом независимости лузитан. Несмотря на временные успехи в отчаянной борьбе «малых народов» против расширяющихся империй, к началу нового года Феникса (II,3) как Лузитания, так и Иудея вынуждены были подчиниться Риму (лузитаны – в 61 г. до н. э., Иудея – в 37 г. до н. э.).

[342] Перевод Г. Зельдовича.

Второй древнейший период в португальской истории совпал с началом третьего года Феникса в Тельце. В 15 г. до н. э. (II,3,1) территория, ранее населенная лузитанами, получила название Римской провинции Лузитании. На протяжении всего последующего года Феникса, вплоть до разрушения Рима Аларихом в 410 г. (II,4,0) будущая Португалия впитывала в себя язык и культуру древнего Рима.

Третий древнейший период Португалии, приходящийся на четвертый год Феникса в Тельце, все еще не стал периодом национального самоопределения. После распада Римской империи на территорию нынешней Португалии вторглись германские языческие племена. Вся пифагорейская эра этого цикла (411-658) прошла под господством свевов и вестготов, остававшихся демографическим и религиозным меньшинством по отношению к местному христианскому населению. Положение резко изменилось в эпикурейской эре этого цикла (658-905), когда в 711 г. на Пиренейский полуостров вторглись мавры. В последующие годы велась продолжительная борьба за контроль над полуостровом между маврами и вестготами, в результате которой мавры захватили почти весь полуостров, кроме самой северной его части – Астурии. К концу этого года Феникса возросло сопротивление будущих португальцев владычеству мавров, и из Астурии началось победное шествие Реконкисты. Так закончились три года Феникса, 1500 лет истории бывших лузитан, которые, по мнению Л. Н. Гумилева, были необходимы для формирования этноса.

3. Возникновение Португалии

В сраженьях Португалия рождалась
И славою сынов своих держалась.
Луиш де Камоэнс (1524?-1580)[343]

[343] Здесь и далее приведены отрывки из «Лузиады» в переводе Овчинниковой.: Луиш де Камоэнс. «Сонеты. Лузиады». Москва. ЭКСМО-ПРЕСС, 1999, Песнь первая, 25.

К началу последнего года Феникса в Тельце (II,5), история фиксирует возникновение слова «Португалия»: этим именем назывались два маленьких графства, существовавших в разное время на территории современной Португалии в период IX-X веков. К этому же периоду относятся самые ранние записи на португальском языке, представляющие собой вкрапления португальских слов в латинские тексты. Историки называют этот язык протопортугальским и считают, что на нем говорили в IX-XII вв., что соответствует пифагорейской эре пятого года Феникса в Тельце.

В этой фазе развития еще рано говорить о государственности, но она уже зародилась как ведущая идея, к осуществлению которой стремились герои того времени. Судьба первого Португальского графства, основанного в 868 г. Вимарой Перешем (~820-873) (NE-PL 270°) (II,4,6) и именовавшегося Портукале, была недолговечной. Оно прекратило существование в конце первой трети года Феникса, войдя в 1071 г. (NE-PL 90°) (II,5,2) в состав королевства Галисия. Со дня рождения основателя этого графства до его исчезновения прошло около 250 лет, что соответствует одному году Плутона.

Казалось, что история Портукале канула в Лету, но как раз ко времени его исчезновения родился будущий правитель второго португальского графства, Генрих Бургундский (1066-1112) (II,5,2), ведущий свой род от Гуго Великого (~897-956) (II,5,0). В свою очередь, Гуго Великий был потомком Меровингов и правителем Бургундии и Аквитании. Он родился в час Феникса, одновременно с образованием первого христианского герцогства Наварра (905 г.) на территории Пиренейского полуострова. К этому часу Феникса на территории всей рыцарской Европы доминантной идеей становилось распространение христианства и создание устойчивой государственности нового типа.

Второе графство Португалии было создано по воле короля Леона и Кастилии, Альфонсо VI Храброго (NE-PL 60°) (1030-

1109) (II,5,1), ведшего войны с маврами и собиравшего под своими знаменами множество иноземных рыцарей, рвущихся сражаться за Христа. Со всех сторон к нему стекались идеалисты, готовые покинуть родные края, чтобы вступить в схватку с неверными и отстоять свою преданность истинной вере. Одним из таких рыцарей был внук Гуго Великого, Генрих Бургундский. В 1085 г. (NE-PL 90°) (II,5,2) он помог королю отвоевать Толедо у мусульман, а затем стал участником крестовых походов. Своей преданной службой Генрих снискал себе славу одного из лучших военачальников короля Альфонсо, за что был сначала награжден феодальным поместьем близ Опорто, а затем, в 1093 г. ему в награду было даровано графство Португале, недавно отвоеванное у мавров и включавшее земли Коимбры и части Галисии. В дальнейшем король скрепил союз с Генрихом, отдав ему в жены свою незаконнорожденную дочь Терезу Леонскую (1080-1130) (II,5,2) (NE-PL 90°). К концу второй фазы кризиса, с наступлением третьей фазы возмужания (II,5,3) Португалия успешно выделилась в отдельную структуру. Закончилась первая треть года Феникса, завершился первый год Нептуна, и настало время поиска новых ведущих идей.

Генрих Бургундский умер в 1112 г., оставив трехлетнего сына, Афонсу Энрикеша (1109-1185) (NE-PL 120°) (II,5,3). Мать Афонсу, Тереза, родившаяся в период активизации квадрата Нептуна-Плутона, фактически правила Португалией до конца пифагорейской эры. Ее правление сопровождалось серией вооруженных конфликтов – сначала со своей сводной сестрой, королевой Леона и Кастилии Урракой (1081-1126), а затем с собственным сыном Афонсу. К тому времени Тереза влюбилась в галисийского графа Фернана Переша и собиралась выйти за него замуж, лишив при этом сына наследства и присвоив себе его права на владение Португалией. Этим намерениям воспротивилась знать Португалии, и в 1123 г. они помогли юному принцу Афонсу собрать вой-

ско. В 1128 г. состоялось решающая битва, в которой Афонсу одержал победу над матерью. Впоследствии он вступил в сражение с Кастилией и вновь вышел победителем. Он провозгласил независимость и положил начало португальской государственности. Так сын отважного рыцаря Генриха Бургундского вошел в историю как Афонсу I Великий, став первым королем Португалии. В конце пифагорейской эры, в 1143 г. (NE-PL 180°) (II,5,4) маленькое графство, преодолев кризис, стало независимым королевством Португалия под властью первой португальской династии, происходившей от рода Меровингов.

Оглядываясь назад, Камоэнс проследил, как с начала 905 г., когда на территории Испании было образовано королевство Наварры, христианские рыцари постепенно и целенаправленно воплощали свои идеи в жизнь, расширяя рамки своего господства на Пиренейском полуострове. Им еще неведома была конечная цель открытия морских путей и новых континентов, но в них уже зрела потребность создания нового типа государственности, позволявшего дальнейшее продвижение к исполнению своей будущей миссии.

Взглянем на динамику этого развития глазами поэта. Начало исторического процесса поэту видится смутным – забылись конкретные имена и события. Но вместе с тем, с какой любовью он описывает свою маленькую каменистую страну, расположенную на самом краю Европы. Это земля потомков мифического Луза, и именно в ней, по мнению Камоэнса, зародилась идея Реконкисты:

И там, где волны бег свой начинают,
Где суша обрывается над морем,
Собой Европы голову венчают
Моей страны поля, равнины, горы.
В объятья солнца воды принимают,
А берег красотой ласкает взоры,

Отсюда мавры в бегство обратились
И в Африку навеки возвратились.

Время шло, и в первой фазе свершений постепенно всплывали имена конкретных пассионариев – носителей новой идеи. Эти люди служили теми центрами кристаллизации, к которым стекались единомышленники. Одним из них, по мнению Камоэнса, был король Леона и Кастилии, Альфонсо VI (II,5,1):

А было так: король земель испанских,
Альфонсо с сарацинами сражался.
Теснил отважно воев мавританских
И древний край освободить старался.
Из разных стран героев христианских
К нему бесстрашный легион стекался.
Они опасность гордо презирали
И славою покрыть себя желали.

Ко времени кризиса второй фазы рождался новый тип воинственных героев:

И Генриху, воинственному сыну
Земли венгерской короля, в награду
Кастилии могучей властелином
Был отдан край – очей моих услада,
Безвестный в ту далекую годину,
А с ним Тереза юная отрада
Седин отцовских, рыцарю вручалась.
И этим клятва дружбы закреплялась.

Разница между Генрихом и Терезой была в том, что год рождения Терезы приходился уже на вторую треть года Феникса и на период активизации аспекта квадрата Нептуна-

Плутона. Это было время возникновения конфликтов между изначальными целями и методами их воплощения в жизнь конкретными людьми. Идеалы первой трети года Феникса, заданные первым годом Нептуна, блекли. Второй год Нептуна (1070-1234), в отличие от первого, начался напряженным аспектом квадрата Нептуна-Плутона, и теперь королевство вело борьбу не только с чуждой ему идеей Ислама, но и с родственными ему по духу соседними христианскими структурами. Более того, во второй трети года Феникса шла борьба за власть между близкими родственниками и даже между членами одной и той же семьи. В этот момент летописцы начали задаваться вопросом, а все ли благополучно в их королевстве? Насколько образ короля соответствует тем идеалам, которые они себе представляли? На эти вопросы поначалу Камоэнс затруднялся дать однозначный ответ:

Меж тем молва упорно утверждала
(Хоть трудно мне за древний слух ручаться),
Что сына мать земель лишить желала,
Задумав с новым другом обвенчаться.
Она в гордыне лютой восклицала,
Что будет в графстве всем распоряжаться,
Его своею вотчиной считая
И сына-сироту всего лишая.

Но в этой стадии года Феникса стремительно чередовались периоды второй, третьей и четвертой фаз. Короткие периоды активизации аспектов квадрата (NE-PL 90°) (II,5,2), трина (NE-PL 120°) (II,5,3) и оппозиции (NE-PL 180°) (II,5,4) порой накладывались друг на друга, а порой перемежались годами отсутствия мажорных аспектов Нептуна-Плутона. И все эти перемены были сконцентрированы в интервале времени, продолжительностью всего лишь 80 лет! Для сравне-

ния: в последней трети этого года Феникса, в его эпикурейской эре, на протяжении 90 лет бессменно длилась пятая фаза зрелости (II,5,5) (NE-PL 240°).

Со сменой аспектов резко менялся исторический образ Терезы как человека и правителя. Если временами она все еще напоминала ту юную отцовскую «отраду», о которой писал Камоэнс, то с приближением четвертой фазы в Терезе все ярче проступала наиболее характерная негативная сторона 90-градусного аспекта Нептуна-Плутона в карте ее рождения, а именно «гордыня лютая». И вот уже наступил 1128 год:

И поле Гимарайнша заалело
Обильной кровью жаркого сраженья.
Родного сына мать сгубить хотела,
Предавшись власти чувственных влечений.
Лишить его владений повелела,
В мечтах лелея только наслажденья.
И, страстию бесстыдной распалясь,
Забыла Бога в этот страшный час.

После этой решающей битвы у Камоэнса исчезли последние сомнения. Позабыв о достоинствах Терезы и об ее вкладе в формировании национального самосознания Португалии, поэт решительно вынес обвинительный приговор истории:

О Прокна![344] О волшебница Медея!
Вам в варварстве с Терезой не сравняться.

Но все же Тереза оставила Португалии свой самый главный дар – своего сына, родившегося в короткий период

[344] В древнегреческой мифологии Прокна, желая отомстить своему мужу, изнасиловавшему ее сестру Филомелу, убила своего сына и накормила мужа его мясом.

третьей фазы. Афонсу I (1109-1185) (II,5,3), известный также как Альфонс Великий и Афонсу Завоеватель, стал первым королем Португалии. Камоэнс величал его «Афонсу благонравный»:

Державе основанье положивший,
В жестокой битве с полчищем неверных
Свободу Португалии добывший.

С детства взгляды Афонсу отличались от взглядов его матери. В 1123 г., по достижении 14 лет (совершеннолетия по понятиям Средневековья) он сам произвел себя в рыцари. Победив мать и ее кастильских союзников, Афонсу продолжил успешные войны с маврами. После одной из очередных побед над мусульманами он был провозглашен королем, а в 1143 г. Португалия провозгласила независимость от королевства Леон. Камоэнс восторгается этими деяниями славного короля:

Вы видели, что этому народу,
Что мал числом, хотя велик душою,
Пришлось в боях отстаивать свободу
И сбросить мавров иго вековое.
Пришлось преодолеть судьбы невзгоды,
С Кастилией сражаясь молодою.

Характерно, что это провозглашение имело место в конце пифагорейской эры, когда Нептун и Плутон приближались к точной оппозиции. В этот период мир был далек от гармонии, и то, что Камоэнс называет героическим отстаиванием свободы, в глазах родственных португальцам кастильцев выглядело не более чем «мятежом». Даже в те далекие времена государство не могло определиться самостоятельно, а нуждалось в признании соседними странами и католической цер-

ковью. Войны Португалии за признание (с кастильцами) и за территорию (с маврами) продолжались еще долгие годы, до полного выхода Нептуна-Плутона из аспекта оппозиции в 1184 году. По окончании периода войн, в 1185 г. Афонсу I умер.

Вторым королем Португалии стал его сын Саншу I Португальский (1154-1212) (II,5,4) (NE-PL 180°). В отличие от отца, относившегося еще к пифагорейской эре, он уже принадлежал эпикурейской эре этого года Феникса. В этот период шел пересмотр, как идеалов, так и средств к их достижению. Хотя Саншу I все еще вынужден был вести войны против кастильцев и мавров, ему приходилось уделять много внимания административной организации нового королевства. Он поощрял новые ремесла и поддерживал растущий класс коммерсантов. К тому же он возводил новые города и заселял удаленные земли в северных областях Португалии фламандцами и бургундами – за что и вошел в историю как «Заселитель». Более того, Саншу I питал любовь к наукам и направлял португальских юношей обучаться за счет казны в европейских университетах. В его время поощрялась литература на старопортугальском языке, и даже сам король написал несколько поэм.

Саншу I умер в 1212 г., в начале пятой фазы, когда основная цель часа Феникса была достигнута: страна была создана, заселена и ее государственность достигла стабильности.

В задачу трех последующих королей эпикурейской эры – Афонсу II (1185-1223) (II,5,5), Саншу II (1207-1248) (II,5,5) и Афонсу III (1210-1279) (II,5,5) – входило поддерживать отлаженный их предшественниками аппарат власти. Время пассионарности кончалось, и в этом периоде возникали новые сложности, характерные для периода зрелости. К тому же, как это бывало и в другие эпикурейские эры, в этот период часто нарушалось согласие между светской властью и духовенством. Дошло до того, что Афонсу II и Саншу II, родив-

шиеся в период второй трети года Феникса, вошли в такой конфликт с папством, что были отлучены от церкви и провозглашены еретиками.

В конце концов, к началу последней трети года Феникса, во времена правления Афонсу III этим конфликтам было найдено решение. Португалия стала первым иберийским королевством, завершившим Реконкисту, а Афонсу III не только успешно завершил войну с маврами, но к тому же, в 1254 г. он провел реформу управления и собрал первый Кортес – королевскую генеральную ассамблею, куда входили знать, а также представители купечества и муниципалитетов.

На долю сына Афонсу III, короля Диниша I (Денис, Дионисий, Диниш-Земледелец) (1261-1325) (II,5,5), родившегося в пятой фазе, в «фазе века просвещения и искусств», достался золотой век Бургундской династии Португалии – период максимального ее расцвета. Реконкиста уже завершилась, и Диниш правил как король-администратор, а не как король-воин. Хотя и ему не удалось избежать короткой войны с Кастилией, но по тем временам Диниш слыл незаурядно миролюбивым монархом. К концу активизации трина, в 1297 г. (II,5,5) был подписан окончательный пакт о границах с Кастилией. Португалия была признана независимым государством всеми ее соседями, а договор о границах выдержал 700-летнее испытание временем и действителен и поныне. Символично, что в первоисточнике «Лузиад» на португальском языке Камоэнс сравнивал достижения Диниша с параллельной фазой расцвета эллинизма (II,3,5) в период Александрии, за 1000 лет до него. В русской версии Овчинниковой восхищение Камоэнса этим славным королем выражено так:

Затем Диниш, властитель просвещенный
И Храброго Афонсу сын достойный,
В науках и искусствах искушенный,

Народом правил мудро и спокойно.
К отечеству любовью вдохновленный,
Повсюду он навел порядок стройный.
При нем законы строго соблюдались,
Обычаи жестокие смягчались.

Приют Минервы властелин устроил
В своей Коимбре, городе прекрасном.
Для муз отвел богатые покои
Близ вод Мондегу, ласковых и ясных.
Явились музы дружной чередою,
Наполнив град напевом сладкогласным,
И, словно у подножья Геликона,
Там зазвенела лира Аполлона.

Подобно Карлу Великому в параллельной фазе прошлого цикла, Диниш заботился не только о хлебе насущном для своих граждан, но и об их духовной пище. Как король-земледелец он объездил всю страну, встречался с ее жителями, перераспределял земли, поощрял сельское хозяйство, организовывал сообщества земледельцев, строил новые города и налаживал торговые связи между городами и селениями. Как король-просветитель, Диниш превратил Лиссабон в один из важнейших научных и культурных центров Европы и основал в нем первый португальский университет (впоследствии перенесенный в Коимбру).

Диниш также считался неплохим поэтом, написавшим несколько поэм и книг на португальском языке. Так как круг его интересов был очень широк, то и тематика его книг была очень разнообразной: от вопросов управления и охоты до проблем науки и поэзии. Говоря о любви Диниша к поэзии, уместно вспомнить о связи между степенью развития страны в целом и стадией развития ее языка. Ранее уже упоминалось, что до XII в. на территории Португалии существовал прото-

португальский язык, на базе которого при дворе короля Саншу I постепенно начали складываться традиции старопортугальского языка и галисийского наречия. Вместе с ростом общего благосостояния и культуры страны росла и потребность в установлении единого общедоступного языка. Таким языком в глазах Диниша был разговорный или так называемый «вульгарный язык», который по его приказу стал называться португальским и был объявлен официальным языком государственных документов страны. Интересно, что поэтический вклад Диниша в формирование будущего облика Португалии был особо отмечен величайшим португальским поэтом современности Фернандо Пессоа (1888-1935) (III,2,0). В стихотворении, посвященном памяти Диниша, Пессоа размышлял о том, что, с одной стороны, этот король считается одним из первых поэтов, писавших на португальском языке, а с другой стороны, древняя традиция приписывает ему идею высадки первых сосновых лесов в стране. Впоследствии эти деревья были использованы для создания флота Португалии. По Пессоа, в образе Диниша гармонично сочетались любовь к поэзии и к возделыванию земли:

Он ночью песнь любовную слагает
И мыслит о судьбе земли родной…
Днем – сосны корабельные сажает,
В их шуме гул прибоя различает.
И каравелл грядущих мощный строй.

Далее Пессоа проникновенно описывает постепенный процесс трансформации мысли в слово, а затем в стих и в посеянные семена, из которых, в конце концов, произрастает движущая сила общества:

И песнь любви все ищет океана,
Чтоб грудь его пронзить своей тоской

И спеть ему о соснах-великанах,
О береге печальном и туманном,
Томимом страстью к морю вековой…[345]

Диниш правил 46 долгих и спокойных лет, и ко времени его смерти в 1325 г. (NE-PL 270°) (II,5,6) Португалия расцвела и встала на равных с другими королевствами Пиренейского полуострова. Но время шло, и период пятой фазы «золотого века» приближался к концу. Точный квадрат между Нептуном и Плутоном, активизированный в 1320-1333 гг., был прелюдией к вступлению в следующую фазу – шестую фазу «кризиса и упадка» преклонных лет.

Причины постигнувших страну бед мало отличались от тех, которые привели Португалию к кризису власти в 1128 г., когда Афонсу I объявил войну своей матери Терезе, задумавшей лишить его короны и передать власть своему любовнику. Хотя Диниш I сумел ввести много разумных законов и надолго обеспечить мир с соседями, он не умел обеспечить мир в своей собственной семье. Последние годы его правления были омрачены конфликтами между его сыновьями – законным наследником (будущим Афонсу IV) и побочным сыном (Афонсу Санчесом). Считалось, что Диниш явно отдавал предпочтение побочному сыну, и на этом фоне соперничество между сводными братьями не раз доводило страну до грани гражданской войны.

Единственной, кому неоднократно удавалось предотвратить войны на почве семейных ссор между Динишем, его сыновьями и их кастильскими и арагонскими родственниками, была жена Диниша, Святая Изабелла Португальская (Изабелла Миротворица) (1271-1336) (II,5,5) (NE-PL 240°). Согласно преданиям, королева заботилась о бедных, основывала больницы, школы и приюты. Во многом ее деятельность со-

[345] Пессоа Ф. Послание . - М.: Фонд им. И.Д.Сытина, 1997. Пер. О. Овчаренко.

ответствовала идеалам библейских пророков Исайи и Амоса, живших в параллельный период за 2000 лет до описываемых событий. Несмотря на то, что Диниш не был примерным мужем и имел множество любовниц, она служила примером верной жены, а после смерти супруга удалилась в основанный ею францисканский монастырь в Коимбре.

После смерти Диниша корона перешла к Афонсу IV (1291-1357) (NE-PL 240°) (II,5,5), родившемуся в конце периода активизации убывающего трина. Вражда между братьями разгорелась с новой силой. Казалось, что кризиса не удастся избежать, но благодаря миротворческому таланту Изабеллы, ей все же удалось привести братьев за стол переговоров для подписания соглашения между ними.

Афонсу IV пришел к власти в тяжелое время испытаний квадрата Нептуна-Плутона. Беды посыпались на страну одна за другой. После смерти Изабеллы больше некому было сдерживать сына, и между Португалией и Кастилией разгорелась четырехлетняя война, за которой последовало ужасное землетрясение 1344 г. и эпидемия чумы 1348 г., унесшей жизни трети населения страны. В отличие от отца и деда, Афонсу IV вошел в историю не как дальновидный политик, а как храбрый воин. Может быть, в другие времена рыцарские подвиги принесли бы ему славу, но в его дни меч уже не считался лучшим советником. Наверно, именно поэтому мы читаем у Камоэнса двусмысленную похвалу этому королю, в которой не упоминается ни об уме, ни о мудрости:

Когда же в бозе властелин (Диниш) почил,
Взошел на трон Афонсу несравненный.
Отцу он прежде мало был послушен,
Но сердцем честен, смел и прямодушен.

К тому же, Афонсу IV вошел в историю, как бессердечный и безжалостный отец, приведший к гражданской войне

со своим сыном Педру, отдав жестокий приказ убить Инессу де Кастро – возлюбленную его сына и мать четырех его внуков. И все же, несмотря на безрассудство многих его поступков, судьба хранила Афонсу IV, и не ему было суждено стать последним представителем бургундской династии. Афонсу IV умер в 1357 г., в своей постели, и он еще не знал, что в том же году родился основоположник новой династии, его незаконнорожденный внук Жуан. До конца бургундской династии оставалось всего лишь 30 лет, и восьмой король Португалии, Педру I, в значительной степени способствовал приближению этого конца.

Педру I (Педру Злой, Педру Жестокий или Педру Справедливый) (1320-1367) (II,5,6) (NE-PL 270°) родился в шестой «фазе кризиса и упадка». Он прожил короткую, бурную и глубоко несчастную жизнь. По тем временам он слыл строгим и справедливым правителем, но горячим, своенравным и вспыльчивым человеком. Как это бывает свойственно представителям эпикурейской эры, он часто переходил границы умеренности и необузданно предавался развлечениям, охоте и пирам. Основной его проблемой в жизни стало непослушание воле отца. Но о каком послушании могла идти речь, когда Афонсу IV не видел в сыне живого человека с его чувствами и стремлениями, а только средство для достижения своих интересов? Что можно сказать о нравах средневекового рыцарства, когда в 1325 г. пятилетнего Педру насильно женили на десятилетней Бланке Кастильской? Этот брак был аннулирован только через 8 лет. Но уже в 1339 г. по приказу отца 19-летний Педру вынужден был против своей воли жениться на Констансе Кастильской.

Средневековые обычаи не признавали права на любовь. Но что поделать, если и тогда сердце отказывалось следовать указам королей? В течение многих лет Педру горячо любил Инессу де Кастро и имел от нее четырех детей. После смерти жены он наотрез отказался вновь жениться по указанию отца

и продолжал жить со своей возлюбленной. Афонсу IV не потерпел сыновнего неповиновения: в 1355 г. он с отрядом воинов напал на монастырь, в котором Педру укрывал свою любовницу, и по его приказу Инесса была убита. Горе Педру было безмерно, а месть яростна. Началась гражданская война, в результате которой убийцы Инессы были казнены самым жестоким образом, а Афонсу IV был вынужден разделить власть с сыном. Камоэнс так подводит итоги правления Педру Жестокого:

А вскоре Педру править стал страною,
И гнев его настиг убийц (Инеш) жестоких,
Карал дон Педру яро, беспощадно
Обманщиков, убийц и лиходеев,
Разбойников казнил он кровожадных,
Позору подвергал прелюбодеев.
И города очистил он изрядно
От татей, лихоимцев, прохиндеев,
Казнил он их, нимало не жалея,
В чем превзошел Алкида и Тезея.

Поэт подчеркивал, что Педру боролся со всем тем, что прогнило, отжило и устарело в его королевстве. Как мы уже видели ранее, это характерно для шестой фазы, когда происходит лихорадочная попытка удержать строй или власть, несмотря на то, что за долгий период застоя «золотого века» фундамент постройки мог уже полностью прогнить. Например, в параллельной фазе цикла (II,2,6) мы уже встречались с подобной ситуацией и в Древней Греции, когда Дракон «яро и жестоко» боролся с «лихоимством». Но на примере Педру видно, как обострение кризисной ситуации, вызванной поведением его отца, усугубилось жестоким характером и запутанными любовными отношениями самого Педру I, создавшего благодатную почву для будущей борьбы за власть

между его детьми. После смерти Педру в завершающей, седьмой фазе цикла законным наследником престола был его сын от Констансы Кастильской, Фернанду I (1345-1383) (II,5,7) – девятый король Португалии, ставший последним представителем Бургундской династии.

От Педру Справедливого родился
Фернанду, отпрыск вялый и безвольный.
(На нем каприз природы проявился,
В стране создав немало недовольных).
Кастилец в земли Луза устремился,
Начало положив войне крамольной.
Когда безвольный царь страной владеет,
Любой народ слабеет и хиреет.

Став королем, Фернанду I заявил о своих претензиях на трон Кастилии и ввел страну в серию безуспешных разорительных войн. К его смерти в 1383 г. Португалия была опустошена и разорена. Фернанду не оставил наследника, и вслед за его кончиной наступил кризис власти 1383-1385 гг., когда в стране воцарилась анархия.

Был ли Фернанду I, как полагал Камоэнс, «капризом природы» или ее закономерностью? Похоже, что не только в Португалии, а и по всей Европе наблюдался закат рыцарской идеи. Хотя «Разуму в толк не взять случившейся перемены»[346], но седьмая фаза цикла возводила прочные стены между прошлым и будущим.

О нравах и обычаях тех дней мы можем узнать из работ одного из отцов современной историографии, поэта и придворного летописца Бургундии Жоржа Шатлена (1405/1415-1475) (III,1,0). Глядя на старшее поколение, он показывал, как вопреки тому, что жизнь во времена заката рыцарства выгля-

[346] Из стихов Кавафиса (III,1,7), приведенных в третьей части.

дела сплошной историей предательства, жестокости, расчетливой корысти и паутины тонких интриг, в глазах современников все эти действия находили оправдание в ханжеском стремлении придерживаться возвышенных рыцарских идеалов.

Впоследствии «Хроники» Шатлена послужили основным источником для классической книги голландского историка Йохана Хейзиги (1872-1945) (III,1,7) «Осень Средневековья». Символично, что Хейзига обнаружил ряд важных параллелей между атмосферой пессимизма и декаданса, царивший в Европе, как в конце XIV , так и в конце XIX века. Один год Феникса отделял эти периоды друг от друга, но оба они характеризовались упадком и крушением системы ценностей: рыцарской и либеральной (соответственно).

Особенно ярко описал общее состояние рыцарской идеи в период «осени Средневековья» ровесник Фернанду I, французский поэт и дипломат Эсташ Дешан (1346-1406) (II,5,6). В стихах «О рыцарях, стыдящихся учения» он тосковал по доблести былых героев, с раннего детства стремившихся «Суть четырех достоинств изучать, /Латынь, иврит, и эллинов реченья». Таковыми, по его мнению, были, например, Давид и Соломон, Птолемей и Карл Великий. В отличие от этих славных героев, нынешнее поколение лишь «учатся в разврате пребывать,/ Обжорству, и бесстыдству в наслажденьи, /Чванливости, игре и нетерпенью». Поэтому поэт обращался к королям с последним предупреждением о необходимости срочно менять образ жизни: «Иначе ждет погибель их и тленье, /Коль рыцарь от учености бежит»[347].

Очевидно, что до ушей Фернанду I эти призывы не дошли. С концом года Феникса завершилась целая эпоха в жизни Португалии. Постоянные интриги и семейные склоки положили конец правлению бургундской династии, но не смогли

[347] Перевод Я. Старцева.

уничтожить ту государственную структуру, которая была создана всем народом Португалии. Короли умирали, но королевство оставалось дееспособным. Вскоре Кортес выбрал в качестве нового короля внебрачного сына Педру Злого, Жуана Доброго, рожденного галисийской донной Терезой Лоуренсо.

О Жуане I (Жуан Добрый) (II,5,7) (1357-1433) (NE-PL 60°) – короле Португалии, положившем начало династии Авиз так пишет Камоэнс:

Свершилось то по воле Провиденья,
Из уст младенца божий глас звучал,
И нации великой путь к спасенью
Он в Эворе чудесно указал:
Подняв ручонку, внятно, без смущенья
Ребенок восьмимесячный сказал:
«О Португалия, воспрянь от ран,
Да здравствует в веках король Жуан!»

Поражает, однако, тот факт, что, несмотря на провиденциальную роль, которую отводил Жуану I Камоэнс, ни поэт, ни последующие историки не видели в нем человека новой формации. Во всех исследованиях он предстает как характерный представитель идей Средневековья. Порой в нем видят лучшего представителя уходящего тысячелетия Темных веков, или даже вершину его достижений, но не более того. Символично, что Камоэнс уподобил его библейскому герою Самсону, родившемуся за 2500 лет в параллельной Жуану седьмой фазе года Феникса. В его глазах был «Жуан, отвагой, яростью и силой/ Самсону прямодушному подобный». Но не Жуан открыл окно в будущее, а его дети, дружные братья-инфанты, безраздельно преданные новому видению исторической роли своей страны:

Но он оставил племя боевое,
Которое судьбу страны вершило.
Великие инфанты для отчизны
Готовы были поступиться жизнью.

С завершением Бургундской династии завершился процесс воплощения в жизнь основной идеи ее родоначальника Гуго Великого (~897-956) (II,5,0) – создание христианского королевства с единым народом, с его территориальными, языковыми и религиозными особенностями.

С рождением законных сыновей короля Жуана I на смену периода упадка и разложения пришел новый этап в развитии мира, поражающий, по словам П. В. Палиевского, особой «интенсивностью жизни» в Эпоху Великих Географических Открытий. Новый период истории Португалии совпал с первым часом Феникса в Близнецах.

4. Португалия в Эпоху Великих Открытий

Это – Новая Держава,
Будь, о Нация, горда:
Раз Держава – значит, слава
Ждет тебя, а ты об этом
Не мечтала никогда!
...
Порт, и пристань, и так далее –
Перечислить нелегко.
Впрочем, судна «Португалия»
Не видать: оно утопло
Далеко и глубоко.
Фернандо Пессоа (1888-1935)[348]

[348] Перевод Е. Витковского.

Для Португалии весь год Феникса 1398-1891 гг. можно свести к строкам эпиграфа к этой главе, взятого у одного из лучших ее поэтов, Фернандо Пессоа, родившегося уже в следующем часу Феникса и названного «символом Нового времени» Португалии. (Такая характеристика Пессоа сама по себе свидетельствует, что цикл как бы замкнулся: ведь за 494 года до него родился Энрике Мореплаватель, которого называли Символом Нового времени в Португалии!) В этих стихах Пессоа отражен небывалый взлет его страны, последовавший за рождением Энрике Мореплавателя, а также чувство отчаяния самого поэта, наступившего с завершением цикла и реализацией его ведущей идеи к приходу часа Феникса в 1891 г.

Как уже упоминалось ранее, Бизли издал свой монументальный труд по истории Великих Открытий как раз в 1894 г., через 500 лет после рождения Энрике, в следующий час Феникса. Подводя итоги минувших пяти веков, в предисловии к этой книге он писал:

«Сейчас мы ощущаем себя на Земле, как у себя дома, и если мы хотим понять, что это значит, то нам нужно взглянуть на Европу десятого или даже четырнадцатого века, взглянуть на теоретические карты средневековья, посмотреть на легенды и на псевдонауку той цивилизации. <…> Тогда, возможно, мы не будем воспринимать действительность как нечто само собой разумеющееся, и, возможно, мы начнем понимать, что если этот большой шаг вперед, этот величайший в нашем понимании скачок в современной истории, ставший символом и славой последних трехсот лет, совершен по вдохновению и под влиянием португальского принца Генри, этого малоизвестного принца XV в., то, скорее всего, этот малоизвестный принц принадлежат к рангу тех великих цивилизаторов, которые изменили общество и продвинули его»[349].

[349] C.R. Beazley «Prince Henry the Navigator». London, 1894, p.311.

Скрупулезно изучая мировую историю географической науки, Бизли предлагал рассматривать историю Великих открытий,

«как единую непрерывную нить в истории христианской Европы с момента принятия Римской империей христианства, и отнестись к жизни принца Генри как поворотному пункту, к центральной эпохе в развитии на протяжении многих столетий»[350].

Символично, что эти идеи хронотопа Камоэнса и Бизли продолжили свою жизнь, воплотившись в каменный Монумент Великим Географическим Открытиям (или Памятник первооткрывателям), воздвигнутый в Лиссабоне поколением людей, родившихся в час Феникса (III,2,0). Подобно Пессоа, творцам этого монумента было важно закрепить связь времен со своими великими предшественниками. Автором архитектурного проекта стал Коттинелли Телмо (1897-1948) (III,2,0), а скульптором – Леополду де Алмейда (1898-1975) (III,2,0). Макет памятника был представлен на Всемирной Выставке в Португалии в 1940 г., а открытие монумента состоялось в 1960 г. (III,2,1) (Ne-Pl 60°), в год 500-летия кончины Энрике Мореплавателя. Глядя на даты рождения авторов проекта монумента и на сроки его исполнения, поражаешься тому, как в них отразилась даты жизни самого Энрике, и невольно вспоминаются строки поэта Серебряного века, В. Ходасевича, что «над каждым сожженным мгновеньем / Возникает, как Феникс, – предание». Прошел год Феникса со дня рождения инициаторов Эпохи Великих Открытий, и все, что было завершено героями уходящего цикла, постепенно, «как Феникс», трансформировалась в памяти народа в стихи, в предания, в историю и в монументы. И так же, как в свое время первооткрыватели соединяли от-

[350] C.R. Beazley. «Prince Henry the Navigator», London, 1894 p. xvii.

даленные точки Земного шара, натягивая незримые нити морских путей по поверхности океана, так последующие историки и художники протягивали незримые нити, объединяющие прошлое, настоящее и будущее в единую струну времени.

Фрагменты
Лиссабонского Монумента

Лиссабонский Монумент, возвышающийся над рекой Тежо, исполнен в виде каравеллы, как бы врезающейся в волны полноводной реки. Каравелла украшена португальским гербом и мечом, символом королевской династии Авиз. В центре скульптурной группы расположен Энрике Мореплаватель, держащий в руках каравеллу, а за ним, как бы в едином порыве, тянутся к нему 32 фигуры героев Эпохи Великих Открытий, по 16 фигур с каждой стороны каравеллы.

На первый взгляд эти 33 героя являются разношерстной группой, включающей мореплавателей и историографов, королей и поэтов, художников и математиков, ученых и политиков. Но именно эта кажущаяся разобщенность только сильнее подчеркивает, что героями этого монумента, подобно «Лузиадам», стали не только мореплаватели, но и все португальцы, посвятившие жизнь познанию

неизведанных океанских просторов, распространению христианской веры и созданию первой колониальной морской империи. Все они в конечном итоге были сплочены единой идеей, зачинателем которой был Энрике Мореплаватель, а завершителем – национальный поэт Камоэнс.

Все герои монумента, чьи даты рождения известны с точностью хотя бы до нескольких лет, родились в интервале от 1359 до ~1524 гг. (165 лет). Как мы видим – это составляет в точности один год Нептуна. Предвестницу грядущей идеи символизирует на этом монументе единственная женская фигура – мать Энрике Мореплавателя, донна Филиппа Ланкастерская (1359-1415) (II,5,7). В этой скульптурной группе она и еврейский мудрец, картограф, астролог и ученый Йегуда Крескас (~1350/1360?-~1427?) (II,5,7) – единственные представители Зодиакального цикла в Тельце. История рассудила, что именно эти два человека стали теми связующими звеньями между эпохами, которые сумели передать знания и семенные идеи, необходимые для будущего.

В отличие от них, Жуана I не причислили к героям Эпохи Великих Открытий – ему суждено было остаться в памяти португальцев, как последнему представителю рыцарской эпохи, а не как глашатаю нового времени. Напомним, что к моменту рождения Энрике и его братьев, Португалия была крошечным и слабым королевством. Во время эпидемии чумы 1348-1349 гг. ее население резко сократилось и составляло менее чем миллион жителей. Непосредственной прелюдией к грядущему веку Великих Открытий послужили ужасные, жестокие и кровавые десятилетия интриг, войн и семейных распрей в королевской семье. Хотя Жуан I успешно справился с задачей реорганизации управления и стабилизации положения в стране, в историю он вошел не столько как реформатор, сколько как отец человека, проложившего дорогу новой эпохе на Земле. Хотя сыновья Жуана I относились к нему с нескрываемым восхищением,

«между ними разверзлась пропасть шире, чем та, что обычно отделяет поколения. Король Жуан целиком и полностью принадлежал к Средневековью. Его душу не смущали и не тревожили никакие сомнения переходного периода. Он принимал мир таким, каким он ему виделся, просто, прямолинейно и без всяких сомнений. <...> Дон Жуан был средневековым королем с ясным умом, хоть и практичного и прогрессивного толка, но все же, всегда средневековым»[351].

В отличие от отца:

«Его сыновья принадлежали эпохе Возрождения. Лучи этого, все еще отдаленного, времени уже коснулись их и наполнили их души удивлением, предвосхищающим восход солнца. Они не родились в простом мире своих родителей. Их целью было разгадывать тайны Вселенной»[352].

Учитывая важность этого перелома в сознании человечества, и осознавая, что этот перелом произошел в период первого часа Феникса в Близнецах, хотелось бы глубже понять внутренний мир тех людей, кому довелось жить в это время. Если соглашаться с Бизли, то самой подходящей кандидатурой для изучения этого часа Феникса является Энрике Мореплаватель. С одной стороны, именно ему историки приписывают основное влияние на ход развития последующих 300 лет мировой истории[353], а с другой стороны, на примере его личной судьбы ярче всего видна линия водораздела между старым и новым временем.

[351] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p. 17-24.

[352] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p 24.

[353] C.R. Beazley «Prince Henry the Navigator». London, 1894, p. 122.

5. Немного историографии

Легче знать что-то, чем узнать,
откуда мы это знаем.
Аноним

Изучение жизни Энрике Мореплавателя интересно еще и тем, что оно позволяет проследить историю написания истории его жизни и динамику изменения общественного мнения о нем.

К моменту написания этой книги в моем распоряжении было пять объемных монографий, написанных в разные фазы года Феникса, изданных в разном стиле и отпечатанных на различной бумаге. Несмотря на то, что все эти книги ссылались на те же первоисточники, каждый автор, в зависимости от своего времени рождения, по-разному именовал принца, акцентировал или игнорировал те или иные аспекты его жизни и рассматривал его вклад в развитие мировой культуры с разных позиций, характерных для конкретного периода написания книги.

1. Самая ранняя их этих биографий[354] была издана на английском языке в Лондоне, в 1868 г. Ее автором был географ и картограф Ричард Генри Мейджор (1818-1891) (III,1,6), ответственный за создание отдела древних карт мира в Британской библиотеке. (Отметим характерную черту эпикурейской эры цикла – это время основного вклада архивариусов и библиотекарей). В предисловии к этому монументальному труду автор считал своим долгом извиниться перед англоязычными читателями за то, что он знакомит их с жизнью португальского инфанта. В оправдание он приводит два основных довода: английское происхождение матери Энрике Мореплавателя и его вклад в мировую культуру.

[354] R. H. Major «The Life of Prince Henry of Portugal», London, 1868.

Книга Мейджора, написанная в конце первого года Феникса в Близнецах, отражает мировоззрение уходящей эры, которой еще чужда идея «глобальной деревни» или восприятия Земли как единой Планеты Людей. В этой первой биографии Энрике Мореплавателя на английском языке основное ударение делалось не на личности португальского принца, а на истории географических идей, истории картографии и истории биографических материалов.

Очень интересно пронаблюдать динамику того, как исторические документы рождались и забывались, «терялись» и «отыскивались», пересматривались или переводились на другие языки. К основным первоисточникам Мейджор относит упомянутые уже ранее португальские рукописи, записанные участниками событий, начиная от Зурары и кончая Жуаном Баррошем. Все авторы этих работ родились в пифагорейской эре года Феникса (III,1), во время его первой трети (или первого года Нептуна).

По пришествии этого года Нептуна приоритеты изменились, а к началу эпикурейской эры наступил кризис, в результате которого кончились времена, когда Португалии более века удавалось стоять в первом ряду европейских держав. В период оппозиции Нептуна-Плутона, во время кризисной четвертой фазы, страна подпала под владычество Испании, а культурная жизнь в ней характеризовалась «парализующим состоянием молчания и бездействия»[355]. На протяжении двух столетий после Барроша не было новых работ, посвященных истории португальских первооткрывателей. Более того, в это время затерялись рукописи Зурары.

С концом четвертой фазы и с наступлением периода активизации трина Нептуна-Плутона, Португалия вновь обрела независимость. В пятой фазе «золотого века» страна начала

[355] R. H. Major. «The Life of Prince Henry of Portugal», London. 1868., p.xi.

заботиться об образовании, об открытии Академии и о сборе архивных материалов. Как отмечал Мейджор, к 1779 г. (III,1,5) Академия Наук в Лиссабоне стала центром сбора оригинальных документов, ответственным за сохранность исторических первоисточников.

Тем не менее, рукопись Зурары «отыскалась» только в 1837 г., не в Лиссабоне, а в Париже, и была впервые издана в 1842 г. Жан-Фердинандом Дени[356] (1798-1890) (III,1,5) – французским историком Бразилии. По словам Мейджора, история того, как эта бесценная рукопись оказалась в Парижской библиотеке, остается загадкой для исследователей. Не меньшей загадкой становится синхроничность, по которой именно в 1842 г., параллельно с выходом в свет летописей Зурары, в Европе была напечатана первая серьезная биография Энрике Мореплавтеля. Автором этой работы был профессор Ваппеус[357] из Геттингена, задавший тон в отношении к Энрике Мореплавтелю, как к инициатору великого исторического процесса.

Как это бывало и ранее, в эпикурейской эре информация быстро распространялась по периферии и продолжала свою жизнь в переводах на другие языки. После немецкой и французской публикаций появилась первая английская работа Мейджора, а за ней и монументальный труд Бизли.

2. Кардинальным новшеством в биографии, написанной Бизли[358] (1868-1955) (III,1,7) в 1894 г., была концепция хронотопа, отсутствовавшая в Работах Мейджора. Для Бизли мир уже не виделся случайным набором событий, а постепенно обретал осмысленную связь эпох. Однако биография Бизли не принадлежала Новейшему времени, а характеризовалась уходящим годом Феникса. Во-первых, она написана

[356] Jean-FerdInand Denis.

[357] J. E. Wappeus

[358] C.R. Beazley «Prince Henry the Navigator». London, 1894.

не с позиций объективного научного исследования, а с позиций христианского мировоззрения, с целью представить героев-первооткрывателей миссионерами христианства. Во-вторых, в ней, как и в прошлых биографиях, отсутствовало описание детства Энрике Мореплавателя и не придавалось большого значения этой фазе в жизни человека.

3. Биография историка Илейн Сенсо (1896-1978) (III,2,0), изданная в 1969 г., уже целиком и полностью принадлежит новому году Феникса. Она написана живым современным языком, и в ней большое внимание уделено вопросам формирования личности в раннем детстве и проблемам взаимоотношений в семье. После сухого научного взгляда Мейджора и обезличенной христианской идеологии Бизли, у Илейн Сенсо, родившейся в час Феникса, как и сам Энрике, образы героев того времени приближаются ко времени читателя. И хотя все три автора черпали свои материалы из тех же первоисточников, Сенсо обращала внимание на те «мелкие» детали семейного быта и отношений между героями, которые делали их более человечными и понятными нынешним поколениям.

4. В биографии Джона Ура[359], изданной в 1977 г., автор сделал еще один решительный шаг к новому пониманию значения личности Энрике Мореплавтеля. Отрицая возможности того, что Эпоха Великих Открытий диктовалась какими-либо экономическими или социальными факторами, Ур приписывал причину ее возникновения тому, что Энрике Мореплаватель был представителем Новой формации человека – Человеком Эпохи Ренессанса, а не Средневековым Рыцарем. Вся его книга написана с этих позиций и представляет собой попытку осознать, в чем смысл и значение такого перелома в человеческом сознании.

[359] John Ure, «Prince Henry the Navigator», Constable, London 1977.

5. Самым поздним исследованием, посвященным Энрике Мореплавателю, стала монография историка Питера Рассела[360] (р. 1913) (III,2,1). Пожалуй, ее главным новшеством стало осознание того факта, что в истории нельзя пренебрегать деталями. Например, предыдущим биографам Энрике Мореплавателя не было ясно, как относиться к тому, что в его времена важная роль в принятии решений отводилась астрологическим предсказаниям. Характерно, что во всей книге Мейджора (457 страниц) слово «астрология» появляется один раз, да и то в сопровождении извинения автора за то, что он не посмел вычеркнуть упоминание астрологии из цитаты великого математика тех лет, Педро Нунеша. Хотя последующие авторы упоминали описания Зурары, связанные с астрологией, они, тем не менее, не пытались проанализировать их значение в жизни самого Энрике. В новом году Феникса рождаются (а точнее, возрождаются) новые подходы, и так же, как это было во времена Ренессанса, назревает потребность в пересмотре отношения ко времени в целом, и к астрологии, в частности. В свете этого проясняется, почему Питер Рассел приводит описание текста гороскопа Энрике Мореплавателя, составленного в момент его рождения, и пытается понять, насколько важную роль он сыграл в судьбе будущего первопроходца.

Подводя итоги этого обзора, мы наблюдем картину динамики, подобной этапам создания и распространения Библии, древнегреческого эпоса или «Беовульфа», а именно:

* вдохновение, зарождение идеи и оригинальные работы в пифагорейской эре (от часа Феникса до третьей фазы);

* утеря информации в период кризиса при переходе к эпикурейской эре (четвертая фаза);

* «открытие заново», академическая редакция и переводы в эпикурейской эре (пятая – седьмая фазы);

[360] P. Russell , Prince Henry «the Navigator» A Life. Yale University, 2000.

* «возрождение оригинальной идеи» в следующем часу Феникса. При этом возникает «новое измерение» – элемент перспективы и глубины, недоступный прошлым поколениям.

В этой книге нет ни возможности, ни необходимости приводить подробную биографию Энрике Мореплавателя. Ключевые моменты его жизни и жизни его братьев будут рассмотрены лишь постольку, поскольку они служат стержнем и фоном для воссоздания истории Португалии в период начала первого года Феникса в Близнецах. Канвой для последующего краткого обзора этого периода послужит сравнение основных особенностей личности Энрике Мореплавателя с характерными чертами поэтов и философов, родившихся в час Феникса (подытоженными в пятой части книги).

6. Основные черты Энрике Мореплавателя в свете характерных особенностей, присущих часу Феникса

Есть некая огромная страна,
Недостижимая для морехода;
Животворит и властвует она,
И от нее свой род ведет Природа.
Фернанадо Пессоа (1888 – 1935)[361]

Дихотомия Энрике на фоне раскола времен.

Во всех биографиях Энрике Мореплавателя бросается в глаза сложность и многогранность его характера. Рассел приводил емкие, но расплывчатые описания принца в качестве «ученого-отшельника, специально предназначенного судьбой раскрыть тайну, ранее скрытую от людей», или как

[361] Перевод Е. Витковского.

«национального символа, олицетворяющего героическую судьбу и имперские достижения португальского народа»[362].

Такие громкие фразы указывают на значимость роли Энрике Мореплавателя, но вряд ли помогают понять характер живого человека, к которому они относятся. Очевидно это не случайность, так как в глазах биографов Энрике виделся фигурой загадочной и непонятной как для современников, так и для будущих исследователей. Например, Илейн Сенсо писала:

«Проблема с личностью Энрике заключается в том, что для нее не подходит ни одна формула. <...> Он был крестоносцем – ученым – коммерческим предпринимателем – мечтателем – реакционером – новатором – и каждая из этих сторон его личности проступала так ярко, как будто пыталась подавить все остальные»[363].

Такая картина смущала многих авторов. Действительно, с одной стороны, Энрике поражает широтой и новизной взглядов, а с другой стороны, трогает глубиной трагичности человека, раздираемого внутренним конфликтом между рыцарскими понятиями Средневековья и зовом сердца, настроенного на волну грядущей Эпохи Возрождения.

Зурара признавал, что инфант скорее выглядел человеком суровым, нежели приятным, и «выражение его лица, на первый взгляд страшило непривычных к его внешности»[364]. Описание тяжелого характера Энрике и его гнетущего взгляда в сочетании с угрюмым выражением лица, запечатленного на портрете придворным художником, напоминает описания библейского царя Саула (II,1,0), раздираемого страстным же-

[362] P. Russell , Prince Henry «the Navigator» A Life. Yale University, 2000, p.5.

[363] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p 302.

[364] John Ure, «Prince Henry the Navigator», Constable, London 1977, p.53.

ланием стать исполнителем Божьей Воли и приступами своих необузданных страстей. Напомним, что в начале Зодиакального цикла в Тельце Бог заменил царю Саулу сердце (1 Цар. 10:9), чтобы он повел за собой народ в новую историческую эру. Чтобы побороть приступы депрессии, вызванные этим постоянным внутренним разладом, царь Саул звал к себе юного Давида, и тот успокаивал его сердце музыкой. Чтобы справиться со своими приступами депрессии, Энрике уединялся у себя в Загрише и часами сидел в одиночестве на скалистом берегу океана, вглядываясь вдаль и пытаясь угадать, что же скрывается за этими безбрежными водными просторами.

Двойственность характера Энрике Мореплавателя побудила некоторых современных авторов задаться вопросом, а не преувеличена ли была роль одного человека в истории географических открытий? Не может ли быть, что на самом деле историей двигали не конкретные люди, а только безликие экономические факторы?

Оглядываясь на сто лет назад и анализируя тексты своих предшественников, Джон Ур отметал такие сомнения:

«Принц Генри показался мне фигурой гораздо более сложной, чем тот прообраз предшественника Ренессанса, каким его изображал Мейджор; мне он выглядит человеком, сформированным в мире Средневековья и наделенным многими жесткими чертами, характерными для этого мира. И все же его личная роль в инициировании Эпохи Великих Открытий казалась мне бесспорной и решающей, ибо она не может быть сведена ни к каким факторам крупных политических или экономических сил»[365].

В своей книге Ур глядел на проделанный Португалией путь уже с позиций второго года Феникса в Близнецах, и с

[365] John Ure «Prince Henry the Navigator», London, Constable, 1977, p.12.

этих позиций перед ним отчетливее вырисовывалась дихотомия личности прославленного принца:

«Постепенно у меня начал формироваться мой личный взгляд на человека, разрываемого между противоречивыми влияниями средневекового происхождения и воспитания, с одной стороны, и его прагматической и прогрессивной личности, с другой стороны».

Этот анализ привел Ура к пересмотру исторических процессов:

«Многочисленные противоречия в поведении принца Генри и его непоследовательность в карьере становятся более понятными в свете принятия этой дихотомии, заложенной в основе его личности. Я решил переписать его историю именно в этом свете»[366].

«Переписав» и тщательно проанализировав все материалы Эпохи Великих Открытий, от открытия Мадейры до открытия Америки и Бразилии, Ур задался еще более каверзным вопросом: «Как можно было столь многого достигнуть за 100 лет со дня смерти принца Генри?» Ему казалось, что:

«На этот вопрос нет удовлетворительного ответа. Но если существует хоть один ключ к верному ответу, то он, безусловно, кроется в характере того человека, который – больше, чем кто-либо другой – был зачинателем этого процесса. <...> Душой этого процесса стало наследие жесткого, сурового и не очень симпатичного человека, сочетавшего в своей собственной личности самоотверженность крестоносцев со стремлением к знаниям современного человека, и прославившегося в мире под именем Генри Мореплавателя»[367].

[366] John Ure «Prince Henry the Navigator», London, Constable, 1977, p 12.

[367] John Ure, «Prince Henry the Navigator», London, Constable, 1977, p.192.

Интересное развитие этой темы находим у Питера Рассела. Он связывал дихотомию в характере Энрике Мореплавателя с влиянием его гороскопа, составленного по заказу родителей принца при его рождении и предсказавшего ребенку «раздвоенную» судьбу воина крестоносца в сочетании с личностью, призванной расширить границы познаваемого мира и обогатить жизнь новым знанием[368]. Это предсказание естественно приводит нас к следующей черте рожденных в час Феникса.

Роль пророчества, данного при рождении Энрике Мореплавателя.

В то время как задачей Ура было изложить историю Эпохи Великих открытий в свете исторического излома времен, рассекавшего хронологическую ось времени на старый мир рыцарских турниров и на новый мир научных открытий, в задачу данного исследования входило изложить ту же историю в свете дат рождения ее главных героев. Правомерность такого подхода подтверждалась и хрониками Зурары, в которых были перечислены шесть основных причин, побудивших Энрике Мореплавателя посвятить свою жизнь исследованию морских путей. Это его желание:

1. расширить границы познания и познать неизвестное;
2. расширить торговые связи;
3. пошатнуть власть неверных;
4. установить контакт с любым христианским Королевством, если таковое будет открыто;
5. обратить в христианство язычников;
6. выполнить предсказание судьбы, записанной в его гороскопе, составленном при его рождении[369].

[368] P. Russell, Prince Henry «the Navigator» A Life. Yale University, 2000, p 18.

[369] C.R. Beazley, «Prince Henry the Navigator», London, 1894, p.65.

В то время как пять первых причин были досконально исследованы, последний (шестой, астрологический фактор) начал обращать на себя внимание только в наиболее позднем исследовании Рассела (2000):

«Биографы Генри, как правило, не придавали значения существованию гороскопа и той роли, которою приписывал ему Зурара. <...> Такой анахронизм, вызванный желанием оградить Генри от любого намека на его интерес к астрологии, конечно, абсолютно несостоятелен, так как он не учитывает статуса астрологии и астрологических предсказаний в те времена. Действительно, вполне возможно, что именно благодаря интересу Генри к тому, что говорили астрологические предсказания о его будущем и о будущем остальных членов его семьи, он впервые начал проявлять серьезный интерес к звездам. По крайней мере, не было ничего необычного в том, что принц XIV или XV вв. проявлял большой интерес к астрологии. В те времена (да и значительно позднее) в Европе астрологические прогнозы получили широкое распространение и признание в качестве достойной науки»[370].

Для того, чтобы яснее почувствовать роль предсказания астролога, желательно поближе познакомиться с тем человеком, который это предсказание получил, то есть, с матерью Энрике, и с той атмосферой, в которой инфант рос в детстве. Современники отмечали, что во многом своим воспитанием инфанты были обязаны именно матери, Донне Филиппе, дочери Джона Гонта, первого герцога Ланкастерского и внучке английского короля Эдуарда III. Будучи отпрыском королевской династии Плантагенетов (к которой принадлежал также легендарный король Ричард Львиное сердце), Филиппа идеализировала рыцарские идеалы Средневековья. Несмотря на то (а может быть именно по причине того), что ее предки

[370] P. Russell , Prince Henry «the Navigator» A Life. Yale University, 2000, p. 16.

скандально прославились многочисленными связями с любовниками и любовницами, фаворитами и фаворитками, приведшими к трагедиям и к жесточайшим кровавым расправам, донна Филиппа отличалась редким благочестием и строгостью нравов. С момента ее брака с Жуаном I, будущему отцу инфантов пришлось отказаться от любовных связей и хранить супружескую верность жене. Биографы Энрике едины во мнении, что Жуан I относился к жене с большим уважением, и что эта королевская чета стала примером, достойным для подражания их подданных. Илейн Сенсо заключала, что с появлением на португальской сцене Филиппы «этот королевский двор, до недавнего времени столь развращенный, стал едва ли не самым нравственным в Европе»[371].

Донна Филиппа вошла в летописи Зурары как мать, заботившаяся о воспитании детей даже на смертном ложе. Сцена ее прощания с сыновьями выглядит сошедшей со страниц рыцарских романов. Согласно Зураре, умирая летом 1415 г. (предположительно, от чумы), молодая королева вызвала к себе сыновей, чтобы напомнить им английскую притчу о том, как легко разломать каждую стрелу поодиночке, но как никому не под силу разломать связанный пучок стрел. Этим предсмертным напутствием она хотела еще сильнее закрепить союз ее сыновей, чтобы он стал «несокрушимым»[372].

Такими возвышенными рыцарскими идеалами донна Филиппа во многом была обязана своему отцу, высоко ценившему поэзию. Джон Гонт был связан родственными узами с Джеффри Чосером (1343-1400) (II,5,7), и он покровительствовал этому величайшему поэту средневековой Англии. Чосер, в свою очередь, посвятил свою поэму «Книга герцо-

[371] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p. 14.

[372] John Ure «Prince Henry the Navigator», London, Constable, 1977, p.45.

гини»[373] памяти матери Филиппы – бабушке будущих инфантов. Впоследствии Шекспир вывел Гонта главным положительным персонажем пьесы «Ричард II», вложив в его уста проникновенный монолог о великом будущем Англии – «Я, вдохновенный свыше, как пророк…». Этот монолог, получивший широкую известность, ярко демонстрирует ту силу духовного накала, который, по описаниям биографов, передался от отца к дочери, а от нее – к инфантам.

Все четверо сыновей Филиппы и ее дочь Изабелла были хорошо образованными и благонравными подростками, но всем было очевидно, что в глазах родителей с раннего возраста самым многообещающим из детей был Энрике. Как и у многих других героев, рожденных в час Феникса, родители были заранее предупреждены об особой миссии их ребенка. В случае Энрике предначертание было записано придворным астрологом, сообщившим королевской чете о задаче ребенка расширить пределы человеческого познания. Это предсказание было созвучно тому ощущению значимости собственной миссии, которое наполняло душу донны Филиппы, и потому не могло не повлиять не ее отношение к сыну. Примечательно, как это предсказание 1394 г. перекликается с выводом, сделанным через 500 лет в 1894 г. Бизли:

«К тому времени многие факторы направляли Западную Европу к открытиям и к сближению с востоком. Прогресс науки и исторического познания, записи и отчеты путешественников, развитие христианских народов, расположение Португалии и дух ее народа, – все эти факторы развития как бы слились воедино во времени Генри, в его народе и в нем как в человеке, и от этой встречи произошли результаты Колумба, да Гама и Магеллана»[374].

[373] «The Book of the Duchess»

[374] C.R. Beazley «Prince Henry the Navigator». London, 1894, p. 142.

Суммируя сказанное Бизли, мы получаем дополнительное описание синхроничности: когда мир созрел к новому скачку, в него приходит тот, кто становится триггером и катализатором этого процесса.

Зачинателям всегда трудно. Их поджидает много испытаний, разочарований и поражений. Часто кажется, что любые попытки продолжать поиск новых путей бессмысленны или даже безумны. Окружающим непонятны их чудачества и нелепое упрямство. Откуда же черпать силы и поддержку?

Для Энрике источником его силы становились знания. Ему важнее всего было изучить географию Земли и раздобыть знание законов развития мира. А в те времена этими законами занималась астрология. Как отмечает Ур:

«В XIV и XV веках изучение поверхности Земли имело много общего с изучением небес: и то и другое было одновременно средневековыми метафизическими учениями и “современными” научными дисциплинами. Подобно тому, как были астрономы, основной целью которых являлась астрология, и которые пытались интерпретировать звезды с точки зрения своей собственной философии, так встречались и картографы, основная цель которых сводилась к объяснению окружающего мира в свете своих предвзятых религиозных и философских взглядов»[375].

Истории не известны подробности раннего воспитания и детских лет инфантов, но согласно Расселу, они должны были учиться по наиболее распространенному учебнику XIV в., «De regimine principum», в котором важная роль приписывалась изучению астрологии. В кастильской версии этого учебника говорилось, что будущему правителю необходимо знать астрологию, так как умение вычислять траекторию звезд помогает определить влияние небесных светил на земные

[375] John Ure, «Prince Henry the Navigator», Constable, London 1977, p.106.

дела[376]. Важная роль астрологии подчеркивалась и тем, что еще Карл Великий проявлял большой интерес к ней и сам вел наблюдения за звездным небом.

Ясно также, что, начиная с 1391 г., донна Филиппа приблизила к себе астролога, врача и одного из наиболее видных поэтов своего времени по имени Йегуда Негро (Иегуда ибн Йахия Негро Бен Давид), родившегося в Толедо и покинувшего Испанию из-за гонений на евреев. Зурара не записал имени составителя гороскопа Энрике Мореплавателя, но он с удивлением описал, с какой поразительной точностью предсказал Йегуда Негро время и место Сеутской кампании 1415 г., подробности которой хранились двором в строжайшей тайне. Зурара также подробно описал драматическую сцену, связанную со следующим придворным астрологом из семейства Йахия по имени Гедалиягу (р.~1400) (III,1,0), рожденным в Лиссабоне. В 1433 г., в день смерти короля Жуана I этот астролог отважился предупредить инфанта Дуарте об опасностях, поджидающих его в случае коронации в намеченный будущим королем час. Придворный астролог предвидел, что Дуарте поступает поспешно и самонадеянно. Такое поведение могло и далее привести к непродуманным действиям и кончиться плачевно. Гедалиягу предупреждал, что правление короля, начавшись в самый неподходящий момент, продлится всего лишь пять лет и приведет к большим несчастьям. Несмотря на уговоры придворного астролога, Дуарте не согласился сдвинуть ни день, ни даже час коронации. Зурара описывал, как после этой беседы, побелев и шатаясь от горя, Гедалиягу покинул королевские покои.

Дуарте не принял совет астролога изменить судьбу. Он продолжил свои импульсивные действия, и предсказание полностью сбылось. Правление Дуарте принесло много бед: в 1436-1437 гг. король затеял неудачную кампанию «против

[376] P. Russell , Prince Henry «the Navigator» A Life. Yale University, 2000, p 16.

неверных» в Танжире, в результате которой он потерял своего любимого брата Фернандо, а затем, в 1438 г. и сам умер то ли от горя, то ли от странной болезни. Его правление продлилось всего лишь пять лет и вошло в историю как самое неудачное правление короля из дома Авиз. Напрасно искать фигуру Дуарте на монументе в Лиссабоне – ее там нет. Но и представителей дома Йахия там тоже не найти: никто не любит вспоминать свои ошибки. Казалось бы, что публично данное предсказание, записанное придворным летописцем и исполнившееся в точности через пять лет, должно было укрепить статус астрологии, но логика тех времен была обратной. По Лиссабону поползли слухи, что король умер из-за того, что книжники-евреи дали тяжелое предсказание. За верную службу астролога расплачиваться пришлось всей общине, пострадавшей от очередной волны репрессий.

О том, что астрологическое знание сыграло большую роль в дальнейшей истории Великих Открытий, мы знаем не только из рукописи Зурары. Обращают на себя внимание две другие фигуры на Монументе Первооткрывателям. Мы уже упоминали астролога и картографа Йегуду Крескаса, ставшего наставником, другом и собеседником Энрике. А теперь добавим свидетельство Педро Нунеша (1502-1578) (III,1,1) – выдающегося деятеля математики и астрономической географии, чей образ вместе с Камоэнсом заключает группу самых поздних героев Монумента. Этот знаменитый ученый, внесший значительный вклад в развитие точных приборов для мореплавания, писал, что все открытия португальцев были не случайными, а стали возможными лишь благодаря тому, что их мореплаватели выходили в море хорошо обученными и владеющими законами «астрологии и геометрии»[377].

[377] R. H. Major «The Life of Prince Henry of Portugal», London. 1868, p.55.

Итак, жизнь Энрике Мореплавателя, начавшаяся с удивительного предсказания, постоянно приводила ему дополнительные стимулы для занятия астрологией. У него было много оснований искать в ней поддержку и доверять изначальной предопределенности своей судьбы.

Рождение новых парадигм.

Невозможно свести нововведения Энрике Мореплавателя к отдельным событиям, например, к открытию новых земель или к пересмотру учения Птолемея, так как смена парадигм происходила сразу на нескольких уровнях его сознания и бытия, затрагивая почти все сферы жизни, начиная с пренатального периода, когда его будущие родители еще только создавали семью.

О детстве инфанта, как и о детских годах большинства людей, рожденных в периоды Средневековья и раннего Ренессанса, истории не известно практически ничего. Главным интересом придворных летописцев было описание тех событий, которые казались им важными и значительными для потомства. Личная жизнь человека, а тем более маленького ребенка, не казалась им заслуживающей внимания. Признание значимости первых лет жизни ребенка начало приходить человечеству лишь в следующем году Феникса (III,2). Этот процесс осознания роли пренатального и младенческого периодов в формировании характера и судьбы дается нам с большим трудом и продолжает идти постепенно. К примеру, даже Н. Я. Мандельштам (III,2,0) скептически высказывалась в адрес новых веяний в психологии:

«Детство для меня подготовительный период и больше ничего. Я вообще не понимаю чрезмерного внимания к собственному детству. <...> Это черта эпохи, связанная, быть

может, с ростом индивидуализма, который мешает правильному созреванию и росту личности»[378].

И все же современные биографы подметили радикальные изменения и новшества в семейных взаимоотношениях королевской четы Жуана I и его супруги, Филиппы. Илейн Сенсо писала:

«Похоже, что теплота в семейных отношениях не включалась в список чувств, ценимых средневековыми рыцарями. Отовсюду мы слышим о попытках сыновей устранить своих отцов-королей и затем избавиться друг друга. В этой связи инфант Энрике, его братья и сестра были редким исключением. Эти молодые люди, далекие от помыслов о соперничестве, постоянно восхищались друг другом. Они действительно обожали друг друга, и как писал инфант Дуарте, старший из братьев, "между нами никогда не было чувства ревности!" <...> "Мы чувствовали, что нам очень посчастливилось иметь таких отца и мать!"»[379]

Вспоминая безумную жестокость в отношениях между отцом и дедом Жуана (Педру Злым и Афонсу IV), как не поражаться кардинальному перелому в отношении отца к своим детям:

«Жуан I никак не походил на того семейного тирана, каким сегодня представляют отцов того времени». «Насколько нам помнится», – писал его сын, – «он никогда не бил нас в гневе, и мы не слышали от него ни одного грубого слова»[380].

Законным наследником Жуана I стал инфант Дуарте (1391-1438) (III,1,0) – первый выживший ребенок донны Филиппы (после потери двух ее первых детей, умерших в младенче-

[378] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990 , с. 153.

[379] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p. 18.

[380] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p. 18.

стве). Он рос на редкость начитанным юношей. Впоследствии Дуарте вошел в историю не только как король, но и как один из самых ранних португальских прозаиков, ставшим автором морально-философской энциклопедии «Leal conselheiro» («Верный советник»).

На примере Дуарте можно увидеть, как зарождалось в душах, рожденных в час Феникса, новое мировоззрение. Его записи, сделанные в ранней юности, свидетельствуют о новом типе мышления, отрицавшем средневековую схоластику:

«Мой разум не готов принять это!» – писал Дуарте, говоря о вере в чары и заклинания, и в его словах звучал голос новой эпохи, эпохи, когда теории должны были зиждиться на разумных основаниях. <...> Пришло время, когда людям потребовались доказательства того, что определенные вещи действительно были такими, как им казалось, и когда они начали искать ответы на вопросы, что и почему существует в действительности»[381].

На год младше Дуарте был второй сын – Педру (1392-1448) (III,1,0). Биографы зачастую сравнивают любовь между двумя братьями с любовью библейских Давида и Ионатана. «Ты – человек, которого я люблю больше всего на свете», – писал Педру Дуарте[382]. Педру не только разделял со старшим братом потребность заменить схоластическое мышление Средневековья реальным исследованием окружающего мира, но и вошел в историю тем, что заразил младшего брата страстью к географическим открытиям, привезя ему редкие книги Марко Поло.

Третьим родился Энрике (1394-1460) (III,1,0). За ним последовала единственная дочка Изабелла (1397-1471) (III,1,0), которая впоследствии укрепила связи с Бургундией, выйдя

[381] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p. 25.

[382] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p .20.

замуж за Филиппа Доброго. И, наконец, двое младших братьев – Жуан (1400-1442) (III,1,0) и Фернандо (1402-1443) (III,1,0).

Энрике и его братья росли и воспитывались в понятиях кодекса рыцарской чести. Судя по летописям Зурары, все исторические события воспринимались ими как единый нескончаемый рыцарский турнир, а война служила им критерием благородства. С точки зрения этих рыцарских идеалов, Зурара, например, восхвалял донну Филиппу за то, что «она была англичанкой, а англичане являются одним из тех народов, которые ненавидят неверных»[383].

В свете такого мировосприятия становится понятным решение Жуана I захватить Сеуту в 1415 г. Это идея возникла в головах трех юных инфантов, мечтавших о рыцарской славе, о крестовых походах и о битвах с неверными. Юношам казалось недостойным быть посвященными в рыцари на турнире, организованном в честь их совершеннолетия родителями. Им мало было доказать свое мужество в соревнованиях с другими рыцарями – ими владела страсть испытать себя в настоящем бою; решить для себя вопросы Жизни и Смерти, глядя в лицо реальной опасности.

Замысел инфантов осуществился, и Сеута была захвачена, но встреча с представителями другой культуры пробудила в юном Энрике не столько жажду рыцарской славы, сколько жажду новых знаний[384]. Первое знакомство с морскими картами, найденными в Сеуте, пробудило в нем интерес к морским экспедициям. Из похода домой вернулся не столько воин-победитель, сколько инициатор географических исследований. Джон Ур так себе представлял эту трансформацию:

[383] John Ure «Prince Henry the Navigator», London, Constable, 1977, p 30.

[384] John Ure «Prince Henry the Navigator», London, Constable, 1977, p.56

«За десять лет, прошедших между завоеванием Сеуты и созданием первой колонии на острове Мадейра – то есть между 1415 и 1425 гг. – жизнь принца Генри приобрела новое измерение. Он уже более не был типичным крестоносцем. Ему открылись некоторые жизненные истины: он постиг, что христианский мир не владел монополией на культуру; что налаживание торговли могло быть настолько же важным стимулом развития, как и стремление к славе; что много неизвестного в мире отнюдь не являлось непознаваемым. Вдобавок, он много узнал о себе: что люди могут выполнять его приказы не только потому, что он занимал высшее положение, но и потому, что его сила воли, как правило, была сильнее, чем у них; что он обладал способностью управлять деятельностью подчиненных даже тогда, когда не руководил ими лично; что его беспокойный ум не удовлетворялся теми ответами, которые удовлетворяли других людей»[385].

В Сеуте Энрике впервые услышал о преданиях древней старины, противоречивших общепринятым в те времена постулатам Птолемея (87-165) (II,3,2), утверждавшего, что человеку невозможно жить в районе экватора. Рассматривая назревшую необходимость в смене отживших парадигм Птолемея, Бизли пришел к парадоксальному выводу, что именно пламенное стремление Птолемея создать совершенную научную картину мира, де-факто привело к тому, что любые попытки познать географию Земли были приостановлены более чем на 1000 лет. Только после рождения Энрике барьер псевдонаучных суеверий был преодолен, когда в Европе вновь вернулись к давно забытым трудам древнегреческого географа Страбона (64/63- 24/23 гг. до н. э.) (II,3,0), не пытавшегося любой ценой «заполнить все белые пятна» логическими домыслами. После экспедиции в Сеуту основ-

[385] John Ure «Prince Henry the Navigator», London, Constable, 1977, p.60.

ной целью Энрике стало проверить мифы Птолемея. Для этого он удалился в Загриш, чтобы там приступить к выполнению этой миссии.

До Энрике Мореплавателя навигация как наука оставалась на низком уровне, но это не значит, что ее не было вообще. Известно, что задолго до португальских экспедиций некоторые отважные европейцы пытались выйти в открытое море. В X–XI вв. северную Атлантику бороздили корабли норманских викингов. В XIII–XIV вв. испанцы и итальянцы неоднократно пытались заплыть на юг вдоль африканского берега. До Португалии доходили смутные сведения о плодородных островах, лежавших где-то на юге. Но все эти попытки не приводили к видимым изменениям в мире, а об Атлантическом океане продолжали ходить самые причудливые легенды. Не счесть все страшные слухи и предрассудки, распространенные в те времена среди моряков. Некоторые считали, что при приближении к южному полушарию море закипало. Другие верили, что вода там превращалась в болото, заселенное ужасными монстрами. Так как Энрике Мореплаватель первым решил отнестись к мореплаванию серьезно и придать навигации научный характер, то на смену всем этим поверьям должны были прийти правдивые документы первопроходцев, картографов и отважных путешественников.

Создание и значение школы.

В 1438 г. Энрике выстроил в Загрише небольшую обсерваторию, открыл в ней первую в мире школу навигации и перенес туда свою коллекцию карт и книг. Из Загриша он начал упорное продвижение португальцев на юг, которое завершилось в конце XV в. открытием морского пути в Индию. После этого возврата назад не было – кончилось время слухов и одиночных смельчаков. Началась эпоха планомерного освоения морских просторов. Положив начало своим великим

экспедициям, Энрике выдвинул маленькую Португалию в ряды великих мировых держав.

Хотя историки выделяют Энрике как единоличного героя драмы Великих Открытий, своими достижениями он обязан другим героям – как сверстникам-навигаторам, так и его далеким предшественникам (от Страбона, родившегося в час Феникса за 1500 лет до него, до Марко Поло (р.1254) (II,5,5), родившегося на пике достижений эпикурейской эры предыдущего цикла.) Как мы уже видели у Камоэнса, до наступления эпохи Ренессанса история народа сводилась к жизнеописанию его королей. С начала XV в. история постепенно начала наполняться не единичными, а многими ее героями. О возможных связях между временем, личностями и народом писал Ясперс:

«Прошлое предстает перед нашим взором как ряд вершин. Создается впечатление, будто на широкой основе массового существования, о котором до нас доходят лишь немногие исторические сведения, подлинную историю творит высшая духовная деятельность. Это жизнь и деяние отдельных людей, которые взывают друг к другу как друзья или враги во временном потоке. Но каждый индивидуум живет в сообществе людей, которые прислушиваются к его словам и в свою очередь влияют на него, для которых он представляет ценность, он имеет определенный круг, связан со своим народом, его языком и духовной традицией, со своей публикой»[386].

В том временном потоке и в том кругу, где протекала жизнь Энрике, его дороги судьбоносно пересеклись с путями его современников, родившихся в том же часу Феникса (III,1,0), что и он. Этими молодыми людьми, участвовавшими вместе с ним в захвате Сеуты, были два идальго, Жуан Гонсалвеш Зарку и Триштан Ваш Тейшейра:

[386] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с. 144.

«Приблизительно в это время – 1419 или 1420 – эти два идальго, Жуан Гонсалвеш Зарку и его молодой друг, Тришстан Ваш Тейшейра, обратились к инфанту Энрике. Если бы только он замыслил любое начинание, – сказали они, – то они как раз его команда! Все, что их интересует – это найти какое-то достойное занятие, потому что, как они добродетельно добавили, им казалось, что время тратится зря, когда они не заняты»[387].

Их не столько интересовали деньги, сколько томила скука. После духовного подъема крестовых походов и прилива адреналина во время разграбления Сеуты в их жизни воцарился пугающий вакуум. И этот вакуум был характерен не только для них самих, а отражал общее состояние многих молодых людей Португалии:

«С тех пор, как мир был достигнут в Кастилии, этот класс (идальго Португалии) страдал тем, что сегодня принято называть депрессией послевоенного периода. Мелкая аристократия жила в основном за счет меча, и когда вдруг не стало врагов, ее представители столкнулись с угрозой финансового краха»[388].

Так оказалось, что первыми капитанами, принявшими предложение Энирике отплыть в неизведанное стали два его ровесника, к которым вскоре присоединился их третий компаньон, Бартоломео де Перестрелло. До нас дошли их имена и даты рождения, и даже сам факт их беседы с Энрике, потому что Зурара записал их для потомков, так как именно эти молодые капитаны открыли для Португалии необитаемые острова Мадейры и Порту Санту. Именно эти идальго первыми заселили их и были назначены их первыми губернаторами.

Трудно переоценить значение этого открытия островов в 1419 г. Важно было не столько даже само умение моряков за-

[387] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p 89.

[388] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p. 89.

плыть так далеко (европейцы доплывали до этих островов и ранее). Новшеством стал сам факт заселения и освоения заморских земель. Как утверждают историки: «Это была первая серьезная колониальная попытка современной Европы»[389].

Историки также с нескрываемым удивлением отмечают, что три капитана-компаньона никогда не соперничали и не враждовали между собой. Оказалось, что каждому из них вполне хватало земель для освоения, и они мирно сотрудничали друг с другом до конца дней своих[390].

Открытие Мадейры не только послужило стимулом к дальнейшим исследованиям, но и помогло создать материальную базу для их проведения. Между 1424 и 1434 гг. Энрике снарядил не менее чем 15 экспедиций вдоль африканского побережья с единственной целью – пересечь мыс Божадор. Его не смущала безрезультатность этих попыток – он благодарил всех капитанов и щедро вознаграждал их по возвращении из плаванья. Но вот, наконец, в 1434 г. этот рубеж был взят: Жил Ианеш пересек мыс Божадор и тем самым обеспечил себе место на Монументе Первооткрывателям. Дата рождения этого отважного капитана осталась неизвестной, но ясно, что он родился не позднее первой фазы пифагорейской эры.

Пересечение мыса Божадор положило конец средневековой географии и стало торжеством накопленного опыта над общепринятыми суевериями. Это накопление опыта стало возможным лишь благодаря тому, что в Загрише трудилась спаянная группа лучших специалистов мира, послужившая ядром той структуры, которая сегодня именуется первой навигационной школой. Конечно, это не была школа в современном понятии. Там не было ни постоянного расписания, ни классов, ни школьной программы, ни учеников. Но там

[389] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p. 100.
[390] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p. 102.

постоянно велись беседы, семинары и курсы обучения лучших умов того времени. Дни и ночи напролет проводил Энрике «в многонациональной компании ученых – большинство из них евреев»[391].

Среди них был знаменитый Иегуда Крескас – сын великого Авраама Крескаса, составителя Каталанского атласа, которым по сей день могут восхищаться посетители Национальной библиотеки Франции. В молодости Иегуда Крескас собрал ценную коллекцию древнегреческих научных текстов, представлявших большой интерес для развития навигации. Эта коллекция пригодилась для школы Загрише, и в между Крескасом и Энрике сложились дружеские отношения:

«Пожилой мудрец и его молодой ученик вместе изучали морские проблемы, и с помощью своих единомышленников, умудренных опытом моряков, они совершенствовали теории, закладывая основы новой науки о навигации»[392].

После смерти Энрике в 1460 г. распалась и его школа, но мы уже видели, что основные записи и разработки, сделанные в ней, попали в руки Колумба и подтолкнули его к открытию Америки.

Высокие нравственные качества.

Сложено немало легенд, повествующих о безграничной преданности Энрике Мореплавателя своей миссии расширить границы человеческого познания. Ради этой цели он не позволял отвлекать себя никакими земными интересами:

«поражает тот аскетический образ жизни, который он вел в Загрише – его стремление к умерщвлению всего плотского, приведшее к решению постоянно носить власяницу под кам-

[391] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p 108.
[392] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p 108.

золом, часто поститься и сохранять полное воздержание от вина»[393].

Отмечая особые личные качества Энрике и его первых капитанов, биографы подчеркивают, что никто из них не искал ни богатств, ни чинов, ни собственной выгоды. Они всецело были поглощены жаждой познания и исполнения только им ведомой мистической миссии.

Но не стоит при этом полагать, что нравственные нормы тех лет остаются в почете и сегодня. Не станем обольщаться идеей, что сегодняшнее поколение согласилось бы руководствоваться такими же идеалами нравственности, как Энрике и его сверстники. Рассмотрим на двух следующих примерах, как мораль тех лет повлекла последующие трагические события в жизни инфантов и их страны.

После смерти Жуана I в 1433 г. королем стал представитель новой формации – Дуарте I. Как и предупреждал придворный астролог, он правил всего лишь пять лет. За это время король для того, чтобы произвести посвящение в рыцари своего младшего брата Фернандо, вверг страну во вторую войну в Северной Африке. Ужасным последствием этой авантюры (ответственность за которую нес не только Дуарте, но и поддержавший его Энрике) стало поражение в Танжерской кампании 1437 г., повлекшее за собой пленение Фернандо и его безвременную смерть на чужбине. Как мы видим, Дуарте был тем ярким представителем переходного периода, в котором боролись обе эпохи. Его выбор продолжить традиции рыцарских войн не только не привел к добру, но и вычеркнул его имя из списка героев Монумента Первооткрывателям. Дуарте умер молодым, в 1438 г., не дожив даже до активизации первого секстиля, 1447-1480 годов.

Еще один пример принципов «нравственности» тех времен относится к тому факту, что в годы Эпохи Великих От-

[393] C.R. Beazley «Prince Henry the Navigator». London, 1894 p. 75.

крытий началась одна из самых неприглядных страниц в истории Португалии и в биографии Энрике. На смену бескорыстному энтузиазму первых капитанов постепенно приходила расчетливость и поиск выгоды последующих поколений. Самую большую выгоду Португалии начало приносить черное золото – африканские рабы. Многие поколения португальских историков тщетно пытались понять, как христианская мораль совмещалась с созданием в 1444 г. первого рынка работорговли в Лагоше. Зурара оправдывал работорговлю, прибегая к аргументации в лучшем стиле рыцарского Средневековья. Этого христианского летописца ничуть не смущали ни грабежи в Сеуте, ни частые стычки португальских моряков с неграми на африканском побережье, ни торговля рабами и насильственное разлучение детей с матерями, а мужей с женами. Плач, крики, стоны – все это, по мнению Зурары, творилось во имя блага язычников и исключительно ради их пользы. Более того, в описаниях Зурары сквозила нескрываемая радость тому, что язычники наконец-то будут обращены в истинную веру. Как и какой ценой – ему было безразлично.

Трудно судить об отношении самого Энрике к работорговле. Тем не менее, доподлинно известно, что еще один его ровесник, Папа Николай V (1397-1455) (III,1,0) своей буллой от 8 января 1455 г. передал Энрике, а также его племяннику (королю Афонсу V) и их потомкам исключительное право на мореплавание, торговую монополию и право на работорговлю. Так на долгие годы закрепились нравственные нормы, освящавшие самые жестокие проявления человеческой натуры.

Отношение к вопросу власти.

Отношение Энрике Мореплавателя к вопросам власти носило неоднозначный характер. С одной стороны, ему необходимо

было располагать значительными финансовыми ресурсами, чтобы снаряжать свои экспедиции и прокормить ученых и навигаторов своей школы. Эти деньги он получал от правящей семьи Авиз, от колонизации заселяемых им островов и от доходов христианского ордена, во главе которого он стоял на протяжении многих лет. В интересах мореплавания ему постоянно приходилось проявлять умение дипломатии и зачастую жертвовать одними принципами во имя других.

Проблемы с властью у Энрике начались сразу после плачевного исхода Танжерской кампании. Последующие годы были омрачены целым рядом трагических событий. В 1438 г. скоропостижно скончался Дуарте. Вслед за ним, не выдержав горя утери брата, в 1442 г. умер младший инфант Жуан. Не пережил плена Фернандо – он умер в 1443 г. Сын Дуарте, будущий король Афонсу V, был слишком мал, чтобы заменить отца. Временным регентом при нем стал любимый младший брат Дуарте, Педру. Но именно в это время вновь замаячили тени прошлого и проснулись те же моральные проблемы в королевской семье Португалии, что уже привели ранее к падению Бургундской династии. Дело в том, что до свадьбы с Филиппой Жуан I имел внебрачных детей – герцогов Браганса, готовых идти на любые интриги, чтобы заполучить власть. К тому же, как и в прошлом году Феникса, традиции заключения политических браков с испанскими наследницами престола способствовали претензиям Испании на португальский трон. После смерти Дуарте, его вдова Леонур Арагонская (~1402 -1445) активно способствовала козням испанского двора подчинить Португалию Испании, а герцоги Браганса решили воспользоваться кризисом власти в своих интересах. В результате регентство Педру сопровождалось постоянными интригами, последствием которых стало его отстранение от правления в 1447 г., и последовавшая за ним гибель Педру в сражении с силами своего племянника Афонсу V в 1449 г.

Примечательно, что к началу активизации секстиля в 1448 г. (PL-NE 60°) (III,1,1) ушло с политической сцены все молодое поколение инфантов, родившихся в час Феникса. В этом же году оборвалась хроника Зурары:

«Зурара, прервав свою летопись в 1448 г., грустно замечает, что "начиная с этого года дела [связи с новыми землями] стали вестись путем торговли и товарообмена, а не решаться силой и оружием". Зурара оставался слишком преданным своему инфанту, чтобы критиковать его приказы, но легко заметить, как он сожалеет по этому поводу!»[394]

Новые нормы поведения стали впервые проявляться в последние годы жизни Энрике в Загрише, куда он удалился от политических игр и интриг, оставшись последним выжившим из братьев. Его больше не интересовали ни вопросы власти, ни войны с неверными. Он тяжело переживал утерю любимых братьев и становился все более замкнутым, угрюмым и загадочным в своем уединении. Так как он не стремился к власти, то семейство Браганса не докучало ему, «потому что он никому не пересекал дорогу. Он продвигался в одиночку, своими нехоженными тропами, по которым только отважные души решались следовать за ним»[395].

Впоследствии оказалось, что его новое мышление частично передалось целой плеяде героев, родившихся в период секстиля первой фазы 1447-1480 гг. (NE-PL 60°). Ими были такие правители, как Жуан II Совершенный (р. 1455), Мануэль I Счастливый (р. 1469), Изабелла Кастильская (1451-1504). При них выходили в море Бартоломео Диаш (р. 1451), Колумб (р. 1451), Дього Канн (р. 1451), Америго Веспуччи (р. 1451/ 1453), Педру де Ковильян (~1450 - ~1530), герцог Афонсу д'Албукерки (1453-1515), Васко да Гама (р. 1460/1469), Триштан да Кунья (~1460 - ~1540), Педру Алвареш Кабрал (р. 1467), Магеллан (р. 1480).

[394] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p. 251.

[395] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p 241.

О жизненной философии.

Был ли Энрике философом или поэтом? Что им двигало и во что он верил? Трудно сказать. Его личных записей не сохранилось, и биографы все еще ищут ответ.

Превратности жизни и вера в лучшее будущее.

Энрике и его братья родились в тяжелый период, когда после многочисленных бедствий их отец проводил в жизнь обширные реформы. В Европе шла изнурительная Столетняя война, да и их юность протекала бурно: в 1415 г. умерла от эпидемии Донна Филиппа, и в том же году они затеяли военный захват Сеуты. Вторая кампания в Сеуте принесла столь многочисленные беды, что едва не стоила дому Авиз потери власти.

После отстранения от власти регента Педру в 1447 г., страной правил юный сын Дуарте, король Афонсу V Африканец (1432-1481). До смерти Энрике в 1460 г. он оказывал умеренную поддержку его экспедициям. При нем в 1456 г. были открыты острова Зеленого Мыса, а в 1460 г. португальские корабли достигли Гвинеи.

В том же 1460 г. закончилась жизнь Энрике. Он прожил всего лишь 66 лет, но после него мир уже был на пути к новым свершениям. Ему не суждено было пожать плоды дела рук своих, но он жил и умирал с верой в то, что все его усилия не останутся напрасными. О смерти Энрике почти ничего не известно. Ему довелось пережить троих своих братьев, и он умирал, как и жил – в одиночестве, одетый во власяницу и с крестиком, подаренным ему матерью, на груди.

Энрике не дожил до великих открытий Васко да Гамы, но по преданиям, этот величайший из португальских мореплавателей, которому было суждено довести до конца дело всей жизни Энрике, родился в год смерти инфанта.

7. Продолжение истории Португалии – первый год Феникса в Близнецах

Все потеряло бы смысл, когда не чередованье
Концов и начал.
Фернандо Пессоа (1888-1935)[396]

Афонсу V не унаследовал пытливости ума инфантов, и мореплавание не было его основной целью. Продолжение Эпохи Великих Открытий ждало прихода к власти следующего поколения, а именно короля Жуана II Совершенного (1455-1495), и потому мы читаем у Камоэнса:

Когда же темень ночи бесконечной
На небеса Афонсу удалила,
Король Жуан, питомец славы вечной,
Державу возвеличил с новой силой.
Он был в своих деяньях безупречен,
Его страна зари к себе манила,
Авроры нежной родина благая...
А я его деянья продолжаю.

После смерти Жуана II в 1495 г. наследовал престол его двоюродный брат Мануэль I Счастливый (1469-1521). Его отец был младшим сыном короля Дуарте и приемным сыном Энрике Мореплавателя, а его мать была внучкой короля Жуана I. Правление Мануэля ознаменовалось вершиной Эпохи Географических Открытий. При нем Васко да Гама достиг берегов Индии (1498 г.), а Кабрал открыл Бразилию (1500 г.). При нем герцог д'Албукерки стал главным архитектором Португальской империи. Путем создания по берегам Индийского океана укрепленных пунктов с постоянным

[396] Перевод Е. Витковского.

португальским гарнизоном – Гоа в Индии (1510) и Малакки в Малайзии (1511) – Португалия сумела перехватить у арабов контроль над основными путями евроазиатской морской торговли. Это время было периодом наивысшего могущества Португалии, периодом ее расцвета как морской державы.

Естественно, что открытия Васко да Гамы, проложившего морской путь в Индию, и Магеллана, первым обогнувшего земной шар, затмевают первые скромные шаги поколения Энрике. Но за счет чего и благодаря чему были достигнуты такие головокружительные успехи в столь сжатые сроки? Историки соглашались:

«Последующие поколения открыли больше земель, чем моряки Энрике, но именно этим морякам они были обязаны своими морскими познаниями. Другие путешественники могли изучать материки – старшее поколение моряков справилось с более тяжелой задачей: они исследовали Атлантический океан. Оставаясь в сравнительной безвестности, они проложили путь для тех великих имен, которым впоследствии достались все лавры. Колумб, как моряк, не добавил ничего нового к тем знаниям, которые получил от них – и возможно, не сделал ничего такого, чего бы они уже не сделали до него. Их искусство и настойчивость подготовили почву для того великого подвига, которым Васко да Гама увенчал конец века – его удивительное путешествие <...> стало возможным только благодаря опыту, накопленному в бесчисленных прошлых безвестных экспедициях»[397].

Мануэль I умер в 1521 г., незадолго до рождения Камоэнса. Вслед за ним на престол взошел его сын Жуан III (1502-1557) (III,1,1). Казалось, что при нем могла продолжаться волна освоения новых земель и расширения границ познания: ведь до времени испытаний квадрата Нептуна-Плутона 1561 г. еще оставался короткий просвет активиза-

[397] E. Sanceau «Henry The Navigator», Archon Books, 1969, p 288.

ции второго секстиля 1525-1551 гг. Действительно, при Жуане III был восстановлен университет в Коимбре, португальцы основали бразильскую колонию и овладели Молуккскими островами. Португалия стала империей.

По мере приближения второй фазы, росло чувство, что высшая точка расцвета осталась позади, и постепенно угасала пассионарность. Как идеология, так и методы правления Жуана III порождали у Камоэнса ощущение тревоги и потери пути. Что-то в государстве пошло не так, и поэт с горечью отмечал:

Средь римских и ахейских капитанов
Невежд, глухих к искусству, не водилось.
Средь португальцев только, как ни странно,
К поэзии любовь не воцарилась.
Я повторяю с болью, неустанно,
Что больших бы побед страна добилась,
Когда бы муз прекрасных почитала
И звонких рифм созвучья понимала.

Раз нет у нас Гомеров вдохновенных
И песни нам Вергилия невнятны,
Не будет и Энеев дерзновенных,
Ахиллы не свершат свой подвиг ратный.
Сердца людей постигнет омертвенье,
Не воссияет свет им благодатный,
Их души безнадежно огрубеют,
В невежестве постыдном закоснеют.

Мы уже видели, что старопортугальский язык стал зарождаться еще при короле Саншу I (II, 5,4) и был объявлен официальным языком при короле Динише (II,5,5) – искусном трубадуре, писавшем песни в провансальском стиле. История старопортугальского языка закончилась опубликованием

сборника «Cancioniro Geral» («Всеобщий песенник») в 1516 году. Эту подборку стихов составил Гарсия де Резенде (1470-1536) (III,1,1) – португальский поэт и редактор, начавший работать над этим песенником еще в 1483 г. В него вошли около трехсот лучших стихов со времен правления королей Альфонса V, Жуана II и Мануэля. В этом сборнике все еще преобладал испанский язык, так как литературными предшественниками этой коллекции были такие великие поэты Испании, как Хуан де Мена (1411-1456) (III,1,0), Хорхе Манрике (~1440?-1479) (III,1,1) и Хуан Боскан (1490-1542) (III,1,1). Можно сказать, что на традициях этого сборника вырос родившийся через пару лет после его выхода в свет Камоэнс, придавший португальскому языку современное звучание, и во многом повторивший роль греческого великого составителя од, Пиндара (II,2,1).

При Жуане III развитие не только не ускорялось – оно начало замедляться и менять направление. Появилось новое для Португалии явление – была введена инквизиция. По своим масштабам преследование еретиков в Португалии превзошло даже то, что творилось в других частях Пиренейского полуострова. Иезуиты приобрели огромное влияние в стране. Король, королева и инфанты слепо следовали их советам. Иезуиты проникли во все слои общества, овладели университетами и стали господствовать над общественной жизнью Португалии. Ровесник Камоэнса, поэт Антониу Феррейра (1528-1569) писал: «Я в страхе живу. Я боюсь, когда пишу и говорю. Я испытываю страх, даже когда говорю сам с собою, когда молчу или думаю»[398].

Как далеко ушла Португалия от того свободомыслия и религиозной терпимости, которое ввел Энрике в Загрише! Поэтическое мировосприятие Камоэнса предвидело беду, и

[398] И. Р. Григулевич Инквизиция,- 3-е изд.- М.: Политиздат, 1985, с. 448. (Цит. по: Saraiva A. J. A inquisigao portuguesa, p. 103).

действительно, она уже была на пороге. Португалия вступала в период быстрого упадка. Сын Жуана III умер раньше отца, и поэтому престол должен был в 1557 г. перейти к малолетнему внуку Жуана, Себастьяну (1554-1578). Начиная с правления его регентов – вдовы Жуана III, Екатерины Австрийской (1507-1578), а затем младшего брата Жуана III, кардинала Энрике (1512-1580), страна близилась к кризису. По достижении совершеннолетия (14 лет) в 1568 г. Себастьян перенял государственные дела. Это произошло во второй фазе года Феникса, в период активизации квадрата Нептуна-Плутона (NE-PL 90°) (1561-1580), сопровождавшегося ужаснейшей эпидемией чумы, унесшей только в одном Лиссабоне более 60000 человек. Начавшееся в такой период правление неопытного юноши имело для Португалии катастрофические последствия.

Себастьян не был рожден в периоды активизации мажорных аспектов Нептуна-Плутона. Этот ребенок рос сиротой: он никогда не видел отца, умершего от туберкулеза в 1554 г., еще до рождения сына. Он также рос без матери, так как она отдала ребенка родителям мужа, а сама вернулась в Испанию сразу после рождения мальчика. Себастьяна растила его бабушка, Екатерина Австрийская – дочь Хуаны Безумной, которая, как и ее мать, давала много поводов сомневаться в адекватности ее поведения. При таких сложных семейных обстоятельствах юный Себастьян, по свидетельствам историков, не имел ни организаторских талантов, ни соответствующей подготовки к королевской должности. Он жил в вымышленном мире, наполненном средневековыми рыцарскими идеалами. Его главной целью было покорение неверных в северной Африке. Считая себя наследником крестоносцев, он решил «освободить» Марокко от власти арабов. Не сделав никаких выводов из печального провала кампании короля Дуарте в 1437 г., он повторил его ошибку, но ее последствия на сей раз были еще тяжелее. В 1574 г. Себа-

стьян предпринял неудачную экспедицию в Танжер. Его войско, состоявшее из испанских, немецких и итальянских наемников, было разбито; он сам погиб в 1578 г., но тело его никогда не было найдено.

Смерть молодого короля нанесла сокрушительный удар Португалии. Корона перешла к регенту Энрике (1512-1580), ставшему последним королем из династии Авиз. Будучи кардиналом, Энрике не был женат и оставался бездетным. Он умер в конце активизации квадрата Нептуна-Плутона, оставив страну без наследника. Так как в Португалии постоянно практиковались политически выгодные браки с наследницами испанской короны, то этой ситуацией воспользовался король Испании Филипп II, объявивший себя законным наследником португальской короны. Несмотря на протесты португальской знати, в ноябре 1580 г. он направил в Португалию герцога Альба для захвата власти силой. В результате молниеносной войны Лиссабон был захвачен, а Филипп II стал королем Португалии под именем Филиппа I. Так в Португалии стала править испанская династия Габсбургов.

Подводя итоги правления династии Авиз, мы видим, что в параллельный период прошлого года Феникса прекратило свое существование первое Португальское графство, присоединенное в 1070 г. к Галисии. На этом витке времени истории Португалии суждено было повториться: по прошествии 510 лет она вновь оказалась под испанским владычеством, продлившимся последующие 60 лет, до конца пифагорейской эры.

Несмотря на то, что Португалия сохраняла некоторую автономию в области местного управления и судопроизводства, ее присоединение к Испании имело для португальцев самые пагубные последствия. Страна изнемогала под бременем налогов, а злоупотребления испанских властей вызывали ненависть к Габсбургам. Исчезло былое могущество империи, и Голландия без труда вытеснила Португалию из южных морей. Вместе с потерей независимости прекратился приток

доходов из колоний, и исчезло былое благосостояние португальского народа. С каждым годом нарастала враждебность к испанскому игу, и все сильнее раздавались голоса тех, кто ждал прихода нового героя-освободителя.

Время шло, стремительно убыстрялась смена фаз, и вот уже пришло новое поколение, с новыми мечтами, идеалами и возможностями. С наступлением третьей фазы, в период активизации трина Нептуна-Плутона (1588-1606), параллельно годам рождения первого короля Португалии, Афонсу I Великого (II,5,3), и ровно через 495 лет после него, родился, будущий основатель королевской династии Браганса. Жуан IV Восстановитель (1604-1656) (III,1,3) был сыном герцога Браганского (потомком Бургундской династии) и внучки короля Мануэля I. Когда в 1640 г. в Португалии назрел очередной кризис, и португальцы совершили переворот в Лиссабоне, он оказался подходящей кандидатурой для реставрации португальской монархии.

В 1640 г. Жуан IV был коронован. Правление династии Браганса продлилось до начала следующего года Феникса и завершилось в 1910 г. революционным свержением с трона последнего короля Португалии, Мануэля II (1889-1932) (III,2,0).

Начало правления Жуана IV протекало в период оппозиции Нептуна-Плутона 1640-1658 годов. Напомним, что это были годы глубочайшего кризиса, когда весь мир претерпевал серьезнейшие изменения. При таких обстоятельствах неудивительно, что новоизбранный король должен был в первые годы правления отстаивать свои права как внутри страны, так и по отношению к внешнему миру. Против Жуана IV было спланировано несколько заговоров – самый опасный из них, в котором участвовал великий инквизитор, был раскрыт в 1641 году.

Постепенно Жуан IV сумел утвердить положение Португалии в мире и завоевать доверие португальцев. Он отменил

противозаконные налоги и передал свои громадные имения в собственность государства, оставив себе лишь малую их часть на содержание двора. Жуан IV умер в 1656 г., в самом конце активизации оппозиции Нептуна-Плутона. За годы его правления Португальские колонии в Азии, Америке и Африке признали власть новой династии, и торговля с ними постепенно улучшила финансовое положение страны. Португалия отстояла свою свободу, вернула потерянную империю, и время тяжелых испытаний миновало. Подобно тому, как в свое время король Афонсу I Великий, уходя со сцены, передал наследникам отвоеванную в сражениях власть и функциональное законодательство, так и Жуан IV в параллельной фазе цикла оставил преемникам налаженный аппарат управления. Со смертью Жуана IV завершалась пифагорейская и начиналась эпикурейская эра. В отличие от Энрике Мореплавателя, последующих правителей Португалии не волновали проблемы поиска «абсолютной истины». В их заботу входило обеспечение счастливой и материально обеспеченной жизни. Чьей жизни и какими способами? В этом мнения расходились.

На смену Жуану IV пришли два его сына, оба родившиеся в период оппозиции Нептуна-Плутона – Афонсу VI (1642-1883) (III,1,4) и Педру II (1648-1706) (III,1,4). Напомним, что эта четвертая фаза была параллельной рождению короля Саншу I (1154-1212) (II,5,4). Как и в случае Саншу I, оба этих преемника кардинально отличались от королей пифагорейской эры. С завоеваниями было покончено, рыцарские турниры их не влекли, да и открывать было больше нечего: морские пространства были покорены. Как и древних эпикурейцев и правителей эллинистической эпохи, их интересовала жизнь полная удовольствий. Первым взошел на престол Афонсу VI, которому в момент смерти отца было всего лишь 13 лет. С детства он понимал «удовольствия» в самом примитивном смысле этого слова. Отчасти он даже напоминал

римского Коммода, чье имя стало впоследствии нарицательным. Афонсу VI ничего не интересовало, кроме развлечений, он плохо учился, не слушался наставников. Став королем, он продолжал вести прежний образ жизни, разъезжая по городу с друзьями и пьянствуя в кабаках. Страной правили его фавориты, и их злоупотребления день ото дня росли. После многочисленных семейных раздоров между Афонсу VI, его матерью, женой и младшим братом народ отказался терпеть власть такого короля. В 1667 г. Афонсу VI был вынужден отречься от престола, а вместо него кортесы провозгласили правителем его младшего брата Педро II.

В первый год правления Педро II закончил выгодным миром двадцатисемилетнюю войну с Испанией и добился от нее формального признания независимости Португалии. Вслед за этим, в 1669 г. Голландия признала Бразилию португальской колонией. Центр португальской политики постепенно перемещался в колонии – прежде всего в Бразилию, где в период правления Педро II были найдены золотые и алмазные копи, принесшие королю несметные богатства. В последующие годы Педро II укрепил свою власть и все реже созывал кортесы. Он был женат дважды и кроме пятерых законных детей имел трех детей от трех любовниц.

Начиная с 1694 г., активизировался столетний период трина Нептуна-Плутона (NE-PL 240°), и постепенно приближался пик расцвета всего цикла. После смерти Педро II, в 1706 г. королем стал его сын Жуан V (1689-1750) (III,1,5), родившийся в фазе, параллельной Афонсу II. За счет бразильских золотых и алмазных приисков в его казну текли неслыханные доходы, позволившие Жуану V стать богатейшим покровителем наук и искусств в Европе своего времени. Он вкладывал много средств в развитие экономики Португалии, и при нем в 1720 г. была основана Королевская академия в Лиссабоне. Жуан V выстроил грандиозный Королевский дворец Мафра (копия Версаля) и скупил одну

из крупнейших коллекций картин. Большие средства вкладывались также в создание уникальной музыкальной библиотеки и к расширению всех библиотек в стране.

Со временем Жуан V стал вести себя как абсолютный монарх и править без участия кортесов. Этим он восстановил против себя представителей духовенства и привел к созданию сильной политической оппозиции. Незадолго до смерти короля стали изнурять болезнь и меланхолия. Несмотря на его попытки «замолить грехи» щедрыми пожертвованиями монастырям, облегчение не пришло, и он умер от водянки. Сменил Жуана V его старший сын Жозе I (1714-1777) (III,1,5) (NE-PL 240°) .

Жозе I вступил на престол в 1750 году. Это был религиозный человек, ценивший искусство и любивший оперу, но предпочитавший передать все дела управления государством маркизу де Помбалу (1699-1782) (III,1,5), наиболее влиятельному португальскому политику Эпохи Просвещения и одному из самых ярких представителей «просвещенного абсолютизма».

Рассматривая этот период, необходимо проанализировать его не только как период зрелости в истории Португалии, но и как явление Эпохи Просвещения, характерное для пятой фазы года Феникса в целом. Важны не только параллели в правлении Помбала и таких его современников как Марии-Терезии и Ектерины Великой, но и многочисленные параллели с правлением короля Диниша. Как в позитивном развитии, так и в негативных проявлениях, в этой фазе года Феникса Португалия достигла пика во всем, что было зачато в его начале. Под просвещенным руководством Помбала и в результате его реформ казалось, что Португалия в пятой фазе «золотого века» была в состоянии реализовать все самое лучшее, на что она была способна, и избавиться от всего, что отжило свой век.

Этому развитию не помешало даже тяжелейшее землетрясение 1755 г., приведшее к колоссальному числу жертв и

разрушившее большую часть столицы. В частности, был разрушен королевский дворец; безвозвратно пропали замечательные коллекции Жуана V и множество исторических документов. В любое другое время и при ином руководстве страны можно было бы ожидать, что последствием такого удара будет немедленное ослабление или даже падение империи. Но оказалось, что Помбал и его поколение сумели извлечь пользу даже из разрушений. До землетрясения Лиссабон выглядел дряхлым средневековым городом. В кратчайшие сроки после землетрясения под руководством Помбала он был превращен в одну из самых современных и элегантных столиц Европы, а излюбленная португальскими строителями разновидность барокко вошла в историю архитектуры под названием помбалевского стиля.

Подобно Динишу, Помбал уделял особое внимание развитию языка. В 1758 г. маркиз объявил португальский язык единственным официальным языком Бразилии, вытеснив бытовавшие до этого языки индейцев. В результате этой реформы, начиная с XIX в., Бразилия стала крупнейшей португалоязычной страной планеты.

Среди проведенных Помбалом реформ – изгнание иезуитов, частичная секуляризация монастырских владений, открытие светских школ, поощрение богатой общественной и культурной светской жизни. Давая положительные оценки деятельности Помбала, не следует идеализировать его методы – вряд ли бы они понравились современным поборникам свободы и демократии. Под руководством Помбала просвещенный век прокладывал себе дорогу не только мирными убеждениями, но и жесткими репрессиями против всех, кто не соглашался с политикой первого министра.

Оказывается, что пятая фаза не только приносит свои дары (в виде золотых и алмазных россыпей), но и столь же решительно отсекает все, что отжило или начало развиваться в негативном направлении. К концу этой фазы стало ясно, что

власть Помбала держалась на безоговорочной поддержке со стороны короля Жозе I. Сразу после его смерти в 1777 г. унаследовавшая престол королева – дочь Жозе I, Мария I (1734-1816) (III,1,5) – распорядилась освободить политических узников. В адрес Помбала посыпались обвинения во всевозможных злоупотреблениях. С октября 1779 по январь 1780 года он находился под судом, приговорившим его к смертной казни. Королева заменила смертный приговор пожизненным изгнанием из столицы, но почти все реформы Помбала были отменены. Как мы видим, век Просвещения, кончившийся во Франции со смертью Вольтера в 1778 г., пришел к концу в Португалии со смертью Жозе I, в 1777 г.

Кончался золотой XVIII в., и его абсолютизму противостояла новая реальность, служившая пессимистически отрезвляющим холодным душем для тех, кто поддался дурману Эпохи Просвещения, верившей в грядущий Прогресс. Ясперс, оглядываясь назад, писал:

«Пессимистическому видению еще сейчас противостоят популярные картины великолепия, коренящиеся в идее прогресса XVIII в., картины общества, где царит мир, свобода и справедливость мироустройства, основу которого составляют живое равновесие и постоянно стремящиеся ввысь силы, – неопределенные картины будущего блаженства, к которым отсылают недовольных»[399].

Несмотря на оптимистические лозунги Эпохи Просвещения, было много недовольных политикой абсолютизма, отдававшего все полномочия власти в руки одного человека. Были веские причины тому, чтобы мало радоваться власти тех, кто в этот период убывающего трина сочетал в своей жизни пьянящее наслаждение властью с не менее опьяняющим самообманом религиозных или идеологических заблуждений. Так

[399] Карл Ясперс «Смысл и назначение истории». Москва, Изд-во «Республика», 1994, с. 158.

или иначе, время пятой фазы подходило к концу – на пороге маячил последний квадрат Нептуна-Плутона, а с ним и период тяжелейшего кризиса шестой фазы, потери роскоши и утрата былого могущества Португальской империи.

В 1799 г. конец пятой фазы совпал с отречением от трона королевы Марии I, известной в Португалии также как Мария «Благочестивая», а в Бразилии как Мария «Безумная». Эти два имени королевы, родившейся в начале последней трети года Феникса, символизируют характерные черты Нептуна. Мы уже видели, что 493-летний год Феникса можно разбить на три равных части, соответствующих 165-летним годам Нептуна. В году Феникса (III,1) этим годам Нептуна соответствовали периоды: 1398-1563, 1563-1728, 1728-1891. Мы также видели, что родившийся в конце первой трети года Феникса король Себастьян – правнук Хуаны Безумной – был полностью оторван от действительности. В результате власть перешла к регенту Энрике, а затем Португалия утратила независимость. Аналогичная ситуация возникла и с королевой Марией I, родившейся через год Нептуна после него. В последние годы жизни у нее усилились признаки религиозной мании и меланхолии. В результате, она была признана недееспособной. Регентом при ней, вплоть до самой ее смерти в 1816 г. стал ее сын, впоследствии известный как король Жуан VI (NE-PL 240°) (1767-1826) (III,1,5).

До конца португальской монархии оставалось еще сто лет, но как эти сто лет заката и распада не были похожи на первое столетие Эпохи Великих открытий или даже на столетнюю Эпоху Просвещения! Власть часто менялась, а войны приводили к обнищанию населения и к обнищанию духа. Редкие всплески затишья приходились на короткие десятилетия относительного спокойствия, но они не несли с собой новых идей и не возрождали былого духа пассионарности.

Очередной тяжелейший кризис в стране произошел в шестой фазе, в годы правления Жуана VI, когда вслед за акти-

визацией квадрата Нептуна-Плутона 1808-1824 гг. (NE-PL 270°) (III,1,6) Португалия вновь потеряла независимость. Это событие было параллельно тому, как в первой трети года Феникса, вслед за активизацией квадрата Нептуна-Плутона 1562-1576 гг. (NE-PL 90°) (III,1,2) Португалия тоже потеряла независимость.

Следует отметить, что с активизацией этого квадрата в шестой (кризисной) фазе года Феникса не только Португалия вошла в полосу бедствий, но и весь мир повергся в очередную пучину раздоров, катастроф и войн. Приятная нега застоя Просвещения не могла длиться вечно. Былые идеи эпохи Возрождения уже достигли пика своего расцвета, а страна пресытились придворной пышностью и роскошью. Убывающий квадрат (270°) принес проблемы, которые невозможно было разрешить старыми методами. Работорговля не могла продолжаться вечно, и безжалостная эксплуатация колоний не могла постоянно кормить Португалию.

Не нужно быть большим специалистом в истории, чтобы прочувствовать остроту катаклизмов, которую несли в себе для жителей всей планеты слова «1812 год» (Ne-Pl 270°) (III,2,6). Перед глазами оживают эпические батальные сцены «Бородино» Лермонтова (1814-1841) (Ne-Pl 270°) (III,2,6): смешавшиеся в кучу кони и люди, грохот от залпов тысячи орудий и полыхание зарева над горящей Москвой. Драматизм событий того года отражен не только в таких великих произведениях искусства как «Война и мир» Толстого или «Увертюра 1812» Чайковского, но и во всех воспоминаниях о людях, живших в ту пору на Земле. Например, на первых же страницах биографии лорда Байрона читаем:

«Зима 1812 года для английского народа была полна бедствий и лишений. Многолетняя война с Францией истощила государственные ресурсы, в промышленности наступил кризис, сельское хозяйство в связи с неурожаем предыдущего года не могло обеспечить нужды страны. Народ голодал. Вол-

нения охватили большинство районов Англии. Резко увеличилось число безработных. С новой силой вспыхнуло движение рабочих – разрушителей машин»[400].

Обратим внимание на характерный момент: противники машин в Англии были и раньше, но только кровавые события 1812 г. побудили парламент внести законопроект о смертной казни луддитам, и именно эта борьба за будущее страны пробудила талант Байрона, выступившего 27 февраля 1812 г. с пламенной речью в защиту идеи политической свободы.

Что еще происходило в мире в эту шестую фазу прошлого года Феникса? Уже при беглом взгляде на краткий перечень той пагубной паутины обстоятельств, в которой запуталось тогда человечество, возникает чувство, что весь мир был в войне, и что все воевали со всем: с людьми, с машинами, с болезнями, с природой и со стихийными бедствиями. Россия без объявления войны напала на Швецию (Русско-шведская война 1808-1809 гг.) и отвоевала Финляндию. Россия также воевала с Турцией (Русско-турецкая война 1806-1812 гг.) и с Францией (Отечественная война 1812 года). Франция воевала со всей Европой. Англия начала первую в мире превентивную войну (англо-датская война 1807-1814 гг.) и за три дня разрушила треть Копенгагена (от массивных бомбардировок за три дня погибло не менее 2000 мирных жителей датской столицы). На Пиренейском полуострове испанцы при поддержке Англии воевали против Франции (испано-французская война и Испанская революция 1808-1814 гг.). Коренное население американских колоний (современных Мексики, Венесуэлы, Перу, Чили, Боливии, и Аргентины) восстало против испанских колонизаторов (Война за независимость испанских колоний в Америке, 1810-1826 гг.). США вели войну против Великобритании (англо-американская война

[400] Ю. Кондратьев // в Байрон. «Избранное». Москва, «Детская литература», 1973, с.5.

1812-1815 гг.). Великобритания также была вовлечена в англо-непальскую войну 1814-1816 гг.

Но и это не все. Начались эпидемии. Например, в августе 1812 г. в Одессе вспыхнула самая страшная за всю историю края эпидемия чумы. Одесса потеряла каждого 9-го своего жителя. В две последующие (и последние) эпидемии их сила постоянно снижалась. Так, в 1829 г. умерло 213 человек, в 1837 г. – 108.

В довершение картины, 5-12 апреля 1815 г. (III,2,6) произошло одно из крупнейших извержений вулканов в истории человечества – извержение вулкана Тамбора на острове Сумбава в Индонезии. Погибло 92000 человек. Вследствие этого извержения наступил «Год без лета» – название 1816 года, в котором в Европе и Северной Америке царила необычайно холодная погода. До сегодняшнего дня этот год остается самым холодным годом с начала документирования метеорологических наблюдений. В США его также прозвали «Eighteen hundred and froze to death», («тысяча восемьсот и замерзай насмерть»). Десятилетие (1810-1819) оказалось самым холодным за предшествующие 500 лет!

Таковы события этой фазы кризиса. А как они отразились на творчестве людей, рожденных в шестой фазе? Что двигало ими и какими побуждениями и принципами они руководствовались? Пожалуй, ответом могут послужить слова, ставшие ключевыми для этой фазы: «Страх и трепет». Те, кто пришли в этот мир в период последнего катаклизма отживающих 500 лет, уже мало походили на тех окрыленных идеей новизны первооткрывателей и строителей будущего, которых мы встречали в преддверии эпохи Ренессанса. Все открытые Земли уже были вовлечены в новую цивилизацию, но их население вовсе не желало безоговорочно подчиниться колонизаторам. Христианство распространилось на большую часть света, но его новый философ, Серен Кьеркегор (1813-1855) (III,1,6) верил уже не по призванию и не добродетели

ради (как в пифагорейской эре верил Энрике Мореплаватель), а главным образом из страха. Его философия характеризовалась тем, что:

«Только религиозное отчаяние признается им в качестве силы, способной вызвать неутомимую работу человеческого духа, вырвать его из абсурда и бессмыслицы существования»[401].

В такой ситуации Португалия не стала исключением. Ее отказ в 1807 г. участвовать в континентальной блокаде Великобритании послужил поводом для Испании, бывшей под властью Франции, вторгнуться в Португалию и захватить в ней власть. По настоянию Британии королевская семья Португалии бежала в Бразилию и установила правительство в изгнании в Рио-де-Жанейро. В 1808 г. Наполеон назначил своего генерал-губернатора Португалии, фактически превратив ее в вассальную территорию французской империи. В ответ Британия начала войну на Пиренейском полуострове, высадив в Лиссабоне армию генерала Веллингтона. Но и с возвратом независимости страсти не переставали утихать в тот затяжной период квадрата Нептуна-Плутона 1807-1824 годов. В 1820 г. в Португалии вспыхнула буржуазная революция, положившая начало гражданским, так называемым мигелистским войнам.

На примере этих войн нетрудно заметить продолжающиеся параллели в истории Португалии двух последовательных годов Феникса. Так же как когда-то Афонсу IV (1291-1357) (II,5,5) вступил в жестокий конфликт со своим сыном Педру I, так теперь Жуан VI (1767-1826) (III,1,5) сумел восстановить против себя своих сыновей, Педру IV и Мигеля. Первым против отца восстал его младший сын Мигель, когда по завершении войны с Францией король Жуан VI в 1821 г.

[401] Сьерен Кьеркегор. Страх и трепет, Москва, Изд-во «Республика», 1993 с.12.

вернулся в Лиссабон. Мигель воспротивился решению отца признать принятую кортесами испанскую конституцию 1812 года и попытался свергнуть его с трона. Этим замыслам сына не удалось осуществиться, и он был изгнан из страны. Но сразу же вслед за этой попыткой переворота началось восстание в Бразилии, и его возглавил другой сын короля, дон Педру. В результате, в 1825 г. Жуан VI, вынужден был признать независимость Бразилии под властью своего сына дона Педру (впоследствии Педру IV) и отказаться от прав на бразильский престол. Так Португалия окончательно потеряла Бразильскую колонию.

С этого периода история династии Браганса становится еще более насыщенной внутрисемейной борьбой и интригами. Жуан VI умер в 1826 г., в конце активизации квадрата Нептуна-Плутона (III,1,6) (Ne-Pl 270°), и в Португалии назрел кризис власти, подобный тому, что привел к концу Бургундской династии в прошлом году Феникса.

Педру IV хотел унаследовать трон отца, воссоединив Бразилию с Португалией. Этому воспротивились народы обеих стран. Тогда Педру IV передал корону своей шестилетней дочери Марии II (1819-1853) (III,1,6), сплетя при этом сложную интригу. Шестилетнюю Марию, подобно родившемуся параллельно ей Педру I Злому (1320-1367) (II, 5, 6), насильно обручили. Мужем Марии стал младший брат ее отца, Мигель, и в результате этого, в борьбу за власть были вовлечены как оба брата, так и будущая королева Мария II. В конце концов, Мария II сумела аннулировать свой странный брак, выйти замуж и на какое-то время привести к стабильному правлению. Тем не менее, дни ее были коротки, и она скончалась при родах в 1853 г. Принято считать, что с ее смертью в Португалии прекратилась династия Браганса. В оставшийся период монархии королями были потомки Марии II, которых по отцу считали представителями Саксен-Кобург-Готской династии.

Бесповоротный конец португальской монархии выпал на долю последнего короля Португалии, Мануэля II (1889-1932) (III,2,0), родившегося в последующий час Феникса. В 1908 г., 19-летним юношей, Мануэл II стал свидетелем убийства своего старшего брата и отца – короля Карлуша-Мученика (1863-1908). При этом покушении сам Мануэл II был также легко ранен. Рожденный в час Феникса, молодой король резко изменил абсолютистскую политику своих предшественников. Он ввел демократические выборы, победу на которых одержали социалисты и республиканцы. Но и это не помогло удержать монархию. Через два года после выборов, в 1910 г. Мануэл II был свергнут революцией, а Португалия провозглашена республикой. Находясь в эмиграции в Великобритании, Мануэл II написал книгу о средневековой португальской литературе.

Поколение, пришедшее во время второго часа Феникса в Близнецах, вновь застало страну в тяжелейшем состоянии. Начало XX в. принесло Португалии неисчислимые бедствия. Оказавшись ареной борьбы между англичанами и французами, раздираемая гражданской войной, истощенная и разоренная страна забыла о поэзии и об искусстве. Возрождение ее связано уже с новым периодом глубоких социально-политических сдвигов, приведших сначала к установлению конституционной монархии, а затем и к революции 1910 г. И вот уже рожденный в 1888 г. новый символ португальской культуры, поэт Фернандо Пессоа писал:

Утро воскресло! И встало, коль верил ты прежде,
Веры светило:
Встало, и спящей – но только не мертвой! – надежде
День возвратило.[402]

[402] Перевод С. Александровского.

Новый день возвращался постепенно, проходя от кризиса к кризису. Первая демократическая республика и участие Португалии в первой мировой войне привели к полному хаосу, и как следствие – к очередной революции и военному перевороту. Начиная с 1928 года, в Португалии установился режим так называемого «Нового государства», архитектором которого был Оливейра Салазар (1889-1970) (III,2,0). Салазар – бывший профессор политэкономии в Коимбрском университете, а затем министр финансов Португалии – захватил контроль над страной в начале 1930-х, а затем в 1933 г. он ввел новую конституцию, предоставившую ему практически неограниченные права. Салазар установил правый авторитарный режим в стране, и его могущество не ослабевало вплоть до 1968 г., когда он был вынужден подать в отставку из-за болезни. С его уходом с политической арены Португалия отказалась от имперских владений и начала искать свой новый облик. Подойдя вплотную к нашим временам, постараемся и мы отыскать дальнейшие пути развития культуры и спросить, а что нас ждет впереди?

Часть восьмая

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ И О БУДУЩЕМ

Всякий гость земного пира
жил да был – простыл и след.
Умирает песня мира,
если мертв его Поэт.
Габриэла Мистраль (1889-1957)[403]

Мы постигаем небо – разве это не дар небес?
Марк Манилий (р. 1-ый в. до н. э.)

1. Калейдоскоп лиц и идей второго часа Феникса в Близнецах (III,2,0)

Подобно Прометею,
Огонь – иной огонь –
Похитил я у неба!
А. Чижевский (1897-1964)

В первой части книги мы познакомились с явлением пика рождаемости поэтов в час Феникса (III,2,0). В пятой части книги мы встретились с центральными фигурами мировой культуры, родившимися в час Феникса (III,1,0), за 500 лет до Серебряного века. Оказалось, что в этот период рождались не только оригинальные поэты-первопроходцы, но и зачинатели идей целой Эпохи Ренессанса. Более того, основные

[403] Перевод Н. Ванханен.

идеи и направления развития этого периода совпадали с астрологическими описаниями первого года Феникса в Близнецах. В свете этого следовало бы ожидать, что и в час Феникса (III,2,0) явление «пика» рождаемости талантливых первопроходцев и носителей новых идей не должно было бы ограничиваться только поэзией, а проявилось бы и в других областях, связанных с характеристиками созвездия Близнецов. Так ли это? Рассмотрим, какими нововведениями одарила нас история Новейшего времени XX века.

2. Авиация и авиаконструкторы

Ну что же! И пускай не доживу.
Суть не во мне. Зато мой внук – дитя –
Немыслимую эту синеву
Всю пролетит насквозь, почти шутя.
Павел Антокольский (1896-1978)

Пожалуй, наиболее очевидной и подходящей для проверки оказалась область авиации. Действительно, после развития мореплавания в первом году Феникса в Близнецах на повестку дня второго года Феникса стремительно выходило освоение воздушных путей.

Человечество издавна мечтало подняться в воздух. Со времен античности дошел до нас древнегреческий миф о Дедале и его сыне Икаре, поднявшегося к Солнцу на крыльях, скрепленных воском. В древности и в средние века в Китае научились запускать воздушные змеи. Леонардо да Винчи предложил идею парашюта и начертил эскизы летательных аппаратов. Михаил Ломоносов в 1754 г. построил модель вертолета, но до первых самолетов в первом году Феникса в Близнецах дела не дошло.

Во втором году Феникса сюжет развития самолетостроения во многом напоминал схему развития поэзии Серебря-

ного века. Как и прежде, поражает синхроничность: с 1891 по 1896 год немецкий ученый Отто Лилиенталь спроектировал, построил и успешно облетал несколько планеров, и в том же часу Феникса родилась плеяда будущих авиаконструкторов, чьими именами стали называться военные и гражданские самолеты всего мира. Упомянем лишь самых известных из них: А. Н. Туполев (1888- 1972), Н. Н. Поликарпов (1892-1944), П. О. Сухой, (1895-1975), М. И. Гуревич (1892-1976), С. В. Ильюшин (1894-1977), Дональд Дуглас (1892-1981), Джон Кнудсен Нортроп (1895-1981), И. И. Сикорский (1889-1972), Вильгельм Мессершмитт (1898-1978), Генрих Фокке (1890-1979), Антон Фоккер (1890-1939), Эрнст Хейнкель (1888-1958).

В начале XX в. развитие авиации шло вслепую, наугад, и первые самолеты строились эмпирически, без точных расчетов. Но уже в двадцатые-тридцатые годы, после Первой мировой войны, в Англии, Франции, США и Германии было создано несколько сот типов военных и гражданских самолетов, многие из которых выпускались большими сериями. В середине 30-х годов самолетостроение поднялось на следующую ступень развития, когда в СССР, также как и в других развитых странах мира, были созданы конструкторские бюро и построена мощная авиационная промышленность. Поразительно, но глядя на даты рождения самых выдающихся авиаконструкторов мира, (Таблица 15, Выборка 26, Википедия), можно подметить, что

Таблица 15
Авиаконструкторы

Год рождения	Число авиаконструкторов
1930 - 1945	3
1915 - 1930	12
1900 - 1915	37
1885 - 1900	50
1870 - 1885	12
1855 - 1870	3
1840 - 1855	2
1825 - 1840	2

за все это бурное развитие военной и гражданской авиации была ответственна группа людей, родившихся в короткий промежуток времени, порядка двух-трех десятилетий, при том, что основной пик приходится на час Феникса.

3. Развитие кино и телевидения и принцип синхроничности

Даже звезды сталкиваются,
и из их столкновений
рождаются новые миры.
Чарли Чаплин (1889-1977)

В то время как в эпоху раннего Ренессанса рождались художники, внесшие глубину и перспективу в свои картины, во втором году Феникса в Близнецах картинам стало тесно в рамках застывших музейных полотен. Они рвались в новое измерение – в движение во времени. Это появление нового измерения в искусстве сопровождалось очередной синхроничностью: когда в 1895 г. состоялся первый в мире сеанс кино, снятого изобретателями киноаппарата, братьями Люмьер, никто еще не мог представить, что в те же года родилось целое поколение гениальных режиссеров и актеров. За считанные десятилетия киноискусство семимильными шагами продвигалось от первых наивных сценок, в основном снятых на натуре, к сложным драматическим и комическим сюжетам игрового кино; от немых фильмов к звуковому кино и к музыкальным картинам, волнующим сердца миллионов. Этому продвижению мы, в частности, обязаны таким видным режиссерам и актерам как Бастер Китон (1895-1966), Сергей Эйзенштейн (1898-1948), Рене Клер (1898-1981), Альфред Хичкок (1899-1980), Чарли Чаплин (1889-1977), Александр Довженко (1894-1956), Карл Теодор Дрейер (1889-1968), Фриц Ланг (1890-1976), Рудольфо Валентино (1895-1926),

квинтет братьев Маркс (родились в 1887, 1888, 1890, 1893 и 1901 годах), Мэри Пикфорд (1892-1979), Соломон Михоэлс (1890-1948).

Параллельно с кинематографом и самолетостроением развивалось и телевидение. Если в Раннем Ренессансе родился Гуттенберг, благодаря изобретениям которого скорость передачи информации возросла по отношению к прошлым векам, то во втором году Феникса в Близнецах родились изобретатели телевидения, ответственные за новый, неимоверный прорыв в ускорении передачи информации. Технологии телевидения не были изобретены одним человеком и за один раз. Этим разработкам предшествовало несколько важных изобретений и усовершенствований в области науки и техники, произошедших в середине 80-х годов XIX века. Синхронично с появлением этих технологий, в час Феникса родились два изобретателя, которым приписывается главная роль в создании телевидения. Так, первая механическая телевизионная система была создана шотландским инженером Джоном Байрдом (1888-1946), а принципы электронного телевидения были разработаны в США В. К. Зворыкиным (1888-1982). Благодаря их изобретениям, к началу 30-х годов телевидение стало неотъемлемой частью современного мира.

На примерах мореплавания, авиации, кино и телевидения мы видим, как в истории постоянно повторялась одна и та же схема развития во времени. До рождения тех, кому суждено было стать кормчими надвигающихся бурных перемен, их идеи уже не раз спорадически возникали в умах отдельных «чудаков»; они также передавались из поколения в поколение в мифах, в легендах, в стихах и в философских трактатах. Но вот наступал час прорыва, и синхронично с моментом первого успешного воплощения мечты в действительность рождалось новое поколение людей, способных планомерно и последовательно совершенствовать это знание и распространять его по всей Земле.

Для того, чтобы проследить за этими параллелями в развитии, нам потребуется вернуться к началу Эпохи Великих открытий и проверить, были ли мифы о существовании неоткрытых материков до начала исследований Энрике Мореплавателя, а также, наблюдались ли проявления синхроничности, связанные с годами рождения первых капитанов. О том, что будут найдены другие материки, говорилось во многих преданиях старины: об этом ходило много слухов в среде моряков, и об этом поэтично писал еще Сенека:

Пройдут века, и пора придет: Океан разомкнет оковы земель,
И новый мир откроют моря, И не будет Крайнею Фула.[404]

Сложнее с вопросом синхроничности. Но, несмотря на скудность информации о периоде «темного средневековья», свидетельства о примечательной синхроничности все же сохранились. Существует версия, по которой первым европейцем, совершившим плавание к берегам Америки, стал шотландский путешественник Генрих Синклэр, граф Оркнейский (~1345-1400) (II,5,7). По мнению Пита Каммингса, Генриху Синклэру удалось добраться до Массачусетса. Другие историки полагают, что он добрался лишь до Гренландии и Ньюфаундленда, но в любом случае, эта экспедиция состоялась в 1398 г. – в час Феникса! До сих пор это плавание считалось безрезультатным, так как оно не пробудило интереса шотландских монархов к освоению заморских территорий. Тем не менее, в свете синхроничности вполне возможно, что это плавание имело совсем иное значение, так как именно одновременно с ним пришло поколение тех, кого мы называем зачинателями Эпохи Великих Открытий.

[404] Луций Анней Сенека (~4 г. до н. э. -65), родившийся за полтора тысячелетия до Колумба и (как полагают многие исследователи) предсказавший открытие Америки.

С приходом первого поколения зачинателей события в мореплавании развивались с неимоверной скоростью. Напомним, что острова Мадейры и Порту Санту были открыты в 1419 г., когда Энрике Мореплавателю и его капитанам, рожденным в час Феникса, было всего лишь по 25 лет. Аналогично этим капитанам, через 500 лет после них, в 1919 г., британские летчики сэр Джон Олкок (1892-1919) (III,2,0) и сэр Артур Браун (1886-1948) (III,2,0), рожденные в час Феникса, впервые совершили безостановочный перелет над Атлантическим океаном, с канадского острова Ньюфаундленд в Клифден, Ирландия. Как в мореплавании, так и в воздухоплавании эти первые значительные успехи не стали вершиной достижений. Скорость и масштабы исследований, зачатых в час Феникса, стремительно возрастали в первой фазе года Феникса. Так, в мореплавании школа навигации Энрике Мореплавателя привела в середине 30-ых годов XV в. к строительству каравелл, способных заплывать на дальние расстояния. Через 500 лет после этого, в воздухоплавании произошел очередной технологический скачок, когда на заводах Хейнкеля в 1936 г. началось проектирование первого реактивного самолета, идея которого впервые была высказана румынским изобретателем Генри Коандом (1886-1972) (III,2,0).

В то время как за 2500 лет Зодиакального цикла в Тельце человечество не смогло продвинуться в освоении океанов и воздушного пространства, уже в первом году Феникса в Близнецах понадобилось всего лишь 40 лет от рождения Энрике Мроеплавателя до того, как португальцы выстроили каравеллы, обогнули мыс Божадор и начали бороздить океан. Во втором году Феникса в Близнецах за тот же период считанных четырех десятилетий человечество освоило воздухоплавание и начало готовиться к выходу в космос.

А что произошло за это время в кино, тоже рожденном в час Феникса? Оказывается, что основные вехи его развития

совпадали по времени со скачками в авиации. Немое кино достигло точки апогея в 20-х годах, а 1927 г. – год премьеры «Певца Джаза» – принято считать рождением звукового кино. (Параллельно, в том же 1927 г. американский лётчик Чарльз Линдберг (1902-1974) (III,2,1) стал первым, кто перелетел Атлантический океан в одиночку.) Следующий этап в развитии кинематографа стало рождение цветового кино в 1935 г., когда впервые был продемонстрирован полнометражный цветной фильм «Бекки Шарп» американского режиссера Рубена Мамуляна (1897-1987) (III,2,0).

Подводя итоги, сегодня трудно себе представить, как удалось за короткий период трех-четырех десятилетий настолько преобразить всю сферу жизнедеятельности, связанную с транспортом, с коммуникацией и со средствами массовой информации – т. е. с традиционной областью, относящейся к созвездию Близнецов!

500 лет тому назад, подводя итоги освоения океана, знаменитый португальский математик Педро Нунеш (1502-1578) (III,1,1) пришел к заключению:

«Сейчас уже очевидно, что эти открытия берегов, островов и материков не были сделаны случайно, без морской разведки, а наши моряки выходили в плаванье, будучи очень хорошо обученными и оснащенными приборами и законами астрологии (sic.) и геометрии, которые, как говорил Птолемей в первой книге географии, необходимы для космографов[405]»[406].

От времени рождения Энрике Мореплавателя до написания этих строк Нунеша прошло более 150 лет; а до создания «Лузиад» и хронотопа Камоэнса – около 175 лет. Мы еще не

[405] Космография - научная и учебная дисциплина, изучающая устройство Вселенной в целом. Существовала до начала XX века.

[406] R. H. Major «The Life of Prince Henry of Portugal», London. 1868, p.55.

отдалились так далеко от второго часа Феникса в Близнецах, чтобы осознать и осмыслить историческую значимость открытий и идей нашего времени. Мы пока находимся в первой фазе года Феникса и даже не завершили первой его трети (1891-2056). В параллельной нам фазе прошлого года Феникса никто еще не осознавал, что Колумб на самом деле открыл Америку. К тому времени Магеллан лишь начал собираться в первое кругосветное путешествие, а Камоэнсу еще оставалось ждать до своего рождения более 10 лет. Поэтому возможно, что совет Нунеша вооружиться точными приборами и знаниями законов астрологии мог бы помочь нам не нестись вслепую по волнам океана времени, а путешествовать по нему, обходя подводные рифы и опасные течения.

4. Отношение к проблеме времени у родившихся в году Феникса (III,2)

Вы – построение пространств,
Мы – построение времени.
Велимир Хлебников (1885-1922)

Идею о том, что основным достижением нашей эпохи станет в конце концов не покорение пространства, а новое понимание времени, выдвинул в частности, академик Вячеслав Всеволодович Иванов (р.1929) (III,2,1), сын писателя Всеволода Иванова (1895-1963) (III,2,0).

Свою статью «Категория времени в искусстве и культуре XX века»[407] Иванов начинал констатацией того факта, что:

«В XX в. проблема времени становится одной из центральных не только в естественных науках, достижения ко-

[407] В. Иванов // «Ритм Пространство и время в литературе и искусстве», - Л: «Наука», 1974, с. 39-67.

торых требуют осмыслить философы, но и в науках о человеке»[408].

Далее автор подробно рассматривал, как к началу XX в. в философской мысли отражалась борьба между древнегреческим мифологическим понятием цикличности времени, связанного с сезонными циклами, и идеей однонаправленного времени эволюционных процессов, связанных с накоплением информации или жизненного опыта.

Среди видных мыслителей, внесших вклад в обсуждение этой проблемы, Иванов особенно выделял имена:

* Ганса Рейхенбаха (1891-1953) (III,2,0) – философа и логика, одного из организаторов Общества научной философии в Берлине, которое вместе с Венским кружком составило основу движения логического позитивизма.

* Норберта Винера (1894-1964) (III,2,0) – отца кибернетики и теории искусственного интеллекта.

* Дж. Б. Пристли (1894-1984) (III,2,0) – выдающегося английского романиста, эссеиста, драматурга и театрального режиссера.

* М. А. Булгакова (1891-1940) (III,2,0) – знаменитого российского писателя и драматурга.

* Рене Клера (1898-1981) (III,2,0) – одного из самых значительных французских кинорежиссеров 20-х и 30-х годов, создателя жанра музыкального фильма, писателя и актера.

* С. М. Эйзенштейна (1898-1948) (III,2,0) – прославленного российского режиссера, сценариста и теоретика кино.

* Рюноскэ Акутагаву (1892-1927) (III,2,0) – всемирно известного японского писателя.

Общим для всех этих прославленных деятелей культуры и науки стала, по Иванову, новизна их подхода ко времени. И снова, как и прежде, обращает на себя внимание синхроничность рождения целого поколения с появлением той идеи, которая будет занимать центральное место в их жизни и

[408] Ibid, p.39.

философии. По Иванову, должна была быть некая связь между идеей «путешествия» во времени, определившей структуру многих пьес Дж. Б. Пристли, и публикацией в 1895 г. «Машины времени» Уэллса, в которой эта идея впервые была представлена. Конечно, Иванов не обращал внимания на совпадения даты рождения Пристли с этой публикацией Уэллса, так как в наши дни не принято всерьез анализировать даты рождения. Но Иванов обратил внимание на то совпадение, что тема передвижения во времени одновременно появилась в различных областях и на разных языках, завоевав умы целого поколения. Она сначала ярко проявилась в «Иване Васильевиче» Булгакова, а потом и в его романе «Мастер и Маргарита»; в пьесе Всеволода Иванова «Кесарь и комедианты» (посмертно изданной под заглавием «Вдохновение»); в сценарии «М. М. М.» Эйзенштейна; в автобиографической прозе Акутагавы и в романах Фолкнера (1897-1962) (III,2,0), которому, по словам Сартра, было «свойственно принципиально иное отношение ко времени, чем у писателей прошлого столетия»[409].

Говоря о характерной особенности отношения людей XX в. к проблеме времени, Иванов подчеркивал особую роль возникновения «такого временного искусства как кино, для которого время является едва ли не основным (и единственным) структурным принципом». И Иванов продолжал:

«Кино представляет наибольшие технические возможности экспериментировать над временем. Например, фильм Р. Клера “Это случилось завтра”, название которого (как и его сюжет, основанный на сознательном вторжении будущего, олицетворенного завтрашней газетой, в настоящее) отвечает опытам сдвига во времени, осуществлявшимся и в словесном искусстве»[410].

[409] Ibid. стр. 59
[410] Ibid. стр. 65

Конечно, ко всем совпадениям, которым поражался Иванов, можно относиться как к случайностям. И можно относиться как к простому совпадению к тому, что тема фильма Клера «Это случилось завтра» продолжает с завидным постоянством возвращаться в ряде современных фильмов и телесериалов. Но давайте внимательно прислушаемся к мнению Пристли:

«Несмотря на то, что мы так много говорим о совпадениях, на самом деле мы в них не верим. В глубине души мы думаем о мире лучше; мы тайно убеждены, что он не настолько уж небрежно бессистемен, и что все в нем имеет значение».

Вспомнив Пристли – «писателя, рано оценившего значение выводов новейшей физики, но утверждавшего при этом, что искусство идет впереди науки», и памятуя слова философа и поэта Новалиса, говорившего: «Чем больше поэзии, тем ближе к действительности», невольно задумываешься о роли поэтов в формировании новейших концепций времени. В своей статье Иванов цитирует глубочайшие стихи-прозрения Мандельштама и Пастернака, а мне бы хотелось к списку Иванова добавить еще одно имя выдающегося поэта Серебряного века, верившего в то, что он стал первым человеком, чья нога ступила на Материк Времени – Велимира Хлебникова (1885-1922). В его пьесах «Ошибка смерти» и «Маркиза Дэзес» время потекло вспять, а один из героев его повести «Ка» говорил: «Я тоже веду войну, только не за пространство, а за время». Хлебников также верил в то, что нашел уравнение, описывающее законы развития нашей жизни и идей во времени. Это открытие он опубликовал в книге «Доски судьбы» (1921).

Хлебников считал, что научиться осознавать смысл законов времени и управлять своими судьбами в рамках этих законов – это задача будущих поколений. Его целью было только указать на закономерность человеческой судьбы, «дать

ей умственное очертание луча и измерить во времени и пространстве». В результате этой работы можно будет «рухнувшее дерево тысячелетнего римского права заменить уравнениями и числовыми законами учения о движениях луча». Он предвидел, что со временем само по себе осознание целостности мира вкупе с открытием закономерности исторических процессов превратит войну в анахронизм:

Если я обращу человечество в часы
И покажу, как стрелка столетия движется,
Неужели из нашей времен полосы
Не вылетит война, как ненужная ижица?

Эти строки Хлебникова, роднящие поэзию с наукой, подводят нас к следующей главе и к краткому обзору истории научной мысли в свете часов Феникса.

5. Развитие естествознания в свете часов Феникса

Ночные небеса в сияньи тайном звезд,
Роднят меня с тобой сквозь бег тысячелетий
...
И вот редеет мгла. Из хаоса стремят
Формотворящие строительные токи,
Иные времена иным мирам дарят
И утверждают их движения на сроки.

А. Чижевский (1897-1964)

Историк науки Б. Г. Кузнецов, автор популярной книги «Развитие физических идей от Галилея до Эйнштейна», считал, что толчком к рождению современной науки послужили события, предшествовавшие рождению Галилея, а именно – наступление Эпохи Великих Географических Открытий:

«Запросы мореплавания двигали вперед и конструирование физических приборов: подзорные трубы и секстанты нашли первое практическое применение на кораблях. На кораблях и часы стали важным астрономическим инструментом: по ним определяли долготу. Производство часов, первого автоматического прибора, было школой наиболее сложных приемов технической механики»[411].

По Кузнецову, Галилео Галилей (1564-1642) (III,1,2), родившийся в период активизации первого квадрата Нептуна-Плутона и считающийся, вместе с Френсисом Бэконом (1561-1626), одним из основоположников современной экспериментальной науки, во многом обязан своим предшественникам – Николаю Кузанскому (1401-1464) (III,1,0) и Николаю Копернику (1473-1543) (III,1,1).

Как уже упоминалось ранее, в древнейшие времена основные научные открытия не выделялись в отдельную область, а были связаны с теми же культурными героями – мыслителями, философами и поэтами, о которых говорилось в предыдущих главах. Сегодня принято видеть первого глашатая грядущей эпохи развития науки и техники в Николае Кузанском, а всю историю научной мысли, предшествовавшую Эпохе Возрождения и рождению Кузанского-Коперника-Галилея, принято называть «предысторией физики», и ее деление на периоды соответствует основным этапам развития общества, разделяющим эпохи античности и Средневековья.

В начале первого года Феникса в Близнецах произошли коренные сдвиги в мировоззрении, и период от Галилея и Рене Декарта (1596-1650) (III,1,3) до Исаака Ньютона (1642-1727) (III,1,4) считается начальной фазой физики, периодом ее становления.

[411] Б.Г. Кузнецов «Развитие физических идей от Галилея до Эйнштейна». - М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 10-11.

Начиная с Ньютона, наступил период классической физики, просуществовавшей до конца XIX в. (т. е. до очередного часа Феникса), когда она начала рушиться под напором новых фактов, не укладывавшихся в ее рамки.

Важно отметить, что первый серьезный удар по классической физике нанесла теория электромагнитного поля Максвелла (1831-1879) (III,1,6), родившегося в конце убывающего квадрата Нептуна-Плутона. С точки зрения часов Феникса, уже в первый кризисный период после рождения Ньютона родился тот человек, который нашел слабые точки в его рассуждениях. Тем не менее, теория Максвелла, созданная им в 1860-1865 гг., все еще не опровергла окончательно механистических идей Ньютона и не произвела революционного переворота в сознании ученых.

Время революционных открытий и изменений в физике настало в 1894-1895 гг., в период открытия рентгеновского излучения. Последующее десятилетие стало периодом открытий небывалого масштаба и одновременно годами рождения целой плеяды физиков-теоретиков, ставших отцами качественно нового течения – квантово-релятивистской физики. Этот переход от классической физики к современной, совпавший со вторым часом Феникса в Близнецах, характеризовался не только возникновением новых идей и открытием новых фактов и явлений, но и возникновением новых парадигм и преобразованием духа и методов физики в целом.

И опять все та же синхроничность. Первооткрывателю «лучей икс», Вильгельму Рентгену (1845-1923) (III,1,7), родившемуся в конце года Феникса, не дано было распознать истинную природу открытого им явления. Это сделал родившийся в час Феникса Уильям Брэгг (1890-1971) (III,2,0), открывший волновую природу рентгеновских лучей и заложивший основы кристаллографии. Впоследствии Брэгг в качестве руководителя Кавендишской лаборатории в Кембридже стал первым физиком, сумевшим разглядеть в экспе-

риментах Дж. Бернала (1901-1971) зарождение новой науки – молекулярной биологии, приведшей к расшифровке структуры ДНК.

Брэгг был первым, кто показал, что рентгеновские лучи не состоят из потока крошечных корпускул, а носят волновой характер. Так зародилась идея о том, что в основе мироздания лежат не частицы, а волны. Оказывается, что эта идея соответствовала духу всего поколения физиков, родившихся в Серебряном веке поэзии, который по праву можно было бы назвать Золотым веком квантовой физики. Именно в этот период родился создатель первой квантовой теории атома, Нильс Бор (1885-1962). Именно в этот период (III,2,0) родились такие создатели квантовой механики и волновой теории материи как Эрвин Шредингер (1887-1961), Луи де Бройль (1892-1987), Шатьендранат Бозе (1894-1974) и Вольфганг Паули (1900-1958).[412]

Вспомним, что в прошлом часу Феникса в Близнецах, в эпоху Ренессанса, родилось поколение, которое окончательно положило конец модели плоской Земли и научило человечество мыслить и творить в объемном пространстве. Создавалось впечатление, что во всех сферах человеческой жизнедеятельности возникала новая глубина и зарождалось дополнительное измерение. В географии был создан глобус; в рисовании – выведены законы перспективы; в живописи – изобретение масляных красок создавало эффекты глубины и игры светотени; в музыке – открытие законов полифонии открывало новые просторы для композиции.

Мы уже видели, как году Феникса (III,2) зарождение кино и самолетостроения привносило новое измерение в повседневную жизнь. Но науке этого было мало. Вслед за мо-

[412] Как и в случае Сефериса, точная дата рождения показывает, что Паули все еще родился в период соединения Нептуна-Плутона, т.е. в час Феникса.

делью четырехмерного пространства-времени, предложенной Эйнштейном (1879-1955) (III,1,7) и подводившей итоги уходящего года Феникса, последовали радикально новые модели двух селестиальных близнецов, Теодора Калуцы (1885-1954), разработавшего модель пятимерного пространства, и Германа Вейля (1885-1955), предложившего в качестве обобщения ввести в физику n-мерное пространство. Параллельно им, в математике Стефан Банах (1892-1945) ввел идею бесконечно-мерных банаховых пространств.

Проводя аналогию с Древней Грецией, можно предположить, что состояние современной физики напоминает период расцвета древнегреческой философии в V- IV вв. до н. э. В тот период уже ушло из жизни первое поколение зачинателей:

* милетской школы (Фалес Милетский, Анаксимандр, Анаксимен, Ферекид, Диоген);

* школы элеатов (Ксенофан, Парменид, Зенон Элейский);

* пифагорейской школы (Пифагор, Алкмеон).

В тот период также ушел из жизни Гераклит, но еще жили и творили такие великие «одиночки» как Эмпедокл и Анаксагор. Сократ еще был юношей, а Платону и Аристотелю предстояло родиться в следующем столетии. В философии одновременно процветали самые разные направления и теории, и трудно было отделить будущие центральные темы развития от маргинальных идей. Отголоски того звездного часа философии не замирали в течение всего последующего тысячелетия, и, начиная с эпохи Ренессанса, греческая философия оказалась в центре европейской философской мысли.

Сегодняшняя квантовая физика готова рассматривать самые невероятные идеи, такие как теорию множественных параллельных миров (Хью Эверетт) (1930-1982) или эффект влияния будущего на настоящее (Якир Ааронов) (р. 1932). Как следует из прошлой главы, обеим этим научным идеям предшествовали стихи поэта Серебряного века Велимира

Хлебникова, бывшего к тому же селестиальным близнецом Теодора Калуцы и Германа Вейля. Над Хлебниковым долго смеялись, но в свете новых физических теорий даже самые смелые его идеи о картографии времени уже не кажутся столь странными, а их частичное развитие мы находим, например, в работах отца современной астрологии Дэйна Радьяра.

Людям, родившимся в час Феникса, как правило, свойственно искать единства во всем, и их теории отличаются синтезом подходов. Эта характерная черта уже была подмечена на примере Николая Кузанского, в теориях которого гармонично сочетались церковно-христианская философия с современной картиной мира и даже с научно-фантастическим предсказанием существования инопланетян. Той же отличительной чертой стремления к синтезу были отмечены работы первопроходца в области гуманистической и межличностной астрологии Дэйна Радьяра (1895-1985) (III,2,0).

Подобно тому, как квантовая механика поставила под вопрос детерминистские воззрения классической физики, так новые подходы Радьяра пришли на смену фатализму средневековых астрологов. В отличие от отживших жестких «предсказаний» классической астрологии, последователи Радьяра рассматривали карту рождения человека как карту возможных путей развития его души и проявления его «я», осознав которую человек сможет научиться принимать на себя ответственность за свой выбор и за свою судьбу. Этому процессу должен способствовать синтез накопленного в астрологии опыта с новыми развивающимися направлениями в психологии, такими, как например, теория психосинтеза итальянского врача и философа Роберто Ассаджиоли (1888-1974) (III,2,0), открывшего качественно иные возможности для изучения духовного мира людей.

Хотя еще рано подводить итоги нынешнего года Феникса, но в нем постепенно проявляются очертания его особенностей по сравнению со всеми предшествующими ему временами. Современным людям мало довольствоваться

предсказаниями пифий или жрецов (как это было во времена античности). Их не удовлетворяет перспектива ограничить свои познания законами физики, относящимися к неодушевленной материи, как это было во времена Эпохи просвещения. Ими движет желание познать закономерности развития мира духовного. В свете этого личность человека становится динамичным, многомерным и многослойным явлением. Особое значение приобретают в ней годы формирования характера в раннем детстве, впервые освещенные в работах Жана Пиаже (1896-1980) (III,2,0).

И еще раз отметим знаменательную синхроничность: Пиаже родился в том же 1896 г., в котором Зигмунд Фрейд впервые употребил слово «психоанализ». И в тот же период родилась дочь Зигмунда Фрейда, Анна (1895-1982) (III,2,0), известная как основоположница детского психоанализа. Эти совпадения являются частным случаем принципа синхроничности Паули-Юнга, согласно которому два события, происходящие одновременно, но не имеющие видимой связи, приобретают одинаковое духовное и символическое значение в глазах наблюдателя.

Обращение к принципу синхроничности и к примерам, демонстрирующим его в действии, прошло красной нитью через всю книгу. В последнее время этот принцип, завоевавший большую популярность в современной астрологии и в Движении Нью-эйдж[413], все больше привлекает внимание современных ученых. Его изучение настолько важно для построения моделей квантовой механики и изучения проблемы времени в целом, что профессор теоретической физики Дэвид Пит посвятил ему популярную монографию «Синхроничность: мост между материей и духом»[414]. Символично,

[413] New Age , движение Новой эры.

[414] Synchronicity: The Bridge Between Matter and Mind, Bantam Doubleday Dell Publications, 1987.

что принцип синхроничности, открывший перспективы нахождения точек соприкосновения физики и психологии, был предложен психологом Карлом Густавом Юнгом (1875-1961) (III,1,7), родившимся еще в первом году Феникса в Близнецах, совместно с лауреатом Нобелевской премии Вольфгангом Паули (1900-1958) (III,2,0), родившимся уже в новом часу Феникса.

Важно отметить, что гипотеза синхроничности впервые была высказана задолго до рождения Юнга. Одним из наиболее ранних достоверных источников, упоминающих ее, стал трактат Улугбека об астрологии (III,1,0), написанный за 500 лет до Юнга и Паули. Так как во времена Улугбека механических часов еще не было, то проблема определения времени рождения людей стояла особенно остро. Для ее решения Улугбек ввел сложный метод уточнения часа рождения, основанный на принципе синхроничности. Согласно Улугбеку, сначала составляют карту на приблизительный час рождения, а «затем смотрят: какие из великих событий – добрых или злых – произошли в день рождения и какой природы – счастливой или несчастливой – могут быть планеты или неподвижные звезды в тот момент или близко к нему»[415].

Если, действительно, еще Улугбек понимал важность вопроса о соотношении физического и психического, то почему современные историки науки приписывают первую попытку синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания двум выдающимся мыслителям XX столетия, Юнгу и Паули? Ошибаются ли они? Вряд ли. Дело в том, что, как мы видели ранее, начало научного естествознания ведет свой отчет со времен Николая Кузанского и Улугбека. Но они лишь были предтечами, и только в конце их года Феникса, в его седьмой фазе можно было рассмотреть, какие из начальных идей года

[415] М. Улугбек , Астрология. Книга четвертая. Перевод Ашрафа Ахмада.

Феникса перейдут в следующий год. На протяжении всего первого года Феникса в Близнецах идея синхроничности сохранялась в изначальной гуманитарной форме, так как жесткие рамки классической физики не позволяли ей получить дальнейшее развитие в точных науках. Только в следующем часу Феникса родился ученый новой формации, сумевший подойти к идее синхроничности с точки зрения квантовой физики и тем самым дать ей новую жизнь.

Систематическое изучение синхроничности только-только начинается. На сегодняшний день нет единого понимания, что такое время, и чем отличается время рождения человека от времени свершения события. В физике нет согласия в вопросах скорости течения времени и его направленности, а в современной астрологии органически уживаются подходы античности, верившей в цикличность временных процессов, с западной моделью стрелы времени. Не менее сложным остается и вопрос предсказаний. Как у представителей точных наук, так и в среде гуманитариев, мнения разделены. Поклонникам детерминизма противостоят школы самосовершенствования. Первые пытаются предугадать события; вторые с не меньшей ревностностью стараются их предотвратить. В глазах адептов новейшей астрологии, познание космических закономерностей – это не только способ предсказания будущего, но и инструмент «познания себя». Такие астрологи исходят из предположения, что у человека есть выбор, и поэтому они избегают конкретных предсказаний, предпочитая заниматься «анализом будущих возможностей» или «складывающихся тенденций».

Современная астрология также ищет и находит поддержку в теориях космических циклов отца космического естествознания А. Чижевского (1897-1964) (III,2,0).

Великолепное, державное Светило,
Я познаю в тебе собрата-близнеца, –

обращался Чижевский к Солнцу, и в ответ получал знания о солнечных пятнах, о магнитных бурях и о влиянии солнечной активности на земные дела.

Как и большинство рожденных в час Феникса:

«Александр Чижевский был на редкость многогранно одаренной и энциклопедически образованной личностью. В науке его интересы охватывали биологию, геофизику, астрономию, химию, электрофизиологию, эпидемиологию, гематологию, историю, социологию. В последние годы многие любители искусства открыли для себя в Чижевском поэта-философа, писателя-стилиста, утонченного художника, знатока и ценителя музыки»[416].

Поэзия Чижевского становится доступной широкому кругу читателей только в эти дни. Этот выдающийся мыслитель, как и многие другие представители часа Феникса, был репрессирован, прошел сталинские лагеря, не раз смотрел смерти в глаза, и не удивительно, что тема жизни и смерти красной нитью проходит через все его стихи. Но как писала Л. В. Шапошникова в книге «Великие мастера», удивительно, что стихи Чижевского отличались не только литературными достоинствами, но являлись как бы своеобразным научным кредо. «Поэзия есть чудо, раскрытое богами», – писал Чижевский, и для него (как для Пифагора и Прокла) поэзия была, прежде всего, способом научного познания, а не просто рифмованной мыслью. Полагая, что именно поэзия похищает «божественные тайны сияющего Солнца», Чижевский мечтал открыть «Академию поэзии». Он был уверен, что у поэзии и у науки единый корень, и обе:

Обязаны служить единому – познанью,
Познанье же, друзья, вмещает все в себя:
Материю и Дух в извечной их борьбе.

[416] Л. Т. Энгельгардт

Об отношении Чижеского к астрологии свидетельствуют не только его работы о солнечных циклах, но и его стихи. В стихах Чижевского Космос и люди были взаимосвязаны, и все сущее было пронизано единым пульсом времени. Подобно своим великим предшественникам, у Чижевского есть метафизические строфы о Великом космическом ритме, о тайнах мирозданья и о постоянном беге планет. В стихах Чижевский также описывал свои диалоги с «лучезарным хором» звезд. По его словам, глядя на них, мы:

Хотим в сиянье звезд постичь законы мира,
Соединив в одно их с жизнью роковой.

Выдержат ли теории циклов Чижевского или принцип синхроничности Юнга-Паули испытание временем? Кого через тысячи лет сочтут великими поэтами, философами, астрологами или учеными наши потомки? Будет ли это физик Нильс Бор (1895-1962) или философ и логик Рудольф Карнап (1891-1970), кибернетик Норберт Винер (1894-1964) или мыслитель Людвиг Витгенштейн (1889-1951), мистик Джидду Кришнамурти (1895-1986) или математик, лингвист и поэт Герман Вейль (1885-1955)? Какие направления мысли выдержат испытания временем, а какие канут в Лету? Нам еще рано судить. Но одно не вызывает сомнений – наступит следующий час Феникса, и в который раз повторится картина, ярко воссозданная поэтом и ученым Чижевским:

И, точно пифия, поэт вещает вновь
Грядущее – в предельном исступленьи:
Нисходит в бездну мир – и пламенеет кровь
На человеческом и божеском твореньи.

В задачу этой книги входит пробудить интерес к циклам Нептуна-Плутона, понимание которых позволит в будущем

научиться читать звездный циферблат часов Феникса и предсказывать чередование фаз года Феникса. Приходит время человечеству жить так, чтобы смена повесток дня в период раскола между уходящим и наступающим циклами не сопровождалась «нисхождением мира в бездну», и чтобы при этом кровь мирно текла в наших жилах, а не пламенела «На человеческом и божеском твореньи».

6. Размышления о далеком будущем

Ум человеческий способен, покинув родные ему места,
подняться до высочайших сокровищ небес,
воссоздать эту громаду из его изначальных элементов,
приобщить детей неба к небу, достичь пределов Океана,
подняться по висящей в пространстве Земле, обжить весь мир.
…
Рожденные звездами, мы поднимаемся к звездам.

Марк Манилий[417]

Изучение прошлого и желание спланировать будущее привело людей древности к концепции цикличности – восприятия мира как вечно повторяющихся событий. Такой взгляд на мир позволял им предсказывать целый ряд жизненно важных процессов, таких как смена дня и ночи, приливы и отливы, смена времен года, осеннее «умирание» природы и весеннее ее «возрождение».

По мере того, как расширялись горизонты человечества, классическая механика разработала модель равномерного хода времени, направленного из прошлого в будущее, подобно «стреле времени». Эта модель позволила рассчитывать траектории движения, как небесных тел, так и всевозможных видов транспорта.

[417] Перевод Е. Штаерман.

Постепенно становится понятным, что у обеих моделей времени есть свои преимущества и недостатки, что каждая из них внесла свою лепту в прогресс человечества, но что области применения каждой из этих моделей имеют свои границы. Сегодня ясно, что цикличность движения планет не означает, что они действительно возвращаются в точности на свое прежнее положение по отношению к Земле. Такие явления, как прецессия земной оси или столкновение планет с кометами приводят к тому, что каждый последующий цикл начинается в новых условиях, которые несколько отличны от предыдущих циклов. При этом некоторые изменения начальных условий цикла могут казаться нам закономерными или даже цикличными (прецессия), а другие кажутся хаотичными и неповторимыми (катастрофы и столкновения).

Каждый человек, пользующийся современными часами, постоянно, не задумываясь, совмещает обе концепции времени. С одной стороны, секундные, минутные и часовые стрелки часов циклично возвращаются к своему изначальному положению, а с другой стороны, календарные даты, выставленные в окошечке, меняются ото дня ко дню, от месяца к месяцу, от года к году. Таким образом, цикличность часов и календарей позволяет нам каждое утро выходить на работу в одно и то же время или каждое лето ездить в отпуск в том же месяце. С другой стороны, если мы хотим назначить встречу или мероприятие, нам необходимо прибегнуть к концепции стрелы времени и указать, по крайней мере, пять различных параметров времени: минуту, час, день, месяц и год. Знание этих пяти параметров однозначно определит единственный и неповторимый момент времени в жизни человека.

Но все современные часы и даже календари пригодны лишь для определения малых промежутков времени. Они относительны, так как дату в них мы выставляем сами, произвольно. Они пригодны для планирования ежедневной жизни человека, но не приносят никакой пользы для хронологии мировой истории.

На сегодняшний день единственным надежным ориентиром в составлении мировой хронологии является положение планет на эклиптике. Подобно тому, как пять параметров времени, измеряемых по часам и календарям, однозначно определяют момент в жизни человека, так и относительное положение 10 планет солнечной системы однозначно задает время каждого дня в истории человечества. Подобно стрелкам часов, движение каждой планеты вокруг Солнца цикличнo, и потому определенные аспекты и процессы в нашей жизни отражают эту цикличность. При этом циклы отдельных планет несогласованны между собой. Они каждый раз начинаются в иных условиях, и потому будущее никогда в точности не повторяет прошлое.

И все же, подобно тому, как совместное использование часов и календарей позволяет нам лучше понять фазы жизни человека, часы Феникса могут помочь в описании культурного развития человечества. Оказывается, что рассмотрение 493-летнего согласованного цикла Нептуна-Плутона (года Феникса) позволяет схематически проследить за сменой различных фаз в истории культуры человечества. С одной стороны, в этой схеме есть элемент цикличности повторения часов Феникса. С другой стороны, в ней есть элемент «стрелы времени», так как сам час Феникса плавно смещается по эклиптике с периодичностью в 29600 лет, кажущейся нам огромной по сравнению с возрастом нашей цивилизации.

В понятиях таких часов Феникса, мы живем в ранний период развития нынешнего мега-цикла длительностью в 29600 лет. Начиная с зарождения истории, со времен шумеров, завершилось всего лишь два Зодиакальных цикла, а мы находимся в начале третьего. До сих пор часы Феникса последовательно наступали в Овне (стихия Огня, относящаяся к интуиции), в Тельце (стихия Земли, относящаяся к материи и к пяти чувствам восприятия) и в Близнецах (стихия Воздуха, относящаяся к рациональному мышлению и к ком-

муникации). Последующие часы Феникса будут вновь происходить в Близнецах, и только через 2000 лет ожидается первый час Феникса в Раке (стихия Воды, относящаяся к чувствам). Мы уже видели, что каждая смена Зодиакального цикла знаменовалась зарождением «новой формации» человека.

* В 3600 г. до н. э. с началом Зодиакального цикла в Овне зародился первый тип «исторического» человека, развившего письменность.

* С 1071 г. до н. э., с началом Зодиакального цикла в Тельце связана точка отсчета появления в истории реальных, земных людей, пришедших на смену мифическим существам или богам.

* В 1398 г. с началом Зодиакального цикла в Близнецах зародился «рациональный» человек нового времени – гуманист и естествоиспытатель.

По всей видимости, на протяжении грядущих 2000 лет мы будем и далее развивать наше мышление, утолять жажду познания и совершенствовать коммуникацию. Только к началу следующего Зодиакального цикла мы впервые сможем подойти к осознанию наших чувств и эмоций и к появлению «чувствующего» человечества.

По окончании Зодиакального цикла в Раке наступит то время, когда начнется серия часов Феникса во втором огненном знаке – во Льве. И тогда случится то, о чем сегодня мы даже не можем мечтать. Для тех, кто родится в час Феникса в этом секторе Зодиака, в котором скорости движения Нептуна и Плутона практически совпадают, час Феникса будет длиться порядка 100 лет. Эти поколения будут жить во время последовательной цепочки переходов соединения Нептуна-Плутона из одного знака Зодиака в другой, из одной стихии в другую, постепенно охватывая все четыре стихии! На протяжении 100 лет будут один за другим сменяться поколения, у которых сыновья будут свидетелями часа Феникса в Деве, внуки – в

Весах, а правнуки – в Скорпионе. Как будет выглядеть жизнь в таком мире, в котором интенсивность трансформации всех уровней восприятия человека может достигнуть неимоверного накала? Родится ли именно тогда тот «сверхчеловек», о котором мечтал Ницше? Для нас это остается загадкой, но такая возможность находится в согласии с теми историческими данными, которые оценивают появление кроманьонцев именно в прошлый период часа Феникса во Льве, порядка 22000 лет до нашей эры.

Часть девятая

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Играй ты молча иль речисто,
Играй героя иль статиста,
Но ты ответишь перед всеми
Не только за себя – за Время.
И. Эренбург

Нам нужно снова научиться понимать, что каждая отдельная судьба – символ исторического дня, и тогда «отдельное», на каком бы малом участке оно не разворачивалось, сложится в нашем уме в общую картину мира.
Н. Я. Мандельштам[418]

Прислушиваться к павшему листу,
и ждать знамений, и просить чудес.
Рахель[419]

Закончилась книга. Она начиналась одним единственным вопросом: а было ли в действительности то явление, которое описал лауреат Нобелевской премии, поэт Иосиф Бродский в своем стихотворении «Вид с холма»? По Бродскому, что-то из ряду вон выходящее произошло в 1892 г., что послужило новой вехой в поэзии, после чего все последующие поэты

[418] Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга» - М: Моск. Рабочий, 1990, с. 288.

[419] Перевод А. Тарна.

(включая его самого) казались ему уже чем-то «второсортным», всего лишь отголоском или откликом того события.

После того, как в первой части книги была предложена методика проверки этого предположения Бродского, его выводы не только были подтверждены, но и обогащены дополнительными наблюдениями. В частности, положительный ответ на вопрос Бродского привел к открытию связи между 493-летним циклом Нептуна-Плутона (названным «годом Феникса») и соответствующим ему цикличным развитием мировой поэзии. Оказалось, что отношение к поэзии, к ее темам и к ее значимости в жизни общества вовсе не постоянно, и оно меняется не только в зависимости от зрелости культуры и языка, но еще и от конкретного периода времени и от времени рождения поэтов (тета-фактора). Например, периоды, названные нами «часом Феникса» (когда угловое расстояние между Нептуном и Плутоном не превышает 10 градусов), характеризуются необычайной остротой общественных перемен, рождением многих великих поэтов и созданием множества новых поэтических направлений. В такие времена возникает ощущение ускорения времени. В противовес этим декадам, в истории периодично выделяются столетия застоя, когда за целый век в целом мире не найти ни одной новой поэтической формы и ни одного значительного поэта. В такие периоды кажется будто время замедляет свой бег.

Новые данные породили семь последующих вопросов, сформулированных в конце первой части книги. Поиску ответа на эти вопросы были посвящены все остальные главы этой книги. Напомним вкратце эти вопросы и подытожим ответы на них:

1. *Существуют ли дополнительные исторические свидетельства в пользу 500-летней (или кратной ей) периодичности?*

Такие свидетельства содержатся, например, в мифах о Фениксе, в библейских преданиях, в произведениях великих

поэтов и писателей, а также в работах многих историков. «Немного найдется мифов, столь распространенных, как миф о Фениксе»[420], – писал аргентинский прозаик, поэт и публицист Хорхе Луис Борхес (1986-1899) (III,2,0), сам родившийся в час Феникса. В своем «Бестиарии» Борхес подробно изложил исторический взгляд на историю этого мифа, начиная со времен древнего Египта, Древней Греции и Рима, и пришел к выводу, что Феникс – «это покровитель юбилеев или больших временных циклов». Древние историки и ученые (Манилий, Плиний, Тацит) верили, подобно Платону, что по прошествии огромного времени[421] мировая история циклически повторяется во всех подробностях, ибо повторяется влияние планет. Для них, по Борхесу, «Феникс становился как бы символом и образом вселенной»[422].

В дополнение к ранее упомянутым в тексте современным теориям о значимости больших (кратных 500 годам) исторических циклов Л. Н. Гумилева и Карла Ясперса, в заключение вспомним и такого выдающегося историка как Освальда Шпенглера (1880-1936) (III,1,7), полагавшего, что человеческая культура – это организм, который проходит четыре исторических стадии развития. Эти стадии длятся по 200-300 лет и соответствуют четырем фазам: зарождению (весна); расцвету (лето); старению (осень) и смерти (зима). По Шпенглеру, цикл каждой культуры укладывается в один и тот же временной интервал – 1000-летие.

2. *Отмечены ли были какими-либо особо яркими историческими событиями все остальные, известные нам часы Феникса?*

[420] Хорхе Луис Борхес, «Бестиарий», М. – Эксмо-пресс, 2000, с. 213-220.

[421] Например, огласно Тациту - 12 994 года.

[422] Хорхе Луис Борхес, «Бестиарий», М. – Эксмо-пресс, 2000, с. 215.

Как следует из Таблицы 13, эти периоды постоянно сопровождались падениями или сменами царств, династий и культур. В тех годах Феникса, о которых сохранилась письменная информация, к тому же наблюдались периоды повышенной активности в поэтическом творчестве.

3. *Прослеживается ли соответствие между этими историческими процессами и классическими взглядами астрологии?*

Последовательное применение астрологических интерпретаций аспектов и методов вычисления их активизации, позволяет выделить наиболее характерные черты творческого потенциала представителей разных поколений, лучше понять их мотивацию, мировоззрение и жизненные цели. В свете такого подхода, смена поколений и причины возможных конфликтов между отцами и детьми приобретают качественно иной смысл.

4. *С какого момента вести отсчет циклов – от времени рождения людей или от свершения тех или иных исторических событий?*

Коренным отличием этого исследования от всех прочих работ, изучающих исторические процессы, является то, что впервые история была последовательно изложена в годах рождения ее творцов.

Применение такого подхода оказалось очень эффективным при изучении поэзии Серебряного века в России и Золотого века в Римской империи; при анализе истории Афинской Академии Философии, истории идей Раннего Ренессанса, Эпохи Великих Географических Открытий, а также динамики развития авиации, кино и квантовой физики в современном мире.

Подчеркиваю, что тогда и только тогда, когда акцент был перенесен с абстрактных и безликих «экономических» или «социальных» сил на фактор времени рождения (тета-фактор) конкретных людей, вкладывавших душу в этот процесс,

стали возможны попытки выделения основных исторических фаз года Феникса. Только этот подход позволил предложить модель циферблата мировых часов Феникса и составления «периодических таблиц времени», в рамках которых начали проясняться механизмы формирования тех или иных общественных сил.

На протяжении всего текста я неоднократно обращалась к выводам Н. Я. Мандельштам – вдовы Осипа Мандельштама, родившейся в том же часу Феникса, что и поэты Серебряного века. Ее слова приведены и в эпиграфе к Заключению, чтобы на опыте того поколения мы могли научиться принимать личную ответственность за взнос нашей, пусть самой малой лепты в происходящее.

Последовательное рассмотрение истории в датах рождения ее творцов подтверждает идеи Н. Я. Мандельштам, выраженные в поэтической форме Пастернаком, полагавшим, что жизнь поэта проходила в «бореньи с самим собой». Такое восприятие личной ответственности вкупе с осознанием «карты времен» помогло бы научиться выбираться из «силков времени», в которых человечество в целом и конкретные люди в частности время от времени попадают.

К сожалению, в прошлых тысячелетиях человеческий век был так короток, что зачастую погрешность в определении дат приводила к сложности разделения времени рождения от времени свершения. Потому, несмотря на то, что идея рассмотрения истории в датах рождения ее героев дала хорошие результаты и оправдала себя, хотелось бы продолжить ее изучение и далее.

Вдобавок, сравнение дат рождения людей и дат свершения событий привело к дополнительному результату: было обнаружено много примеров синхроничности – совпадения года зарождения ключевых идей с годами рождения того поколения, которому суждено было провести эти идеи в жизнь.

5. *В дополнение к изучению 493-летних годов Феникса как целостных единиц времени, возникает вопрос, существуют ли закономерности динамики чередования астрологических фаз внутри каждого цикла?*

В третьей части книги были предложены несколько методов деления года Феникса на более короткие фазы, схема чередования которых повторяется в различных циклах.

Наиболее простой метод – это деление года Феникса на два равных промежутка времени, соответствующие двум годам Плутона, и названные «пифагорейской» и «эпикурейской» эрами. Сравнение пифагорейской и эпикурейской эр восьми последовательных годов Феникса, начиная с XV в. до н. э. и до XX века подтвердило цикличность смен повестки дня, связанных с этими периодами. Оказалось, что в пифагорейской эре превалируют в исторических процессах идеи оригинальности, а в эпикурейской – идеи просвещения. В культуре пифагорейской эры преобладают тенденции зарождения новых центров исследований, а в культуре эпикурейской эры – распространение знаний по всему свету.

Следующий метод деления года Феникса рассматривал историю как целостный организм, развивающийся по определенной схеме, подобной возрастным переменам в жизни человека, но претерпевающий циклические метаморфозы в узловых точках времени (в часы Феникса). Фазы этого цикла циклично чередуются в соответствии с цикличным чередованием мажорных аспектов Нептуна-Плутона. Напомним эту последовательность, начиная с фаз пифагорейской эры:

* Час Феникса – нулевая фаза, или зарождение идеи цикла.

* Первая фаза – пора младенчества и детства, «период свершений».

* Вторая фаза – фаза отрочества и юности. Подростковый кризис.

* Третья фаза – фаза возмужания.

Продолжают последовательность фазы эпикурейской эры:

* Четвертая фаза – «кризис середины жизни».

* Пятая фаза – период зрелости, «фаза золотого века просвещения».

* Шестая фаза – кризис наступления преклонного возраста.

* Седьмая фаза – на склоне дней.

Хотя продолжительность активизации аспектов Нептуна-Плутона и связанных с ними фаз уникальна для каждого цикла, порядок их чередования сохраняется во всех годах Феникса.

6. *Позволяют ли выявленные закономерности согласованного движения Нептуна-Плутона создать модель «мировых часов», пригодных для определения времени в истории цивилизаций?*

Постоянство чередования астрологических фаз внутри каждого года Феникса позволяют создать селестиальный циферблат «часов Феникса». Его эффективность была рассмотрена в четвертой и шестой частях книги, на примерах истории Древней Греции и Португалии. Как и во всех предыдущих вопросах, результаты обнадеживают. Реальные исторические личности и динамика общественного развития Древней Греции и Португалии гармонично укладывались в рамки предложенной модели часов Феникса.

По мере работы над книгой, у меня возникла потребность еще раз проверить правомерность основных идей часов Феникса. «Если все идеи нынешнего года Феникса, – думала я, – были заложены в его начале, то и идея нынешней книги о часах Феникса должна была бы быть высказана теми, кто родился в час Феникса. Так ли это?»

Конечно, ярким примером проявления этой идеи в поэзии Серебряного века стали стихи Хлебникова о космических часах человечества. Но мне казалось, что в них недоставало определенности.

Новая информация пришла ко мне к концу написания этой книги, когда я узнала о видениях, посещавших Паули во время его психоанализа, проведенного Юнгом. Как описывает профессор Пит, кульминацией работы Паули над своим подсознанием стала серия пророческих сновидений, в которых ему пришло видение «Мировых часов». Эти часы состояли из двух дисков, установленных под прямым углом друг к другу и вращавшихся вокруг общей оси. Хотя такое движение казалось Паули логичным во сне, он понимал, что в трехмерном пространстве физического мира оно является невозможным. Оставалось предположить, что эти траектории движения допустимы лишь в многомерных мирах.

Поразительно, насколько это видение Паули перекликается с тем видением селестиального циферблата часов Феникса, которое рождалось у меня по мере написания этой книги. Подчеркну, что в этой книге рассматривалась лишь один из множества возможных небесных циферблатов времени – а именно цикл Нептуна-Плутона, названный мною «часами Феникса». В этих часах Феникса траектория Нептуна служит одним из дисков часов, в плоскости которого на «циферблате эклиптики» движется «минутная стрелка», указывающая на сроки зарождения новых идей. В плоскости второго «диска» этих часов происходит движение Плутона – «часовой стрелки часов Феникса», указывающей на возможные сроки формирования новых структур мироздания. Как мы знаем, на самом деле, плоскости вращения Нептуна и Плутона наклонены друг к другу, и поэтому на самом деле, в космосе эти две «стрелки часов» никогда не встречаются. Но нам, жителям Земли, кажется («видится» или даже «снится»), что они пересекаются раз в 493 года. Так или иначе, при встрече этих стрелок, в положении «двенадцатого часа», (соединение Нептуна-Плутона) происходит полная смена повестки дня человечества и наступает час Феникса. В это время обитатели Земли открываются для новых идей

(Нептун), и в меру зрелости своих организационных механизмов (Плутон) претворяют их в жизнь по заранее заданной схеме развития.

Пусть эта схема непроста для понимания, и возможно, что она еще не раз будет претерпевать изменения, но она позволяет проследить за взаимосвязями духовного и материального миров, между «сознанием» и «материей».

Я убеждена, что всем нам, как физикам, так и лирикам, придется вскоре осознать, что время может оказаться не скаляром, а вектором. Что время бывает разным, и что в некоторых своих проявлениях оно «течет» неравномерно. Что у каждого периода времени есть своя окраска и свой оттенок. Что все мы, жители и гости Земли, можем научиться читать селестиальные часы и соблюдать и уважать космический распорядок дня.

7. *В соответствии с началом этой работы заключительный вопрос относится к месту поэта и поэзии в распорядке исторического дня культур и народов.*

Как показали многочисленные примеры, поколение, рожденное в час Феникса, становится свидетелем отмирания вековых традиций прошлого 493-летнего цикла и творцом кардинально новых идей и порядков, соответствующих новому году Феникса. В такие периоды, отличающиеся «особой интенсивностью» жизни, стремительные перемены отражаются, прежде всего, в поэзии, так как именно у поэтов «самая быстрая скорость реакции на перемены». Наверно, именно поэтому лауреат Нобелевской премии Габриэла Мистраль (III,2,0) напоминала нам всем о необходимости бережного отношения к поэтам и к поэзии: «Умирает песня мира,/ если мертв его Поэт»[423].

Последующее развитие и «спускание новых идей на Землю», а также их проникновение во все уровни матери-

[423] Перевод Н. Ванханен.

ального мира и во все слои человеческого общества происходит постепенно, на протяжении пяти последующих веков, в соответствии с относительным движением двух стрелок часов Феникса. По завершении очередного цикла, происходит «снятие показаний» и замер в реальном мире, показывающий, какая часть изначальных идей была реализована, и какие отклонения от идеала произошли при их реализации. Все, что оказалось негативным, отсекается, и при переходе к следующему году Феникса приходит новый тип человека, задачей которого является поднять человечество на новую ступень развития, начиная с той точки подъема, до которой удалось подняться предшественникам из прошлого цикла.

Исидор Эпштейн отмечал, что в библейской поэзии:

«…пророки становятся родоначальниками концепции, согласно которой в своем земном развитии история должна разрешиться в трансцендентную реальность, когда <…> земля наполнится ведением Б-га, как воды наполняют море» (Иеш., 11, 9)»[424].

До наступления Зодиакального цикла в Водном знаке Рака нам осталось ждать всего лишь 2000 лет. Пройдет еще два тысячелетия изучения человечеством законов логики этого мира, после чего мы вплотную подойдем к поиску «периодической таблицы» эмоций и чувств. В космических масштабах этот период составляет не более чем считанные секунды. Так может, постараемся их прожить так, как учили песнопевцы и пророки, и так, как мечтал о том Гете – с учетом опыта прошедших тысячелетий?

Я начинала эту книгу с обращения к читателям, а закончу ее короткой притчей, названной мною:

[424] Др. Исидор Эпштейн «Иудаизм», «Геулим», Иерусалим, 1979, с. 65.

Аллегория

Скользя по прозрачным нитям дождя, на Землю спускаются мелкие капельки влаги.

Они оседают на стекле окна, прилипая к нему и создавая мозаичный узор искрящихся радужных бисерных бусинок.

Постепенно глаза, скользящие бездумным взором по стеклу, привыкают к постоянной последовательности блужданий, порождающих в воображении причудливые образы.

Все тихо и спокойно в этом безветренном двумерном мире стекла, до тех пор, пока внезапно, без предупреждения, одна капелька срывается со своего места и начинает стремительный бег вниз.

И хотя сама капля мала, она, растекаясь по стеклу, порождает ручеек, течение которого захватывает и вбирает в себя все капли, встречающиеся на его пути. И вот уже этот ручей, набирая силу и становясь полноводным потоком, смывает иллюзорные картины, порожденные зачарованным воображением.

Одна капля превратилась в ручеек, вторая капля начала свой бег, третья капля породила ручеек. И вот уже нет капель, нет узоров на стекле, а есть только дождь, дождь, дождь…. И время застыло до новых перемен.

Благодарности:

Работа над этой книгой началась в 2008 году. Как отмечалось в первой главе, стимулом к ее началу послужили вопросы, возникшие у композитора Юрия Эдельштейна. По мере работы над темой было решено писать параллельно две версии книги – на иврите и на русском. Обе версии рукописи многократно читались и перечитывались целым рядом моих друзей, коллег и специалистов в различных областях, как научных, так и гуманитарных. Я от души благодарю всех, кто принимал участие в этом процессе осмысливания «Часов Феникса». Каждый из участников обсуждения обогащал рукопись дополнительными материалами из своих областей специализации, и благодаря этому в книге появлялись новые главы. Отдельные вопросы, возникшие при обсуждении рукописи, переросли за рамки «Часов Феникса» и привели меня к работе над теорией обобщенного времени. В 2012 году основы этой теории были опубликованы в брошюре «Пространство-время в высокоразвитых биологических системах»[*].

К тому же, часть вопросов, затронутых книгой, обсуждались на заседаниях Хайфского Дома Ученых (руководитель д-р Александр Бахмутский), на семинарах проф. Карла Шти-

[*] Левин Э. Пространство-время в высокоразвитых биологических системах. Jerusalem: Health & Healing Ltd., 2012. 64 с...// http://lizalevin.hut2.ru/Levinlr.pdf

вельмана в Кфар-Сабе, а также на лекциях общества Марс (руководитель Слава Марголис) и международного центра MUZA (организатор Янина Хайкина). Я благодарна всем устроителям и участникам этих встреч за плодотворную дискуссию, приведшую к созданию цикла статей*.

Хочу подчеркнуть, что появление этой книги стало возможным благодаря особой творческой среде, в которой она создавалась. Я обязана многим друзьям за моральную поддержку, которую они оказывали мне в период работы над книгой. Особенно хочу поблагодарить моих первых читателей, критиков, консультантов и редакторов (в алфавитном порядке): д-ра психиатрии Даниила Брандуса, д-ра биол. наук и издателя Даниэля Вигдоровича, профессора материаловедения Элазара Ю. Гутманаса, д-ра физ.-мат. наук и поэта Льва Гуревича, поэтессу и преподавателя философии Тель-Авивского университета Нурит Зархи, д-ра хим. наук Розу Кечер, астролога Римону Коэн, переводчика и филолога Петра Криксунова, профессора молекулярной биологи Михаила Липкинда, изобретателя и драматурга Александра Радовского и его супругу филолога и писателя Наталью Радовскую, специалиста по иудаизму и психоаналитика Иегудит Ример, д-ра мед. наук Наталью Рыкушину, музыковеда Зою Пирогову, д-ра хим. наук Элеонору Школьник, профессора филологии Михаила Эпштейна, филолога и редактора Марину Эскину и музыковеда и историка Павла Юхвидина.

Я также благодарна всем участникам и организаторам Википедии. Без их бескорыстной и кропотливой работы по сбору и публикации исторической и научной информации это исследование было бы просто немыслимым.

* С первой статьей из этого цикла, озаглавленной «Штрихи к истории естественнонаучной астрологии» (Вестник Дома Ученых Хайфы, т. XXIX, 2013), можно ознакомиться в Интернете:
http://lizalevin.hut2.ru/d6.htm

Особая благодарность издательству «Млечный путь» во главе с д-ром астрофизики Павлом Амнуэлем за готовность донести книгу до читателей.

Далее, я выражаю сердечную признательность моему мужу и детям. Все они принимали самое горячее участие в создании, обсуждении и оформлении книги. Без их лепты у меня бы никогда не получилось довести работу до конца.

В заключение я благодарю вас, дорогие читатели, за то, что вы сочли нужным и возможным уделить свое внимание затронутым в книге вопросам.

На прощание позвольте мне пожелать

Всего самого доброго!

Оглавление

От автора – Обращение к читателю: Метаморфозы времени и времена метаморфоз 5

Часть первая. А БЫЛО ЛИ ЯВЛЕНИЕ? ИЛИ «КАК СЧИТАЮТ ПОЭТОВ?» 9
1. Две великие четверки, «эпохи кризисов» и «сверканье звезды, лобзающей звезду» 10
2. Об определениях поэтов и поэзии 16
3. Немного статистики 21
4. Первые выборки и явление «поэзии Серебряного века» 24
5. Серебряный век и поэты лауреаты Нобелевской премии 31
6. Затмения и метаморфозы Жизни и Смерти в поэзии поэтов поколения соединения Нептуна-Плутона 35
7. Циклы, затмения и хронология, а также стихи и стихии 43
8. Поэты Серебряного века и их англоязычные сверстники 59
9. Немецкие поэты поколения соединения Нептуна-Плутона 69
10. Испанская, французская и итальянская поэзия 73
11. Поэты «небольших языков» и поэзия эсперанто 82
12. Связь времен, или как считают поэтов времен Древнего Рима? 92

Часть вторая. ОТ ВЕРГИЛИЯ ДО БРОДСКОГО. ЦИКЛЫ НЕПТУНА-ПЛУТОНА (ГОДЫ ФЕНИКСА) И ПЕРИОДИЧНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 101

1. Вещая птица Феникс и космический календарь 102
2. О зарождении астрономии 108
3. Астрономия циклов Нептуна-Плутона и «год Феникса» 120
4. Продолжительность периода активизации соединения Нептуна-Плутона или «час Феникса» 125
5. Неповторимость каждого года Феникса и специфика исторических и астрологических исследований 126
6. Значение соединения Нептуна-Плутона (часа Феникса) в астрологии 132
7. Исторический обзор годов Феникса от Сотворения мира до рождения Вергилия 146
8. Вторые Римские Империи – от Меровингов до наших дней 170

Часть третья. ЧАСЫ ФЕНИКСА 175
1. Взгляд внутрь года Феникса 176
2. Деление года Феникса на фазы 179
3. Час Феникса – нулевая фаза, зарождения идеи цикла 187
4. Первая фаза – пора младенчества и детства, «период свершений» 189
5. Вторая фаза – фаза отрочества и юности. Подростковый кризис 194
6. Третья фаза – фаза возмужания 197
7. Четвертая фаза - «кризис середины жизни» 200
8. Пятая фаза – период зрелости мастерства. Век просвещения 207
9. Шестая фаза – кризис наступления старости 210
10. Седьмая фаза – на склоне дней 213

Часть четвертая. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ – ОТ РОЖДЕНИЯ ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ ДО ЗАКАТА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО МИРА 219
1. Древняя Греция – Общий обзор 220
2. Динамика исторических процессов двух первых годов Феникса Древней Греции 229

3. Древняя Греция – знакомство с «осевым временем» 234
4. Дальнейшая динамика развития Древней Греции в период Осевого Времени 246
5. Философия Древней Греции и судьба Афинской школы 250

Часть пятая. ПИФАГОРЕЙСКИЕ И ЭПИКУРЕЙСКИЕ ЭРЫ НА ПРОТЯЖЕНИИ 3000 ЛЕТ 263
1. Пифагорейские и эпикурейские эры 264
2. 1540 -1071 гг. до н. э. Последний год Феникса в Овне. 269
3. 1071 - 578 гг до н. э. Первый год Феникса в Тельце (II,1) . 271
4. 578 - 84 гг. до н. э. Второй год Феникса (II,2) в Тельце. 275
5. 84 г. до н.э - 411 г. Третий год Феникса (II,3) в Тельце 278
6. 411 - 905 гг. Четвертый год Феникса (II,4) в Тельце 290
7. 905 - 1398 гг. Пятый год Феникса (II,5) в Тельце 300
8. 1398-1891гг. Первый год Феникса (III,1) в Близнецах 312
9. 1891- 2388 гг. Второй год Феникса (III,2) в Близнецах и характерные черты рожденных в час Феникса 318

Часть шестая. КАЛЕЙДОСКОП ЛИЦ И ИДЕЙ РАННЕГО РЕНЕССАНСА В ЧАС ФЕНИКСА (III,1,0) 323
1. Историческая роль предтеч 324
2. Развитие мировой культуры в первый час Феникса в Близнецах (III,1,0) 329
3. Португалия, королевский дом Авиз и первые капитаны Энрике Мореплавателя 332
4. Средняя Азия и обсерватория Улугбека 334
5. Флоренция и карты мира Паоло Тосканелли 336
6. Немецкий философ Николай Кузанский и зарождение науки 341
7. Италия, Испания и двор короля Альфонсо V Великодушного 342
8. Франция и первые поэты Ренессанса: Ален Шартье и Карл Орлеанский 344
9 . Северный Ренессанс и бургундский двор Филиппа Доброго 349

10. Шотландия, король Яков I и тема Поэта и Власти в час Феникса 351

Часть седьмая. СТРУКТУРА ГОДА ФЕНИКСА НА ПРИМЕРЕ ПОРТУГАЛИИ 361
1. Почему Португалия? 362
2. Предыстория - три древнейших периода португальцев 368
3. Возникновение Португалии 369
4. Португалия в Эпоху Великих Открытий 388
5. Немного историографии 394
6. Основные черты Энрике Мореплавателя в свете характерных особенностей, присущих часу Феникса 399
7. Продолжение истории Португалии – первый год Феникса в Близнецах 425

Часть восьмая. РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ И О БУДУЩЕМ 445
1. Калейдоскоп лиц и идей второго часа Феникса в Близнецах (III,2,0) 446
2. Авиация и авиаконструкторы 447
3. Развитие кино и телевидения и принцип синхроничности 449
4. Отношение к проблеме времени у родившихся в году Феникса (III,2) 454
5. Развитие естествознания в свете часов Феникса 458
6. Размышления о далеком будущем 469

Часть девятая. ЗАКЛЮЧЕНИЕ 475
Аллегория 486
Благодарности 487

Таблицы

Таблица 1 – Русские поэты 25
Таблица 2 – Поэты Серебряного века по периодам 28
Таблица 3 – Поэты Серебряного века по годам 29
Таблица 4 – Лауреаты Нобелевской премии 32
Таблица 5 – Англоязычные поэты 67
Таблица 6 – Русские футуристы и английские имажисты 68
Таблица 7 – Немецкие поэты 73
Таблица 8 – Итальянские, испанские и французские поэты 74
Таблица 9 – Поэты «небольших языков» 83
Таблица 10 – Характеристики знаков Зодиака 114
Таблица 11 – Характеристики планет 115
Таблица 12 – Мажорные аспекты 119
Таблица 13 – Циклы Нептуна-Плутона (Годы Феникса) 147
Таблица 14 – Паросский мрамор 223
Таблица 15 – Авиаконструкторы 448